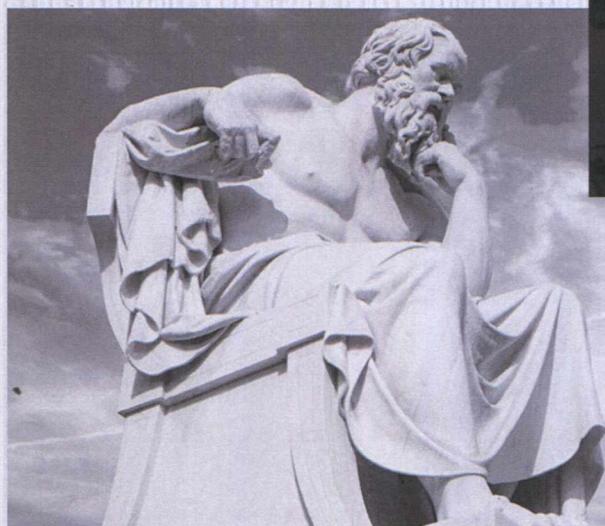

ISSN 2075-1613

Том 41

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

ВИТЕБСК
2025

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2025 • Том 41

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 30.12.2024.

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырёва (главный редактор),
Е.Я. Аршанский (зам. главного редактора),
А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, А.Г. Кохановский, Е.В. Крикливец,
А.С. Лаптёнок, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, И.В. Николаева,
С.В. Николаенко, О.М. Ростовская, Э.И. Рудковский,
В.П. Старжинский, С.П. Стренковский

Редакционный совет:

П.А. Водопьянов (Беларусь), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
Е.Ю. Муратова (Беларусь), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарёва (Россия)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

В54 **Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»** : сборник научных трудов / Витеб.
гос. ун-т; редкол.: В.В. Богатырёва (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова,
2025. – Т. 41. – 168 с.

УДК 378.4(476.5)(06)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

История

Крюковский В.Д. Высшая допризывная подготовка студентов в БССР (1924–1928 гг.)	7
Журавская О.С. Международное военное сотрудничество Республики Беларусь со странами Ближнего Востока и Азии: итоги 2024 года	13
Галубовіч В.У. Палітыка дзяржавы ў адносінах каралеўскіх эканомій на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў 1630–1640-я гады	18
Подберёзкин Ф.Д. О загадочном слове <i>ictus</i> из трактата <i>Artis Magnae Artilleriae Pars Prima</i> (1650) Казимира Семеновича	24
Рожкова С.Н. Культурное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е гг. (отечественная историография)	31
Тогалева Е.Д., Чевенков М.А. Становление и развитие учреждений высшего и среднего специального образования в Витебске в 1920-е годы	36
Бубенько Т.С. Результаты изучения селища Зароново в Витебском Подвинье в 2018–2024 гг.	42
Шубин А.В. Материалы по истории Литбела в Специальном архиве Литвы (<i>Lietuvos ypatingasis archyvas</i>)	49
Гребень Е.А. Повседневная жизнь горожан Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 гг. (по материалам оршанской городской администрации) ..	56

Философия

Далимаева Е.О., Коломийцева Ю.А., Рудко Е.А., Лисов А.Г., Рудковская Е.Э., Рудковский Э.И., Шрамук Е.П., Субботин А.А. Философия и высшие духовные ценности	62
Баньковская Ю.Л. Сетевая политическая культура информационного общества	71
Демидов А.Б. Философия – «математика» смысла	75
Табачков А.С. Философия и духовный мир человека	82
Уткевич В.А., Уткевич О.И. Роль философских моделей в интеграции социо-гуманитарного знания	87
Ростовская О.М., Рыбаков В.Е. Философское наследие профессора М.А. Слемнёва в актуальном социальном контексте	91
Голубев В.А. Уникальная масса как продукт неолиберальной политики западного общества	95
Квашук В.Н. Очерк истории кафедры философии и социальных наук	100
Давлятова Е.В. Риск как фактор развития современного общества	105

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гладкова А.А. Военная лирика Г. Шакулова как средство патриотического воспитания юношества	112
Шаршнёва В.М. Тэкстаўтваральная функцыя знакаў прыпынку ў аспекце прагматыкі беларускай мастацкай прозы	116
Крикливец Е.В., Аршанская Е.Е. Рецепции этических и эстетических моделей Джейн Остен в повести Валентины Осеевой «Динка»	121
Третьяк З.И. Нарративные стратегии в книге Софьи Федорченко «Народ на войне» (1917)	126
Радченко Т.А. Фэнтэзи в военной прозе (на примере романов А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе», И. Бояшова «Белый тигр»)	130
Вардомацкий Л.М. «Порядок школьный» 1586 года: некоторые языковые особенности документа в контексте истории восточнославянских языков	137
Крикливец Е.В., Палубец М.А. Интертекстуальность в романе М. Миллер «Цирцея»	142
Гречихо Т.А., Яковлев С.М. Феномен полифункциональности предлогов в курсе русского языка как иностранного	147
Климкович О.А. Договоры Великого Княжества Литовского и русских земель XV в. в аспекте сравнительно-сопоставительного лингвостилистического исследования	152
Денисенко Т.С. К вопросу о лингвистическом статусе словесных товарных знаков: апеллятив или имя собственное	157

CONTENTS

History

Krukovski V.D. Higher Pre-Conscription Training of Students in the BSSR (1924–1928)	7
Zhuravskaya O.S. International Military Cooperation of the Republic of Belarus with Countries of Middle East and Asia: Results of 2024	13
Halubovich V.U. State Policy towards Royal Estates in the Territory of the Grand Duchy of Lithuania in the 1630s–1640s	18
Podberezkin Ph.D. On the Mysterious Word of ictus in Casimir Siemienovicz's <i>Artis Magnae Artilleriae Pars Prima</i> (1650)	24
Rozhkova S.N. Cultural Cooperation between the USSR and Germany in the 1920s–1930s (Domestic Historiography)	31
Toguleva E.D., Chevenkov M.A. Formation and Development of Establishments of Higher and Secondary Special Education in Vitebsk in the 1920-s	36
Bubenko T.S. Results of the Study of the Settlement of Zaronovo in Vitebsk Dvina Region (Podvinye) in 2018–2024.....	42
Shubin A.V. Materials on the History of Lithbel in the Special Archive of Lithuania (Lietuvos Ypatingasis Archyvas)	49
Greben E.A. Everyday life of Citizens of Belarus During the German Occupation of 1941–1944 (Based on Materials from the Orsha City Administration)	56

Philosophy

Dalimayeva E.O., Kolomiytseva Yu.A., Rudko E.A., Lisov A.G., Rudkovskaya E.E., Rudkovski E.I., Shramuk E.P., Subbotin A.A. Philosophy and Higher Spiritual Values.....	62
Bankovskaya Yu.L. Network Political Culture of the Information Society.....	71
Demidov A.B. Philosophy as “Mathematics” of Sense	75
Tabachkov A.S. Philosophy and the Spiritual World of Man	82
Utkevich V.A., Utkevich O.I. The Role of Philosophical Models in the Integration of Social and Humanitarian Knowledge	87
Rostovskaya O.M., Rybakov V.E. Philosophical Heritage of Professor M.A. Slemnev in a Relevant Social Context	91
Golubev V.A. Unique Mass as a Product of Neoliberal Policy of Western Society	95
Kvashuk V.N. An Essay on the History of the Department of Philosophy and Social Sciences	100
Davliatova E.V. Risk as a Factor in the Development of Modern Society	105

CONTENTS

Philology

Gladkova A.A. G. Shakulov's Military Lyrics as a Means of Patriotic Education of Youth	112
Sharshniova V.M. Text-Formative Function of Punctuation in the Aspect of the Pragmatics of Belarusian Fiction Prose.....	116
Kriklivets E.V., Arshanskaya E.E. Reception of the Ethical and Aesthetic Models of Jane Austen in Valentina Oseeva's Story "Dinka"	121
Tretyak Z.I. Narrative Strategies in Sofia Fedorchenko's Book "People at War" (1917) ..	126
Radchenko T.A. Fantasy in Military Prose (Based on the Example of the Novels by A. Matvienko "Demon Against the Luftwaffe" and I. Boyashov "White Tiger")	130
Vardomatsky L.M. "School Order" of 1586: Some Linguistic Features of the Document in the Context of the History of East Slavic Languages	137
Kriklivets E.V., Palubets M.A. Intertextuality in M. Miller's novel "Circe"	142
Grechikho T.A., Yakovlev S.M. The Phenomenon of Polyfunctionality of Prepositions in the Course of Russian as a Foreign Language	147
Klimkovich O.A. Agreements between Great Duchy of Lithuania and Russian Lands in the 15th Century in the Aspect of the Comparative Linguistic and Stylistic Research	152
Denisenko T.S. On the Linguistic Status of Verbal Trademarks: Appellative or Proper Name.....	157

ИСТОРИЯ

ВЫСШАЯ ДОПРИЗЫВНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ в БССР (1924–1928 гг.)

Крюковский В.Д.

Учреждение образования «Белорусский государственный
аграрный технический университет», Минск

Белорусские историки изучили многие аспекты деятельности государственных органов по оборонно-массовой работе с подрастающим поколением. Однако проблема военной выучки студентов остается малоисследованной.

Цель статьи – проанализировать роль партийных, государственных органов, штаба Западного военного округа, руководства военкоматов, войсковых частей, учреждений образования в постановке высшей допризывной подготовки слушателей, обобщить накопленный опыт, вскрыть проблемы, мешавшие в работе.

Материал и методы. *Автором использованы документы ЦК КП(б)Б, окружных парткомов, президиумов советов, военных комиссариатов. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.*

Результаты и их обсуждение. *В публикации раскрывается работа государственных органов, военных комиссариатов, красноармейских частей, правления, кафедры высшей допризывной подготовки, ячейки Осоавиахима академии сельского хозяйства по военной выучке студенчества, отображается накопленный опыт. Анализируются обстоятельства, препятствовавшие обучению, связанные со слабой технической базой, нехваткой денежных средств, бездейственностью руководства некоторых средних образовательных заведений в налаживании высшей допризывной подготовки молодежи, недостаточной квалификацией ряда военруков.*

Заключение. *Несмотря на имеющиеся сложности, военное обучение учащихся и студентов осуществлялось результативно и достигало намеченных целей.*

Ключевые слова: *учебные заведения, техническая база, высшая допризывная подготовка, преподаватели, командиры, политруки, студенты.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 7–12)

Higher Pre-Conscription Training of Students in the BSSR (1924–1928)

Krukovski V.D.

Education Establishment “Belarusian State Agrarian Technical University”, Minsk

Belarusian historians have studied many aspects of the activities of state bodies in defense-mass work with the younger generation. However, the problem of military training of students remains little studied.

The purpose of the article is to study the role of party and state bodies, the Headquarters of the Western Military District, the leadership of military registration and enlistment offices, military units, educational institutions in the organization of higher pre-conscription training of students, to summarize the accumulated experience, and to reveal the problems that hindered the work.

Material and methods. *The author used documents of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus, district party committees, and military commissariats. The research methodology is based on the principles of objectivity and historicism.*

Findings and their discussion. *The publication reveals the work of government agencies, military commissariats, Red Army units, the Board, the department of higher pre-conscription training, the cell of the Osoaviakhim of the Academy of Agriculture for military training of students, and displays the accumulated experience. The circumstances that hindered training due to a weak technical base, lack of funds, inaction of the leadership of some secondary educational institutions in establishing higher pre-conscription training of young people, and insufficient qualifications of a number of military instructors are analyzed.*

Conclusion. *Despite the existing difficulties, military training of pupils and students was carried out effectively and achieved the intended goals.*

Key words: *education establishment, technical base, higher pre-conscription training, teachers, commanders, political instructors, students.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 7–12)

Деятельность партийных, государственных органов по патриотическому воспитанию, оборонно-массовой работе с юношеством привлекала к себе внимание многих историков. Большое научное и практическое значение представляют труды П.Г. Чигринова [1; 2]. В монографии и диссертации анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, деятельность партийных организаций по формированию идейной готовности трудящихся к защите Отечества, политическое руководство спортивной и оборонно-массовой работой, формы и методы воспитательной практики с населением, упрочение единства армии и народа. Но вопросы высшей допризывной подготовки студенческой молодежи в работах ограничиваются некоторыми аналогиями.

Практика работы политических, общественных организаций по физическому и военно-патриотическому воспитанию молодежи освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Представляют интерес исследования Е.В. Пикульского и В.Ф. Кушнера [3; 4]. Они выполнены на основе большого фактического материала. Авторы раскрывают роль партийных, комсомольских организаций в патриотическом воспитании юношей и девушек, шефские связи трудовых коллективов с частями Красной армии. Однако проблемы допризывной выучки учащейся молодежи представлены в диссертациях отдельными примерами.

В обзоре ректора Белорусской академии сельского хозяйства имени Октябрьской революции, профессора Н.Т. Козырева демонстрируются действия правления, кафедры высшей допризывной военной подготовки по созданию технической базы, боевому обучению студентов в 1926–1928 гг. [5]. В юбилейном сборнике Белорусской государственной академии сельского хозяйства к десятой годовщине Октябрьской революции освещаются формы и методы оборонно-массовой работы со слушателями в 1920-е годы [6].

Некоторые направления деятельности правления, общественных организаций Белорусского государственного ветеринарного института имени Октябрьской революции по постановке военного обучения студенчества в 1924–1927 годы анализируются в книге ректора, профессора Е.Ф. Алонова [7]. В труде М.К. Дятлова освещается история становления Витебской академии ветеринарной медицины, описываются шаги правления, партийной, комсомольской ячеек, общественных организаций по налаживанию воспитательной, спортивной, военно-патриотической работы с молодежью в 1920–1930-е годы [8].

Индивидуальные аспекты оборонно-массовой работы с молодежью раскрываются в многочисленных публикациях белорусских обществоведов.

На основе анализа научных работ и множественной литературы можно установить, что проблема военной выучки слушателей высших, средних специальных учебных заведений в 1924–1928 годы изучена недостаточно.

Цель статьи – исследовать в масштабах республики действенность работы партийных, государственных органов, штаба Западного военного округа, командования войсковых соединений, частей, руководства военкоматов, учреждений образования в проведении высшей допризывной подготовки учащихся и студентов, обобщить накопленный опыт, приемлемый для использования на современном этапе, вскрыть проблемы, мешавшие осуществляемой деятельности.

Материал и методы. Источниковой базой публикации явились фонды Национального архива Республики Беларусь, государственного архива Витебской области, журнальные, газетные материалы. Изучены документы ЦК КП(б)Б, окружных парткомов, президиумов советов, военных комиссариатов. Это позволило получить сведения о практике работы партийных, советских органов, красноармейских частей, военкоматов, общественных организаций по военному обучению студенчества. Практически все материалы впервые вводятся в научный оборот. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Создание СССР, укрупнение Советской Белоруссии за счет восточных территорий сформировали благоприятные условия для улучшения жизни белорусского народа, укрепления обороноспособности страны. Опасность начала новой большой войны, необходимость поддержания боеспособной армии в условиях ее кардинального сокращения и уменьшения бюджетного финансирования на оборону страны побудили партийное и советское руководство СССР осуществить военную реформу 1924–1925 годов, обеспечить шаги повышения привлекательности воинской службы среди молодежи.

Закономерно, в постановлениях XIII ВКБ(б), VIII КП(б)Б, VI РЛКСМ, VII ЛКСМБ съездов партии и комсомола, состоявшихся с мая по июль 1924 года, определена задача улучшить качество военного обучения подрастающего поколения. В соответствии с решениями политического руководства налаживание боевой подготовки молодежи поручалось союзным, республиканским, окружным, районным партийным, советским органам, военным округам, военкоматам, территориальным, линейным войсковым соединениям и частям, общественным организациям, оборонным патриотическим обществам.

Выучка большого количества резерва личного состава РККА за счет допризывной, призывной, вневойсковой подготовки молодых людей, подтягивание красноармейцев, находящихся в долгосрочном отпуске, военнослужащих запаса вскрыли перед руководством страны проблему нехватки низших командных чинов. Имевшиеся военные учебные заведения рассчитывались лишь для обеспечения повседневной потребности войск. Необходим был способ подготовки достаточного количества квалифицированного младшего, среднего начсостава территориальных частей

и запаса без больших расходов на их обучение. Такой вариант был найден.

С наступлением 19-летнего возраста студенты вузов и учащиеся средних специальных образовательных заведений по приказу Главкома РККА № 28-1923 г. проходили допризывную подготовку в пунктах обучения отдельными группами согласно типовой 420-часовой (210 часов в год) программе. После прохождения допризывной подготовки лица, окончившие гражданские институты, рабфаки, техникумы, школы второй ступени, ежегодно осенью направлялись в части РККА вместе с очередным пополнением. Срок действительной военной службы для данной категории молодежи устанавливался в один год и исчислялся с 1 октября года призыва. Успешное освоение курса высшей допризывной военной подготовки приравнивалось к окончанию войсковой школы определенного рода войск, где готовили младший комсостав. Выпускники вузов и ссузов по прибытии в армию, как правило, назначались на соответствующие должностные категории [9, с. 1].

В соответствии с приказом РВС СССР № 1274-1924 г. по истечении годичного срока службы лица, окончившие гражданские высшие и средние специальные учебные заведения, должны были выдержать экзамен по военным предметам (сокращенный вариант) для среднего начсостава. Для этой цели они командировались в ближайшие командные школы рода войск, в котором они состояли. Для проведения испытания приказами войскам Западного военного округа (ЗВО) образовывались специальные комиссии в школах командного состава, а также при штабах корпусов и полков. Выдержавшие экзамен, освобождались от срочной службы в постоянных войсках и зачислялись в переменный средний начсостав территориальных частей, где они служили на общих основаниях в качестве командиров взводов и рот [10, с. 2].

01.09.1924 на заседании бюро ЦК КП(б)Б рассмотрен вопрос «О проведении военной подготовки допризывников в 1924–1925 гг.». С докладом выступил кандидат в члены ЦК КП(б)Б, заместитель уполномоченного РВС СССР при СНК и военного комиссара Белоруссии А.В. Дубина. По итогам обсуждения Совнаркому ССРБ предлагалось включить в местные бюджеты необходимые денежные суммы для выучки молодежи, обязать местные органы власти дооборудовать сеть учебных точек по согласованию с планами военного ведомства, выделив для этой цели земельные участки, здания, помещения, а также необходимое количество лесоматериалов для обустройства спортивных городков. Большое внимание обращалось на усиление влияния ЦК ЛКСМБ среди допризывников. Намеченные меры были включены в общий план ЦК КП(б)Б [11, л. 650].

Успешно решались вопросы высшей допризывной военной подготовки (ВДВП) студенческой молодежи в Оршанском округе. 1 ноября 1924 года состоялось расширенное заседание агитационно-пропагандист-

ского отдела окружного комитета партии. На встречу приглашались руководство профсоюзов, ОК ЛКСМБ, военкомата, красноармейских частей, совета физической культуры, Горецких сельскохозяйственного института, рабфака, Оршанского городского рабочего факультета для обсуждения проблем военного обучения учащихся и студентов.

Налаживание, координация системы высшей допризывной подготовки возлагались на руководителя окружного военного комиссариата (ОВК), коменданта гарнизона Кезика, ОК ЛКСМБ, войсковые части, советы физкультуры. Предусматривались меры подготовки инструкторов на краткосрочных сборах в войсковых частях, окружном военкомате, политруков на 15-дневных курсах-съездах при ОК, РК КП(б)Б и ЛКСМБ. Участники встречи решили, что студенты должны изучать военное дело по отдельной программе, занятия со слушателями будут проводиться с 7 до 11 часов утра в Оршанском и Горецком сборных пунктах [12, л. 12а, 26, 136–142, 267].

Эффективно в округе прошел очередной сбор допризывников 1903 – первой половины 1904 г.р. по первой части (210 ч.) 420-часовой учебной программы. Военную подготовку проходили все студенты указанного возраста. Молодые люди, имевшие проблемы со здоровьем, обучались по упрощенной программе. Девушки занимались военным делом по желанию, но в обязательном порядке изучали основы медицинских и военно-химических знаний. Выучка слушателей сельскохозяйственного института, Оршанского и Горецкого рабфаков проходила с 15.12.1924 по 01.05.1925 (три очереди) в Оршанском и Горецком сборных пунктах.

В отчетах ОВК отсутствуют сведения о выучке учащейся молодежи, что затрудняет воссоздание их численности и общей картины обучения. Но обладая точными сведениями количества допризывников, студентов института, учащихся рабфаков, проценте освобожденных по состоянию здоровья и другим причинам, можно приблизительно подсчитать число слушателей, освоивших программу учебного сбора. Так, из 2983 человек, прошедших выучку в масштабах округа, ориентировочно 150 составляли учащиеся Оршанского, менее 100 Горецкого рабфаков, около 300 – студенты сельхозинститута [5, с. 7–8; 6, с. 6; 13, л. 422, 422об.].

Успешно проходило военное обучение молодежи в Белорусской государственной академии сельского хозяйства (БГАСХ) имени Октябрьской революции. В октябре 1925 года прошло заседание правления академии под председательством ректора, профессора Н.Т. Козырева. На встрече присутствовали представители четвертого отдела штаба Западного военного округа (ЗВО), территориального управления 4-го пехотного корпуса, местных партийных, советских органов, комсомола, милиции, спортивного совета, патриотических обществ. Учитывая большую загруженность парней и девушек академической

работой, на заседании решено проводить часть военных уроков с молодежью на территории вуза.

Приказом ЗВО ответственность за проведение высшей допризывной подготовки в академии сельского хозяйства и на Горецком рабфаке была возложена на 192-й полк 64-й территориальной дивизии. Приказом командования части утвержден план высшей допризывной подготовки, один из ротных, несколько взводных и отделенных командиров третьего батальона в соответствие с графиком направлялись в Горки для обучения студентов. Занятия проводились в районном сборном пункте и на вузовской базе. Часть инструкторов привлекалось из комсостава запаса, политруки выделялись РК КП(б)Б и ЛКСМБ из партийного и комсомольского актива [14, л. 114, 114об.].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 20.08.1926 определялся порядок прохождения боевой учебы со слушателями институтов, техникумов, школ второй ступени. В учебных заведениях вводились должности военных руководителей (ВР), организовывались кафедры высшей допризывной подготовки, в вузовскую учебную программу включались военные занятия в объеме 180 часов на изучение теории, предусматривалась летняя двухмесячная практика в войсках [15, л. 70].

Высшая допризывная подготовка в БГАСХ введена с октября 1926 года. Военным руководителем академии по представлению 4-го отдела штаба ЗВО приказом РВС СССР назначен старший командир запаса Михаил Иванович Немченков. Перед началом занятий открылась кафедра Высшей допризывной военной подготовки (ВДВП). Штат учебной единицы включал руководителя (заведующий кафедрой) М.И. Немченкова, преподавателей армейских дисциплин Бориса Владимировича Гульденбалка, Ивана Андреевича Новикова и заведующего военным кабинетом Валентина Владимировича Самохвалова [16, с. 89].

Подлежали выучке 1223 мужчины и 168 женщин. Запланированный образовательный курс первого года ВДВП освоен в полном объеме. Лекции, практические занятия, зачеты проводились без срывов и переносов, оплата труда педагогов осуществлялась за счет остатков от соответствующих кредитов. Военный кабинет и летний стрелковый тир оборудованы в соответствии с требованиями управления военно-учебных заведений ГУ РККА. Методические пособия, учебники приобретены в количестве 10–20 процентов от общего количества занимающихся из расчета стопроцентного обеспечения каждой учебной подгруппы в 50 человек. Учет молодежи, проходящей ВДВП, налажен хорошо.

Учитывая значительную численность групп военной выучки (до 90 человек), преподавание главным образом проходило в форме лекций. Если явка на занятия в осенние месяцы протекала неустойчиво, то посещаемость во втором триместре доведена до 75 процентов. Для лучшего усвоения материала практиковалась увязка военных знаний со смежными предметами. Профессорско-преподавательский состав кафедр

общественно-правовых дисциплин, аналитической, агрономической и органической химии, сельскохозяйственного машиноведения, производственной механики приглашались на уроки ВДВП для чтения лекций, докладов, проведения бесед, имеющих прикладное значение для подготовки младших командиров РККА.

Для изучения военной техники, инженерной, топографической подготовки использовались кабинеты кафедр гидравлики, машиноведения сельского хозяйства, механики производственной и теоретической, двигателей, геодезии, топографического рисования. Часть занятий проходили в химических лабораториях. Широко эксплуатировалась материально-техническая база Горецкого пункта обучения, физкультурных и патриотических организаций.

В 1927/1928 учебном году военная кафедра решала очередные задачи: добиться стопроцентной посещаемости занятий, сокращение численности групп до 40–50 человек, перестройка методики преподавания, дальнейшая увязка боевой учебы с общественными науками и техническими дисциплинами, организация научно-исследовательской работы. Боевую подготовку осваивали 1417 парней и девушек. Важное внимание придавалось управляемой самостоятельной работе студентов. В вечерние и воскресные часы молодежь по заданиям педагогов изучали теорию военного искусства, упражнялись в выполнении строевых, тактических, стрелковых приемов. Результаты индивидуальной работы закреплялись в ходе практических занятий [6, с. 3; 16, с. 90].

В летний период обучения часть студентов второго и третьего курсов проходили учебную практику младшими командирами в войсках: 192-м пехотном полку 64-й стрелковой дивизии, кавалерийском эскадроне (Орша) 27-й Омской пехотной дивизии имени Итальянского пролетариата, других войсковых частях. Практиковался выезд групп слушателей в войсковой лагерь «Советская Белоруссия» (станция Дретунь, Полоцкий район). Остальные студенты второго, третьего годов обучения, выпускной курс выполняли трехнедельные выходы в поле при БГАСХ.

Как отмечал ректор, профессор Н.Т. Козырев, «несмотря на имеющиеся сложности, кафедра ВДВП в 1926–1928 годы полностью сформировалась, усилилась и имеет в дальнейшем хорошие перспективы для развития» [5, с. 12, 16, 17].

Успешно действовала ячейка Осоавиахима (ОАХ), основанная в 1924 году (руководитель П.И. Жук). В ее деятельности просматривалось два главных направления: первое – оказание помощи кафедре ВДВП, военному столу Горецкого районного исполкома, войсковым частям, подразделениям в налаживании боевой выучки студентов, второе – организация оборонно-массовой работы, военно-патриотического, физического воспитания юношей и девушек.

Приоритетное внимание уделялось подготовке меткого стрелка. Члены первичной организации ОАХ в 1925–1926 годах активно участвовали в оборудова-

нии тира, в котором затем регулярно проводились соревнования между факультетами, командами БГАСХ, войсковых частей и трудовых коллективов Оршанского округа. Только в летний период 1927 года проведено три таких состязания. Советом оборонной организации академии была широко развернута кампания по сбору средств на строительство самолетов «имени Войкова» и «наш ответ Чемберлену», всего собрано 860 рублей. По итогам республиканского конкурса на лучшую постановку оборонно-массовой работы ячейка ОАХ БГАСХ вошла в число призеров.

По инициативе совета ОАХ академии студентами созданы в трудовых коллективах Горецкого района 34 аналогичные ячейки, каждой из них на регулярной основе оказывалась помощь в налаживании оборонной работы. В 1927 году на учебно-экспериментальных полях БГАСХ активистами патриотической организации собрано, очищено, просушено, передано в хранилище 620 пудов зерна, заложено 10 показательных участков с внесением минеральных удобрений.

В 1927 году ячейка ОАХ БГАСХ насчитывала 900 членов. При организации действовали стрелковый, химический, санитарный, военно-инженерный, сельскохозяйственный, исследовательский кружки, на базе которых был сформирован территориальный пехотный батальон в количестве более 600 человек и химическая команда свыше 100 юношей и девушек. Батальон и химкоманда академии систематически привлекались штабом Белорусского военного округа для участия в тактических маневрах войсковых частей [6, с. 32].

Эффективно, как показало исследование, проходила военная учеба слушателей в БГУ, Белорусском государственном ветеринарном институте, Витебском кооперативном, политехническом, педагогическом, Минском архитектурно-дорожно-строительном, медицинском, Гомельском железнодорожного транспорта, Полоцком лесного хозяйства техникумах, на Горецком, Оршанском рабочих факультетах [7, с. 50, 51, 53; 17, л. 66].

На качество подготовки младших командиров территориальных частей и запаса негативное воздействие оказывало слабое техническое оснащение пунктов и мест обучения молодежи.

Финансирование ВДВП слушателей осуществлялось наркомпросом, окружными, районными исполкомами советов, военными комиссариатами, патриотическими и спортивными организациями. Часть средств изыскивали правления вузов, советы техникумов, руководство школ второй ступени за счет сбережения выделяемых государственных ресурсов для строительства учебных корпусов, другой базы образовательного процесса. Так обстояли дела во всех высших, ряде средних специальных учебных заведений республики.

В большинстве случаев, как свидетельствуют архивные и другие материалы, образовательный комплекс ВДВП был представлен убого, в виде обычных земельных участков для строевых упражнений, не оборудованных классов военных занятий, отдельных

гимнастических лестниц, параллельных брусьев, одного-двух турников, иногда деревянного коня. В схожем виде находилась учебная база Буда-Кошелевского, Жорновского лесных, Воронежского животноводства и молочного хозяйства, Витебского еврейского, Могилевского Белорусского педагогических техникумов, Лужеснянской сельскохозяйственной школы крестьянской молодежи [18, л. 155; 19, л. 25; 20, с. 205].

Негативно влияло на постановку учебного процесса скудное финансирование комиссариатом просвещения оплаты труда преподавателей армейских дисциплин. Это вынуждало руководство заведений образования увеличивать численный состав студентов в группах ВДВП. Так, в Белорусской государственной академии сельского хозяйства, Белорусском государственном ветеринарном институте количество обучающихся в группах допризывной подготовки достигало 75–90 человек, что, конечно, не способствовало качественному усвоению военных знаний. Чрезмерное наращивание численности групп военной выучки имели место во всех средних специальных учебных заведениях БССР [7, с. 52].

Сложность в налаживании системы военной учебы студенчества определялась новизной решаемых задач, отсутствием опыта организации такой деятельности. Как результат, руководство ряда техникумов, школ второй ступени проявляли медлительность, чрезмерную осторожность при налаживании военно-спортивной выучки слушателей, при этом свою бездеятельность объясняли отсутствием подробных указаний со стороны союзного и республиканского руководства в организации военной выучки студенчества на местах. Такая практика наблюдалась в Витебском художественном, Гомельском Белорусском педагогическом, Минском музыкальном техникумах, Краснобережской школе сельскохозяйственного ученичества [16, с. 68].

Остро стояла проблема с нехваткой квалифицированных кадров боевой выучки слушателей. Во всех высших учреждениях образования республики на должностях ВР трудились лучшие представители старшего комсостава запаса. Для техникумов, школ второй ступени опытных кадров военруков не хватало. Руководителями боевой подготовки обычно здесь назначались командиры взводов или политруки рот территориальных частей, причем за ними закреплялись несколько организаций, многие военные руководители временно прикомандировывались к учебным заведениям. Теоретические знания, организаторские способности, методические компетенции данных специалистов зачастую не соответствовали компетенциям, предъявляемым для военно-педагогических кадров. Подобная ситуация была характерна для Борисовского педагогического, Марьиногорского садово-огородного техникумов, Белицкой сельскохозяйственной школы совхозовских рабочих [21, л. 8; 18, л. 120].

Заключение. В 1924–1928 годы в БССР сложились основы системы высшей допризывной подготовки

учащихся и студентов. Организацией работы, подбором военных педагогов, созданием технической базы обучения занимались партийные комитеты, исполкомы советов, военкоматы, правления, советы учреждений образования, военные руководители. Занятия с молодежью проводили командиры, политработники войсковых частей, инструкторский состав запаса, политуристы ОК, РК КП(б)Б и ЛКСМБ.

Студенты получали компетенции младших командиров во время лекционных, практических занятий и в период войсковой практики. Юноши и девушки углубляли приобретаемые знания в оборонных и спортивных кружках. Во всех вузах, ряде техникумов, рабфаков, школ второй ступени военная выучка слушателей проходила на высоком уровне. Накопленный опыт требует анализа и, думается, возможен к использованию в патриотической работе со студенческой молодежью на современном этапе.

На результативность работы отрицательно влияли проблемы материального, финансового обеспечения обучения, нерешительность в налаживании ВДВП юношей и девушек со стороны руководства ряда средних учреждений образования, низкая квалификации ряда военных руководителей. Численность студенческих групп из-за бюджетных ограничений чрезмерно увеличивалась в объеме, что отрицательно сказывалось на усвоении знаний.

Исследование показало, что во всех высших, большинстве средних специальных образовательных учреждениях республики, несмотря на существовавшие отрицательные факторы, удалось обеспечить высокую результативность высшей допризывной выучки слушателей, что обеспечило хорошую подготовку достаточного числа резерва младшего, среднего командного состава для Вооруженных Сил страны.

Литература

1. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.
2. Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / Чигринов Петр Гаврилович; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
3. Пиульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Пиульский Евгений Владимирович; М-во высш. и сред. спец. образования БССР. – Минск, 1975. – 26 с.
4. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Кушнер Василий Федорович; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
5. Козырев, Н.Т. Обзор деятельности академии / Н.Т. Козырев // Записки Белорусской государственной академии сельского хозяйства им. Октябрьской революции. – Горки, 1928. – Т. 6. – С. 1–24.
6. Зборнік прысвечаны дзесяцігодзьню Кастрычнікавае рэвалюцыі: зб. арт. / Беларус. дзярж. акад. сел. гаспадаркі; рэдкал.: М.Ц. Козыраў (гал. рэд.) [і інш.]. – Горкі: БДАСГ, 1927. – 32 с.
7. Алонаў, Я.П. Да гісторыі Беларускага дзяржаўнага вэтэрынарнага інстытуту імя Кастрычнікавае рэвалюцыі (1924–1927 гг.) / Я.П. Алонаў. – Віцебск: Беларус. дзярж. вет. ін-т, 1928. – 79 с.
8. Дятлов, М.К. Материалы и документы по истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины: прикосновение к истокам. Репрессированные сотрудники и студенты / М.К. Дятлов. – Минск: ИВЦ Минфина, 2020. – 368 с.
9. Военная служба для окончивших ВУЗы // Звезда. – 1924. – 5 окт. – С. 1.
10. Ответ строевого отдела Управления ЗВО // Красноармейская правда. – 1925. – 16 окт. – С. 2.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1277.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1791.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1278.
14. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 76.
15. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 23.
16. Записки Белорусской государственной академии сельского хозяйства им. Октябрьской революции. – Горки, 1928. – Т. 6. – 254 с.
17. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 46а.
18. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 61.
19. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 71.
20. Записки Белорусского государственного института сельского хозяйства в память Октябрьской революции. – Минск: [б. и.], 1923–1924. – Вып. 1. – 274 с.
21. ГАВт. – Ф. 1611. Оп. 1. Д. 79.

Поступила в редакцию 24.01.2025

Международное военное сотрудничество Республики Беларусь со странами Ближнего Востока и Азии: итоги 2024 года

Журавская О.С.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается международное военное сотрудничество между Республикой Беларусь и различными государствами мира в 2024 г., автор выделяет страны в регионах Ближнего Востока, Азии. Актуальность темы обусловлена растущей значимостью военного и военно-технического сотрудничества на международной арене в контексте роста напряженности и реформирования системы международных отношений, а также принятием Республикой Беларусь новых документов в сфере безопасности: Концепции национальной безопасности и Военной доктрины в апреле 2024 г.

Цель данной публикации – определение ключевых направлений и механизмов сотрудничества Беларуси со странами различных регионов в военной сфере и выявление перспектив для дальнейшего развития двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Материал и методы. Основными источниками являются материалы с сайта Министерства обороны Республики Беларусь, посольств Республики Беларусь в изучаемых государствах, публикации периодической печати, а также статьи белорусских исследователей, в основном преподавателей кафедры международных отношений БГУ. При подготовке статьи были использованы основные принципы научного исследования (историзм, объективность и системность), а также исторические методы (историко-системный, историко-типологический, историко-генетический).

Результаты и их обсуждение. Автор анализирует ключевые направления взаимодействия, включая проведение совместных мероприятий на двусторонней основе с Вьетнамом. Особое внимание уделяется сотрудничеству с государствами Ближнего Востока, такими как Сирия, ОАЭ, Катар, Египет. Кроме того, в работе рассматриваются основные аспекты сотрудничества в сфере военного образования, военной медицины, военной науки, включая обмен опытом и подготовку квалифицированных кадров.

Заключение. В результате исследования выявлены перспективы и вызовы, стоящие перед Республикой Беларусь и обозначенными странами, а также определены возможные пути дальнейшего развития стратегического партнерства.

Ключевые слова: Республика Беларусь, ОАЭ, Катар, Сирия, Египет, Вьетнам, военно-техническое сотрудничество, военное образование, военные учения.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 13–17)

International Military Cooperation of the Republic of Belarus with Countries of Middle East and Asia: Results of 2024

Zhuravskaya O.S.

Belarusian State University, Minsk

The article examines international military cooperation between the Republic of Belarus and various countries of the world in 2024; the author identifies countries in the regions of the Middle East and Asia. The relevance of the topic is due to the growing importance of military and military-technical cooperation in the international arena in the context of rising tensions and reformatting the system of international relations, as well as the adoption by the Republic of Belarus of new documents in the field of security: the National Security Concept and Military Doctrine in April 2024.

The purpose of the article is to identify key areas and mechanisms of cooperation between Belarus and countries of various regions in the military sphere and to identify prospects for further development of bilateral and multilateral cooperation.

Material and methods. The main sources are materials from the website of the Ministry of Defense of the Republic of Belarus, Embassies of the Republic of Belarus in the studied countries, periodical publications, as well as articles by Belarusian researchers, mainly teachers of the Department of International Relations of Belarusian State University. Basic principles of scientific research (historicism, objectivity and consistency), as well as historical methods (historical-systemic, historical-typological, historical-genetic) were used.

Findings and their discussion. The author analyzes the key areas of cooperation, including holding joint events on a bilateral basis with Vietnam. Special attention is paid to cooperation with the states of the Middle East such as Syria, the United Arab Emirates,

Qatar, Egypt. In addition, the paper examines the main aspects of cooperation in the field of military education, military medicine, and military science, including the exchange of experience and the training of qualified personnel.

Conclusion. *As a result of the research, the prospects and challenges facing the Republic of Belarus and the designated countries have been identified, as well as possible ways to further develop the strategic partnership.*

Key words: *the Republic of Belarus, the UAE, Qatar, Syria, Egypt, Vietnam, military-technical cooperation, military education, military exercises.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 13–17)

В 2020-е гг. усилилась напряженность в регионе Восточной Европы: страны НАТО увеличили военное присутствие у границ с Беларусью и Россией, появились новые элементы военной инфраструктуры, США и Российская Федерация не пришли к подписанию Договора о гарантиях безопасности и Соглашения о мерах обеспечения безопасности со странами НАТО. После начала специальной военной операции России в новых регионах в феврале 2022 г. ситуация в сфере безопасности стала еще более сложной. Совершались различные провокации в отношении Беларуси, были прекращены все военные контакты по линии НАТО с Беларусью. Поэтому руководством страны было принято решение обновить основные документы Республики Беларусь в сфере безопасности: Концепцию национальной безопасности и Военную доктрину. В течение 2023 г. их вынесли на всенародное обсуждение и внесение изменений, а в апреле 2024 г. они были приняты на Всебелорусском народном собрании седьмого созыва. Среди новаций документов стоит отметить появление новых сфер безопасности (биологическая), новых понятий (электоральный суверенитет), новых вызовов, угроз и рисков. Кроме того, необходимость в обновлении белорусской концепции и военной доктрины существовала в рамках их соответствия новой Концепции безопасности Союзного государства, которую планировали и подписали в декабре 2024 г. в рамках празднования 25-летия его существования.

Объект исследования – международное военное сотрудничество Республики Беларусь. Предмет исследования – двусторонние отношения Республики Беларусь со странами Ближнего Востока, Азии и Африки в военной сфере в 2024 г.

Цель исследования – определение ключевых направлений и механизмов сотрудничества Беларуси и рассматриваемых государств в военно-политической, военной и военно-технической области и выявление перспектив для дальнейшего развития двустороннего и многостороннего взаимодействия.

Для достижения заявленной цели поставлены задачи: проанализировать реализованные двусторонние проекты и инициативы на предмет успешности или безрезультативности; выявить факторы, способствующие успешной реализации совместных проектов; оценить влияние сотрудничества Беларуси и отдельных государств на региональную и глобальную безопасность; обозначить особенности взаимодействия Беларуси и стран Ближнего Востока, Азии, Африки в сфере военного образования, науки, проведения военных учений.

Материал и методы. Проблемы отношений Беларуси и стран Ближнего Востока и Азии не получили достаточного освещения в белорусской историографии, имеются лишь отдельные публикации, посвященные ближневосточной политике Республики Беларусь, отношениям Беларуси и Сирии до 2018 г. Среди авторов стоит отметить Е.А. Достанко [1], Т.В. Евсейчик [2–4, 6], А.П. Косова [5], А.В. Тихомирова [7]. Аспекты военного сотрудничества в принципе не рассматривались белорусскими учеными, так как это крайне закрытая сфера. Можно назвать лишь статью политолога, ныне советника Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, депутата Национального собрания Беларуси восьмого созыва А.П. Шпаковского [8]. Поэтому при написании данной статьи были использованы материалы с сайта Министерства обороны Республики Беларусь, Госкомвоенпрома, Посольства Беларуси в Сирии, Египте, Катаре, ОАЭ.

Результаты их обсуждения. В январе 2024 г. начальник Департамента международного военного сотрудничества (ДМВС) полковник В. Ревенко обозначил планы по сотрудничеству на 2024 год. Прежде всего, он отметил, что в 2023 г. многократно призывали НАТО к взаимодействию, диалогу, но ответа не получили. Поэтому интерес для Беларуси представляют новые партнеры: страны Юго-Западной и Юго-Восточной Азии, Африка, в которых планируется множество интересных шагов в будущем. Для Беларуси интересна и Латинская Америка – там тоже есть страны-друзья, страны-партнеры. По его словам, на 2024 год спланировали мероприятий на 25% больше, чем в 2023 г. без учета стран Запада. Например, КНР, Иран, ОАЭ воспринимают Беларусь уважительно. Министр обороны В. Хренин в 2023 г. принял участие в различных форматах взаимоотношений по линии ШОС, ОДКБ, СНГ. Налажен хороший диалог, достигнуто взаимопонимание, обеспечено развитие отношений между государствами на большой стратегической основе¹.

В мире существует много вооруженных конфликтов, в этих условиях Беларусь стремится выстраивать свои отношения: отношения миролюбия, добрососедства, многовекторности, о чем открыто было заявлено и в рамках X Пекинского форума в октябре 2023 г. Поэтому в данной статье хотелось бы рассмотреть отношения Республики Беларусь в военной сфере со странами вышеупомянутых регионов: Азии и Ближнего Востока, оценив проделанную работу и перспективы сотрудничества в будущем.

¹Полковник Валерий Ревенко: «Год будет насыщенным и очень интересным» // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/169870/> (дата обращения: 02.02.2025).

Регион Ближнего Востока является важным стратегическим плацдармом, где представлены интересы различных игроков ввиду наличия огромных запасов энергоресурсов в этих странах, основных транспортных путей и, как следствие, возможности инвестирования в разнообразные проекты. Кроме того, в военной сфере это обмен опытом в вооруженных силах и участие в выставках. Автором будут рассмотрены отношения с ОАЭ, Катаром, Саудовской Аравией, Сирией и Египтом.

Например, 20–24 января 2024 г. в ОАЭ в г. Абу-Даби в рамках проведения международных выставок и конференции беспилотных летательных аппаратов «UMEX – 2024» и «SimTEX – 2024» (это наиболее масштабное мероприятие, посвященное беспилотным системам, тренажерным комплексам и симуляторам в оборонном и гражданском секторах) белорусская делегация ознакомилась с новейшими образцами техники и передовыми решениями в области беспилотной авиации. В продолжение реализации договоренностей в марте министр обороны Республики Беларусь В. Хренин провел встречу с Чрезвычайным и Полномочным Послом ОАЭ в Республике Беларусь Ибрагимом Салимом Мохаммедом Аль-Мушаррахом, на которой обсудили текущее состояние белорусско-эмиратских отношений в военной сфере, а также шаги по их дальнейшему развитию². 27 марта 2024 г. в г. Абу-Даби начальник ДМВС – помощник министра обороны Республики Беларусь В. Ревенко провел двустороннюю встречу с помощником заместителя государственного министра по делам обороны по вопросам оборонной политики и коммуникации Али Абдуллой Мохаммедом Аль-Ахмадом, в рамках которой согласовали перечень совместных мероприятий, запланированных к проведению в 2024 г. и подтвердили готовность к интенсификации контактов в военной сфере на всех уровнях³.

Аналогично представители Беларуси приняли участие в работе международной оборонной выставки «DIMDEX – 2024», которая проходила в Катаре с 4 по 6 марта 2024 г. В рамках мероприятия состоялась встреча заместителя начальника ДМВС полковника Д. Рябихина с начальником управления по работе с военными атташе полковником Насером Али Аль-Тани. Они обсудили международную повестку дня, актуальные вопросы двустороннего военного сотрудничества и направления его развития. Кроме того, на полях выставки прошла встреча первого заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь генерал-майора А. Матиевича с начальником штаба Вооруженных Сил Государства Катар генерал-лейтенантом Салемом бин Хамадом бин Мохамедом бин Акилем Аль-Набитом. Ответный визит

состоялся 27 ноября 2024 г. Тогда катарская военная делегация посетила командование ВВС и войск ПВО, одну из подчиненных воинских частей. Иностранцы увидели возможности отечественных комплексов ПВО, что позволило укрепить отношения в военной сфере и интенсифицировать контакты в сфере военно-технического сотрудничества по направлениям взаимного интереса⁴.

Касательно отношений в военной области с Саудовской Аравией в течение 2024 г. состоялись две важные встречи: в июне В. Ревенко с представителями Министерства обороны Королевства Саудовская Аравия. Стороны обсудили перспективы развития взаимодействия и возможность разработки плана сотрудничества⁵; в сентябре 2024 г. же состоялась аккредитационная встреча с военным атташе при Посольстве Королевства Саудовская Аравия в Российской Федерации и Республике Беларусь (по совместительству) полковником авиации Али Тамером Альхарти⁶.

Отношения Беларуси с Египтом в военной сфере характеризуются насыщенной повесткой в сфере военного образования. 23–26 апреля 2024 г. в Минске в соответствии с Планом международного военного сотрудничества прошел визит в Республику Беларусь египетской военной делегации во главе с начальником главного управления боевой подготовки и военного образования Вооруженных Сил АРЕ генерал-майором Осамой Мохаммедом Салахом Нагой. Беларусь представлял начальник главного управления боевой подготовки Вооруженных Сил Республики Беларусь генерал-майор А. Бас. Египетская делегация посетила военные учебные заведения, представители ознакомились с системой подготовки военных кадров в Республике Беларусь. Так, например, делегация побывала на военном факультете в БГАА, где встретила с начальником управления военного образования Вооруженных Сил полковником А. Клишевичем, более того, представители египетской делегации посетили Военную академию Республики Беларусь и военный факультет в БНТУ⁷. Ответный визит состоялся 23 мая 2024 г., когда белорусская военная делегация приняла участие в 14-й Международной конференции по электротехнике. Республику Беларусь представила делегация Военной академии Республики Беларусь во главе с заместителем начальника академии по учебной работе

²Белорусская делегация на выставках в ОАЭ // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/169990/> (дата обращения: 02.02.2025).

³Беларусь и ОАЭ обсудили вопросы взаимодействия в военной сфере // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/171135/> (дата обращения: 02.02.2025).

⁴В Минске с визитом находится катарская военная делегация // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/175179/> (дата обращения: 02.02.2025).

⁵В рамках развития военного сотрудничества между Беларусью и Саудовской Аравией // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/172745/> (дата обращения: 02.02.2025).

⁶Состоялась аккредитационная встреча с военным атташе при Посольстве Королевства Саудовская Аравия // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/173681/> (дата обращения: 02.02.2025).

⁷Завершился визит в Республику Беларусь египетской военной делегации // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/171717/> (дата обращения: 02.02.2025).

полковником М. Журавлёвым. На полях конференции в рамках специальной сессии представители Беларуси рассказали о системе подготовки военных кадров в Республике Беларусь, а также провели встречу с руководством Военно-технического колледжа АРЕ. Кроме того, в июле состоялся визит в Республику Беларусь делегации Египта во главе с заместителем командующего войсками противовоздушной обороны генерал-майором Тариком Фуадом Котбом Абу Эль-Энином, в рамках которого египетские военные посетили воинские части противовоздушной обороны и встретились с заместителем командующего ВВС и ПВО Вооруженных Сил Республики Беларусь полковником М. Матросовым⁸.

Традиционным партнером на Ближнем Востоке для Беларуси выступает Сирия. В предыдущие годы Беларусь помогала справиться с последствиями землетрясения в 2023 г.: направляла гуманитарную помощь, организовала военно-полевую госпиталь, в котором работала бригада врачей из 432-го клинического госпиталя [8]. 17 июня 2024 г. произошла смена военного атташе Сирии в Беларуси: бригадный генерал Бассам Хамиди был назначен вместо контр-адмирала Басема Аль-Ауама⁹.

Таким образом, сотрудничество с государствами Ближнего Востока развивается по следующим направлениям: военно-политическая сфера, военное сотрудничество (обмен опытом в сфере образования и военной науки) и военно-техническое (проведение выставок).

В Азии в качестве надежного партнера и союзника выступает Вьетнам. 10 апреля 2024 г. белорусская военная делегация посетила Ханой. Ее возглавлял начальник навигационно-топографического управления Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь полковник А. Баканов¹⁰.

В августе 2024 г. с рабочим визитом в Социалистической Республике Вьетнам находилась военная делегация во главе с начальником связи Вооруженных Сил – начальником управления связи Генерального штаба Вооруженных Сил полковником В. Романивом, который провел встречу с начальником войск связи Вьетнамской народной армии старшим полковником Ву Вьет Хоангом. Стороны обменялись мнениями по вопросам организации связи и достижений военной промышленности Беларуси и Вьетнама в области производства современных средств и комплексов связи. Также обсуждены направления дальнейшего взаимодействия в области военной связи. Представители Беларуси посетили Центр высоких информационных технологий войск связи Вьетнамской народной армии и узнали о возможностях Центра по осуществлению

научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности в направлении производства вьетнамских средств и комплексов связи¹¹.

В октябре 2024 г. прошел визит коллег из Вьетнама по линии военного образования: Военную академию Республики Беларусь посетила делегация Военно-технической академии Министерства национальной обороны Социалистической Республики Вьетнам во главе с генерал-майором Май Куанг Хью, заместителем начальника Военно-технической Академии. Гости ознакомились с выставкой научно-технических разработок, учебным стационарным комплексом факультета связи и автоматизированных систем управления, послушали лекцию о структуре, задачах и системе подготовки военных кадров Военной академии¹².

В ноябре 2024 г. в рамках развития военного сотрудничества Беларуси и Вьетнама в Ханой в очередной раз прибыла белорусская военная делегация с целью проведения рабочей встречи по вопросам тылового обеспечения. Первый заместитель начальника тыла Вооруженных Сил – начальник штаба тыла А. Мосолов провел встречу со своим вьетнамским коллегой заместителем начальника Главного управления тыла Министерства национальной обороны Фам Мань Кьонгом¹³.

С 17 по 19 декабря 2024 г. прошел официальный визит министра обороны Республики Беларусь В. Хренина, в рамках которого он встретился с министром национальной обороны Социалистической Республики Вьетнам генералом армии Фан Ван Зянгом. Данный визит подтвердил дальнейшее развитие военного сотрудничества, укрепление дружбы и взаимопонимания между государствами. По мнению В. Хренина, в основе успешного взаимодействия двух стран лежат схожие принципы внешней политики, прежде всего, приверженность мирному урегулированию международных проблем, сотрудничеству во имя созидания и развития, а не против других стран¹⁴. Например, Вьетнам активно участвует в миротворческих миссиях ООН, оказании гуманитарной помощи, поисково-спасательных операциях, ликвидации последствий войн. Как отметил В. Хренин, Вьетнам вносит достойный вклад в создание мирной, стабильной обстановки, атмосферы сотрудничества и развития в регионе и в мире. Министр национальной обороны Вьетнама обозначил заинтересованность вьетнамской стороны в сотрудничестве и обмене опытом в сфере ВВС и войск ПВО, развитии автоматизированных систем управления, военной науки, взаимодействию в области миротворчества и взаимной

⁸Визит в Республику Беларусь военной делегации АРЕ // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/173226/> (дата обращения: 02.02.2025).

⁹Минобороны провело брифинг для атташе по вопросам обороны иностранных государств // СБ. Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/kurs-na-vyderzhku-i-sotrudnichestvo.html> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁰Визит белорусской военной делегации во Вьетнам // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/171350/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹¹Белорусская военная делегация находится с визитом в СРВ // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/173487/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹²Военную академию посетила делегация из СРВ // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://vayar.mil.by/news/174372/#close> (дата обращения: 02.02.2025).

¹³В Ханое с визитом находится белорусская делегация // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/175178/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁴Министр обороны Республики Беларусь встретился с Министром национальной обороны СРВ // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/175420/> (дата обращения: 02.02.2025).

подготовки военных кадров. По итогам встречи был подписан протокол, который подтвердил намерения Беларуси и Вьетнама укрепить двустороннее сотрудничество¹⁵.

Вместе с тем министр обороны Беларуси поздравил Лыонга Кыонга с назначением его на пост Президента Социалистической Республики Вьетнама и отметил важные вехи истории двусторонних отношений между странами. Глава оборонного ведомства Республики Беларусь обозначил положительную динамику военно-сотрудничества Беларуси и Вьетнама, подчеркнул особенно тот факт, что совершенствуется профессиональное мастерство военнослужащих и повышается уровень боеготовности вооруженных сил Беларуси и Вьетнама. Президент Вьетнама отметил, что двустороннее военное сотрудничество в последнее время продолжает получать новые и эффективные результаты и подчеркнул необходимость укрепить сотрудничество в области военно-технической сферы, подготовки военных кадров, военной медицины и военной истории¹⁶.

Еще одним пунктом программы была встреча представителей по идеологической работе генерал-майора Л. Касинского с начальником Главного политического управления Вьетнамской народной армии Чин Ван Куэтом. Вьетнамских представителей пригласили на празднование 9 мая 2025 г. Л. Касинский отметил важность взаимодействия Беларуси и Вьетнама в области идеологической работы и предложил генерал-полковнику Чин Ван Куэту перспективные направления совместной работы. В завершение визита министр обороны Республики Беларусь В. Хренин принял участие в церемонии открытия международной выставки вооружения и военной техники «VIETNAM DEFENCE EXPO 2024» в Ханое, на которой были представлены и белорусские образцы¹⁷.

Заключение. Таким образом, международное военное сотрудничество Республики Беларусь в 2024 г. отмечается динамикой роста и увеличения количества мероприятий в сфере обмена военными технологиями, проведения выставок продукции Госкомвоенпрома, развития военной науки и образования, проведения военных учений. Стоит обратить внимание на участие Беларуси в международных выставках военной продукции в ОАЭ и Катаре, а также наращивание сотрудничества с Саудовской Аравией, посещение делегациями Египта военных УВО Беларуси, воинских частей ПВО. Например, запланированы учения на территории Катара в 2025 г., обмен опытом в сфере беспилотников и противодействия им, участие Катара в выставке MILEX 2025. Будут проведены встречи с послом ОАЭ в Республике Беларусь Ибрагимом Салимом Аль-Мушаррахом. Также запланировано участие начальника Генштаба Вооруженных Сил Республики Беларусь П. Муравейко в открытии

выставки в ОАЭ в феврале 2025 г. и переговоры с коллегами из оборонного ведомства стран Ближнего Востока.

Развитие отношений с Вьетнамом представляет собой перспективное направление, способствующее взаимовыгодному развитию обеих стран. Обмен опытом в военной отрасли с Вьетнамом позволит, по мнению автора, добиться значительных успехов. Например, запланирован визит вьетнамской делегации в военные вузы Беларуси в марте 2025 г. Более того, укрепление связей между белорусскими военными и коллегами из Вьетнама создаст благоприятные условия для роста безопасности как на национальном, так и на региональном уровнях. Важно отметить, что Беларусь и Вьетнам разделяют одинаковые идеологические подходы к строительству мира и безопасности и развитию вооруженных сил своих стран. Стороны отмечают конструктивный характер и значительный прогресс в отношениях с перспективой увеличения совместных мероприятий в 2025 г. Республика Беларусь развивает многоплановое взаимодействие с другими государствами, уважающими наши взгляды и интересы.

Литература

1. Достанко, Е.А. Белорусско-сирийские двусторонние отношения на современном этапе / Е.А. Достанко // Сирийская Арабская Республика на рубеже веков: материалы междунар. круглого стола, Минск, 16 апр. 2015 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии, Посольство Сирийс. Араб. Респ. в Респ. Беларусь; редкол.: И.В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – С. 42–47.
2. Евсейчик, Т.В. Ближневосточные проблемы и национальные интересы Беларуси / Т.В. Евсейчик // Сборник работ 62-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17–20 мая 2005 г., г. Минск: в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.Г. Захаров (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – Ч. 3. – С. 122–126.
3. Евсейчик, Т.В. Некоторые тенденции политики Республики Беларусь на Ближнем Востоке / Т.В. Евсейчик // Сборник работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17–20 мая 2004 г., г. Минск: в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.Г. Захаров (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2004. – Ч. 2. – С. 197–202.
4. Евсейчик, Т.О. некоторых аспектах ближневосточной политики Республики Беларусь / Т. Евсейчик // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. – № 4. – С. 39–42.
5. Косов, А.П. Белорусско-сирийские отношения в конце XX – начале XXI вв. / А.П. Косов // Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6. – С. 17–21.
6. Свилас, С.Ф. Отношения Республики Беларусь со странами арабского мира в 1996–2006 годах: пособие для студентов фак. междунар. отношений / С.Ф. Свилас, Т.В. Евсейчик. – Минск: БГУ, 2009. – 199 с.
7. Тихомиров, А.В. Политика Республики Беларусь в отношении Сирии в 2011–2018 гг. / А.В. Тихомиров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. – Минск, 2018. – Вып. 6. – С. 183–201.
8. Шпаковский, А. Беларусь и Сирия: от дипломатии до воен. сотрудничества / А. Шпаковский // Sputnik Беларусь. – URL: <https://sputnik.by/20170529/belarus-i-siriya-ot-diplomatii-do-voennogo-sotrudnichestva-1029011607.html> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁵Белорусская военная делегация прибыла с официальным визитом во Вьетнам // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/175394/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁶Встреча Виктора Хренина с Президентом СР Вьетнам // Министерство обороны Республики Беларусь. URL: <https://www.mil.by/ru/news/175423/> (дата обращения: 02.02.2025).

¹⁷Там же

Поступила в редакцию 04.03.2025

Палітыка дзяржавы ў адносінах каралеўскіх эканомій на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага ў 1630–1640-я гады

Галубовіч В.У.

Установа адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт”, Гродна

Даследаванне дзяржаўнага сектара гаспадаркі з’яўляецца важным напрамкам вывучэння эканамічнай гісторыі Беларусі і гісторыі айчыннай дзяржаўнасці. Да ліку асобнай разнавіднасці дзяржаўнай зямельнай уласнасці на беларускіх землях у эпоху існавання Рэчы Паспалітай адносіліся каралеўскія эканоміі – уладанні, падаткі з якіх прызначаліся на ўтрыманне манарха. На практыцы за кошт эканомій утрымлівалася ўся дзяржаўная сістэма Рэчы Паспалітай. Малавядомай старонкай гісторыі застаецца спроба ўдасканалення практыкі кіравання каралеўскіх эканомій, прадпрынятая ў час праўлення Уладзіслава Вазы (1633–1648 гг.).

Мэта публікацыі – аналіз змен палітыкі дзяржавы ў адносінах каралеўскіх эканомій на тэрыторыі ВКЛ у другой палове 1630–1640-х гадах.

Матэрыял і метады. Даследаванне было праведзена на аснове заканадаўства Рэчы Паспалітай і актавых матэрыялаў з дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага – Метрыкі. Дадзеная навуковая праца з’яўляецца працягам вывучэння аўтарам дзяржаўнай палітыкі на беларускіх землях ВКЛ у час праўлення Уладзіслава Вазы. Артыкул падрыхтаваны з улікам гістарыяграфіі па вышэйназванай праблеме. Выкарыстаны агульнагістарычныя і спецыяльныя метады, сярод якіх гістарычна-апісальны, параўнальна-гістарычны, гістарычна-сістэмны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле прааналізаваны пастановы сеймаў Рэчы Паспалітай і кантрактныя абавязальствы адміністратараў каралеўскіх эканомій часоў праўлення Уладзіслава Вазы. Актыўнае сеймавае заканадаўства 1633–1647 гг. адносна эканомій было вынікам незадавальняючага становішча каралеўскага скарбу і нежадання шляхты кампенсаваць дэфіцыт выдаткаў праз увядзенне новых падаткаў. Змены дзяржаўнай палітыкі ў адносінах эканомій у другой палове праўлення Уладзіслава Вазы адбываліся на аснове сеймавага заканадаўства, а выразнай вяхой стала сеймавая пастанова, прынятая ў 1641 г. Адною з уведзеных мер было абмежаванне тэрмінаў дзеяння кантрактаў на арэнду эканомій. Адбылася ратацыя адміністратараў шэрагу эканомій. Паўнаважасная рэалізацыя сеймавых пастаноў у адносінах эканомій была немагчымай па прычыне сацыяльнай палітыкі дзяржавы, якая абапіралася на арыстакратыю, служыла шляхце, але не магла ігнараваць інтарэсы насельніцтва эканомій.

Заключэнне. Рост колькасці сеймавых пастаноў адносна каралеўскіх эканомій у першыя гады праўлення Уладзіслава Вазы сведчыць пра неабходнасць змены палітыкі ў адносінах дзяржаўных уладанняў. Аўтар прыходзіць да высновы, што рэалізацыя сеймавых пастаноў набыла форму больш жорсткага персанальнага кантролю за асобамі, якія атрымлівалі арэндныя і адміністрацыйныя кантракты. Адміністраванне эканоміямі стала канцэнтрацыя ў руках зямскага падскарбія ВКЛ.

Ключавыя словы: дзяржава, Вялікае Княства Літоўскае, Рэч Паспалітая, сейм, манарх, шляхта, эканомія, сеймавая пастанова, кіраванне.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 18–23)

State Policy towards Royal Estates in the Territory of the Grand Duchy of Lithuania in the 1630s–1640s

Halubovich V.U.

Education Establishment “Hrodna State Agrarian University”, Hrodna

The study of the state sector of the economy is an important direction in the study of the economic history of Belarus and the history of national statehood. A separate type of state land ownership in the Belarusian lands during the era of the Polish-Lithuanian Commonwealth were royal estates – estates from which taxes for the maintenance of the monarch were deducted. In fact, the entire state system of the Polish-Lithuanian Commonwealth was supported by savings. The attempt to improve the management practices of royal finances, undertaken during the reign of Ladislas Vasa (1633-1648) still remain an unknown aspect of history.

The purpose of this article is to analyze the changes in state policy regarding royal estates in the territory of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 1630s and 1640s.

Адрас для карэспандэнцыі: **e-mail: logos@ggau.by** – В.У. Галубовіч

Material and methods. The research was conducted on the basis of the legislation of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the official materials of the state archive of the Grand Duchy of Lithuania – *Metrica*. The article is a continuation of the author's research on state policy in the Belarusian lands of the Grand Duchy of Lithuania during the reign of Ladislas Vasa. The article was prepared taking into account the historiography on the issue. General historical and special methods were applied: historical-descriptive, comparative and systemic ones.

Findings and their discussion. The article analyzes the resolutions of the Sejm of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the contractual obligations of the managers of the royal finances during the reign of Ladislas Vasa. The active parliamentary legislation of 1633–1647 regarding savings was the result of the unsatisfactory state of the royal treasury and the unwillingness of the nobility to compensate for the deficit in spending by introducing new taxes. Changes in state policy regarding savings in the second half of the reign of Ladislas Vasa took place on the basis of parliamentary legislation, and a bright milestone was the parliamentary resolution adopted in 1641. One of the adopted measures was the limitation of the lease agreements terms of the estates. There was a rotation of several royal estates administrators. Full implementation of the Sejm resolutions in the field of economy was impossible due to the social policy of the state, which relied on the aristocracy and served the nobility, but could not ignore the interests of the population living in the royal estates.

Conclusion. The increase in the number of Diet decrees regarding royal savings in the first years of Ladislas Vasa's reign indicated the need for a change in policy regarding state possessions. The author comes to the conclusion that the implementation of the resolutions of the Diet took the form of tightening control over persons receiving lease and administrative contracts. Management of savings became concentrated in the hands of the Minister of Finance of the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: state, Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, Sejm, monarch, nobility, economy, Diet decree, governance.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 18–23)

Гісторыя дзяржаўных зямельных уладанняў у Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) не раз прыцягвала ўвагу замежных і айчынных даследчыкаў, вынікам чаго стала грунтоўнае вывучэнне становішча каралеўскіх эканомій у другой палове XVII – XVIII стст. [1–3]. Аднак пра каралеўскія сталовыя ўладанні ў першыя дзесяцігоддзі іх існавання (канец XVI ст. – першая палова XVII ст.) гістарыяграфія абмяжоўваецца звесткамі аб прыбытках ад эканомій за пэўныя гады альбо прэзентацый становішча асобных эканомій [4, s. 364–368, 388–389; 5; 6]. Важнай старонкай гісторыі дзяржаўнай гаспадаркі на тэрыторыі ВКЛ былі мерапрыемствы, накіраваныя на павелічэнне прыбытковасці эканомій. Да найменш вядомых у гістарыяграфіі спроб дзяржавы ўдасканаліць сістэму кіравання эканоміямі адносіцца эпоха праўлення ў Рэчы Паспалітай Уладзіслава Вазы (1633–1648).

Мэта артыкула – аналіз змен палітыкі дзяржавы ў адносінах каралеўскіх эканомій на тэрыторыі ВКЛ у другой палове 1630 – 1640-х гадах.

Матэрыял і метады. Даследаванне было праведзена на аснове заканадаўства Рэчы Паспалітай і актавых матэрыялаў з дзяржаўнага архіва ВКЛ – Метрыкі. Артыкул з'яўляецца працягам вывучэння аўтарам дзяржаўнай палітыкі на беларускіх землях ВКЛ у час праўлення Уладзіслава Вазы. Дадзеная публікацыя падрыхтавана з улікам айчыннай і замежнай гістарыяграфіі. Выкарыстаны агульнагістарычныя і спецыяльныя метады, сярод якіх гістарычна-апісальны, параўнальна-гістарычны, гістарычна-сістэмны.

Вынікі і іх абмеркаванне. На сейме Рэчы Паспалітай 1589 г. была праведзена рэарганізацыя структуры дзяржаўных уладанняў у ВКЛ. Галоўным эфектам гэтага мерапрыемства стала з'яўленне так званых сталовых эканомій, прыбыткі з якіх збіраліся на ўтрыманне манарха і яго двара. Дзве эканоміі

размяшчаліся на тэрыторыі Літвы, чатыры – поўнаццою ці часткова знаходзіліся на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Да ліку апошніх належалі Гродзенская, Брэсцкая, Магілёўская, Кобрынская эканоміі [7, s. 289]. Яны давалі асноўную частку грошай на ўтрыманне не толькі манарха, але і функцыянаванне дзяржаўнай ўлады на тэрыторыі ўсяго ВКЛ. Толькі ў 1642 г. тры беларускія эканоміі (Гродзенская, Брэсцкая і Магілёўская) далі ў скарб без малага 265 000 злотых [8, s. 14–17]. Фактычна, манархаў і дзяржаву “народа ВКЛ” кармілі пераважна беларускія сяляне.

Кіраванне эканоміямі на тэрыторыі ВКЛ ажыццяўляла адміністрацыя, якую прызначаў манарх. У выпадку здачы эканоміі ў арэнду ўсімі справамі кіраваў арандатар. Кантроль за дзейнасцю адміністрацыі і самога манарха выконваў сейм Рэчы Паспалітай, які рэгулярна ў часы праўлення Уладзіслава Вазы займаўся справамі эканомій.

Сеймавых пастановаў адносна каралеўскіх эканомій у 1633–1647 гг. было некалькі: дзве – у 1633 г. і па адной – у 1635, 1638, 1641 і 1647 гг. Ужо на каранацыйным сейме ў пастанове “Аб уладаннях ЯКМ і юргельтах” шляхта забараніла аддаваць сталовыя ўладанні ў арэнду духоўным асобам і прызначаць юргельты са сталовых прыбыткаў. Таксама забаранялася прызначаць духоўных асоб адміністратарамі [9, s. 378]. На сейме 1633 г. была зацверджана асобная пастанова “Эканоміі”. У ёй абвяшчалася, што каралеўскія эканоміі ні ў Польшчы, ні ў ВКЛ не будуць павялічвацца, а хто б узяў у арэнду эканомію з новадалучанымі землямі, павінен быць выкліканы ў Трыбунал. Далей канстатавалася, што эканоміі па закону нельга абцяжарваць юргельтамі, але, насуперак гэтаму, і папярэдні, і дзейны манархі ўжо на каранацыі такія прывілеі падпісвалі. Таму патрабавалася, каб канцылярыя іх не выдавала, а тыя, хто ўжо меў прывілеі, мог карыстацца імі да канца тэрміну

дзеяння [9, s. 381]. Абодва тэксты, па сутнасці, былі спробамі паляпшэння матэрыяльнага забеспячэння манарха і падпарадкаванага яму апарату механічным шляхам, праз забарону выдаваць юргельты. Паралельна шляхта пазбавілася і ад сваіх эканамічных канкурэнтаў, г.зн. духавенства.

Наступны раз да праблемы забеспячэння манарха шляхта звярнулася на ардынарным сейме 1635 г., калі была прынята пастанова “Аб нашых сталовых уладаннях як у Кароне, так і ў ВКЛ”. У ёй былі падсумаваныя ранейшыя пастановы і пацвярджалася забарона выдаваць за кошт эканомій грошы, пенсіі, юргельты, пажыццёвыя трыманні, лёгкія арэнды пад пагрозай штрафу эканому ў Кароне згодна з канстытуцыяй 1590 г., а ў ВКЛ – страты праў на трыманне згодна з працэдурай, апісанай у канстытуцыі 1607 г. На падставе канстытуцыі 1635 г. касаваліся ўсе выдадзеныя пасля каранацыйнага сейма прывілеі і лісты на юргельты і пенсіі са сталовых уладанняў, калі яны наносілі шкоду каралеўскаму скарбу. Адмяняліся ўсе выдадзеныя прывілеі на вольнасці ў эканоміях, калі яны датычыліся выплат у скарб. Канцлеру і падканцлеру забаранялася засведчваць адпаведныя прывілеі пячаткай, а падскарбію – выдаваць інтрамісію (дазвол на ўвядзенне ва ўладанне). Для лепшай рэвізіі сталовых уладанняў, дзяржаў і лясніцтваў у ВКЛ абвешчалася рэнавацыя прывілея Жыгімонта Вазы з такой карэкціроўкай, каб дзяржавы адбіраліся не гвалтам, а праз “скарбовы працэс”, альбо ўжывалася іншае пакаранне [9, s. 405].

Такім чынам, у 1635 г. сейм узмацніў ранейшыя абмежаванні і дэлегалізаваў наданні манарха ў сталовых уладаннях, але адначасова пакінуў фактычна неабмежаваныя магчымасці для захавання існага стану рэчаў праз агаворкі і права на судовую абарону ад прэтэнзій скарбу.

У 1638 г. была прынятая пастанова “Аб эканоміях”, якая канстатавала, што ранейшыя заканадаўчыя нормы фактычна ігнаруюцца манархам, які працягвае раздачы за кошт эканомій. У гэтай пастанове шляхта Рэчы Паспалітай патрабавала спынення такой практыкі. Уводзіліся канкрэтныя тэрміны вяртання незаконна атрыманых уладанняў у рукі падскарбіяў. Для ВКЛ асобна агаворвалася, што адміністрацыя эканомій павінна ажыццяўляцца згодна з прывілеям Жыгімонта Вазы, які быў дэклараваны на сейме 1635 г. [9, s. 439].

Сеймавыя пастановы 1630-х гадоў канстатавалі наяўнасць сур’ёзных праблем у кіраванні эканоміямі. Становішча каралеўскіх эканомій у ВКЛ было адной з крыніц фінансавых праблем манарха і дзяржавы ў цэлым. Рэакцыяй на гэта сталі змены дзяржаўнай палітыкі ў адносінах эканомій, якія адбываліся на аснове сеймавага заканадаўства. Ужо з другой паловы 1630-х гадоў формула кантракта на арэнду каралеўскіх эканомій была дапоўнена ўстаўкай пра тое, што дамова заключаецца з улікам патрабаванняў сеймавай пастановай 1638 г. Аднак пастанова 1638 г.

не ўтрымлівала дэталёных распараджэнняў адносна эканомій. Апошнія, як і староствы, павінны былі падлягаць толькі больш дэталёму кантролю [9, s. 439]. На практыцы рэалізацыя сеймавай пастанова азначала, што колькасць абавязкаў і патрабаванняў да арандатараў павялічвалася, а самі яны, прынамсі, дэкларатыўна сталі падлягаць большаму кантролю з боку скарбу. Змены фіксаваліся толькі пры заключэнні новых дамоваў. Так, пасля смерці брэсцкага эканомы С. Паца Уладзіслаў Ваза здаў у арэнду асноўную частку гэтай эканоміі ашмянскаму падчашаму і старэйшаму афіцэру каралеўскай пешай гвардыі С. Асінскаму, а горад Ламазы і ламазскі фальварак, якія былі часткай эканоміі, былі арандаваны падскарбію земскаму М. Кішку. Абодва кантракты былі заключаны 27 лютага 1641 г. і ўтрымлівалі спасылку на сеймавую канстытуцыю, а таксама на патрабаванне “саслоўяў” перадаць эканоміі “як у найлепшыя рукі” [10, арк. 617–618].

Акрамя пошуку больш надзейных арандатараў, былі і іншыя навацыі, якія мелі рэальны эффект. Абодва згаданыя кантракты заключаліся на адзін выпрабавальны год, па выніках якога належала правесці рэвізію, а ў выпадку паспяховага выканання абавязкаў з боку арандатараў дамова магла быць працягнута яшчэ на тры гады [10, арк. 617–619]. С. Асінскі, калі зыходзіць з пазнейшай кантрактнай дакументацыі, паспяхова справіўся са сваімі абавязкамі. Доказам быў працяг арэнднай дамовы з 1645 г. на тры гады да 1648 г., у якой канстатавалася, што арандатар зрабіў усё, што мог, для росту прыбыткаў каралеўскага скарбу. Больш таго, С. Асінскі атрымаў раней вылучаныя для асобнай арэнды Ламазы. У адпаведнасці з гэтым і папярэднімі кантрактамі арэндныя выплаты належала спачатку перадаваць у скарб ВКЛ, а ўжо потым яны ішлі на выплату ўтрымання 637 каралеўскіх пешых гвардзейцаў [11, арк. 123–124адв.]. Пры ўсім жаданні мінімізаваць выдаткі дзяржава падкрэслена імкнулася захаваць пасрэдніцка-кантрольную функцыю і фармальныя адносіны ў падпарадкаваных ёй структурах.

Ніводзін кантракт канца 1630 – 1640-х гадоў не сведчыў пра жаданне ўлад праводзіць радыкальную рэформу сістэмы дзяржаўнага гаспадарання, але практыка кіравання паступова мадэрнізавалася з улікам сеймавага заканадаўства, невыкананне якога кампенсавалася паўторамі і дэталізацыяй у новых нарматыўных актах. Толькі прынятая ў 1641 г. сеймавая канстытуцыя стала даволі выразнай мяжой у адносінах дзяржавы да сталовых уладанняў [12, s. 5–6]. Гэта зафіксавана ў арэндным кантракце на Магілёўскую эканомію, падпісаным манархам 10 лютага 1643 г. У дакуменце сцвярджалася, што паводле канстытуцыі “Аб эканоміях”, што была прынята на мінулым сейме з мэтай паляпшэння становішча каралеўскага скарбу, спыняліся адносіны з папярэднім адміністратарам, якім да 1642 г. заставаўся Я. Радзівіл. На гэты раз адміністрацыя эканоміі

была перададзена земскаму падскарбію М. Кішку “на падставе сеймавай пастановы, згодна з верыфікацыяй і ардынацыяй, якую ён сам правёў”. Тэрмін адміністрацыі быў таксама абмежаваны трыма гадамі, з тым нюансам, што фактычна арэнда пачалася з дня св. Барталамея яшчэ ў 1642 г. Адметна, што ў гэтым прывілеі адсутнічала інфармацыя пра выплату М. Кішку жалавання за выкананне функцый адміністратара, што было ў яго папярэднікаў. Заўважны рост дзяржаўнага кантролю адлюстраваны ў фіксацыі наступнага патрабавання ў адносінах да адміністратара: ён абавязваўся не толькі збіраць падаткі, але і “перад камісарамі нашымі [каралеўскімі] рабіць справаздачы” [13, арк. 411–411 адв.].

Калі справа са зменай адміністратара Магілёўскай эканоміі некалькі зацягнулася, то ў адносінах іншых эканомій ВКЛ карэкцыя ў рэчышчы выканання сеймавай пастановы 1641 г. адбылася даволі хутка. Так, ужо 22 лютага 1642 г. Уладзіслаў Ваза зацвердзіў новы кантракт паміж скарбам і А.Л. Радзівілам на арэнду Шавельскай эканоміі, але на ўмове атрымання з пэўнага часу толькі “кожнага дзясятага гроша згодна з пажаданнем саслоўяў РП”. Арандатару нагадвалася, што ён павінен быў кіраваць і збіраць падаткі з улікам “рэвізіі і інвентароў”, у прыватнасці, з улікам рэвізіі 1640 г., якая вызначыла памер збораў з эканоміі – 74 400 злотых. Сам А.Л. Радзівіл павінен быў атрымліваць 16 000 злотых наяўнымі грашыма за адміністрацыю плюс 4000 злотых за ўрад маршалка ВКЛ [13, арк. 147–149].

Рашэнні сейма 1641 г. сталі каталізатарам і для змен у адносінах Кобрынскай эканоміі. Яшчэ пры жыцці Жыгімонта Вазы была прынята сеймавая пастанова “*Ab Нашых наішчадках*”, на падставе якой Кобрынская і Аліцкая эканоміі прызначаліся на ўтрыманне каралевічаў Яна Казіміра і Аляксандра [9, s. 338–339].

На працягу праўлення Уладзіслава Вазы Кобрынская эканомія заставалася ў кіраванні яго брата Яна Казіміра, які пачаткова асабліва не ўмешваўся ў яе справы. Толькі сеймавыя навацыі 1641 г. сталі падставой да змен становішча ў эканоміі, адносна якой была таксама прынята асобная канстытуцыя “*Правізія яго міласці каралевіча Казіміра*” [12, s. 7]. Сведчаннем змен стала заключэнне новага арэнднага кантракта, які быў падпісаны Янам Казімірам 15 сакавіка 1642 г. і пацверджаны Уладзіславам Вазам 21 сакавіка. У арэндным кантракце ўтрымлівалася даволі нетыповая інфармацыя аб прычынах спынення адносін з папярэднім арандатарам, якім з часоў Жыгімонта Вазы з’яўляўся Я. Валовіч, генеральны жамойцкі староста. У тэксце, складзеным ад імя Яна Казіміра, сцвярджалася, што да пэўнага часу Я. Валовіч добра спраўляўся са сваімі абавязкамі, як гаспадарчымі, так і адміністрацыйнымі, пакуль не наступіла катастрафічная дэградацыя сістэмы кіравання. Наступствам няздольнасці Я. Валовіча эфектыўна наладзіць адміністраванне сталі бясконцыя змены “*кожны раз*

новых” ураднікаў у эканоміі і нарастанне незадаволенасці з боку падданных, якія скардзіліся “*амаль штодня*”. Я. Валовіч сапраўды ўжо не спраўляўся са сваімі абавязкамі па прычыне саліднага ўзросту: ён ужо працяглы час толькі фармальна займаў свае пасады і дажываў свой век у Кобрыне [14, с. 413–411]. У выніку кантракт з Я. Валовічам быў скасаваны і заключана дамова з крайчым ВКЛ і адначасова Гродзенскім эканомам Г. Трызнай і яго жонкай. Паводле кантрактных умоў, Г. Трызна абавязваўся выплочваць штогод па 30 000 польскіх злотых. Ян Казімір, са свайго боку, абяцаў не пазней пачатку красавіка 1642 г. выслаць свайго слугу, які павінен быў у прысутнасці новага арандатара аб’ездзіць фальваркі з мэтай праверкі наяўнага становішча гаспадарак і здаць усё ў арэнду ў адпаведнасці з інвентаром. Спецыяльна ў дамове было нагадана, каб арандатар не дазваляў ваколлічнай шляхце захопліваць землі эканоміі, а таксама не ўводзіў новыя зборы і не даводзіў гаспадарку да занядання. Асаблівым пунктам гэтай дамовы стаў пералік абавязкаў Г. Трызны на карысць царкоўных устаноў. Каралевіч абавязваў арандатара выплочваць дзесяціну “*кобрынскім рымскім касцёлам*” у памеры 600 польскіх злотых, а таксама забяспечыць касцёлы шпітальныя ў Кобрыне і Пружанах усім належным у адпаведнасці з фондушамі. Акрамя таго, 600 польскіх злотых належала аддаваць архімандрыту кобрынскага манастыра. У фінальнай частцы дамовы арандатару было нагадана, каб ён клапаціўся аб уступах у лясах, а таксама пра магчымасць здачы любых аб’ектаў эканоміі ў арэнду іншым асобам [13, арк. 315–316].

Уладзіслаў Ваза даволі свабодна распараджаўся сталовымі ўладаннямі з мэтай хуткага атрымання наяўных грошай. Пра гэта сведчыць практыка здачы эканоміі у 1630–1640-я гады ў арэнду-адміністрацыю ўраднікам прама не адказным за дзяржаўныя фінансы. Так было ў выпадку перадачы Магілёўскай эканоміі К. Радзівілу ў 1635 г. [15, арк. 196–197 адв.], арэнды Алітскай эканоміі ў 1635 г. – К.К. Гасеўскаму, пісару ВКЛ [15, арк. 252 адв.–253] альбо арэнды Гродзенскай эканоміі ў 1643 г. – Г.М. Трызне, падчашаму ВКЛ [16, арк. 461–461 адв.]. Але паступова нормай для Уладзіслава Вазы стала тэндэнцыя да рэгулярнай перадачы каралеўскіх сталовых уладанняў у адміністрацыю ці арэнду менавіта земскаму падскарбію ВКЛ. Яшчэ ў арэндным кантракце на Брэсцкую эканомію, а менавіта: горад Брэст разам з арэндай корчмаў і млыноў, з маставым і гандлёвым зборам, фальварак Рэчыца, Палескую воласць, Кіявец, Ламазы, Воін, Крывую Вярбу (Кодэнец), Мілейчыцы – перададзеную на пяць гадоў падскарбію С. Пацу ў 1634 г., было сфармулявана наступнае праграмае абгрунтаванне неабходнасці перадачы эканоміі падскарбію: “*каб грошы да скарбу нашага хутчэй даходзілі*” [15, арк. 70 адв.–72].

Рэалізацыя гэтай ідэі адбывалася павольна і дасягнула сваёй кульмінацыі пасля 1641 г. Самая багатая Магілёўская эканомія не выходзіла з рук падскарбія

ВКЛ з 1643 г. Пасля смерці М. Кішкі эканомію два гады на так званай “лічбе” трымаў Г.М. Трызна. 7 верасня 1647 г. манарх падпісаў з Г.М. Трызнам кантракт на чатыры гады на ўмове выплаты 150 000 злотых у скарб. Падскарбій атрымліваў кампенсацыю за выдаткі на судовыя працэсы па справах эканоміі, за выплаты на “касцёлы і шпіталі” за кошт эканоміі, а таксама за гарантыі данатарыўшам [17, арк. 1016–1016адв.].

27 чэрвеня 1646 г. падскарбій Г.М. Трызна атрымаў дазвол на пралангацыю арэнды Кобрынскай эканоміі (па загалюку памылкова – Брэсцкай) за 30 000 злотых штогадовай выплаты ў скарб на тэрмін з 1649 па 1655 г. [17, арк. 638–638адв.].

Гродзенская эканомія таксама апынулася пад больш дэтальным кантролем скарбу. Уладзіслаў Ваза перадаў яе спачатку М. Кішку, пасля смерці якога кантрактныя абавязацельствы пераходзілі да яго сваякоў, а потым эканомія трапіла да тагачаснага падскарбія Г.М. Трызны. 28 лютага 1647 г. ён атрымаў эканомію ў “арэнду і адміністрацыю” на чатыры гады з выплатай штогод 40 000 злотых (з абавязкам забяспечваць выплаты па ўсіх вусных і пісьмовых распараджэннях манарха) з перспекывай атрымліваць прыбытак пасля сканчэння кантракта на ўмовах атрымання кожнага дзясятага гроша [17, арк. 794–795].

Логіка падобных рашэнняў зводзілася да канцэнтрацыі адміністрацыйнай і фіскальнай улады, але супраць гэтага працаваў суб’ектыўны фактар. Пры прызначэннях манарх арыентаваўся як на заслугі асобы, так і на памеры грашовай прапановы, якая зыходзіла ад ураднікаў, што жадалі зарабіць на эксплуатацыі дзяржаўных зямель. Але сам прынцып здачы эканомій у арэнду паволі дэфармаваўся. Замест трох гадоў, як гэта было на пачатку, тэрмін арэнды быў павялічаны да чатырох у кантрактах 1647 г. Нельга таксама не заўважыць, што праз канцэнтрацыю эканомій у руках падскарбія ўзрасталая роля гэтага ўрадніка ў сістэме ўлады.

Асобным аспектам дзяржаўнай палітыкі ў адносінах эканомій было захаванне прывілеяванага становішча асобных катэгорый насельніцтва. Паўнамоцтвы эканоміі і арандатараў мелі абмежаванні ў прававых пытаннях, а насельніцтва дзяржаўных уладанняў мела магчымасць напругую звяртацца да манарха. Асабліва гэта датычылася выпадкаў, калі правы і вольнасці былі юрыдычна аформлены. Так, маючы неабходныя дакументальныя сведчанні, шляхта вёсак Тучна і Гошчы з Брэсцкай эканоміі звярнулася ў 1645 г. да манарха з просьбай аб абароне іх праў. На падставе гэтага звароту брэсцкаму эканому С. Асінскаму, а пры яго адсутнасці ламазскаму падстаросце 2 ліпеня 1645 г. накіроўваўся з канцыляры ВКЛ “упамінальны ліст” з патрабаваннем спыніць парушэнні [17, арк. 315–315адв.]. Каб канчаткова вырашыць канфлікт, манарх у тым годзе выдаў пацвярджальны прывілей “Тучнянскай шляхце” [17, арк. 355–355адв.].

Памеры дзяржаўнай апекі маглі сягаць не толькі асобных шляхецкіх ваколіц, але і цэлых эканомій.

Так, 27 сакавіка 1645 г. ад імя манарха да земскага падскарбія ВКЛ быў адасланы ліст з загадам пакінуць шляхту Магілёўскай эканоміі пры ранейшых правах. Прычынай такога рашэння былі заслугі шляхты перад Рэччу Паспалітай пад час апошняй вайны. Уладзіслаў Ваза распарадзіўся не накладаць на шляхту “ўсялякіх цяжараў меншых, якія належала выплачваць магілёўскім валашчанам”, а ў якасці падзякі вызваліць шляхту, якая трымала землі на ўмовах чыншавых выплат, ад пастойнай павіннасці, гайдучызны, заезднай павіннасці і інш. [17, арк. 155адв.–156]. З гэтага дакумента вынікае выснова адносна эканамічнай і сацыяльнай палітыкі дзяржавы, для якой прынцыпова важнымі былі не толькі грашовыя паступленні ў скарб, а і наяўнасць ляльнай праслойкі насельніцтва, якой была мясцовая шляхта.

Сведчаннем узмацнення дзяржаўнага кантролю за становішчам эканоміі была сеймавая пастанова 1647 г. Яна мела назву “Аб рэвізіях” і фармальна адносілася да ўсіх дзяржаўных уладанняў. З пастановы вынікала, што да ўлад дайшлі скаргі на дзяржаўцаў, якія ажыццяўлялі рэвізіі дзеля перагляду меж. Пастанова ўдакладняла, што, згодна са старадаўнімі правамі, дзяржаўныя і шляхецкія землі размяжоўваюцца не рэвізорамі, а толькі спецыяльна высланымі камісарамі [12, s. 63]. Такім чынам, мэтай дадзенага закона было пацвярджэнне дзейснай практыкі, пры гэтым сейм замацаваў прыярытэт пры вырашэнні памежных спрэчак за калегіяльнымі органамі, а не за часовымі трымальнікамі дзяржаўных уладанняў.

Заклучэнне. Рост колькасці сеймавых пастановаў адносна каралеўскіх эканомій у першыя гады праўлення Уладзіслава Вазы сведчыць пра неабходнасць змены палітыкі ў адносінах дзяржаўных уладанняў. У 1638–1641 гг. былі юрыдычна аформлены і пачалі рэалізоўвацца на практыцы змены ў парадку кіравання каралеўскімі эканоміямі з мэтай павелічэння іх прыбытковасці. Гэтыя змены былі выкліканы як цяжкім фінансавым становішчам скарбу, так і нежаданнем шляхты несці звышвыдаткі на ўтрыманне манарха. Змены прадугледжвалі абмежаванне тэрмінаў дзеяння кантрактаў, выбар больш адказных арандатараў. Прыклад Кобрынскай эканоміі сведчыць, што на пачатку праўлення Уладзіслава Вазы адзінай палітыкі ў адносінах дзяржаўных уладанняў (эканомій) не было, а неадпаведнае адміністраванне магло быць разбуральным для эканомій. Рэальныя змены палітыкі кіравання наступілі толькі з пачатку 1640-х гадоў і мелі відавочна станоўчую дынаміку, паколькі дазволілі ўніфікаваць арэндную практыку, перадаць большую і найбольш прыбытковую частку эканомій пад кантроль міністра фінансаў – земскага падскарбія ВКЛ. Аднак для ажыццяўлення сеймавых пастановаў у адносінах эканомій ВКЛ існавала аб’ектыўная перашкода – сацыяльная палітыка дзяржавы, якая абапіралася на арыстакратыю, служыла шляхце, але не магла ігнараваць інтарэсы насельніцтва эканомій.

Літаратура

1. Kościałkowski, S. Ze studjów nad dziejami ekonomji królewskich na Litwie / S. Kościałkowski // Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. – 1911–1914. – Wilno: Druk Józefa Zawadzkiego w Wilnie, 1914. – T. V. – S. 86–168.
2. Kościałkowski, S. Antoni Tyzenhauz poskarbi nadworny litewski / S. Kościałkowski. – T. I. – Londyn: Wydawnictwo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Stefana Batorego, 1970. – 686 s.
3. Кітурка, І.Ф. Дзяржаўныя ўладанні на землях Беларусі ў другой палове XVII–XVIII ст.: палітыка дзяржаўнага аднаўлення і развіцця / І.Ф. Кітурка; пад рэд. В.Ф. Голубева. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 173 с.
4. Filipczak-Kocur, A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648: projekty, ustawy, realizacja / A. Filipczak-Kocur. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2006. – 438 s.
5. Мелешко, В.И. О феодальной ренте и развитии товарно-денежных отношений в королевских экономиях Восточной Белоруссии в конце XVI–XVIII вв. / В.И. Мелешко // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962. – Минск: Изд-во «Наука и техника», 1964. – С. 221–230.
6. Галубовіч, В. Прапановы па павелічэнні прыбытковасці Магілёўскай эканоміі ў другой палове 1630-х гадоў у інструкцыі соймавым агентам віленскага ваяводы і вялікага гетмана ВКЛ Крыштапа Радзівіла / В.У. Галубовіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2021. – № 5. – С. 10–18.
7. Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego: w 2 t. – Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. – T. II. – 482 + XIII s.
8. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. – Dz. II. – Sygn. 1211.
9. Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego: w 10 t. – Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki. – 1859. – T. III. – 472 + XV s.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 113. – Кніга засведчаных спраў у вялікай канцелярыі. – 1637–1641. – 683 с.
11. НГАБ. – Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 119. – Кніга засведчаных спраў у меншай канцелярыі. – 1645–1647. – 1004 с.
12. Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego: w 10 t. – Petersburg: Nakladem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. – T. IV. – 501 + XVII s.
13. НГАБ. – Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 118. – Кніга засведчаных спраў у меншай канцелярыі. – 1638–1643. – 528 с.
14. Unus pro omnibus: Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV–XVIII стст. / склад. А.Я. Янушкевіч; навук. рэд. А.І. Шаланда. – Мінск: Медысонт, 2014. – 508 с.
15. НГАБ. – Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 111. – Кніга засведчаных спраў у вялікай канцелярыі. – 1634–1636. – 737 с.
16. НГАБ. – Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 118. – Кніга засведчаных спраў у меншай канцелярыі. – 1638–1643. – 528 с.
17. НГАБ. – Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 119. – Кніга засведчаных спраў у меншай канцелярыі. – 1645–1647. – 1004 с.

Паступіў у рэдакцыю 18.03.2025

О загадочном слове *ictus* из трактата *Artis Magnae Artilleriae Pars Prima* (1650) Казимира Семеновича

Подберёзкин Ф.Д.

Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси, Минск

В трактате Artis Magnae Artilleriae Pars Prima (Амстердам, 1650) литовского шляхтича Казимира Семеновича многократно упоминается снаряд, именуемый ictus. В классической латыни это слово означает «удар», «толчок», «нападение», «жук», «натиск». Однако инженер вкладывал в это понятие технический смысл, доступным его коллегам. Адекватная интерпретация данного термина может представлять сложную задачу для современного исследователя эпохи «огнестрельной революции». Попытка решить ее была предпринята в рамках работы над проектом по переводу трактата на русский язык.

Цель статьи – представить наиболее точный перевод слова ictus на русский язык. Мы исходим из того, что исследуемый кейс представляет шанс реконструкции реалий материальной истории и научной терминологии Восточной Европы середины XVII в.

Материал и методы. *Предпринимается попытка выяснить значения слова ictus на основе контекстного анализа употребления слова в трактате и последующего сравнительного анализа материалов по русской военной истории XVII в.*

Результаты и их обсуждение. *Среди вариантов перевода термина ictus в техническом значении мы выбрали галлицизм картуз, который бытовал в русском техническом «арсенале» XVII в. Картузом называли шерстяной, полотняный или бумажный мешочек, в который клали различные сыпучие вещества, в том числе пороховой заряд. С 60-х годов XVII в. в русских источниках встречаются наименования вкладных металлических картузов («вкладни», паеные картузы жестяные/медные). Такое значение сохранилось вплоть до XX в., подразумевая шелковую и металлическую оболочку, наполненную зарядом пороха для стрельбы, либо бумажный мешок.*

Заключение. *Таким образом, перевод терминов ictus ferreus/ictus papyraceus как железный картуз/бумажный картуз не только соответствует сущности описываемых снарядов, но и позволяет уточнить оригинальную лексику Казимира Семеновича.*

Ключевые слова: *Казимир Семенович, «Великое искусство артиллерии», ictus, картуз, снаряды, история артиллерии.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 24–30)

On the Mysterious Word of *ictus* in Casimir Siemienowicz's *Artis Magnae Artilleriae* *Pars Prima* (1650)

Podberezkin Ph.D.

Yakub Kolas Central Scientific Library of the NAS of Belarus, Minsk

In Casimir Siemienowicz's treatise Artis Magnae Artilleriae Pars Prima (Amsterdam, 1650), the Lithuanian nobleman repeatedly mentions a projectile referred to as "ictus". In classical Latin, this word means "a blow", "a thrust", "an attack", "a bite", or "an impact". However, the engineer imbued the term with a technical meaning understandable to his colleagues. An adequate interpretation of this term can pose a complex challenge for the modern study of the "firearm revolution" era. An attempt to solve it has been undertaken within the framework of a project to translate the treatise into Russian.

The purpose of this article is to present the most accurate translation of the word "ictus" into Russian. We proceed from the understanding that the case under investigation offers an opportunity to reconstruct the realities of material history and scientific terminology in Eastern Europe in the mid-17th century.

Material and methods. *We attempt to determine the meaning of ictus by first analyzing its usage within the treatise and then comparing this analysis to materials on 17th-century Russian military history.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: hetmanpolny@yandex.ru – Ф.Д. Подберёзкин

Findings and their discussion. Among the possible translations of the term “*ictus*” in its technical sense, we have chosen the Gallicism “*кармуз*” (*kartuz*), which was common in the Russian technical “arsenal” of the 17th century. “*Кармуз*” referred to a small bag made of wool, linen, or paper, into which various granular substances were placed – including gunpowder charges. From the 1660s onwards, Russian sources mention insertable metal *kartuzes* (“*вкладни*”, “*паеные кармузы жестяные/медные*” – “inserts, soldered tin/copper *kartuzes*”). This meaning persisted until the 20th century, referring to a silk or metal casing filled with a gunpowder charge for firing, or to a paper bag.

Conclusion. Therefore, translating the terms *ictus ferreus/ictus papyraceus* as ‘iron *kartuz*’/‘paper *kartuz*’ accurately reflects the nature of the projectiles described and clarifies Casimir Siemienowicz’s original term.

Key words: Casimir Siemienowicz, *The Great Art of Artillery*, *ictus*, *кармуз* (*kartuz*), projectiles, history of artillery.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 24–30)

This article was prepared as part of the Belarusian National Academy of Sciences project, “Casimir Siemienowicz’s *Artis Magnae Artilleriae* (1650): Translation, Commentary, and Scholarly Apparatus,” approved by Decree No. 30 of the Presidium Bureau, dated January 24, 2025.

В трактате *Artis Magnae Artilleriae Pars Prima* (Амстердам, 1650) литовского инженера Казимира Семеновича многократно упоминается снаряд, именуемый *ictus*. В классической латыни это слово означало «удар», толчок», «нападение», «укус», «натиск» [1, с. 485]. Однако в ряде случаев Казимир Семенович вкладывал в это понятие свой, технический смысл, который оставил без объяснения. Адекватная интерпретация данного термина – ввиду его многозначности – может представлять сложную задачу для современного историка военной техники. Попытка решить ее была предпринята в рамках нашей работы над проектом по переводу трактата на русский язык.

Цель статьи – представить и обосновать наиболее точный перевод слова *ictus* на русский язык. Исследуемый кейс являет собой возможность для реконструкции реалий материальной истории и научной терминологии Восточной Европы середины XVII в.

Материал и методы. Материалом для исследования являются оригинальный текст амстердамского издания трактата *Artis Magnae Artilleriae Pars Prima*, авторский перевод данного текста, рукописные фрагменты русского перевода «Великого искусства артиллерии», хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 254), французский (1651), немецкий (1676), английский (1729) и польский (1963) переводы трактата, исторические словари русского языка XI–XVII вв., материалы по военной истории России XVII в. Работа проводилась с помощью историко-сравнительного метода.

Результаты и их обсуждение. Оригинальная семантика используется в тех случаях, когда речь идет о военных ударах или механических действиях (табл. 1):

Тот же термин используется и для определения различных пиротехнических сущностей, отличающихся по форме: зарядов пороха и взрывателей

в бумажной или металлической оболочке. Например, *ictus* в двух значениях – отмеренного порохового заряда и железного взрывателя, начиненного порохом (в нашем переводе – *кармуза*) – в одном и том же предложении (табл. 2):

Пороховой заряд в сферической оболочке, прикрепленный ко дну снаряда как на рис. 82¹ (табл. 3).

В многочисленных упоминаниях взрывателей в виде бумажных или железных трубок (реже – в виде конуса), начиненных порохом (иногда – порохом и свинцовой дробью/шариками) и напоминающих гильзы или патроны (см. рис. 87, 90, 93, 105–108, 137, 151 и др.), используется единый термин *ictus* (табл. 4):

При всем разнообразии форм, объединяемых понятием *ictus*, имеется один сущностный признак – отмеренное количество пороха, которое может заключаться в оболочку. Единым термином для всех представленных случаев выступает значение «заряд». На наш взгляд, этот обобщающий смысл вкладывался в понятие *ictus* и нашим автором – учитывая то обстоятельство, что исторический польский эквивалент *nabój* (с которого, по-видимому, «мысленно» переводил Семенович) также являлся многозначительным термином, т.е. «патрон», «снаряд» или «определенное количество взрывчатого материала»².

В русской военной терминологии XVII века *заряд* также являлся весьма обширным термином³. Так именовалось отмеренное количество дроби/пороха для выстрела, иногда – в бумажной оболочке [3, с. 291–292]. Слово *заряд* использовалось и для ранних патронов, т.е. «контейнеров» с отмеренным порохом и снарядом. Так, в документах о капитуляции русской армии М.Б. Шеина под Смоленском (24.02.1634) упоминаются *17 зарядов в трубках с зельем насыпаны, и ядра к ним привязаны по 4 гривенки ядро* [4, с. 378].

¹Рисунки с соответствующими номерами представлены самим Казимиром Семеновичем. Мы ссылаемся на номера рисунков из оригинального издания “*Artis magnae Artilleriae Pars Prima*” (Amsterdam: apud Joannem Iansonium, 1650).

²Słownik języka polskiego. URL: <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/naboj;5453903.html>

³Благодарю уважаемого А.Н. Лобина за консультацию по этому вопросу.

Оригинальные значения термина *ictus* в трактате *Artis Magnae Artilleriae Pars Prima*

Оригинал	Перевод
<i>Cucurrere illico ad nemora et prostratis ingentissimis arboribus exterminatoria fecere machinamenta, quae validi et plures numero iuvenes manibus lacertisque sustinentes reciprocatione ictuum morantia perfringere claustra conabantur [2, p. 5]</i>	Они тут же бежали в лес и, срубив большие деревья, делали из них штурмовые машины. Более сильные, молодые люди, передвигали их на руках и плечах, и, нанося повторяющиеся удары по удерживающим их запорам, пытались сломать оные
<i>Non muri, non claustra ulla non ferro munitae acies, tam vehementes eius valent perferre ictus, sed quassata dissiliunt sternunturque [2, p. 7]</i>	Ни стены, ни запоры, ни окованные железом войска не могли выдержать ее жестоких ударов , но, разбитые на куски, разлетались и падали на землю
<i>Fungi grandes et veteres, quos super fraxino, robore, lalice, quercu, betula et aliis arboribus nasci videmus, in camino suspense fumo primum macerentur, deinde scindantur in frusta et ligneo malleo fortiter adacto crebris ictibus tundantur bene [2, p. 88]</i>	Крупные и старые грибы, которые растут на ясенях, буках, осинах, дубах, березах и иных деревьях, подвешивать в камине и размягчить в дыму, затем разрезать на куски и хорошенько отбить деревянным молотком, ударяя сильно и часто
<i>Novi quosdam ex modernis pyrobolisticis, qui certis compositionibus seu materiis, quibus implent rochetas, certum quoque numerum ictuum et mallei pondus assignant, adeo ut unam eandemque rochetam diversis onerantes materiis diversa malleorum necesse habeant pondera diversumque ictuum numerum [2, p. 101]</i>	Я знаю некоторых современных ракетных мастеров, которые устанавливают для определенных смесей или материалов, которыми они наполняют свои ракеты, строго определенный вес молотка и число ударов , и при наполнении одной и той же ракеты разными материалами они используют молотки разного веса, нанося разное количество ударов
<i>Ut enim haec maximam granorum intus reclusorum asservant congeriem, unde et mala granata audiunt, parili quoque ratione bellici nostrates isti globi et plurimis primum pulveris pyrii replentur granis et, ubi conceperint ignem, in innumeros plane acinos eosque hosti infensissimos dissiliunt, quos quasi grana quaedam quaquaversum disseminant, ut ictus imprimant validissimos prope astantibus, unde et Leonhardo Frontzbergero in sua Artilleria «springende und schlagende Kugeln» dicuntur, quasi salientes aut dissilientes potius percutientesque globi [2, p. 149]</i>	Как те содержат внутри большое количество семян, отчего и называются гранатами, так и наши боевые сферы наполняются множеством зерен пороха и, загораясь, разлетаются на бесчисленные осколки, весьма яростные и враждебные противнику, рассыпаясь как семена во все стороны – дабы нанести сильнейшие удары тем, кто находится поблизости. Поэтому Леонгард Фронспергер в своей «Артиллерии» называет их <i>springende und schlagende kugeln</i> , как будто они подпрыгивают, или, скорее, взрываются и наносят удары
<i>Sed taceant illi licet, quos virtus nostra et mutos et omnis prorsus rationis inopes ita effecit, ut in hunc usque diem tamquam fulmine icti, amentes atque attoniti, ne mutire quidem valeant adversus victricia nostratium arma suamque impotentiam confiteri [2, p. 170]</i>	Но лучше пусть помалкивают те, кого наша доблесть сделала немыми и совершенно лишила разума. Ибо upto сей день, как будто после удара молнии, они безумны и ошеломлены и не могут произнести ни слова о победоносном оружии наших людей, признаваясь в собственной беспомощности

Таблица 2

Термин *ictus* в значениях отмеренного порохового заряда и железного взрывателя

Оригинал	Перевод
<i>Ictus ex pulvere granulato maiori rochetae abesse poterit, sed illius locum occupent aliquot ictus ferrei, quorum pars suprema pulvere fortissimo replenda, infima vero eadem compositione, qua et ipsa rocheta onerata est [2, p. 112]</i>	Большая ракета может не иметь заряда зернистого пороха, вместо него помести несколько железных картузов , верхнюю часть которых заполни очень сильным порохом, а нижнюю – той же смесью, которой заполнена сама ракета

Таблица 3

Термин *ictus* в значении порохового заряда в сферической оболочке

Оригинал	Перевод
<i>Ictus quoque fundo globi applicator, ut apparet ad M [2, p. 122]</i>	Ко дну сферы крепится картуз , как это видно на рисунке под буквой <i>M</i>

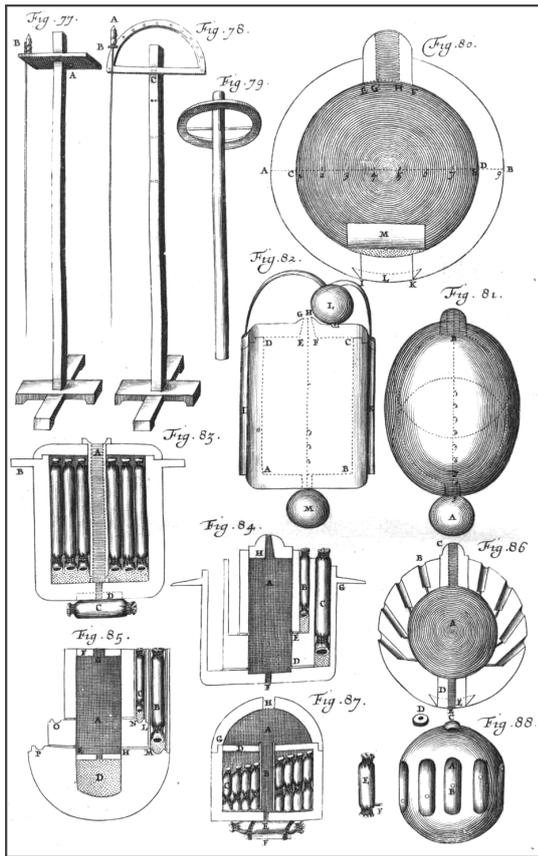

Рис. 82, 87

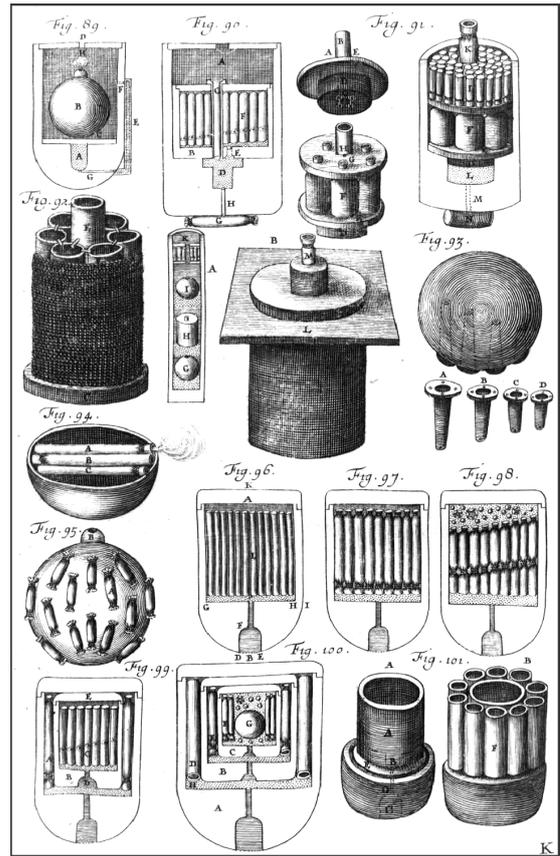

Рис. 90, 93

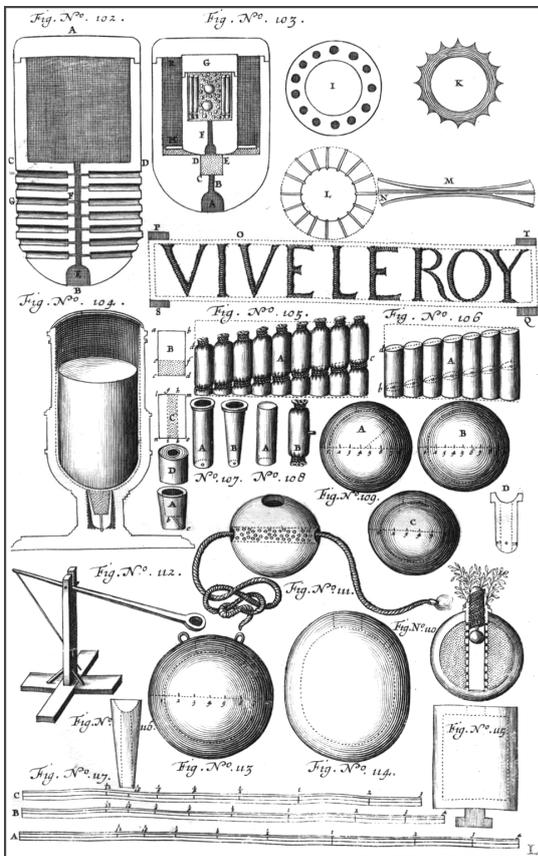

Рис. 105-108

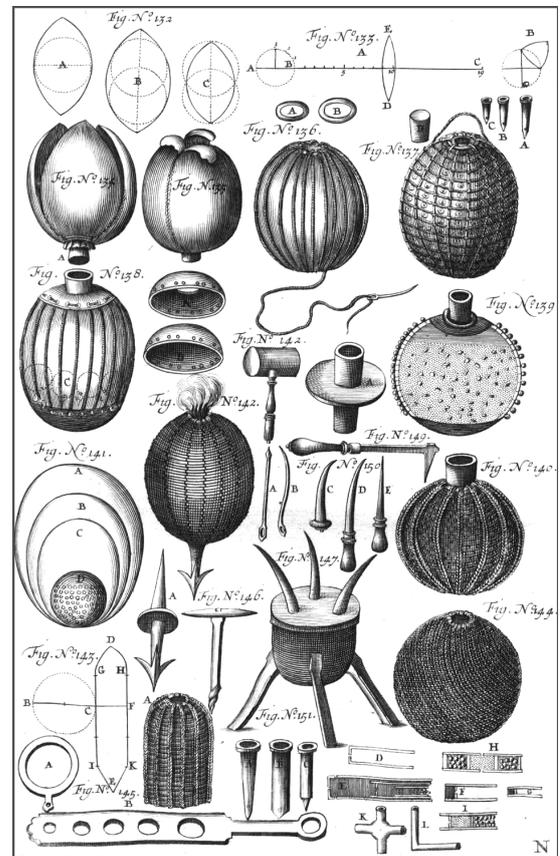

Рис. 137, 151

Термин *ictus* в значениях взрывателей в виде бумажных или железных трубок

Оригинал	Перевод
<p><i>Forma globi istius in figura sub n. 87 delineati mixta est. Pars enim eius inferior cylinder excavatus est hemisphaerio concavo tectus, ut ad G conspicitur. Cylinder huius globi repletur ictibus papyraceis; hemisphaerium vero super ictibus et super orbe ligneo separante ictus a materia repletur compositione aquatica, ut lit. A monstrat [2, p. 124]</i></p>	<p>Форма снаряда, изображенного на рис. 87, неоднородна, так как его нижняя часть представляет собой полый цилиндр, покрытый вогнутой полусферой, как видно под буквой G. Цилиндр указанного снаряда заполняется бумажными картузами, а полусфера над ними и над деревянным диском, отделяющим картузы от материи, заполнена смесью для водных снарядов, как показано под буквой A</p>
<p><i>Ratione effectus globus hic, cuius schema in figura n. 90 exhibemus, superiori a nobis descripto simillimus est. Hoc tantum differt, quod non sphaericum et aquatica materia oneratum habeat alterum globum sibi inditum, sed cylindraceum desuper et inferne planum ictibusque ferreis repletum, ut sub lit. B et F videre est [2, p. 125]</i></p>	<p>Ядро, схему которого я привожу на рис. 90, по действию очень похоже на то, что было описано ранее. Оно отличается лишь тем, что внутри его нет другого сферического снаряда, заполненного водной материей, а есть цилиндр, как сверху, так и снизу плоский и заполненный железными картузами, как видно под буквами B и F</p>
<p><i>Fac postea fieri ictus ferreos quattuor aut etiam plures eius formae, qualem nos in figura n. 93 depinximus sub lit. A, B, C, D. Istos pulvere granulato optimo usque ad orificia replebis desuperque coacta papyro aut stупpa lini vel canabis obturabis terebratisque in globo foraminibus eius latitudinis, ut illos ictus facile inserere queas, claviculis ferreis ad convexam globi superficiem firmabis habebisque globum praeparatum, quem si accensum in planum aliquod proieceris, tot saltus videbis facientem, quot ictus indideris [2, p. 135]</i></p>	<p>Затем сделай четыре, а лучше больше, железных картуза в такой форме, как я изобразил на рисунке 93 под буквами A, B, C, D. Заполни их вплоть до самых отверстий самым лучшим зернистым порошком, затем закупорь плотной бумагой либо льняной или конопляной паклей. Затем, просверлив в ядре отверстия такой ширины, чтобы можно было легко вставить картузы, закрепи их железными гвоздями на выпуклой поверхности ядра, и так у тебя получится готовый снаряд. Бросив его зажженным на какую-либо поверхность, увидишь, как он сделает столько же прыжков, сколько картузов ты в него вложил</p>
<p><i>Toties iam in ante dictis fecimus mentionem ictuum, quomodo autem construe debeant nihil hucusque ea de re diximus. Sciendum itaque duplices esse in re pyrotechnica ictus, quos Germanico idiomate vocamus die Schlage. Ex his sunt quidam, quos ignibus artificialibus recreativis (de quibus nunc) adhibemus; quidam vero ad usus bellicos spectant. De istis inferius suo loco referemus quaedam. Quantum ad formam ictuum, varia atque multiplex illa utrisque assignari potest. Ad recreativos tamen ignes artificiales hosce selegimus, quos in figuris n. 105, 106, 107 et 108 sub lit. A et B depictos exhibemus. Quidam ex his sunt papyracei, quales n. 105 atque 108 sub lit. B. construuntur autem illi in modellis seu formis propriis, ex quibus unam 1. 3, cap. 3 descripsimus et graphice delineavimus. Quidam vero tum ex laminis cupreis et ferreis tenuioribus etiam ex plumbeis parantur, quales sunt n. 106, 107, 108 sub littera A [2, p. 147]</i></p>	<p>Ранее я уже не раз упоминал о картузах, однако до сих пор ничего не сказал о том, как они должны быть устроены. Итак, следует знать, что в пиротехнике существует два вида картузов, которые по-немецки называются die Schlage. Одни из них используются для потешных огней (о которых мы сейчас говорим), а другие – для военных целей. В своем месте мы рассмотрим и их. Что касается формы картузов, то она может быть разнообразной и многочисленной в обоих случаях. Однако для потешных огней мы изберем те, что изображены на рисунках 105, 106, 107 и 108 под буквами A и B. Некоторые из них бумажные, например, 105 и 108 под буквой B. Они изготавливаются в специальных моделях или формах, одну из которых я описал и графически изобразил в разделе 3 книги 3. Некоторые, например, 106, 107 и 108 под буквой A, сделаны из более тонких листов меди и железа, а также свинца</p>
<p><i>Praeter illam, quam iam descripsimus superius capite 5 de globis ignitis ictuum speciem, sunt et aliae complures apud pyrotechnicos in usu. Sed cum id proposuerimus, ut non nisi praecipuas et artificialiores aut saltem magis nunc usitatas pyrotechnicas inventiones hoc opusculo explicemus, itaque reiectis ceteris subicimus pyrotechnici nostri oculis figuras ictuum n. 151 sub lit. A, B, C, D, E, F, G, H, I, K, L [2, p. 192]</i></p>	<p>Кроме той разновидности картузов, которую я уже описал выше, в главе 5 об огненных ядрах, существует множество других разновидностей, обычно используемых пиротехниками. Поскольку в этой работе я поставил перед собой задачу объяснить только главные и наиболее искусные или, по крайней мере, более часто используемые пиротехнические изобретения, то, оставив в стороне остальные, представим взору нашего пиротехника изображения картузов, пронумерованных на рисунке №151 под буквами A, B, C, D, E, F, G, H, I, K, L</p>

Перевод многозначительного *ictus* столь же многозначительным эквивалентом *заряд*⁴ может показаться последовательным в перспективе буквального перевода. Однако в этом случае смешиваются значения *заряда* как «отмеренного пороха» (современное понимание слова) и *заряда* как снаряда с начиненным порохом (в смысле «разрывного снаряда»). Как будет показано ниже, в русских источниках XVII века уже использовались специальные термины, позволяющие точнее перевести термин *ictus* в зависимости от контекста.

Во фрагментах рукописного перевода «Великого искусства артиллерии», выполненного сотрудниками Посольского приказа Леонтием Гроссом и Иваном Тяжкогорским в 90-х годах XVII века, для обозначения *ictus* как снаряда используются слова *удар* и *ствол*, причем *ствол* (железный, медный или бумажный) встречается гораздо чаще [10, л. 35об., 93об., 95об., 107об.].

Удар является «калькированным» переводом с термина *Schlag* немецкой версии 1676 года. Логично предположить, что буквальный перевод был осуществлен теми переводчиками, которые были выходцами из Священной Римской империи – Леонтием Гроссом и Иваном Тяжкогорским, для которых немецкий язык был родным [11, с. 45; 12, с. 79].

Соответственно, русский вариант *ствол* следует отнести «на счет» перевода П.П. Шафирова. Согласно «Уставу ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» 1607 и 1621 годов, он использовался для обозначения взрывателя в виде металлической трубки, начиненной порохом⁵.

Вероятно, ко времени работы над первым русским переводом «Великого искусства» (1690-е), термином *ствол* обозначались уже не только металлические, но и бумажные взрыватели – что и объясняет выбор перевода *ictus* / *Schlag* как *бумажных, медных, и железных стволов* в версии П.П. Шафирова [10, л. 107об.].

Таким образом, русский термин *ствол* второй половины XVII века является точным эквивалентом понятия *ictus* в тех случаях, где речь идет о бумажной или металлической трубке, сопровождавшей снаряды. Тем не менее *ствол* как вариант перевода *ictus* также показался нам неудовлетворитель-

ным. Во-первых, на языке русских артиллеристов XVII века *ствол* понимался в т.ч. в современном значении как основная часть огнестрельного оружия [14, с. 38; 15, с. 653].

Иными словами, соответствующий перевод термина *ictus* мог создать дополнительные трудности: современный читатель, не знакомый с историей русской артиллерии, был бы вынужден разбираться, где речь идет о стволе артиллерийского орудия, а где – о специальных боеприпасах.

Заключение. Все вышесказанное позволяет объяснить, почему мы остановились на галлицизме *картуз*, который также бытовал в русском техническом «арсенале» XVII века. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», *картузом* называли шерстяной, полотняный или бумажный мешочек, в который клали различные сыпучие вещества – в том числе пороховой заряд [16, с. 84].

Как показал А.Н. Лобин, с 60-х годов XVII века в русских источниках уже встречаются наименования вкладных металлических картузов (*вкладни, паченые картузы жестианые/медные*) [17, с. 116–117].

Похожее определение – с добавлением металлической материи – дается в «Малом энциклопедическом словаре» Брокгауза-Ефрона (1907):

1) шелковая и металлическая оболочка, наполненная зарядом пороха для стрельбы;

2) бумажный мешок [18, с. 2032]. Таким образом, перевод терминов *ictus ferreus/ictus papyraceus* как *железный картуз/бумажный картуз* не только соответствует сущности описываемых снарядов, но и позволяет уточнить оригинальную лексику Казимира Семеновича.

Статья подготовлена в рамках отдельного проекта НАН Беларуси «Трактат “Великое искусство артиллерии” Казимира Семеновича (1650): перевод, комментарий, научно-справочный аппарат», Постановление Бюро Президиума НАН Беларуси от 24.01.2025 № 30.

Литература

1. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – М.: Изд-во «Русский язык», 1976. – 1088 с.
2. Siemienowicz, C. Artis magnae artilleriae pars prima / C. Siemienowicz. – Amsterdam: apud Joannem Iansonium, 1650. – 284 p.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5, (Е-Занутие). – 395 с.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией. – Т. 3: 1613–1645. № 246. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 522 с.
5. Siemienowicz, C. Grandart d’artillerie... / C. Siemienowicz. – Amsterdam: apud Joannem Janssonium, 1651. – 424 p.
6. Simienowicz, C. Vollkommene Geschuetz-Feuerwerck- und Buechsenmeisterei-Kunst... / C. Simienowicz. – Frankfurt am Main: Heinrich Friesen, 1676. – 232 S.
7. Simienowicz, C. The Great Art of Artillery... / C. Simienowicz. – London: J. Tonson, 1729. – 404 p.

⁴Другие варианты: *Petard* [5], *Schlag* [6], *Recreative Petard/Cracker* [7], *Nabój* [8], *Патрон* [9]. Нельзя согласиться с переводом термина *ictus* как патрон – в тех случаях, где Семенович пишет о железных, медных или бумажных трубках (взрывателях), которые приспособлялись к ядрам или ракетам. Патрон (в современном понимании) подразумевает наличие отмеренного пороха и снаряда (пули) в гильзе (оболочке), чего нельзя сказать об *ictus* Семеновича, который начинялся либо исключительно порохом, либо порохом с мелкими шариками (дробью).

⁵Да изготовити и держати на верхнем потолке несколько тысяч боевых стволов, которые в огненные ядра класти пригожаются. Ковати стволы в железе, на глухих концах учинити востры, а у острых концов учинити запалы и заряды добрым порохом и пульками [13, с. 8; 14, с. 38].

8. Siemienowicz, K. Wielkiej Sztuki Artylerii. Część pierwsza / K. Siemienowicz; przygotowanie i przekład tekstu łacińskiego, przekład, wstęp oraz komentarz Tadeusz Nowak. – Warszawa: Wydaw. MON, 1963. – 771 S.
9. Ивашквичюс, А. Казимир Семенович и его книга «Великое искусство артиллерии. Часть первая» / А. Ивашквичюс. – Вильнюс: Минтис, 1971. – 65 с.
10. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). – Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 254.
11. Гуськов, А.Г. Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе / А.Г. Гуськов, И. Майер // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 12–13 сент. 2019 г. – М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2019. – С. 45–53.
12. Майер, И. Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы / И. Майер // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 12–13 сент. 2019 г. – М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2019. – С. 76–83.
13. Старинный военный устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах, или статьях... Ч. 2. – СПб.: Государственная Военная коллегия, 1781. – 234 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. В.Б. Крысько. – М.: Наука, 2008. – Вып. 28, (Старичекъ-Сулебный). – 304 с.
15. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014. – 801 с.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7, (К-Крагуяръ). – 407 с.
17. Лобин, А.Н. Пушки первых Романовых: русская артиллерия 1619–1676 гг. / А.Н. Лобин. – М.: Яуза, Эксмо, 2022. – 288 с.
18. Малый энциклопедический словарь. Т. 1 (выпуск II), (Гальванохромия–Кившенко). Издание II-ое, вновь переработанное и значительно дополненное. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. – С. 1057–2080.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Культурное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е гг. (отечественная историография)

Рожкова С.Н.

Учреждение образования «Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматривается современная отечественная историография культурного сотрудничества СССР и Германии в период рапальской политики.

Цель публикации – охарактеризовать отношения между СССР и Германией в культурной сфере (1920–1930-е гг.) в отечественной историографии.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной историографии, посвященной культурной политике советско-германских отношений рапальского периода. В основу статьи положены исследования белорусских историков. Были изучены научные публикации В.А. Космача, Н.Н. Мезги, Д.А. Мигуна, П.С. Романовича, Д.В. Романовского, А.А. Осмоловского, В.Е. Снапковского, В.З. Ермаловича, А.В. Тихомирова, Д.А. Кривошей. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие исследователю всесторонне рассмотреть изучаемый объект.

Результаты и их обсуждения. Белорусские историки считают, что в условиях тотального молчания вокруг немецкой науки и культуры Германия сделала выбор в пользу культурного сотрудничества с СССР. Обоюдная заинтересованность в культурном и научно-техническом сотрудничестве во многом определила успех Рапалло. Внешняя культурная политика СССР и Германии была отмечена новыми формами связей: недели наук, совместные экспедиции, научные эксперименты, регулярный книгообмен, участие в различных выставках и ярмарках и т.д.

Заключение. В белорусской современной историографии историки пришли к выводу, что в 1920–1930-е годы Германия проводила активную внешнюю культурную политику в отношении СССР. Подписание Рапальского договора и стремление СССР к сотрудничеству с Германией явились определяющими факторами активизации научно-технических и культурных связей между обоими государствами. Изоляция Германии в сфере культуры толкала ее к культурному сотрудничеству с СССР.

Ключевые слова: белорусская историография, советско-германские отношения, Германия, СССР, культурная политика, Рапальский период.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 31–35)

Cultural Cooperation between the USSR and Germany in the 1920s–1930s (Domestic Historiography)

Rozhkova S.N.

Education Establishment “Francisk Skorina State University of Gomel”, Gomel

The article examines modern domestic historiography of the cultural cooperation of the USSR and Germany during the Rapallo policy.

The purpose of the article is to characterize relations between the USSR and Germany in the cultural sphere (the 1920s–1930s) in domestic historiography.

Material and methods. The study was carried out on the materials of domestic historiography devoted to the cultural policy of Soviet-German relations of the Rapallo period. The article is based on the research of Belarusian historians. Scientific publications by V.A. Kosmach, N.N. Mezgi, D.A. Migun, P.S. Romanovich, D.V. Romanovsky, A.A. Osmolovsky, V.E. Snapkovsky, V.Z. Ermalovich, A.V. Tikhomirova, D.A. Krivoshey were studied. The methodological basis of the work is the scientific principles of objectivity and historicism. Two groups of methods were used to conduct the study: general science – analysis and synthesis, induction and deduction; special historical – historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic, which allowed the researcher to comprehensively look at the object under study.

Findings and their discussion. *Belarusian historians believe that in conditions of total silence around German science and culture, Germany made a choice in favor of cultural cooperation with the USSR. Mutual interest in cultural and scientific-technical cooperation largely determined the success of Rapallo. The foreign cultural policy of the USSR and Germany was marked by new forms of ties: weeks of sciences, joint expeditions, scientific experiments, regular book exchange, participation in various exhibitions and fairs, etc.*

Conclusion. *In Belarusian modern historiography, historians came to the conclusion that in the 1920s–1930s Germany pursued an active foreign cultural policy towards the USSR. The signing of the Rapallo Treaty and the desire of the USSR to cooperate with Germany were the determining factors in the intensification of scientific, technical and cultural ties between both states. The isolation of Germany in the field of culture pushed it to cultural cooperation with the USSR.*

Key words: *Belarusian historiography, Soviet-German relations, Germany, USSR, cultural policy, Rapallo period.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 31–35)

Историки Беларуси уделили значительное внимание изучению культурного советско-германского сотрудничества в рапальский период. В рамках Версальской системы международных отношений странами Антанты проводилась политика «тотального молчания» против немецкой науки и культуры. В подобной ситуации Берлин выбрал восточную культурную политику, которая должна была противодействовать планам Антанты.

Данная тема предоставляет широкое поле для дальнейших исследований, особенно в плане изучения конкретных проектов и инициатив, реализованных в рамках этого сотрудничества, а также анализа его влияния на культуру и науку обеих стран.

На сегодняшний день в Республике Беларусь германистика является перспективным направлением в области исследования проблем всеобщей истории, однако в исторической науке практически нет работ по историографии внешней культурной политики СССР и Германии в период Рапалло.

Материал и методы. Исследование проведено на материалах отечественной историографии, посвященной культурной политике советско-германских отношений рапальского периода. В основу статьи положены научные труды белорусских историков. Были изучены публикации В.А. Космача, Н.Н. Мезги, Д.А. Мигуна, П.С. Романовича, Д.В. Романовского, А.А. Осмоловского, В.Е. Снапковского, В.З. Ермаловича, А.В. Тихомирова, Д.А. Кривошей. Методологической основой работы являются научные принципы объективности и историзма. Для проведения исследования были использованы две группы методов: общенаучные – анализ и синтез, индукция и дедукция; специально-исторические – историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, позволившие всесторонне рассмотреть изучаемый объект.

Результаты и их обсуждение. После революции 1917 года Советское государство оказалось в изоляции, и его новое руководство искало пути для интеграции в международное сообщество. Германия, после поражения в Первой мировой войне и подписания Версальского договора, также испытывала потребность в восстановлении своего международного статуса. Это создало идеальные условия для налаживания культурных связей, которые, несмотря

на политические разногласия, позволяли обеим странам обмениваться знаниями, опытом и идеями. Рапальский договор, безусловно, стал отправной точкой для советско-германского культурного сотрудничества.

Профессор В.А. Космач из ВГУ имени П.М. Мащерова в этой связи отмечает, что в 1920-е годы многие немецкие писатели начали интересоваться советской литературой. В свою очередь, советские авторы черпали вдохновение из немецкой классической литературы. Появление переведенных произведений и совместных литературных мероприятий стало основой для глубокого культурного обмена.

В начале 1920-х годов, когда обе страны искали выход из экономического и политического кризиса, научный обмен стал важным инструментом для достижения взаимовыгодных целей. Советский Союз, обладая богатым потенциалом в области естественных и гуманитарных наук, стремился привлечь немецких ученых, которые, в то же время, искали возможности для работы в условиях новой политической реальности.

Одним из первых шагов в этом направлении стало создание совместных научных проектов. В 1922 году был подписан договор о культурном сотрудничестве, который открыл двери для совместных исследований в таких областях, как физика, химия, биология и сельское хозяйство. Это сотрудничество содействовало созданию множества научных институтов и лабораторий, где ученые из обеих стран могли обмениваться опытом и знаниями.

В ряду ярчайших примеров успешного научного обмена стало сотрудничество в области физики. В 1920-х годах в Германии активно развивалась теория относительности и квантовая механика, и советские физики, имели возможность учиться и работать под руководством немецких ученых. Это взаимодействие не только обогатило советскую науку, но и позволило немецким ученым получить доступ к новым идеям и методам исследования.

В области сельского хозяйства также наблюдался значительный обмен. Научные делегации из Германии приезжали в СССР, чтобы изучать новые методы земледелия и агрономии, что способствовало повышению производительности сельского хозяйства в Советском Союзе. В свою очередь, советские агрономы

могли перенимать опыт немецких коллег, что помогло внедрению новых технологий и практик.

Научный обмен между СССР и Германией не ограничивался лишь академическими исследованиями. Он также включал в себя культурные аспекты, такие как выставки, конференции и лекции, которые способствовали обмену идеями и взглядами. В 1925 году в Москве прошла международная выставка, на которой были представлены достижения науки и техники обеих стран. Это событие стало символом культурного сотрудничества и обмена, привлекло внимание широкой общественности и научного сообщества. Кроме того, в этот период активно развивались связи между университетами и научными институтами. Многие немецкие ученые приезжали в СССР для чтения лекций и проведения семинаров, что способствовало распространению новых идей и методов исследования. В свою очередь, советские ученые имели возможность учиться и работать в немецких университетах, что обогащало их научный опыт.

В этот период активно развивалось сотрудничество между художниками обеих стран. Немецкие экспрессионисты и советские авангардисты обменивались идеями, создавая уникальные произведения, отражающие дух времени. Выставки, такие как «Советское искусство» в Берлине в 1927 году, стали важными событиями, демонстрирующими достижения обеих культур. Театральные труппы данных стран активно сотрудничали, проводя совместные гастроли и обмены. Кинематограф также стал полем для совместной работы. Немецкий экспрессионизм оказал значительное влияние на советское кино [1, с. 211].

В контексте культурного взаимодействия особое внимание Д.А. Кривошей из Института истории НАН Беларуси уделил деятельности отдела, занимающегося делами немцев за границей, который был частью Министерства внутренних дел Германии. Этот отдел стал своего рода хранителем культурной идентичности немецкого народа, проживающего за пределами родины. Его основная задача заключалась в поддержке и развитии культурных связей с немецкими общинами, находящимися в других странах.

С начала 1920-х годов, когда многие немцы оказались вне своих исторических границ, данный отдел стал важным инструментом для сохранения немецкой культуры, языка и традиций. Он организовывал культурные мероприятия, выставки, лекции и концерты, которые позволяли немцам за границей не только сохранять свою идентичность, но и интегрироваться в культурное пространство стран, где они жили.

На фоне международного сотрудничества и обмена внутри самой Германии также происходили значительные изменения. Министерство внутренних дел, в частности его специализированный отдел, активно занимался вопросами культурной политики, направленной на поддержку немецкой культуры как внутри страны, так и за ее пределами. Важным

аспектом этой работы было создание и поддержка культурных организаций, которые обеспечивали немцам возможность участвовать в культурной жизни. В то же время возникали новые художественные направления, и многие немецкие художники, писатели и музыканты искали вдохновение в сотрудничестве с коллегами из других стран, включая СССР [2, с. 115].

Согласно мнению В.А. Космача, официальные научные общества занимали значительное место в реализации задач внешней культурной политики в рамках рапалльских отношений с Советским Союзом. Одним из таких учреждений стало общество, посвященное изучению Восточной Европы.

Общество ставит перед собой несколько ключевых задач:

1. Научные исследования: проведение глубоких и систематических исследований по истории, культуре и языкам Восточной Европы. Ученые, чьи работы охватывали широкий спектр тем (от фольклора до политической истории) объединялись для обмена знаниями и идеями.

2. Культурный обмен: общество активно способствовало культурному обмену с Восточной Европой. Это включает в себя организацию выставок, лекций, семинаров и культурных мероприятий, которые знакомят широкую публику с богатым наследием восточноевропейских народов.

С момента своего основания общество активно занималось публикацией научных трудов, сборников статей и монографий, посвященных различным аспектам восточноевропейской культуры и истории. Эти публикации становились важными источниками информации для исследователей. Кроме того, общество организовывало конференции, на которых ученые могли представить свои исследования, обсуждали актуальные проблемы и обменивались опытом. Данные мероприятия способствовали не только научному обмену, но и формированию новых связей и сотрудничества между исследователями разных стран [1, с. 20].

Н.Н. Мезга из ГГУ имени Ф. Скорины подчеркивает, что в течение всего рапалльского периода правящая элита Германии активно вела идеологическую борьбу против Советского Союза. Эта борьба, пронизанная духом противоречий и взаимных недоверий, стала неотъемлемой частью политической стратегии как Берлина, так и Москвы. В то время как обе страны стремились к восстановлению своих позиций на международной арене, идеологические разногласия, коренившиеся в глубинных политических системах, порождали конфликты и недоразумения.

В 1922 году, когда был подписан Рапалльский договор, многие в Германии воспринимали его как возможность для сближения с Советской Россией, однако это сближение имело свои пределы. С одной стороны, Германия искала экономические выгоды и новые рынки, с другой – опасалась распространения

коммунистической идеологии, которая угрожала существующему порядку. В этот период нарастали антикоммунистические настроения, которые активно поддерживались правыми политическими силами. Они стремились создать образ Советского Союза как врага, который не только подрывает устои европейской цивилизации, но и угрожает самой сущности германского народа.

В то же время в Советском Союзе происходила активная пропаганда социалистических идей, которая призывала к борьбе против «буржуазного» Запада, в том числе и против Германии [3, с. 106].

Д.А. Мигун из РИВШ, в отличие от других белорусских исследователей, утверждает, что «реакционные силы» в Германии использовали все доступные им средства – от газетных статей до публичных выступлений, пытаясь убедить общественность в том, что советская власть представляет собой не только угрозу для Германии, но и для всей Европы, сея семена недоверия. Эти «реакционные силы» стремились создать образ Советского Союза как агрессивного и разрушительного элемента, который подрывает основы европейской цивилизации [4, с. 5].

Белорусские современные историки (П.С. Романович, Д.В. Романовский, А.А. Осмоловский, В.Е. Снапковский, В.З. Ермалович, А.В. Тихомиров), анализируя сложные аспекты советско-германских отношений, пришли к выводу, что, несмотря на существующие проблемы, они сохраняли достаточно высокий уровень на протяжении всего рапалльского периода [5, с. 145; 6, с. 53; 7, с. 443–444; 8, с. 42–43; 9, с. 69–70; 10, с. 47].

В рамках Всесоюзного общества культурных связей (ВОКС) современные белорусские историки выделяют культурные связи между БССР и Германией в рапалльский период. Это общество стало важным мостом между двумя культурами, стремящимися к взаимопониманию и сотрудничеству. Например, Тишка Гартный, обладая не только поэтическим даром, но и глубоким пониманием культурных процессов, инициировал множество проектов, направленных на популяризацию белорусской культуры в Германии и, наоборот, знакомство белорусского народа с немецкими традициями и искусством.

Среди мероприятий, организованных Обществом, были выставки живописи, литературные вечера и концерты, которые позволяли не только представить достижения белорусских художников, писателей и музыкантов, но и создать платформу для диалога между представителями двух стран. Гартный активно сотрудничал с немецкими интеллигентами, что способствовало укреплению культурных связей и обмену опытом.

Культурное сотрудничество между Советской Беларусью и Германией в этот период также включало в себя обмен студентами и преподавателями, что дало возможность белорусским учащимся погрузиться в атмосферу немецкой науки и образования.

Это, в свою очередь, способствовало развитию новых идей и подходов в белорусской культуре и образовании, что было особенно важно в условиях, когда страна искала свое место на международной арене.

Вклад Советской Беларуси в культурное сотрудничество с Германией остается значимым примером того, как искусство и культура могут служить инструментами для преодоления барьеров и создания связей между народами [1, с. 110–111; 4, с. 84].

В.А. Космач и Д.А. Мигун подчеркивают, что в начале 1930-х годов сопротивление советскому культурному влиянию в Германии значительно усилилось. Это стало признаком отхода правящих кругов Веймарской республики от рапалльской политики и явного укрепления прозападной направленности в ее внешней культурной стратегии [1, с. 206; 4, с. 220].

Заключение. Таким образом, современные белорусские историки пришли к выводу, что научный обмен между СССР и Германией в указанный период стал не только важным этапом в развитии науки, но и ярким примером того, как культура и знание могут служить связующим звеном между народами, способствуя их взаимопониманию и сотрудничеству. Подписание Рапалльского договора и желание СССР наладить сотрудничество с Германией стали ключевыми факторами, помогающими развитию научно-технических и культурных связей между двумя государствами.

В мире, где переплетаются судьбы народов и культур, где каждая нота, каждый штрих и каждая идея могут изменить ход истории, существует особая сфера, посвященная сохранению и развитию культурного наследия. Одним из таких уникальных явлений было взаимодействие между Советским Союзом и Германией в 1920–1930-е годы. Культурный обмен между СССР и Германией в указанный период стал настоящим культурным мостом, соединяющим две нации, каждая из которых стремилась к прогрессу и самовыражению. Важным аспектом этого сотрудничества стали различные конференции, семинары и симпозиумы, на которых обсуждались актуальные вопросы культуры, науки и техники. Ученые из обеих стран делились своими достижениями, открывали новые горизонты для исследований и создавали прочные связи.

Литература

1. Космач, В.А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932 гг.): монография / В.А. Космач. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2006. – 390 с.
2. Кривашэй, Д.А. Інстытуцыяналізацыя знешняй культурнай палітыкі краін Еўропы ў міжваенны час (1919–1939 гг.) / Д.А. Кривашэй // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919–1949 гг.: актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и истории международных отношений,

-
- социально-гуманитарных наук и права: материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 3–4 окт. 2019 г. / ВГУ имени П.М. Машерова; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2019. – С. 115–117.
3. Мезга, Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов / Н.Н. Мезга. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2010. – 195 с.
 4. Мигун, Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.) / Д.А. Мигун. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – 303 с.
 5. Рамановіч, П.С. Тэрыторыя і палітычна-прававы статус ССРБ у 1919–1922 / П.С. Рамановіч // Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы Рэсп. навук. канф., 3–4 мая 2002 г., Гродна: у 4 ч. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі, БДУ, ГрДУ імя Я. Купалы; пад рэд. І.П. Крэня [і інш.]. – Гродна, 2003. – Ч. 4. – С. 145–148.
 6. Романовский, Д. «Белорусский вопрос» во внешней политике Веймарской Германии: деятельность IV отдела министерства иностранных дел – секция «Weissruthenien» / Д. Романовский // Белорусско-германско-российская международная научная конференция «Актуальные проблемы германской, российской и белорусской истории и культуры в контексте развития цивилизаций и мировой геополитики в XX веке и “круглый стол” “Беларусь и Германия в истории европейской дипломатии и мировой политики XX века: опыт и уроки для современности”, 6–7 июня 2013 года: сб. материалов / [редкол.: В.А. Космач (отв. ред.) и др.]. – Витебск: МИТСО, 2013. – С. 53–58.
 7. Осмоловский, А.А. Значение ратификации Рапальского договора для БССР в военной сфере / А.А. Осмоловский // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVI (63) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, 16–17 марта 2011 г. – Витебск: ВГУ, 2011. – Т. 1 / [редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) и др.]. – С. 442–444.
 8. Тихомиров, А.В. Проблемы белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А.В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
 9. Снапкоўскі, У.Е. Аб пашырэнні Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй на іншыя савецкія рэспублікі / У.Е. Снапкоўскі // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: [зб. навук. артыкулаў] / МДЛУ, Ін-т гісторыі НАН Беларусі; [рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.) і інш.]. – Вып. 7: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 25 крас. 2008 г. – Мінск, 2009. – С. 65–70.
 10. Ермаловіч, В. 3 гісторыі беларуска-нямецкага грамадскага супрацоўніцтва ў 20-х гадах XX ст. / В. Ермаловіч // Беларуская-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы міжнарод. “круглага стала”, (29–30 крас. 1996 г.) / [рэдкал.: А. Мальдзіс (адк. рэд.) і інш.]. – Мінск: Нац. навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. – С. 46–50.

Поступила в редакцию 21.04.2025

Становление и развитие учреждений высшего и среднего специального образования в Витебске в 1920-е годы

Тогулева Е.Д., Чевенков М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Первые послереволюционные годы стали временем переустройства государственной системы, экономики и социальных отношений. Одним из главных инструментов формирования новых граждан и переустройства общества являлась система образования, которая на протяжении становления советской системы неоднократно преобразовывалась. В Витебске, который до 1924 г. входил в состав РСФСР, процессы образовательного строительства происходили в рамках общегосударственных тенденций и изменений, однако с существенными местными национальными и социальными особенностями.

Цель публикации – выявить особенности становления и охарактеризовать деятельность учреждений высшего и среднего специального образования в городе Витебске в 1920-е годы.

Материал и методы. Основными источниками при проведении исследования послужили документы Государственного архива Витебской области. Были применены общенаучные и специально-исторические методы: историко-генетический и исторической ретроспективы.

Результаты и их обсуждение. На протяжении 20-х годов XX в. Витебск стал важным центром высшего и среднего специального образования, включая педагогическое, ветеринарное, медицинское, техническое, художественное и музыкальное. Данное десятилетие отмечено активными реорганизациями учебных заведений и изменениями учебных программ, что отражало изменения в социальной и политической жизни страны. Пик образовательного строительства пришелся на 1922/1923 учебный год, когда в городе насчитывалось 4 практических института и 5 техникумов, после чреды преобразований в 1929 г. сохранился 1 институт и 5 техникумов.

Заключение. Становление и развитие учреждений высшего и среднего специального образования в Витебске в 1920-е годы демонстрирует эксперименты советской власти в системе образования, национальной и социальной политике, призванные ускорить формирование социалистического общества. В данной сфере Витебск имел ряд уникальных особенностей: национальные признаки учреждений, их уникальный и новаторский характер, местная инициатива их создания, создание первых на территории Беларуси высших учреждений художественного, технического, сельскохозяйственного образования и т.д. Данные факторы заложили основу для развития Витебска как крупнейшего образовательного и научного центра.

Ключевые слова: Витебск, образование, институт, техникум, училище, РСФСР, БССР.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 36–41)

Formation and Development of Establishments of Higher and Secondary Special Education in Vitebsk in the 1920-s

Toguleva E.D., Chevenkov M.A.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The first post-revolutionary years became a time of reorganization of the state system, economy and social relations. One of the main instruments of formation of new citizens and reorganization of society was the education system, which was repeatedly transformed during the formation of the Soviet system. In Vitebsk, which until 1924 was part of the RSFSR, the processes of educational construction took place within the framework of general state trends and changes, however with specific local national and social characteristics.

The purpose of the study is to identify the features of the formation and characterize the activities of establishments of higher and secondary special education in the city of Vitebsk in the 1920s.

Material and methods. The main sources for the study were the documents of the State Archives of Vitebsk Region. General scientific and special historical methods of historical-genetic and historical retrospective were used.

Findings and their discussion. During the 1920s, Vitebsk became an important center of higher and secondary special education, including pedagogical, veterinary, medical, technical, art and musical. The decade was marked by active reorganization of educational establishments and changes in curricula, which reflected changes in the social and political life of the country. The peak of education construction came in 1922/23, when the city had 4 practical institutes and 5 technical schools; after a series of reforms in 1929, 1 institute and 5 technical schools remained.

Conclusion. The formation and development of establishments of higher and secondary special education in Vitebsk in the 1920s demonstrates the experiments of the Soviet government in the education system, national and social policy, designed to accelerate the formation of a socialist society. In this area, Vitebsk had a number of unique features: national characteristics of the establishments, their unique and innovative character; local initiative for their creation, the creation of the first higher establishments of art, technical, agricultural education in Belarus, etc. These factors laid the foundation for the development of Vitebsk as a major educational and scientific center.

Key words: Vitebsk, education, institute, technical school, college, RSFSR, BSSR.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 36–41)

Двадцатые годы XX века на территории нашей страны – это период перехода от войны к мирному строительству, который охватывал все сферы жизни государства: перестройка деятельности государственных органов управления, общественно-политических организаций, национально-государственное строительство, восстановление народного хозяйства, осуществление культурной революции, под которой подразумевалось повышение культурного уровня населения и создание советской системы образования. В данный период первоочередными задачами системы образования были: ликвидация малограмотности и неграмотности, развитие образования на родном языке, подготовка квалифицированных кадров для отраслей народного хозяйства, воспитание нового советского человека.

20-е годы XX века стали периодом формирования системы народного образования на всех уровнях. Высшее и среднее специальное образование должно было отвечать запросам времени и решать поставленные задачи. В Витебске образовательные процессы шли в рамках общегосударственных тенденций и изменений, но были обусловлены местными национальными и социальными особенностями.

Цель исследования – выявить особенности становления и охарактеризовать деятельность учреждений высшего и среднего специального образования в городе Витебске в 1920-е годы.

Материал и методы. Источниковой базой для написания статьи послужили работы Л.А. Моторовой [1], Г.Н. Яковлевой [2], Ф.И. Шкирандо [3], Г.П. Исакова [4], Е.М. Бондаревой [5], а также материалы фондов Государственного архива Витебской области: 204, 246, 156, 66, 173. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные и специально-исторические методы: историко-генетический и исторической ретроспективы.

Результаты и их обсуждение. Первым учреждением высшего образования в городе стал Педагогический Институт. В рамках государственного курса по реорганизации Учительских Институтов решением Наркомпроса от 01.10.1918 Витебский Учительский Институт реформировался в высшее учебное заведение с наименованием «Витебский Педагогический Институт». Структурно Институт состоял из следующих циклов:

естественно-географического, физико-математического и словесно-исторического. Срок обучения составлял 4 года. В первый пореформенный год, в связи с отменой экзаменов и отсутствием четких правил приема, в Институт было принято 240 человек «преимущественно учителей» [1, с. 90].

Уже в 1919 году с целью унификации и расширения педагогического образования Педагогические Институты были реформированы в Институты Народного Образования (ИНО). В соответствии с требованиями новой школы Институт состоял из двух отделов: один отдел подготавливал учителей для школы I степени, второй отдел подготавливал учителей для школы II степени. Последний отдел делился на 4 факультета: физико-химический, социально-исторический, физико-математический и естественно-географический, в 1920 добавился отдел подготовки инструкторов трудовых процессов. В рамках реализации второй государственной образовательной реформы 25 мая 1921 г. решением Комиссии Главпрофобра ВИНО был преобразован в Витебский Практический Институт Народного Образования (ВПИНО). Основной задачей ВПИНО являлась подготовка узких специалистов, высококвалифицированных учителей без широких академических знаний, срок обучения сокращался до 3 лет. Изменилась также и структура Института: отныне он состоял из 3 факультетов: физико-математического, социально-исторического, биолого-географического, при Институте действовало подготовительное отделение и опытно-показательная школа 2 степени. Совет Института утратил свои полномочия, на должность ректора был назначен его председатель П.И. Ильинский [1, с. 92]. По состоянию на 1 ноября 1922 г. в Институте обучалось 515 учащихся.

В 1923 году Главпрофобр осуществил очередную реформу, ликвидировав ВПИНО как вид учебного учреждения. Планировалось преобразовать лучшие из них в высшие учебные заведения, остальные в техникумы. Витебский Губисполком и Губоно неоднократно ходатайствовали перед Главпрофобром о преобразовании ВПИНО в высшее учреждение образования, поскольку его существование соответствовало потребностям губернии: «Губоно не рассчитывает на пополнение школ окончившими столичные вузы, так как до сих пор ни одного заявления от окончивших столичные

учебные заведения сделано не было... Провинция на столицу имеет мало надежды» [6, л. 31].

В результате 18 мая 1923 г. ВПИНО был реорганизован в Педагогический Институт, а 24 августа 1923 г. его статус был повышен до Высшего Педагогического Института [1, л. 93]. Решением Губисполкома от 29.09.1923 Вечерний Механико-строительный Техникум был отдан под руководство Педагогического Института с целью преобразования его в факультет [6, л. 24]. Многочисленные изменения названия и структуры Института были исторически обусловлены и отражают эксперименты советской власти в сфере высшего образования в целом и подготовки педагогических кадров в частности. Витебский Педагогический Институт стремился обеспечить своим студентам высокое качество образования и регулярно комплектовался квалифицированными педагогами, часто прибегая к помощи российской профессуры. Так, в 1921–1922 гг. в Институте читали лекции специалисты из Москвы: проф. Ясинский и проф. Архангельский, из Смоленска – проф. Перцов и из Петрограда – проф. Борсук, Петцель, Полянский, Зубарев и Салтыков. В 1923–1924 годы курсы по истории Беларуси читал знаменитые местный ученый-краевед А.П. Сапунов. С сентября 1920 г. курс западноевропейской литературы читал философ с мировым именем М.М. Бахтин, 16.12.1920 ему также было поручено чтение лекций по истории научного мироведения.

Весной 1924 года Витебская Губерния была официально передана в состав БССР. Небольшая республика не могла себе позволить содержание столь широкой сети образовательных учреждений, в связи с чем решением Наркомпроса Беларуси Витебский Педагогический Институт был закрыт, а его студентам было предложено перейти на 4 курс педагогического факультета БГУ. 31 августа 1924 г. Педагогический Институт был ликвидирован и восстановил свою деятельность лишь в 1930 г.

В 1921–1922 гг. в Витебске функционировал также Педагогический техникум (русский педтехникум) с целью подготовки учителей трудовой школы I ступени. С момента своего основания в 1921 г. техникум располагался вместе с Педагогическим Институтом в здании бывшей Александровской гимназии. По данным Губпрофобра, в конце 1921 г. в техникуме числились 53 учащихся и 18 педагогов, однако в апреле 1922 г. техникум был ликвидирован в связи с отсутствием у Отдела Народного Образования средств на его содержание [7, л. 82].

Осенью 1921 г. на базе еврейских педагогических курсов был создан Еврейский педагогический техникум, призванный подготавливать учителей для советских еврейских школ с преподаванием на идише, пришедших на смену религиозным по своей сути хедерам и давал специальность преподавателя школы I ступени. Техникуму был выделен первый этаж здания бывшей Талмуд-Торы и присвоено имя писательницы и народного комиссара просвещения Беларуси Эстер Фрумкиной [2, л. 30]. Учеба в техникуме была рассчитана на 4 курса. Из 130 желающих в первый учебный год было зачислено 86 человек, многие из них уже работали в сфере образо-

вания и преследовали цель подтверждения квалификации; возраст поступающих варьировался от 18 до 30 лет, 14 человек были сразу зачислены на второй курс [2, л. 30]. Первым директором техникума стал известный педагог Л.И. Фельдман, с сентября 1924 по 1931 г. его возглавлял Л.С. Калецкий, штат составлял 12 педагогов [2, л. 30]. По данным Губпрофобра, в конце 1921 г. в техникуме обучалось 92 человека и работало 16 педагогов [7, л. 82], в 1922/1923 учебном году – 74 учащихся и 13 педагогов [7, л. 145об], в 1923/1924 – 150 и 18 соответственно [2, л. 30]. Прием в техникум чаще всего осуществлялся по направлениям от Отделов Народного Образования, Еврейских секций комитетов РКП(б), РКСМ, профсоюзов и окружных советов. Данная мера позволяла получить образование представителям еврейского пролетариата и формировать советскую еврейскую интеллигенцию. Согласно сохранившимся учебным планам за 1924 год, на подготовительном курсе изучали русский и еврейский языки, природоведение, географию, историю, обществознание, математику, физическое воспитание, рисование и пение, на первом курсе добавлялись еврейская и русская литература, трудовые процессы, на втором – физика с практическими работами, анатомия и физиология, на третьем – химия. С переходом Витебска в состав Беларуси добавились белорусский язык и литература. В связи с новыми политическими реалиями, с 1928/1929 учебного года добавились такие предметы, как основы кооперации и коллективизации сельского хозяйства, методика политикопросветительской работы и история классово-борьбы, усиливалось антирелигиозное воспитание [2, с. 34].

В 1924 г. состоялся первый выпуск Еврейского техникума. Кадровый дефицит обусловил то, что большинство учащихся во время учебы работали в еврейских школах и дошкольных учреждениях. Проверочная комиссия проверяла знания по 8 предметам, а также уровень политической грамотности и общественной активности выпускника. Работники и учащиеся техникума принимали активное участие в антирелигиозных мероприятиях, проведении государственных праздников, организовывали пункты по ликвидации неграмотности, вели культурно-просветительскую работу, в 1925 г. проводили собрание, посвященное 20-летию творчества Янки Купалы, в 1926 г. – Якуба Коласа. Повседневную жизнь техникума характеризовало крайне тяжелое материальное положение: в здании бывшей Талмуд-Торы ему принадлежало лишь 3 учебные аудитории, в нем же располагались вечерние еврейские курсы для взрослых и опытно-показательная школа. Лишь в 1925 г. техникуму был выделен второй этаж, сделан ремонт и проведено электричество. В октябре 1921 г. директора техникума просили увеличить стипендии, поскольку большинство студентов существовали только на них. Многие голодали, болели тифом, в связи с чем могло ожидать «массовое бегство из техникума» [2, л. 30]. Техникум сам заготавливал дрова и продукты, существенную поддержку оказывали еврейские партийные и общественные союзы, благотворительные организации.

Несмотря на все тяжести времени, техникум продолжил свою деятельность вплоть до 1941 г.

После ликвидации Витебского Педагогического Института решением Наркомпроса Беларуси на его материально-технической базе с сентября 1924 г. начал работу Белорусский педагогический техникум. В том же сентябре решением Главпрофобра БССР был закрыт Оршанский педтехникум, а его слушатели были переведены на 2, 3 и 4 курсы Белпедтехникума в Витебске [3, л. 36]. С 1924 по 1928 год должность директора техникума занимал А.В. Лазаревич, преподававший в нем географию и мироведение. Обучение в техникуме состояло из 4 курсов. Согласно отчету директора от 13.11.1924 в первый год было зачислено 210 человек по уровню подготовки: на 1 курс – 50, на 2 – 45, на 3 – 69 и на 4 – 46, основной задачей объявлялась подготовка педагогов-общественников с пролетарским мировоззрением для школы I ступени [3, л. 36]. Техникум стремительно развивался: в 1927/1928 учебном году в нем насчитывалось уже 7 курсов (1, 2 и 3 имели две параллели) в количестве 265 человек. При техникуме действовала опытно-показательная школа, где проводились практические занятия, действовали кружки: драматический, хоровой, физкультурный, пионерского движения и сторонников радио. Согласно учебному плану на тот же год помимо общешкольных дисциплин в техникуме изучали экономическую политику, советское строительство, исторический материализм, историю партии, историю педагогических идей, историю советской трудовой школы, педологию. Штат педагогов составлял 20 человек. Как и в Еврейском педтехникуме в 1928 г. учебные программы Белорусского техникума были обогащены новыми предметами: военная подготовка («военизация»), методика политико-воспитательной работы со взрослыми, основы кооперации в связи с коллективизацией сельского хозяйства. В декабре 1928 года деятельность техникума проверялась комиссией Наркомпроса БССР под председательством А.Г. Аниховского. Комиссия пришла к выводу, что непродуманный подбор учащихся привел к усилению в техникуме классовой борьбы и нарастанию чуждых идеологических идей. Новый директор Л.Л. Авхименя характеризовался как чрезмерно строгий администратор, грубый к преподавателям и нечуткий к учащимся. В результате обязанности директора были возложены на завуча Г.Я. Кохановского до назначения директором в декабре 1929 г. Е.А. Южика. Педагогический коллектив техникума из 27 человек характеризовался комиссией как довольно сильный по своей подготовке и пользующийся авторитетом учащихся [3, л. 37]. С восстановлением Педагогического Института в 1930 году техникум не прекратил свое существование, однако перешел на 3-летний срок обучения.

Декретом СНК РСФСР от 25.09.1920 на базе политехнических курсов для рабочих в Витебске был открыт Механико-строительный техникум [8]. Структурно техникум состоял из трех отделений (подготовительного, механического и строительного) и двух форм обучения – дневной и вечерней. Срок обучения составлял

3 года, выпускникам присваивалась квалификация «инженер узкой специальности» [7, л. 55]. В первый год в техникум было зачислено 190 учащихся на дневное отделение и 210 на вечернее, штат педагогов включал 31 человека, первым директором стал инженер А.В. Квятковский [7, л. 55]. На подготовительном отделении изучались общешкольные предметы с уклоном в точные науки, на механическом отделении – теоретическая механика, детали машин, технология, общее машиноведение, черчение, электротехника; на строительном – те же курсы с добавлением строительного искусства и рисования. При техникуме действовали учебно-показательные мастерские и электростанция. Последняя помогала техникуму зарабатывать средства в условиях недостатка финансирования. Так, с 1921 г. станция техникума являлась источником электрического освещения в районе Суворова и прилегающих улиц.

Решением Главпрофобра 15.07.1922 техникум был реорганизован в Механико-строительный Практический Институт. На территории Беларуси он стал первым учреждением высшего технического образования. В докладной записке ставший ректором Квятковский отмечал, что «прежде всего Институт призван обеспечить местную промышленность и строительство потребными для них высоко квалифицированными силами, притока каких извне за последние годы совершенно не было» [9]. Структура Института сохранялась прежняя, однако срок обучения увеличивался до 4 лет, штат педагогов составлял 30 человек, из них 24 с высшим образованием и 6 со средним, а также 4 рабочих инструктора и 15 человек технического персонала, обучающихся – 268 человек [7, л. 5]. С ликвидацией Практических Институты 10.07.1923 он вновь был реорганизован в техникум, а в сентябре того же года Утренний техникум ликвидировался, а Вечерний был передан в структуру Педагогического Института [6, л. 24]. Однако в связи с процессом закрытия Института, 30.05.1924. Механический техникум был восстановлен, с июля он стал называться Витебский Электромеханический техникум, а в сентябре 1927 г. по причине индустриализации был реформирован в Витебский Государственный Политехникум с отделениями: электромеханическое, электротехническое, теплотехническое и химико-техническое отделения с 4-летним сроком обучения.

01.08.1921 на материальной базе дореволюционного Коммерческого училища Губпрофобром было объединено 2 промышленно-экономических училища и создан Промышленно-экономический техникум в составе подготовительного, промышленного и экономического отделений с 4-летним сроком обучения и квалификацией «инженер-экономист». В первый год было принято 294 человека и работало 18 педагогов. Как единственное учебное заведение подобного типа, решением Главпрофобра от 01.10.1921 техникум был признан ударным учебным заведением [10, л. 9]. В 1923 г. в техникуме действовало 4 подготовительные группы и две основные, общим количеством 239 человек. На подготовительном отделении и первых двух курсах изучались

общешкольные предметы с добавлением спецпредметов, 3 и 4 курсы были полностью посвящены изучению спецпредметов по профилю отделения [10, л. 6]. В 1924 г. в техникуме насчитывалось 264 слушателя, штат педагогов состоял из 21 человека, 2 лектора по кооперации были выписаны из Москвы [10, л. 9]. Подготовительное отделение было ликвидировано, добавилось 3-е отделение по кооперации и товароведению. Тяжелым испытанием для техникума стал его перевод в рамках политики нэпа на хозяйственный расчет, однако с переходом Витебска в состав БССР техникуму было возвращено государственное снабжение. Тогда же он был реформирован в Кооперативный техникум, состоявший из двух отделений: торгового и кооперативного, последнее делилось на уклоны – потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Во второй половине 1926/1927 учебного года торговое отделение было ликвидировано и техникум стал чисто кооперативным [11, л. 1об]. Количество слушателей составляло 186 в 1926/1927 и 153 в 1927/1928 учебных годах и 16 педагогов [11, л. 2]. Данный техникум был закрыт в 1931 г.

Особое место в истории учебных заведений Витебска 1920-х годов принадлежит Витебскому Народному Художественному Училищу, основанному по инициативе уполномоченного по делам искусств Марка Шагала. На территории Беларуси ВХУ стало первым государственным педагогическим учреждением художественного профиля. Занятия в училище начались еще в ноябре 1918 г., однако официальное открытие состоялось 28 января 1919 г. В первые годы существования училища М. Шагал пригласил для работы в нем известных петроградских художников – М.В. Добужинского, Н.И. Любавину, К.Л. Богуславскую, А.Г. Рома, Я.Р. Тильберга, Н.О. Коган, В.М. Ермолаеву, Л.М. Лисицкого, а затем и своего учителя Ю.М. Пэна. Структурно училище состояло из мастерских руководителей и распределенным по ним учеников. Первым директором училища стал М.В. Добужинский, с февраля 1919 г. – М. Шагал, а после его отъезда из Витебска в июне 1920 г. – В.М. Ермолаева [4, л. 38]. Период 1919–1922 гг. является самым знаменитым в истории учебного заведения: творчество Марка Шагала и Казимира Малевича, деятельность объединения УНОВИС, постановки «супрематического балета» и «Победы над солнцем», участие в столичных выставках и создания Музея современного искусства, которые сделали Витебск одним из центров мирового художественного авангарда, широко отражены в литературе [4, л. 38].

В мае 1920 г. училище было реорганизовано в Витебские свободные государственные художественные мастерские, а в январе 1922 г. Главпрофобр реорганизовал их в Витебский Художественный практический Институт – первое на территории Беларуси художественное высшее учреждение с первой женщиной ректором В.М. Ермолаевой [4, л. 39]. Институт делился на два подразделения: научное – 5 лет обучения и практическое – 4 года, квалификация – «свободный художник». В первый год существования Института в нем состояло 7 педагогов и 111 студентов [7, л. 55]. Стабилизация жизни в столичных городах повлекла за собой отъезд Ма-

левича, Ермолаевой и большинства членов УНОВИСа, что не могло не повлиять на деятельность Института.

В связи с ликвидацией Практических Институт 15.04.1923 состоялось обследование Института инспектором К.Ю. Макке, признавшее его состояние и работу крайне неудовлетворительными, в результате чего, несмотря на протесты ректора И.Т. Гравриса, в сентябре 1923 г. Институт был реорганизован в Художественный Техникум [4, л. 40]. Новым директором был назначен директор Велижской художественной школы М.А. Керзин, пригласивший в штат техникума педагогов-реалистов: В.В. Волкова, М. Эндн, Ф.Г. Фогт, М. Лебедеву и др. С вхождением Витебска в состав Беларуси техникум получил статус Белорусского художественного техникума, став главным республиканским учреждением художественного образования. Коллектив техникума прилагал все усилия для поддержания данного статуса: в техникуме была проведена белорусизация, коллектив и учащиеся принимали участие в республиканских выставках, изучалось художественное наследие Беларуси [4, л. 40]. Выпускниками Белхудтехникума были З.И. Азгур, А.О. Бембель, Е.А. Зайцев и др. Бесспорна роль техникума в создании символов государства – В.В. Волков, работавший в техникуме в 1923–1929 гг., стал автором герба БССР 1927 и 1938 гг., Н.И. Гусев – автором флага БССР 1951 г., обучался в техникуме в 1924–1926 гг.

Инициатива открытия в Витебске Народной Консерватории принадлежала местному отделению профсоюза оркестрантов во главе с Б.М. Сухадревым, члены которого отправили в июне 1918 г. делегацию в Наркомпрос. 18 июня ими было получено разрешение на создание учебного заведения. На должность директора был приглашен дирижер Мариинского театра Н.А. Малько [4, л. 38]. 01.09.1918 начались занятия в Консерватории, которая представляла собой учебное заведение повышенного типа, одно из первых в Советской России. Как и в Художественном училище, штат педагогов был укомплектован представителями столичной и местной музыкальной интеллигенции: Н.А. Малько, В.А. Бакалейникова, Н.А. Дубасов, Э.С. Бай, С.Е. Ром, К.К. Григорович, М.В. Анцев и др. С ноября 1921 по 1923 г. курс философии музыки и эстетики читал М.М. Бахтин [4, л. 38]. С развитием советской системы музыкального образования менялся и статус учреждения: 22.09.1919 консерватория была реорганизована в Первую Витебскую государственную специальную школу 3-х ступеней в составе 5 факультетов: научно-теоретический, клавишных, струнных, духовых инструментов и сольного пения [4, л. 39]. В 1922 г. школа была реорганизована в Витебский повышенный музыкальный техникум, а 17 мая того же года – в Витебский музыкальный техникум, в котором по сведениям Губпрофобра за 1922/1923 учебный год срок обучения составлял 4 года, состояло 200 учащихся и 23 педагога [3, л. 145об]. Обучение в техникуме за редким исключением было платным и составляло 300 рублей в год, с введением хозяйственного расчета – 350. Как в Художественном институте, еще до присоединения Витебска к БССР, большинство столичных педагогов покинули

город, а с 1924 г. содержание техникума возлагалось на Наркомпрос БССР, в результате чего в сентябре 1925 года возникла идея о реорганизации техникума в профессионально-техническую музыкальную школу, что было реализовано в 1927 г. [4, л. 38].

1 мая 1921 г. в Витебске была открыта Школа акушерок, в 1923 реформированная в Акушерский техникум, а с 1924 г. – в Витебский Медицинский техникум, однако в 1926 г. техникум был закрыт, а документов по его деятельности практически не сохранилось. Известно, что в 1924 г. в техникуме состояло 16 педагогов и 150 слушательниц. Своей целью техникум видел «подготовить квалифицированных служащих акушерок-сестёр для Витебской губернии и уездов» [12].

В 1920-е годы Витебск стал крупнейшим центром ветеринарного образования. Инициатором создания соответствующих образовательных учреждений по праву считается ветеринар и общественный деятель Е.Ф. Алонов. Вопрос об открытии в Витебске Ветеринарного института поднимался им при двух политических режимах – в 1915 и 1919 гг., однако в обоих случаях инициатива не была реализована из-за военных действий и экономического кризиса [5, с. 139]. Между тем потребность в квалифицированных специалистах для подъема народного хозяйства являлась очевидной, что привело к открытию 01.11.1921 Витебского Сельскохозяйственного техникума в составе отделений: агрономического, лесного, землемерного и подготовительного. Срок обучения составлял 3 года. На 01.01.1922 в техникуме насчитывалось 402 слушателя и 31 педагог, директором техникума был назначен бывший директор Учительского института К.И. Тихомиров [7, л. 77]. Постановлением СНК при участии В.И. Ленина техникуму было передано здание бывшего Крестьянского поземельного банка [5, с. 140]. Решение Главпрофобра от 01.01.1921 техникум был повышен до Высшего техникума, а в 1922 году реорганизовывался в Практический сельскохозяйственный институт. Институту принадлежали опытно-показательный ботанический сад, учебно-показательная ферма «Журжево» и лесничество «Авдевка», лекторский состав насчитывал 43 человека, слушателей – 473. Однако уже 10.07.1923 Институт был вновь преобразован в техникум [5, с. 140].

С присоединением Витебска к БССР были возобновлены попытки открытия в Витебске высшего учреждения ветеринарного образования, результатом чего стало решение Президиума ЦИК БССР от 04.11.1924 об открытии Белорусского Ветеринарного Института на материально-технической базе ликвидированного 06.08.1924 ветеринарного техникума. Торжественное открытие состоялось 08.11.1924, а в декабре институту было присвоено имя Октябрьской революции [5, с. 140]. Ректором Института был назначен Е.Ф. Алонов, на 13.12.1924 в институт было зачислено 100 студентов, в 1927 г. их было уже 309, в 1928 – 336 [13, л. 4]. Штат преподавателей на 1925 г. составлял 27 человек с высшим образованием, 2 – выпускники БГУ. С февраля 1925 г. делопроизводство Института велось на белорусском языке [13, л. 14]. Белорусский Ветеринарный Институт

являлся единственным учреждением подобного профиля в Беларуси, а в связи с закрытием в августе 1924 г. Педагогического Института также стал «единственным высшим учебным заведением Северной Беларуси и в связи с этим представляет из себя культурный центр, вокруг которого группируются научные силы» [13, л. 70б].

Заключение. Таким образом, становление и развитие учреждений высшего и среднего специального образования в Витебске в 1920-е годы демонстрирует творческие эксперименты советской власти в системе образования, национальной и социальной политике, призванные ускорить формирование социалистического общества. В сфере образования строительства Витебск имел ряд уникальных особенностей: национальные признаки учреждений, их уникальный и новаторский характер, местная инициатива их создания, наличие четырех Практических институтов в 1922/1923 учебном году, создание первых в истории высших учреждений художественного, технического, сельскохозяйственного образования и т.д. Данные факторы заложили основу для развития Витебска как крупнейшего образовательного, научного и культурного центра.

Литература

1. Моторова, Л.А. Развитие Витебского педагогического института (1918–1924 гг.) / Л.А. Моторова // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сак. 2010 г. – Віцебск, 2010. – С. 90–94. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/14647> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Яковлева, Г.Н. Витебский еврейский педагогический техникум в 1920-е годы / Г.Н. Яковлева // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2017. – Т. 24. – С. 28–41. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/13203> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Шкирандо, Ф.И. Витебский белорусский педагогический техникум (1924 – июль 1941 г.) / Ф.И. Шкирандо // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – Т. 40. – С. 34–41. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/45976?locale=ru> (дата обращения: 10.04.2025).
4. Исаков, Г.П. Искусство и художественное образование в Витебске в послереволюционные годы (1918–1923) / Г.П. Исаков // Искусство и культура. – 2019. – № 1. – С. 37–41. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/18064> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Бондарева, Е.М. История создания Белорусского государственного ветеринарного института (1915–1924 гг.) / Е.М. Бондарева // Копытинские чтения – III: сб. ст. науч.-практ. конф, Могилев, 28 фев. – 1 март 2019 г. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2020. – С. 139–140.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 204, Оп. 1. Д. 180.
7. ГАВт. – Ф. 246, Оп. 1. Д. 29.
8. ГАВт. – Ф. 156, Оп. 1. Д. 4. Л. 31.
9. ГАВт. – Ф. 156, Оп. 1. Д. 57. Л. 3.
10. ГАВт. – Ф. 246, Оп. 1. Д. 267.
11. ГАВт. – Ф. 66, Оп. 2. Д. 3.
12. ГАВт. – Ф. 246, Оп. 1. Д. 261. Л. 6.
13. ГАВт. – Ф. 173, Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

Поступила в редакцию 06.05.2025

Результаты изучения селища Зароново в Витебском Подвинье в 2018–2024 гг.

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвинья в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе» продолжено изучение эталонного памятника эпохи Великого переселения народов селища Зароново Витебского района.

Цель публикации – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих выделить культурно-хронологические горизонты селища Зароново и соотнести их с основными этапами существования поселения.

Материал и методы. *В основу статьи положены материалы авторских раскопок на селище в 2018–2024 гг. Методическую базу исследования определили методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический.*

Результаты и их обсуждение. *В работе подведены итоги исследований на раннеславянском селище Зароново. Выделены два культурно-хронологических горизонта существования поселения, изучены домостроительные традиции населения, проанализированы вещевые комплексы поселенцев. Полученные материалы подтверждают высказанное ранее предположение о полной смене населения в IV в. н.э., поскольку дальнейшего развития местных днепро-двинских традиций в материальной культуре не прослеживается. В то же время наблюдаются черты преемственности в керамическом комплексе населения западнодвинского варианта киевской культуры и племен, проживавших на селище Зароново.*

Заключение. *Домостроительные традиции поселенцев, керамический комплекс позволяют сделать вывод о компактном проживании на балтской территории автономных групп славян. Присутствие в слое середины – третьей четверти I тыс. н.э. керамической утвари, характерной для колочинских племен, свидетельствует о проникновении в восточную часть Витебского Подвинья выходцев из Среднего Поднепровья: Подесеньи и Смоленщина.*

Ключевые слова: *Великое переселение народов, ранние славяне, селище, культурный слой, домостроительство, хронологические индикаторы.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 42–48)

Results of the Study of the Settlement of Zaronovo in Vitebsk Dvina Region (Podvinye) in 2018–2024

Bubenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Within the framework of the State Program of Fundamental Research for 2021–2025 "Society and Human Security of the Belarusian State", subprogram 12.1 "History", task 12.1.1 "Archaeological Heritage as a Factor in Ensuring Human Security of the Belarusian Society", subtask 12.1.01.5 "Cultural and Historical Development of Vitebsk Dvina Region (Podvinye) in the 1st Millennium B.C. – 3rd Quarter of the 1st Millennium A.D. within the New Research in the Region" the study of the reference monument of the epoch of the Great Migration of Peoples Zaronovo Village of Vitebsk District was continued.

The aim of the article is to introduce new materials into the scientific turnover, which make it possible to single out cultural and chronological horizons of the settlement of Zaronovo and to correlate them with the main stages of the existence of the settlement.

Material and methods. *The article is based on the research materials of the author's excavations in the settlement in 2018–2024. The methodological basis was comprised of methods used both in historical and archeological studies were used: the comparative and historical, the typological, of historical reconstruction, the mapping.*

Findings and their discussion. *The article summarizes the results of the research at the Early Slavic settlement of Zaronovo. Two cultural and chronological horizons of the settlement existence were identified, house-building traditions of the population were studied, and the settlers' belongings were analyzed. The obtained materials confirm the earlier assumption about the complete population change in the 4th century A.D., as no further development of local Dnieper-Dvina traditions in the material culture can be traced. At the same time, there are features of continuity in the ceramic complex of the population of the West Dvina variant of the Kievan culture and the tribes living in the Zaronovo settlement.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: tanya.bubenko@mail.ru – Т.С. Бубенько

Conclusion. *The house-building traditions of the settlers and the ceramic complex make it possible to conclude that autonomous groups of Slavs lived compactly in the Baltic territory. The presence in the layer of the middle – third quarter of the 1st millennium A.D. of ceramic utensils characteristic of Kolochin tribes testifies to the penetration into the eastern part of Vitebsk Podvinye of the natives of the Middle Dnieper Region: Desna and Smolensk Regions.*

Key words: *Great Migration of Peoples, early Slavs, settlement, cultural layer, house building, chronological indicators.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 42–48)

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2021–2025 гг. «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограмма 12.1 «История», задание 12.1.1 «Археологическое наследие как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского общества», подзадание 12.1.01.5 «Культурно-историческое развитие Витебского Подвinya в I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. в свете новых исследований в регионе» продолжено изучение эталонного памятника эпохи Великого переселения народов селища Зароново Витебского района.

Цель публикации – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих выделить культурно-хронологические горизонты селища Зароново и соотнести их с основными этапами существования поселения.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы авторских раскопок на селище в 2018–2024 гг. Методическую базу исследования определили методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический.

Результаты и их обсуждение. Археологический комплекс Зароново, некогда состоящий из городища и примыкающего к нему селища, расположен в 3 км юго-восточнее д. Зароново Витебского района Витебской области. Городище упоминается в литературе под названием «Городок» у д. Городище (ныне не существует), в излучине правого берега р. Утвянки (ныне р. Горожанка, впадающая в озеро Княжье)¹.

Памятник известен с 1925 г., когда его обследовал П. Цветков. В 1928 г. И.Р. Колодкин восточнее городища локализовал селище, которое в предвоенные годы площадка селища распахивалась до самой реки. Была собрана лепная и гончарная керамика, по сведениям жителей довольно часто встречались бронзовые и железные изделия [1, с. 104].

В 1964 г. полуразрушенное в ходе земляных работ селище обследовал К.П. Шут. По его наблюдениям первоначальные размеры объекта были не менее 200,0 × 60,0 м. В восточной части поселения между городищем и р. Горожанкой исследователь заложил три шурфа размерами по 4,0 м² [2, с. 23–24].

С 2017 г. исследования на селище проводятся Т.С. Бубенько. Зондажами и шурвкой установлено,

что открытое поселение полукольцом опоясывало городище с востока, юга и юго-запада, его площадь составляет около 1,5 га.

В 2018–2019, 2022 и 2024 гг. на свободном от деревьев участке селища между р. Горожанкой и карьером северо-восточнее и восточнее уничтоженного городища было заложено семь раскопов общей площадью 290 м², разведочными шурфами изучено 48 м² культурного слоя.

Раскопы I–VII расположены на повороте старой лесной дороги, ведущей в д. Машкино, расстояние до реки 50 м (рис. 1). Непереотложенный культурный слой мощностью 0,5–1,0 м фиксируется на всех исследованных участках. Исключение составляет лишь раскоп V, где целостность слоя нарушена многолетней распашкой. Здесь неповрежденные напластования сохранились в северной части раскопа и в заполнении материковых ям. На изученных участках вычленено два культурно-хронологических горизонта, соответствующих двум хронологическим периодам, граница между ними весьма условна.

Стратиграфический горизонт – I – это супесь светло-серого цвета мощностью от 0,14 до 0,25 м, в небольших западинах толщина слоя достигает 0,3–0,4 м. Слой рыхлый, содержит небольшие зольные включения и примеси белого пылеватого песка. У верхней и нижней границы горизонта фиксируются зольно-угольные прослойки толщиной от 0,03–0,07 м до 0,12 м.

Застройка нижнего горизонта представлена шестью объектами, в трех из них имелись развалы очагов (рис. 2). Вскрытые постройки иллюстрируют многообразные домостроительные традиции населения.

1. Впущенное в материк на 0,3–0,5 м жилище размерами 3,75 × 2,8 м со столбовой конструкцией стен и центральным столбом (*объект 1*).

2. Постройки с углубленным в землю нижним венцом и столбовой конструкцией стен (*объекты 2, 6*).

3. Срубная постройка, внутри которой имелся корытообразный котлован 2,2 × 2,0–2,4 м с очагом и подочажной ямой (*объект 8*). Глубина его 0,5 м. Судя по пятну культурного слоя над котлованом, длина стен наземной части постройки была не менее 3,9 и 2,9 м.

4. Наземные постройки со срубной конструкцией стен (*объекты 3, 7*).

Очаг в жилищах занимал место возле одной из стен в углу или недалеко от него. Соотношение отопительного устройства и входа прослежено в жилищах 1 и 2. В первом случае очаг занимал правый ближний от входа угол. В жилище 2, ввиду того, что западная часть дома была врезана в склон

¹Городище и часть селища были полностью уничтожены в 1964 г. при строительстве дороги Витебск – Полоцк и подсыпке лесной дороги на д. Машкино.

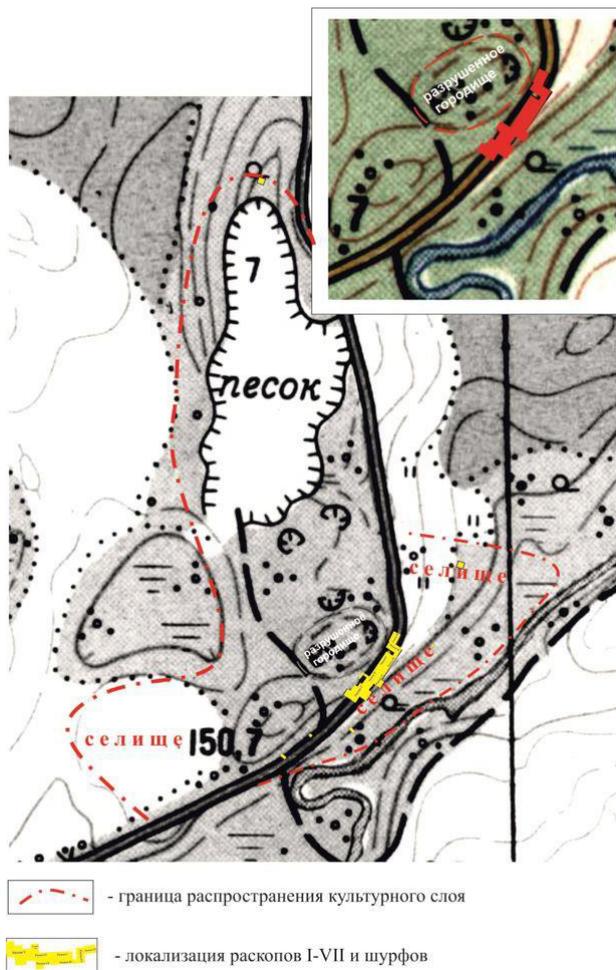

Рис. 1. Селище Зароново. Ситуационный план локализации раскопов I–VII

холма, очаг располагался справа от входа недалеко от дальнего угла. Отопительные устройства во всех случаях сложены насухую.

В трех объектах отопительных устройств не зафиксировано. Размеры одного из них 2,2 × 2,4 м, остальные постройки вошли в раскоп частично.

Несмотря на присутствие в слое и в объектах значительного количества индивидуальных находок, использовать их в качестве хронологических индикаторов не всегда возможно. С пожаром у нижней границы горизонта – 1 связана находка кованной овальной пряжки с хоботовидным язычком, имеющая относительно узкие хронологические рамки (рис. 3:3). В могильнике Тайманово время бытования овальных пряжек определено периодом C₂ – D (220–450 гг.) [3, с. 30]. На поздних памятниках культуры штрихованной керамики подобные пряжки датируются периодом D – 375–450 гг.²

Из материковой ямы, примыкающей к жилищу 2, происходит круглая маленькая пряжка диаметром 2,1 см с хоботовидным язычком (рис. 3:4).

²Искренняя благодарность А.М. Медведеву за предоставленную информацию по датировке подобных пряжек в Белорусском Понёманье.

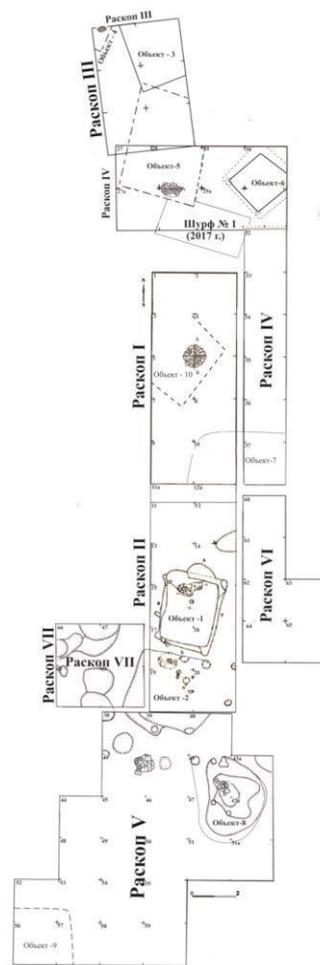

Рис. 2. Селище Зароново. Сводный план остатков построек и ям в материке в раскопах I–VII

В черняховских древностях такие пряжки имели хождение в последней четверти IV – первой половине V в. [4, с. 45]. В могильнике Тайманово они встречаются одновременно с овальными пряжками (220–450 гг.) [3, с. 30].

С верхней границей стратиграфического горизонта – 1 связаны находки двух *B-образных рифленых пряжек* из железа (рис. 3:5, 6). Обе пряжки найдены в зольном слое на границе верхнего и нижнего горизонта, они могут быть датированы второй-третьей четвертью V века (период D₂ и D₃) – началом VI в. [5, с. 29, рис. 3]. Вставка и язычок одной из пряжек, как и рамка, украшены рифлением. Рамка второй пряжки, судя по несомкнутым краям, могла быть незавершенным изделием.

Накладка железная с петлей для кольца (рис. 3:10) размерами 4 × 1,2 см. Петля отломана на изгибе. Подобная накладка на селище Абидня, которое датируется концом II – началом IV в. [6, с. 229, рис. 20:12] в Дедново П.М. Кенько относит ее к I–V вв. н.э. [7, с. 24, рис. 5:6].

Рамка пряжки овально-уплощенной формы с немного утолщенной передней частью шириною 4,3 см.

Сохранилась передняя часть рамки и прилипший к ней кусочек язычка (рис. 3:7). Подобные рамки нередко встречаются на памятниках культуры поздней штрихованной керамики, где они датируются исследователями второй половиной III – первой половиной IV вв. н.э. [8, с. 87. рис. 59:8].

Из закрытого комплекса (*объект 1*) происходят лунница пельтовидная и маленькое височное кольцо.

Лунница с двумя довольно длинными загнутыми внутрь крайними «рогами» и небольшим выступом между ними имела размеры 3,0 × 1,5 см (с ушком). По краю подвеска декорирована псевдозернью (?), возможно, это была зернь, однако изделие несколько пострадало в пожаре (рис. 3:2). Со второй половины IV в. трехрогие лунницы и их дериваты стали популярны и на севере Европы [9, с. 115–116]. На рубеже V–VI вв. завершается бытование трехрогих лунниц-пельт, кроме штампованных с имитацией зерни [9, с. 120].

Височное кольцо маленького диаметра (2,2 см) из бронзовой проволоки квадратного сечения имело один обрубленный, а второй зауженный уплощенный конец, напоминающий хвост пресмыкающегося. Верхнее и нижнее ребра изделия сглажены, боковые выступают рельефно. Украшение декорировано неглубокими косыми насечками (рис. 3:1). Височные кольца из проволоки квадратного сечения найдены в могильнике Фролы [10, рис. 96:21, 22]. Кольца, декорированные насечками, правда, круглого сечения, найдены на поселениях Белорусского Понёманья, где они датированы IV–V вв. [11, рис. 44:4]. Подобные украшения были распространены среди древностей киевской культуры, в тушемлинской культуре [10, с. 60, рис. 26:5].

Остальные артефакты из нижнего горизонта имели хождение на протяжении всей первой половины I тыс. н.э.: *серпы* типа 1 Д (по классификации Р.С. Минасяна) (рис. 3:11); *ножи* с горбатой спинкой; *бритва* с изогнутым лезвием и прямым черенком (рис. 3:8) [12, с. 79; 13, с. 69; 14, с. 35].

Из вещей бытового назначения следует упомянуть *долотовидные кресала* двух вариантов: в виде неширокой пластины, плавно сужающейся к черенку, и с круглым в сечении стержневидным черенком (рис. 3:12–13). В позднеримский период они встречаются на памятниках черняховской и киевской культур [15, с. 86]. В середине – третьей четверти I тыс. н.э. были распространены в древностях Тушемли и в псковских длинных курганах [16, с. 68. рис. 8:1–7; 1, рис. 138].

Керамический комплекс нижнего горизонта представлен 1962 фрагментами керамики, в том числе 172 венчиками, половина из которых, к сожалению, непригодна для классификации. Практически полное отсутствие в коллекции целых форм сосудов вынуждает в качестве основного критерия классификации использовать профилировку верхней части³.

Наиболее представительную группу составляют фрагменты округлобоких горшков закрытого типа с коротким прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, диаметр которого варьирует в пределах 16–24 см (рис. 3:17–21, 35). В эту же группу включены округлобокие горшки с наклоненным внутрь слабовыраженным венчиком (вариант «в»). Край венчика округлый или прямосрезанный, диаметр не превышает 10–16 см. Судя по степени крутизны боковых стенок, максимальное расширение тулова, вероятнее всего, приходилось на верхнюю треть сосуда.

Вторая группа объединяет горшки открытого типа с плавным перегибом тулова в средней части, т.н. тюльпановидные (тип 4 по Н.В. Лопатину). По степени оттянутости венчика и изгиба плеча встречаются сосуды вариантов «а-в» (рис. 3:22–25, 38, 40–41). Диаметр венчиков тюльпановидных горшков колеблется в пределах 14–23 см.

В третью по численности группу включены горшки закрытого типа с максимальным расширением в середине корпуса. Они имеют довольно высокое (2,5–4,5 см) и узкое горло (10–16 см), завершающееся округлым краем, и раздутые боковые стенки (рис. 3:30–34). Ввиду отсутствия стенок с выраженным перегибом и малочисленности днищ реконструировать данный тип кухонных горшков не представлялось возможным.

Остальные типы представлены немногочисленными фрагментами горшков типов 2, 7 (рис. 3:36–37, 39). Происхождение последних Н.В. Лопатин связывает с верхнеднепровским вариантом киевской культуры, впитавшем традиции местной днепро-двинской керамики [10, с. 36, рис. 11]. Венчики от цилиндрических горшков определены лишь в единичных случаях, ребристые формы (Р-1,2 по Н.В. Лопатину) выделить можно исключительно гипотетически, поскольку не встречено ни одного фрагмента, где бы был зафиксирован перегиб корпуса.

Среди керамической посуды нижнего слоя нередко находки небольших тонкостенных горшочков, по форме повторяющих основные типы кухонной утвари (рис. 3:27–29). Поверхность их чаще всего заглажена либо подлощена, несколько сосудов изготовлено из белой глины. Следы копоти на стенках отсутствуют. К столовой посуде отнесены и миниатюрные сосудики высотой 4–6 см, диаметр горловины 4–6,5 см, по-видимому, используемые в качестве стопок для питья. Миниатюрные сосудики представлены цилиндрическими и коническими экземплярами (рис. 3:14–16), имеются фрагменты чернолощенных изделий.

Стратиграфический горизонт – 1 отделен от вышележащего мощным зольно-угольным слоем, сверху перекрытым прослойкой речного песка. В пожарище найдена бронзовая В-образная рифленая пряжка (рис. 4:2), широкое распространение которых приходится на середину V в.

Вышеизложенное позволяет очертить хронологические рамки раннего периода жизни поселения

³Выражаем глубокую признательность Н.В. Лопатину за оказанные консультации при обработке керамического материала.

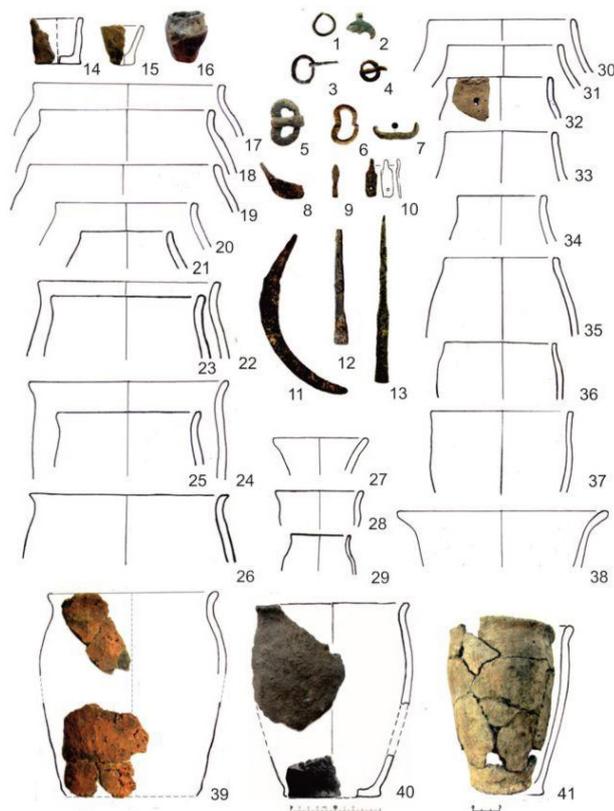

Рис. 3. Селище Зароново. Вещевой комплекс стратиграфического горизонта – 1

- 1 – височное кольцо; 2 – пельтивидная лунница;
 3, 4 – пряжки; 5, 6 – пряжки В-образные;
 7 – фрагмент рамки пряжки; 8 – бритвы фрагмент;
 9 – наконечник стрелы; 10 – накладка; 11 – серп;
 12, 13 – долотовидные кресала; 14–41 – керамика.
 1, 2 – бронза; 3–13 – железо; 14–41 – глина

конец IV – середина V в. н.э. Вещевой комплекс нижнего горизонта указывает на принадлежность населения, основавшего поселок, к одному из вариантов киевской культуры.

Стратиграфический горизонт – 2 представлял собой супесь темно-серого цвета, спрессованную и довольно влажную. Его мощность варьирует в пределах от 0,4 до 0,6–0,7 м, минимальная отмечена в раскопах V, VII и в южной части раскопа II. В нижней части слоя встречаются зольно-угольные включения, наиболее мощные в местах локализации развалов очагов. Последние вскрыты в нижней части слоя на границе со стратиграфическим горизонтом – 1. Зафиксированы развалы девяти отопительных устройств [18, с. 287–289, рис. 9]. Практически все они были сложены из валунного камня без использования глины. Большинство очагов возведено непосредственно на культурном слое, под некоторые была подведена песчаная либо глинистая подушка – основание толщиной от 7–8 до 14 см. Сохранившееся полностью основание очага из 12 плотно уложенных по контуру валунов имело диаметр 1,1 м (очаг 3). Камни отсутствовали лишь с северо-западной стороны, где могло быть устье печи размерами 0,20 × 0,28 м (рис. 2).

Несмотря на то, что слой практически однороден, в ряде случаев нам все же удалось зафиксировать едва уловимые контуры объектов (рис. 2). Строения были наземными либо углубленными в грунт до 0,15–0,3 м со срубной конструкцией стен. Пятна предполагаемых построек имели как квадратную, так и прямоугольную форму. Длина стен колебалась в пределах 2,4–3,3 м. Удалось установить размеры одного жилища 4,9 × 3,7 м. Отопительное устройство занимало место возле одной из стен сруба недалеко от угла. В жилых постройках (объекты 4, 5) очаг зафиксирован у южной стены недалеко от юго-восточного угла.

Концентрация рядом с очагами индивидуальных находок значительного количества керамики и многочисленных кусочков глиняной обмазки может служить дополнительным подтверждением нашей локализации границ объектов.

Несмотря на разнообразный вещевой материал, артефактов, имеющих относительно узкие рамки бытования, крайне мало. Большинство изделий имели хождение на протяжении всей первой половины I тыс. н.э., на наиболее редких находках все же следует остановиться.

Проушиной боевой топор малых размеров (10,5 см) с тонким топоричем весом около 215 грамм (рис. 4:11). По классификации А. Малонайтиса, подобные топоры относятся к типу 2, распространенному в Литве с IV–V вв. до конца тысячелетия, в то время как топоры типа 4 используются лишь до VIII в. [19, с. 167–168].

Серп с крючком или «пяткой» относится к группе II, которая получает широкое распространение во второй четверти I тыс. н.э., верхняя граница их бытования определяется V–VI вв. [12, с. 79].

Бритвы (2 экз.) с изогнутым лезвием и плоским прямым черенком (рис. 4:6, 7). Бритвы в позднеримское широко известны в памятниках пшеворской культуры, нередкая находка среди древностей днепро-двинской культуры, штрихованной керамики, киевской культуры первой половины I тысячелетия н.э. [8, с. 84].

Шпоры представлены двумя вариантами: «а» с коротким пирамидальным шипом и загнутыми наружу расплюснутыми крючками. Дуга из граненого дрота несколько расширена в центральной части, шип изнутри заклепан (рис. 4:8). М. Казанский считает, что шпоры данного типа попадают в лесную полосу Беларуси и России с группами мигрирующего постзарубинецкого населения и принадлежат римскому времени – период C₃ (вторая треть IV в. н.э.) [20, с. 265].

Шпора варианта «б» имела короткий конический шип и загнутые наружу утонченные крючки. Дуга из граненого дрота несколько расширена в центральной части, шип изнутри заклепан (рис. 4:9). Шпоры с небольшим коническим шипом (тип V) в лесной полосе Восточной Европы датируются второй – третьей четвертью I тыс. н.э. [21, с. 122].

Бронзовая В-образная пряжка размерами 3,3 × 1,9 см (рис. 4:2). Пряжка литая с полукруглым сечением дуги,

на основании язычка имеют квадратное утолщение, имитирующее цветную вставку. Судя по ближайшим аналогиям, может быть датирована V – началом VI в. [17, с. 151]. По мнению И.А. Гавритухина, для лесной зоны более приемлема дата середина V – середина VI в., убедительных оснований, чтобы ее сузить или расширить, мы не имеем⁴.

Браслеты литые бронзовые с круглой в сечении средней частью и расширяющимися концами овального сечения (рис. 4:3, 4). Концы браслетов украшены геометрическим орнаментом из ромбов, прочерченных двойной линией, со стороны торцов декор ограничен узкой мелкой канавкой. Независимо от сечения браслеты с утолщенными концами, украшенные геометрическим орнаментом, Е.Р. Михайлова относит к хронологическим индикаторам периода II А развития культуры псковско-новгородских длинных курганов (вторая половина VI–VII в.) [22, с. 533–536, 543]. По орнаментальной схеме ближайшие аналогии зароновским украшениям найдены на городищах Старое Село, Кисели, где исследователи датируют их VII–VIII вв. [23, рис. 6:13].

Бусы полиэдрические из синего стекла. Крупная бусина найдена у нижней границы стратиграфического горизонта – 1, фрагмент *малой бусины* обнаружен у его верхней границы (рис. 4:1, 5). Полиэдрические бусы из могильника Тайманово датированы 220–450 гг. н.э., на селище пражской культуры у д. Остров Пинского района – концом IV–V вв. [3, с. 30; 24, с. 67, табл. IX, 9]. На сопредельных с Витебским Подвиньем памятниках культуры псковских длинных курганов исследователи называют более раннюю дату: вторая половина IV – первая половина VI в. [25, с. 348]. На ближайших к Заронову поселениях Узмень и Фролы подобные бусы были относят ко второй половине IV–V в. [10, с. 65].

Керамика. В стратиграфическом горизонте – 2 найдено 4569 фрагментов керамики, в т.ч. 417 венчиков. К сожалению, основное их количество сохранилось на небольшую высоту, что затрудняет определение формы сосудов. Судя по наиболее крупным фрагментам, посуда верхнего слоя становится более разнообразной. По-прежнему, преобладают округлобокие горшки со слабовыраженным венчиком (рис. 4:23–26, 34) и тюльпановидные сосуды типа 4 по Н.В. Лопатину (рис. 4:16–22). Увеличивается количество сосудов типа 3 с максимальным расширением в середине корпуса и типа 8 [10, рис. 11]. Среди последних встречены большемерные экземпляры, высота которых варьирует в пределах 26–35 см (рис. 4:35–37). Ребристая посуда представлена приземистыми горшками высотой 11–14 см с оттянутым ребром в верхней трети сосуда (тип Р-4 по Н.В. Лопатину). Диаметр венчика незначительно превышает высоту (11,5–15,5 см). Верхняя часть корпуса либо профилирована, что сближает горшки с типом Р-2, либо наклонена внутрь горшка и имеет

Рис. 4. Селище Зароново. Вещевой комплекс стратиграфического горизонта – 2
1, 5 – бусы; 2 – пряжка; 3, 4 – браслеты;
6, 7 – бритвы; 8, 9 – шпоры;
10 – булава посоховидная; 11 – топор;
12–38 – керамика.
1, 5 – стекло; 2–4 – бронза;
6–11 – железо; 12–38 – глина

слабовыраженный венчик (рис. 4:29–31). Присутствуют формы керамики, характерные для тушемлянско-колючинской традиции.

Отмечается тенденция к расширению ассортимента посуды. Появляются приземистые маленькие горшочки, увеличивается количество миниатюрных сосудиков, изредка встречаются фрагменты мисок (рис. 4:12, 15, 26). В то же время полностью исчезает чернолощенная и подлощенная посуда, единичны фрагменты белоглиняной керамики.

Схожесть керамического комплекса верхнего и нижнего горизонтов указывает на дальнейшее развитие керамических традиций киевской культуры. Отсутствие в слое днепро-двинских форм посуды, в отличие от других поселений Витебского Подвинья (Старое Село, Витебск, Загорцы), подтверждает тезис об изолированном проживании пришлого населения на протяжении всего периода существования селища.

Заключение. Хронологические рамки существования поселения Зароново укладываются в интервал с конца IV – начала V в. до конца VI – начала VII в. н.э.

Материалы нижнего горизонта свидетельствуют о принадлежности населения, основавшего поселок у подножья городища, к одному из вариантов киевской культуры. В керамическом комплексе и домостроительстве прослеживаются черты сходства, сближающие

⁴Выражаем огромную благодарность И.О. Гавритухину за оказанную помощь в датировке отдельных категорий вещей.

переселенцев с древностями западнодвинского варианта киевской культуры. Время гибели раннего поселка середина – вторая половина V в.

На восстановленном после пожара селище продолжали проживать потомки первых поселенцев. Определить культурную принадлежность жителей селища на данном этапе изучения памятника затруднительно, поскольку территория Витебского Подвинья являлась контактной зоной как минимум двух раннесредневековых общностей: тушемлянско-банцеровской и культуры псковских длинных курганов. Присутствие в слое середины – третьей четверти I тыс. н.э. керамической утвари, характерной для колочинских племен, свидетельствует об инфильтрации в восточную часть Витебского Подвинья выходцев из Подесенья и Смоленщины. Следует отметить, что в материальной культуре верхнего горизонта селища Зароново доминирует славянский компонент.

Не позднее начала VII века жители покинули поселок, возможно, в поисках более удобных мест для проживания и занятия земледелием либо в связи с дальнейшей миграцией на север.

Литература

1. Ляўданскі, А.М. Археалёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе / А.М. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археалёгічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. II. – С. 94–104.
2. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // Центральный научный архив НАН Беларуси. Фонд археологической научной документации. – Минск, 1965. – Д. № 237. – 64 с.
3. Поболь, Л.Д. Могильник у д. Тайманово / Л.Д. Поболь, Н.Н. Дубицкая, В.В. Пилипцевич // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья // Материалы по археологии Беларуси. – Минск, 2003. – Вып. 8. – С. 28–60.
4. Гороховский, Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины / Е.Л. Гороховский // Труды V Междунар. конгр. археологов-славистов. – Т. 4: Секция 1. Древние славяне. – Киев, 1988. – С. 34–46.
5. Бажан, И.А. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации / И.А. Бажан, С.Ю. Каргапольцев // КСИА. – 1989. – Вып. 192. – С. 28–35.
6. Ильютник, А.В. Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника / А.В. Ильютник // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. – Книга 1. – Минск: Беларус. навука, 2019. – С. 198–246.
7. Кенько, П.М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.). Свод археологических источников / П.М. Кенько. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 172 с.
8. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.
9. Каргапольцев, С.Ю. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) / С.Ю. Каргапольцев, И.А. Бажан // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 7. – С. 113–121.
10. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасев. – М.: ИА РАН, 2007. – 251 с. (PCM; вып. 8).
11. Медведев, А.М. Беларусское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н.э. – 5 в. н.э.) / А.М. Медведев. – Минск, 1996. – 350 с.
12. Минасян, Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р.С. Минасян // Археологический сборник ГЭ. – 1978. – № 19. – С. 75–85.
13. Минасян, Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья / Р.С. Минасян // АСГЭ. – 1980. – № 21. – С. 68–74.
14. Митрофанов, А.Г. Железный век средней Белоруссии / А.Г. Митрофанов. – Минск: Наука и техника, 1978. – 160 с.
15. Магомедов, Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б.В. Магомедов. – Lublin: UMCS, 2001. – 290 с.
16. Шмидт, Е.А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. Тушемлинская культура / Е.А. Шмидт. – Смоленск: Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, 2003. – 295 с.
17. Исланова, И.В. Культурно-исторические процессы II–VIII вв. н.э. в бассейнах Верхней Волги и Верхней Мсты / И.В. Исланова. – М.: ИА РАН, 2022. – 440 с. (PCM. Вып. 22)
18. Бубенько, Т.С. Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области. Исследование 2018 г. / Т.С. Бубенько // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – С. 272–298.
19. Malonaitis, A. Schmaläxte mit Nacken in Litauen / A. Malonaitis // Archaeologia Baltica. – 2002. – Vol. 5. – P. 163–183.
20. Казанский, М.М. Оружие киевской культуры // Памятники старины: концепции. открытия. Версии / М.М. Казанский // Санкт-Петербург–Псков, 1997. – Т. 1. – С. 262–269.
21. Перхавко, В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В.Б. Перхавко // Современная архитектура. – 1978. – № 3. – С. 113–126.
22. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка. – Кишинев, 2011. – С. 527–555.
23. Левко, О.Н. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области / О.Н. Левко // Материалы по археологии Беларуси. – 2003. – Вып. 8. – С. 182–208.
24. Егорейченко, А.А. Поселение у д. Остров Пинского р-на Брестской области / А.А. Егорейченко // Archaeoslavica. – Kракov, 1994. – № 1. – С. 61–82.
25. Мастыкова, А.В. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее / А.В. Мастыкова, А.В. Плохов // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова / ред.: А.Е. Мусин, Н.В. Хвоцинская. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 337–357.

Поступила в редакцию 12.05.2025

Материалы по истории Литбела в Специальном архиве Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas)

Шубин А.В.

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

В Специальном архиве Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) содержатся интересные материалы по предыстории возникновения и механизмам функционирования Литбела. Проблематика Литбела затрагивается в работах белорусских, российских и литовских авторов, но при этом материалы LYA не цитируются.

Цель публикации – определить источниковый и исследовательский потенциал Специального архива Литвы по теме Литбела и смежных тем.

Материал и методы. В данной статье используются общенаучные методы рационального (логического) анализа эмпирического материала, где первостепенное внимание уделяется источникам из Специального архива Литвы.

Результаты и их обсуждение. В работе анализируются материалы Специального архива Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) по теме Литовско-белорусской ССР (Литбела). Они позволяют многосторонне реконструировать развитие Литбела. В сравнении с другими источниками, которые использовала историография вопроса, материалы LYA позволяют вскрыть «подноготную» жизни в Литбеле, которая имела ряд особенностей в сравнении со стандартной системой «военного коммунизма»: свободный продуктообмен в рамках региона, огосударствление и отказ от раздела помещичьей земли между крестьянами и от продразверстки, отсутствие твердого контроля центральной власти на местах, сдержанность репрессивной политики, мультикультурализм с некоторым преимуществом развития литовской культуры.

Заключение. Отложившиеся в архиве материалы хотя и несут на себе отпечаток коммунистической идеологии и личных качеств деятелей Литбела, но легко объективизируются, так как тенденциозность документов несложно считать и вынести за скобки при построении объективной картины жизни в Литбеле.

Ключевые слова: Специальный архив Литвы, Литовско-белорусская ССР, Литбел, Мицкявичюс, Жилунович, Ангаретис, военный коммунизм, советско-польская война 1919–1920 гг.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 49–55)

Materials on the History of Lithbel in the Special Archive of Lithuania (Lietuvos Ypatingasis Archyvas)

Shubin A.V.

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The Special Archive of Lithuania (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) contains interesting materials on the prehistory of the emergence and functioning mechanisms of Lithbel. The issues of Lithbel are touched upon in works by Belarusian, Russian and Lithuanian authors while LYA materials are not referred to.

The purpose of the article is to identify the source and research potential of the Lithuanian Special Archive on Lithbel and related topics.

Material and methods. This article uses general scientific methods of rational (logical) analysis of empirical material, where primary attention is paid to sources from the Special Archive of Lithuania.

Findings and their discussion. The article analyzes the materials of the Special Archive of Lithuania (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) on the topic of the Lithuanian-Belarusian SSR (Lithbel). Materials of the archive allow us to comprehensively reconstruct the development of Lithbel. In comparison with other sources used by the historiography of the issue, the LYA materials allow us to reveal the "underbelly" of life in Lithbel, which had a number of special features in comparison with the standard system of "war communism": free product exchange within the region, nationalization and rejection of the division of landlords' land between peasants, the lack of strong control of the central government on the districts, the restraint of repressive policies, multiculturalism with some advantage of the development of Lithuanian culture.

Conclusion. *The materials deposited in the Archive bear the imprint of the communist ideology and personal qualities of authors, but are easily objectified, since the tendentiousness of the documents is easy to consider and put aside in constructing an objective picture of life in the Republic of Lithuania.*

Key words: *Special Archive of Lithuania, Lithuanian-Belorussian SSR, Lithuania, Mickevicius, Zhilunovich, Angaretis, war communism, the Soviet-Polish war of 1919–1920.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 49–55)

Специальный архив Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) включает материалы по истории Коммунистической партии Литвы (КПЛ) и некоторых учреждений Литовской ССР (МИД и КНБ ЛССР). Архив располагает обширной коллекцией материалов на русском языке, с которыми и работал создатель представленной публикации по теме Литовско-белорусской ССР (Литбела). Литбел – один из недолгих, но насыщенных событиями периодов совместной истории белорусского и литовского народов.

В архиве содержатся интересные материалы по предыстории возникновения и механизмам функционирования Литбела.

Проблематика Литбела затрагивается в работах белорусских, российских и литовских авторов, но при этом, за исключением автора данной статьи, материалы LYA не цитируются. Д.А. Короткова и М.С. Павлова упоминают Литбел в более широком контексте противоборства за регион между Россией, Польшей и Литвой, а также белорусского государственного строительства [1; 2]. К тому же Д.А. Короткова отдельно разбирает политические обстоятельства, которые привели к решению образовать Литбел [3].

Литовские авторы показывают, что Литовская ССР и затем Литбел стали плацдармами для культурной работы в пользу литовского национализма, причем силами далеко не только коммунистов и их сторонников [4; 5]. На ряду с этим авторы работ о Литбеле практически не разбирают особенности внутренней жизни в этом государственном образовании за пределами Вильнюса (Вильно). Тема Литбела в более широком контексте присутствует и в [6, с. 641–652].

Цель публикации – определить источниковый и исследовательский потенциал Специального архива Литвы по теме Литбела и смежных тем.

Материал и методы. В данной статье используются общенаучные методы рационального (логического) анализа эмпирического материала [7, с. 11–33], где первостепенное внимание уделяется источникам из Специального архива Литвы.

Результаты и их обсуждение. Как известно, первоначально возникли отдельные Литовская и Белорусская советские республики как «буферные» образования между Россией и Польшей. Однако в обоих случаях коммунистические лидеры серьезно отнеслись к национальной идентичности и культурной работе, а также стали отстаивать территориальные интересы национальных государственных образований не только в отношении Польши, но и в отношении друг друга и России. Одновременно происходила завязка советско-польского конфликта, первые выстрелы

которого прозвучали в Вильно (Вильнюсе) на новый 1919 год. В LYA имеются материалы, собранные об этих событиях вскоре после их завершения, так как 6 января 1919 г. будущая столица Литбела была взята Красной армией. Интерес представляют собранные по свежим следам свидетельства лидера литовских коммунистов В. Мицкявичюса (Капсукаса) и будущего наркома внутренних дел советской Литвы З. Ангаретиса (Алексы) об обстоятельствах установления советской власти и начала деятельности ЛССР [8, F. 77. I. 2. F. 2, 29, 34, 77]. Эти материалы представляют собой сравнительно объективное изложение событий, так как предназначались для информирования руководства и возможного использования при написании истории событий, где уже могла производиться идеологическая обработка данных воспоминаний по свежим следам.

Материалы LYA позволяют добавить штрихи к исследованию обстоятельств образования Литбела. В принципе эти обстоятельства уже известны историографии. Затягивание боевых действий к западу от Вильнюса, межнациональные противоречия и невозможность предоставить двум республикам значительную территорию за счет более восточных губерний, где преобладало «русофильское» руководство, привели к решению об образовании Литбела. В новую республику должны были войти Виленская, Минская, Ковенская и Гродненская губернии. Она обрела более солидную территорию, чем обе ее составляющие (правда де-факто Красная армия не контролировала Ковенскую и Гродненскую губернии). Снимались территориальные споры в зоне смешанного населения. Белорусский и литовский народы одинаково противостояли польской экспансии, что вызывало здесь поддержку РККА со стороны местного населения по общим национальным причинам.

ЦК РКП(б) принял соответствующее решение, и 29 января ЦК КПЛ уже обсуждал вопрос об объединении с Белоруссией. В архиве имеется сделанный там доклад уполномоченного Совнаркома РСФСР на Западном фронте, замнаркома по делам национальностей поляка С. Пестковского, выдержанный в лестном для литовских коммунистов тоне: «Ввиду того, что административный аппарат Белорусского правительства плохо работает», Чичерин, Ленин, польские коммунисты и руководство Белоруссии поддерживают соединение Литвы с Минской губернией. Области эти экономически однородны, их объединение важно для общего фронта. Присоединение незначительно увеличит территорию, а передаст в распоряжение новой республики «значитель-

ные силы польских коммунистов» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 10]. Таким образом, литовцы были охарактеризованы как организаторы выше белорусов. Эта оценка была политически мотивирована, так как Москва уже решила избавиться от присутствия в руководстве Литбела белорусских национал-коммунистов во главе с Д. Жилуновичем. Делать выводы об их деловых качествах было рано: белорусские коммунисты толком не успели развернуться, да и последующая административная деятельность Литбела, как мы увидим, не была безупречной. Руководство Литбела было многонациональным, но его ядром стали литовцы и поляки. Быстрый прорыв в Польшу не состоялся, и накопившиеся на Западном фронте польские коммунистические кадры нужно было куда-то пристроить.

Под давлением председателя ВЦИК России Я. Свердлова I съезд Советов Белоруссии 16 февраля принял декларацию об объединении с Литвой. 17–21 февраля прошел I съезд Советов Литвы, который принял аналогичное решение. Слияние Литвы и Белоруссии Мицкявичюс считал началом «воссоединения Р.С.Ф.С.Р.» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. L. 25]. 27 февраля объединенное заседание ЦИКов провозгласило Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (ЛБССР или Литбел) со столицей в Вильнюсе (Вильно). 13 марта Западная армия была переименована в Литовско-Белорусскую армию.

В Совет Народных Комиссаров ЛБССР вошли председатель Мицкявичюс, нарком внутренних дел Ангаретис, нарком по военным делам И. Уншлихт, наркомпрод М. Калманович, наркомфин И. Рейнгольд и другие деятели, не имевшие касательства к белорусскому национал-коммунизму. Объединенный ЦИК возглавил польский коммунист К. Циховский.

4–6 марта на объединительном съезде КП(б)Б и КП(б)Л была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КП(б)ЛиБ или КПЛБ). Председателем президиума ЦК стал Мицкявичюс, в его состав вошли А. Мясников, В. Кнорин, З. Ангаретис, М. Калманович, И. Уншлихт, К. Циховский, председатель Минского ЧК В. Богуцкий, председатель Минского горсовета В. Яркин и др. Таким образом, в руководство Литбела включены коммунисты с литовскими, еврейскими и польскими фамилиями.

Правительство Литбела располагалось в Вильно. Как видно из документов ЛУА, Минск жил своей жизнью фактически самостоятельно от столицы [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 10]. Система управления Литбелом и связанные с этим трудности анализируются в докладе наркома внутренних дел Ангаретиса, который написан пристрастно, с точки зрения интересов центральной власти. Но эти акценты хорошо считаются, что позволяет легко объективизировать данный источник. Правительство имело слабую связь с местными властями, «во многих местах взял верх анархистски истолкованный лозунг “Власть на местах”» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 60б.], как с возмущением писал Ангаретис, и продолжал: «После некоторого

ознакомления с уездами, где господствовала “власть на местах”, оказывалось, что в центре “власти на местах”, обыкновенно сидели какие-нибудь пройдохи, хорошо сжившиеся с некоторыми спецами из военных, чтобы в нужную минуту прибегнуть к их помощи (Ольшевский в Поневеже, Дутко в Ошмянах и др.). В других местах во “власти на местах” были затесавшиеся белогвардейцы, примазавшиеся к коммунистам (Балтрушайтис в Уцянах)» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 9]. Некоторые местные руководители просто жили по-старому под флагом Советской власти, некоторые злоупотребляли положением.

В районе Вильно–Лида на почве произвола местных властей произошло крестьянское восстание против ревкома, председатель и военком были убиты. Карательный отряд разгромил бунтовщиков, провел аресты и реквизиции, после чего НКВД вмешался и прекратил расправу. Восстания произошли также в Ошмянском и Свенцянском уездах [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 9].

Но при дефиците кадров управлять ситуацией на местах из Вильно было практически невозможно. Отправляли инструкторов, но Ангаретис признает: «Инструкторами большей частью были неопытные товарищи, которые часто сами требовали, чтобы их кто-нибудь еще проинструктировал» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 60б.]. Понятно, что авторитета у таких посланников центра не было.

Чтобы как-то контролировать ситуацию на местах, Ангаретис создал летучий коммунистический отряд для борьбы с контрреволюцией. Некоторые волостные Советы были разогнаны и заменены новыми, избранными местными рабочими и малоземельными крестьянами [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 8-80б.].

В виленскую милицию «вошло много преступного элемента» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 7]. Ангаретис недоволен и тем, что в милиции служили контрреволюционеры, агенты спекулянтов и местные кулаки. Поскольку милиция должна была следить за порядком, в нее вступали и те, кто стремился к порядку независимо от характера власти, и карьеристы, и люди, желающие злоупотреблять властью, и лоббисты коммерческих интересов.

В Вильнюсе (Вильно) шла борьба с коррупцией. Так, в феврале был арестован член ЦИК Сливкин (Сокольников), который просил у родственников арестованных 15 тысяч рублей «для загладки дела», терроризировал обыскиваемых, приторговывал кокаином [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 55].

Карьеристы приезжали также из России с мандатами разных Советов и требовали должностей. Ангаретис считал, что это были те, кто искал «более дешевого хлеба в Литве», а не стремился помочь советскому делу. Таких «понаехавших» иногда просто арестовывали [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 8].

Политические репрессии проводили Особый отдел при военном комиссариате, Особый отдел Следственной комиссии (затем Особый отдел НКВД),

местные органы ЧК и революционные трибуналы, подчиненные Наркомюсту. Как говорил Ангаретис, «революционный трибунал рассматривает только дела политические. Это – не суд, а борьба и наказание. Суд народный рассматривает криминальные и гражданские дела» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 15].

Документы центральных государственных и партийных органов Литбела, отложившиеся в архиве, в том числе постановления ЦИК ЛБССР и ЦК КП(б) ЛБ, стенограммы выступлений деятелей Литбела, дают богатый материал для характеристики особенностей политического курса и социальной и культурной обстановки в этом государственном образовании.

Лидеры республики не считали нужным проводить террор демонстративно. 14 апреля Президиум ЦИК постановил: «Поставить на вид Наркомюстиции, что расстрелы осужденных преступников, происходившие до настоящего времени днем и в местах, где живет население, должны производиться ночью, за городом, вдали от жилья» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 74]. При обсуждении вопроса о репрессиях в ЦК КПЛБ признавалось, что до сих пор «аресты носили случайный характер». И надо поставить дело более систематически, например: «У нас же имеются на месте факты: муж в белой армии. А жена живет спокойно в Вильне» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 112]. Планировалось применение заложничества. Но на практике с этим опоздали. 6 апреля Мицкявичюс с сожалением говорил: «Был составлен список заложников, но многих из них не нашли в Вильне. Потому заложников от Польского Общества всего несколько, ксендзов заложниками не решались брать до последнего дня. Литовские заложники намечены, и их можно взять, но решено выждать. Есть также список заложников из мира спекулянтов, около которых можно начать дело» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 115]. Дамоклов меч, нависший над ксендзами, литовской интеллигенцией и теневыми торговцами, так и не упал. С одной стороны, Мицкявичюс опасался радикального разрыва с местными интеллектуальными элитами, а с другой – дезорганизации снабжения в случае удара по спекулянтам. Аресты поляков сдерживала надежда на мирные переговоры с Польшей. В то же время для ужесточения коммунистической репрессивной политики могло просто не хватить времени. Весной 1919 г. репрессивная политика Советской власти в целом была сдержанной, что сказалось и на ситуации в Литбеле. Но к ужесточению репрессий в Вильно были готовы. В апреле была создана комиссия по заложникам ЦИК [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 116]. После падения Вильно ЦК решил ужесточить репрессивную политику и расстреливать заложников из польских и литовских помещиков в ответ на расстрелы сторонников Советской власти в Вильно. Во время военного положения ЧК получила право расстрела без суда [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 123, 138]. Но теперь у Литбела были руки коротки, так как люди, «намечавшиеся в заложники», остались в Вильно.

Репрессивное законодательство Литбела было практически унифицировано с РСФСР. Местная ЧК подчинялась Всероссийской ЧК. В условиях военного положения коллегия ЧК имела право расстреливать без приговора революционных трибуналов – если обвиняемый застигнут на месте и есть вещественные доказательства преступления [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 10–11].

В действительности коллегия ЧК Литбела была создана только в мае [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 47], и лишь 4 июня Бюро ЦК КПЛБ предложило ЧК выносить приговоры о расстреле коллегией и с утверждением комиссией в составе председателя ЧК Иосифа Тарашкевича и членов ЦК Уншлихта и Калмановича [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 6. L. 22].

Дефицит кадров заставлял вовлекать в систему власти некоммунистических политиков и деятелей культуры. Еще ЦБ КП Белоруссии считало возможным привлечение социалистов к советской работе [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. L. 7]. Под контролем коммунистов были созданы Еврейская коммунистическая партия и Еврейский коммунистический союз [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. L. 12]. Эта инициатива вызвала критику со стороны Мицкявичюса и Ангаретиса, которые напомнили, что коммунистические партии не принимают принципа национально-культурной автономии в партийном строительстве. Но после дискуссии эти организации решено было сохранить – слишком важной для Вильно была задача расширить влияние коммунистов среди евреев с их обособленной жизнью. Было решено лишь, что еврейские коммунистические организации должны были подчеркнуть в своих уставах подчиненное положение в отношении КПЛБ [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. L. 96–97]. Но и литовские коммунисты привлекли к работе в качестве наркома культуры социал-демократа В. Биржишку, к тому же – брата арестованного коммунистами литовского политика В. Биржишки и министра просвещения в правительстве Слежявичюса М. Биржишки. Вацловас сохранил свой пост и в Литбеле до марта. Ниже мы увидим, что привлечение некоммунистических кадров к работе и проведению культурной политики приобрело в Литбеле большие масштабы.

На примере «буферных» республик можно рассмотреть подробнее жизнь в национально окрашенных западных советских образованиях. В начале 1919 г. в Советской России утвердилась политика «военного коммунизма». Период раздела помещичьих земель между крестьянами завершился. Было решено не переносить практику раздела на территорию новых Советских республик. Поместья становились государственными хозяйствами, поставляющими продовольствие в города. Это было бы проще, чем выколачивать хлеб по продразверстке. Земля была объявлена государственной собственностью. Такая политика вызывала разочарование крестьян, которые рассчитывали на раздел помещичьих земель, как в России в 1918 г. Мицкявичюс признавал, что из-за

национализации земли среднее крестьянство настроено против власти, и приходится опираться только на сельский пролетариат [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. L. 24].

Стали создаваться земельные отделы, которые должны были приступить к учету имений и крупных крестьянских усадеб. Поместья объявлялись советскими хозяйствами, работники должны были провести опись имущества и передать его в Наркомзем и затем в волостные Советы после их переизбрания [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 79].

А вот наркомпрод Литбела действовал в соответствии с декретами Советской России мая 1918 г. [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 81], то есть была установлена продовольственная диктатура в отношении обладателей хлебных запасов. Деревенные товары предоставлялись «только на условиях социалистического товарообмена», то есть в обмен на поставки продовольствия по твердым ценам. Товары должны были распределяться «по системе классового снабжения» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 81об.], то есть раздаваться рабочим и бедноте. Но это можно было обеспечить только после создания «классовых» Советов на местах.

С помощью кооперативов были организованы заготовки продуктов и обработка огородов горожанами. Наркомпрод создавал в городах (прежде всего в Вильно) сеть столовых для неимущих [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 81об.].

Происходили конфликты волостных Советов, взявших под контроль поместья, и сельских рабочих комитетов. «Сельские рабочие начали поговаривать, что раньше они были батраками у помещиков, а теперь становятся батраками у “мужиков”». Советы иногда распродавали имущество поместий, против чего выступал НКВД [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 8]. Он потребовал за три недели сдать расхищенное имущество обновленным Советам [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. L. 14].

7 апреля был принят декрет о провозе продуктов пассажирами (в разъяснение общего решения, принятого еще 22 января). Человек мог взять с собой не более 25 фунтов продовольствия, в том числе 10 фунтов хлеба, 2 фунта мяса, 2 фунта масла, 2 фунта сала и жиров, 2 фунта кондитерских изделий и сахара, 5 фунтов плодов, грибов, яиц и молочных продуктов. Внутри Литбела провоз продуктов практически не ограничивался [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 70]. Таким образом, Литбел стал не формальной, а вполне реальной для населения структурой.

11 апреля была создана комиссия СНК по торговле и товарообмену, без санкции которой «запрещается вывоз каких бы то ни было товаров из пределов Республики» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 73]. В организованном порядке продовольствие с севера Литвы поставлялось в Советскую Латвию [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 73об.].

Большое значение Совнарком Литбела придавал борьбе с эпидемиями, накрывшими Европу: предусматривалось оборудование изолированных помещений, дезинфекционных камер и создание «летучих»

санитарных отрядов. В Советах должны были создаваться медицинско-санитарные отделения. Планировалось взять на учет все имеющееся оборудование и обеспечивать задачу борьбы с тифом в приоритетном порядке [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 52]. Ставилась задача «очистки» ночлежек, постоянных дворов, гостиниц и станций от скопления населения. Под контролем медико-санитарных отделов беднейшее население должно было расселяться из трущоб в благоустроенные квартиры [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 52]. Таким образом, решение медицинской задачи увязывалось с важным направлением социальной политики Советской власти.

Формально Литбел должен был стать бастионом национальной культурно-языковой политики, противостоящей польскому, литовскому и другим национализмам. У КПЛБ было четыре центральных органа: «Звезда», «Млот», «Коммунистас» и «Дер Штерн». Планировалось издание четырех-пяти популярных газет, в том числе «Бедняк», «Глос», «Работнице», «Тисса» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 77].

24 марта был принят декрет о реорганизации школьного дела, который гарантировал преподавание на одном из пяти языков (это право вытекало из декрета о правах национальностей от 21 марта) [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 21, 78]. В развитие декрета была принята инструкция Наркомпроса о местных языках в школах. Выбор языка преподавания предоставлялся родителям и школьникам старше 13 лет. Языками преподавания были литовский, белорусский, польский, идиш и русский. Если набиралось 25 желающих обучаться на определенном языке, то – в школе формировалась такая группа. Если набиралось менее 20 желающих, то – отдел народного образования Совета специально должен был заняться решением этой проблемы. С третьего года обучения должен был изучаться еще один язык. Отделы народного образования должны были давать ответы на языке обращенного к ним запроса [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 78].

Лидеры республики мечтали о развитии культурных программ. 12 марта был принят декрет о создании Народного университета с преподаванием на всех местных языках (на базе имевшегося Виленского университета). Университету выделили миллион рублей [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 4об.]. Планировалось учреждение Института социологии и экономики Литвы и Белоруссии и Социологической библиотеки [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. L. 50]. Однако осуществление этих программ требовало большого количества высококультурных специалистов, поддерживающих Советскую власть. А с этим у коммунистов всегда были проблемы.

Мицкявичюс сумел сформировать относительно сильную команду для культурной работы, которой предстояло создавать национал-коммунистический синтез в Литбеле прежде всего на основе литовской культуры. Глава Совнаркома оправдывался, что из-за нехватки кадров «нам приходилось привлекать

к работе даже некоммунистов» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. L. 25]. Многие сотрудничавшие с коммунистами в Вильнюсе крупные деятели культуры были далеки от коммунистических идей, но закладывали основы современной литовской культуры, формировали ее каноны и стандарты, которые в это время были еще относительно подвижны.

Литбел жил в прифронтовой обстановке, а ситуация на фронте ухудшалась под натиском польских войск. 25 февраля ЦК КПЛ обсуждал ситуацию: «Поляки взяли Слоним, начинается паника, минчане не хотят ехать в Вильну и просят отложить заседание ЦИК» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 55].

15 марта на ЦК обсуждалась возможность мобилизации, но от нее отказались, потому что и добровольцев не удалось обеспечить как следует, а учет призывников уже вызвал волнения [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 86–87].

Москва и Вильно предпочли бы мирные переговоры между Польшей и Литбелом, что означало бы и отказ Польши от претензий на создание объединенного польско-литовского государства. НКВД в Москве пытался подтолкнуть к этому Польшу. Во время переговоров Чичерина с представителем польского МИД Венцковским, последний «нащупывал почву для мирных переговоров. Тогда ему было заявлено, что для переговоров о мире он должен обращаться в Вильно, ибо Россия фактически с Польшей не воюет» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 86–87], – сообщалось в ЦК КПЛБ в начале апреля. 5 апреля, обсуждая эту ситуацию, чекисты выражали недовольство тем, что Москвой «вопросы, касающиеся прежде всего нас, решаются совершенно без нашего участия» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 109]. Если НКВД хочет использовать независимый статус Литбела, он должен считаться с его руководством, хотя бы своевременно информировать о происходящих переговорах. Впрочем, это был тактический вопрос. Как говорил Иосиф Уншлихт, «интересы международного пролетариата выше национальных вопросов, и за мир с Антантой можно отдать Литву и Белоруссию» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 110].

19 апреля польские войска взяли Вильнюс, и он более чем на год снова превратился в Вильно. После падения Вильнюса центральные структуры Литбела эвакуировались в Минск. Совнарком затем разместился в Бобруйске, который считался более безопасным. ЦИК взял на себя дела Минского губсовета, а ЦК – Минского губернского комитета партии [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 129]. Ведь теперь территория Литбела свелась практически к Минской губернии.

Наряду с ужесточением репрессивной политики, в условиях военной катастрофы предпринимались меры для расширения политической базы режима. Наркомом социального обеспечения был назначен бундовец Н. Вайнштейн, представители просоветских партий допускались в коллегии наркоматов [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 158].

Отступление привело к оттоку коммунистических кадров, вступивших в партию прежде всего по карьеристским соображениям. В ответ ЦК предпринимал суровые меры: «Дезертировавших коммунистов Вольфсона и Коробка передать в ЧК и предложить расстрелять, как членов партии, заявивших о выходе из партии после мобилизации» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 181]. Таким образом, расстрел грозил даже за выход из компартии.

1 июня Литбел стал одним из учредителей военно-экономического союза советских республик. После этого в Москве пришли к выводу, что «буферная игра» себя практически исчерпала. 15 июля Сталин предложил ликвидировать Литбел [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 222]. Признавая, что аппарат Литбела уже ничем не управляет, и его дела можно передать минским Советским властям, ЦК КПЛБ в обращении 14 июля уговаривал центральное руководство не торопиться с формальной ликвидацией Литбела: «Что касается дальнейшего существования самой Республики Л. и Б., то, принимая во внимание, что ликвидация Республики Л. и Б. в данный момент вызовет дезорганизацию в широких кругах наших товарищей на Литве и Белоруссии, особенно по ту сторону фронта, что уничтожение Республики затрагивает работу КП в Литве и даст огромный козырь буржуазным партиям Польши и Литвы против Советской России, давая повод для обвинений в аннексионистских стремлениях Р.С.Ф.С.Р., что в виду возможности мирных переговоров с Польшей ликвидация Республики крайне невыгодна для Советской России и окончательных результатов этих переговоров, Ц. К. признает необходимым формальное существование в дальнейшем Республики Литвы и Белоруссии. Члены Совнаркома и ЦИК Литвы и Белоруссии должны выполнять всякую работу, которая в связи с переживаемым моментом на них возлагается, независимо от сохраненного за ними звания членов формально продолжающего свое существование Совнаркома Л. и Б. Одновременно ЦК поручает тов. Мицкявичу выступать, где это будет необходимо, от имени Совнаркома с соответствующими декларациями, постановлениями и т.п.» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. L. 214–215]. Эти аргументы были приняты Москвой. О ликвидации Литбела не сообщалось, хотя СНК Литбела передал дела Советским властям Минской губернии. Формально Литбел существовал еще год.

Совнарком Литбела был вовлечен в ход переговоров с Литвой об обмене арестованными (заложниками), которые вел Винцас Мицкявичюс. Чичерин настаивал на общем обмене, предсовнаркома Мицкявичюс с ним в принципе соглашался, но ссылался на неуступчивость «Тарибской Литвы». 13 октября на бланке СНК Литбела было направлено письмо Чичерину по вопросу обмена заложниками с правительством Литовской республики, где СНК Литбела настаивал на жестких условиях: 1 советского менять на 2,5 «белых». Также категорически говорилось:

«Обещать им не брать больше заложников мы не можем» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 54. L. 11, 11 ар, 14–14об.]. 19 ноября соглашение об общем обмене наконец было достигнуто, но технически дело затягивалось. Инструкция для обмена заложниками с Литвой от 3 апреля уже не требовала компенсации, если «Тарибская Литва» предложит на обмен уголовников и чуждых коммунистам элементов из тюрем. Их следовало либо возвращать назад, либо арестовывать после обмена [8, Ф. 77. I. 3. Ф.83. L. 13, 13]. Однако в дальнейшем Мицкявичюс пытался тормозить обмен, ссылаясь то на готовящуюся амнистию, то на репрессии в Литве [8, Ф. 77. I. 3. Ф. 83. L. 3, 7–8]. Окончательно обмен был завершён уже после заключения советско-литовского договора 12 июля 1920 г. [8, Ф. 77. I. 3. Ф. 83. L. 4–4]

Формально Литбел прекратил существование в связи с подписанием советско-литовского договора 12 июля 1920 г. и воссозданием советской Белоруссии 31 июля 1920 г.

Заключение. Как видим, благодаря материалам Специального архива Литвы можно многосторонне реконструировать развитие Литбела. В сравнении с другими источниками, которые использовала историография вопроса, материалы LYA позволяют вскрыть «подноготную» жизни в Литбеле, которая имела ряд особенностей в сравнении со стандартной системой «военного коммунизма»: свободный продуктообмен в рамках региона, огосударствление и отказ от раздела помещичьей земли между крестьянами и от продразверстки (при наличии проддиктатуры), отсутствие твердого контроля центральной власти на местах, сдержанность репрессивной поли-

тики, мультикультурализм с некоторым преимуществом развития литовской культуры. Отложившиеся в архиве материалы хотя и несут на себе отпечаток коммунистической идеологии и личных качеств деятелей Литбела, но легко объективизируются, так как тенденциозность документов несложно считать и вынести за скобки при построении объективной картины жизни в Литбеле.

Литература

1. Короткова, Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии держав. 1918–1921 / Д.А. Короткова. – М.: Центрполиграф, 2019.
2. Павлова, М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах / М.С. Павлова. – М.: Аспект Пресс, 2016.
3. Короткова, Д. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» Литбел и его окрестности / Д. Короткова // Родина. – № 3. – 2012.
4. Мотузас, Р. Особенности правления большевиков в Вильнюсе в январе-апреле 1919 года и литовская интеллигенция / Р. Мотузас // Россия и Балтия. Новый мир на развалинах империи. – М.: ИВИ РАН, 2017. – Вып. 8.
5. Лауринавичюс, Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только / Ч. Лауринавичюс // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. – М.: Наука, 2015.
6. Шубин, А.В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив / А.В. Шубин. – М.: Акад. проект, 2024. – С. 641–652.
7. Шубин, А.В. Путь исторического исследования / А.В. Шубин // Ритмы истории. – М.: Эгалите, 2024. – С. 11–33.
8. Lietuvos upatingasis archyvas (LYA).

Поступила в редакцию 12.05.2025

Повседневная жизнь горожан Беларуси периода германской оккупации 1941–1944 гг. (по материалам оршанской городской администрации)

Гребень Е.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

Для создания объективной картины оккупационной повседневности городского населения Беларуси необходимо ввести в научный оборот максимально большее количество источников.

Цель публикации – выявить наиболее типичных аспектов городской повседневности Беларуси в условиях германской оккупации 1941–1944 гг. на примере города Орши.

Материал и методы. *Статья подготовлена на основе материалов Государственного архива Витебской области. Используются фонды оршанской районно-городской управы (2074), оршанского районно-городского полицейского управления (2092) и конторы рынка г. Орши (2113). В работе применены историко-типологический метод.*

Результаты и их обсуждение. *В статье проанализированы наиболее типичные документы, отражающие деятельность оршанской районно-городской (городской) управы и полиции, механизмы коммуникации местной вспомогательной администрации с германскими оккупационными структурами. Автор характеризует материальное положение жителей города, отмечает, что невозможность удовлетворения базовых потребностей для абсолютного большинства горожан вынуждало искать иные источники материальных благ в виде земледелия, животноводства, торговли и ремесленной деятельности.*

Заключение. *Таким образом, на примере положения жителей города Орши в 1941–1944 годах можно выделить ключевые аспекты оккупационной действительности в Беларуси: нарушение функционирования коммунального хозяйства, острый дефицит жилья, промышленных товаров и, особенно, продуктов питания и, как следствие, употребление суррогатов и недоброкачественных продуктов, катастрофическое положение социально уязвимых слоев горожан. Экстремальная ситуация вынуждала многих горожан продумывать альтернативные стратегии выживания.*

Ключевые слова: *Беларусь, Орша, германская оккупация, повседневная жизнь.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 56–60)

Everyday Life of Citizens of Belarus during the German occupation of 1941–1944 (based on Materials from the Orsha City Administration)

Greben E.A.

Education Establishment "Belarusian State Agrarian Technical University", Minsk

In order to create an objective picture of the everyday life of the urban population of Belarus during the occupation, it is necessary to introduce into scientific circulation the maximum possible number of sources.

The aim of the article is to identify the most typical aspects of everyday urban life in Belarus under the German occupation of 1941–1944 using the city of Orsha as an example.

Material and methods. *The article was prepared based on materials from the State Archives of the Vitebsk Region. The funds of the Orsha District and City Administration (2074), the Orsha District and City Police Department (2092) and the Orsha City Market Office (2113) were used.*

Findings and their discussion. *The article analyzes the most typical documents reflecting the activities of the Orsha district-city (city) administration and police, the mechanisms of communication of the local auxiliary administration with the German occupation structures. The author characterizes the material situation of the city's residents, notes that the impossibility of satisfying basic needs*

Адрес для корреспонденции: e-mail: greben.evgenij@gmail.com – Е.А. Гребень

for the absolute majority of city residents forced them to look for other sources of material wealth in the form of agriculture, livestock farming, trade and craft activities.

Conclusion. Thus, using the example of the situation of the residents of the city of Orsha in 1941–1944, we can highlight the key aspects of the occupation reality in Belarus: disruption of the functioning of public utilities, an acute shortage of housing, industrial goods and, especially, food products (and, as a consequence, the use of surrogates and poor-quality products), the catastrophic situation of socially vulnerable groups of city residents. The extreme situation forced many city residents to use alternative survival strategies.

Key words: Belarus, Orsha, German occupation, everyday life.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 56–60)

В фондах Государственного архива Витебской области хранится значительный комплекс документов, характеризующих наиболее типичные аспекты повседневной жизни жителей г. Орши в условиях германской оккупации 1941–1944 гг. Реконструируя повседневность конкретного города, исследователь сталкивается с элементом случайности: в разных фондах городских администраций оккупационного периода сохранились различные документы, которых может не быть (или же они представлены фрагментарно) относительно других городов. Поэтому исключительно важно введение в научный оборот максимального большего количества документов для адекватного понимания специфики повседневности белорусских горожан оккупационного периода.

Цель публикации – выявление наиболее типичных аспектов городской повседневности Беларуси в условиях германской оккупации 1941–1944 гг. на примере г. Орши.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе материалов Государственного архива Витебской области, в частности, фондов оршанской районно-городской управы (2074), конторы оршанского рынка (2113) и управления полиции оршанского района (2092). Использованный автором историко-типологический метод позволил выявить общие закономерности, социально-бытовые условия жизни и источники выживания городского населения Беларуси в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. В период германской оккупации 1941–1944 гг. город Орша и Оршанский район входили в состав тыловой зоны группы армий «Центр». Местная вспомогательная администрация города и района непосредственно подчинялась оршанской ортскомендатуре (местной) и выполняла распоряжения германской военной администрации в лице командующего тылом группы армий «Центр». В отличие от других городов, местная вспомогательная администрация осуществляла управление городом и районом одновременно (районно-городская управа) до июля 1943 г.

Фонд оршанской районно-городской управы насчитывает 690 единиц хранения [1]. Множество единиц хранения фонда содержат постановления комендатуры, распоряжения командующего тылом группы армий «Центр», переписку управы с комендатурой по текущим вопросам [1, оп. 3, д. 2, 3]. Можно

достоверно реконструировать структуру и численность городской администрации, постановления, распоряжения, приказы начальника оршанского округа и бургомистра оршанской городской управы, информацию о численности рабочих и служащих управы, штатное расписание, таблицы, планы работы и отчеты о работе ее подразделений, ведомости, сметы [1, оп. 1, д. 2–4, 6–8; оп. 2, д. 10, 34, 50, 51, 77, 79, 203; д. 51, л. 513–516, 531; оп. 3, д. 7].

Документы управы дают представление о численности жителей Орши в разные периоды оккупации, его полово-возрастной структуре, национальном составе (например, по состоянию на 01.06.1942 зафиксированы белорусы, русские, поляки, украинцы, немцы, латыши, литовцы, эстонцы, татары, австрийцы, казахи, узбеки, китайцы, цыгане) и вероисповеданию (православные, католики, лютеране, мусульмане) [1, оп. 2, д. 39; оп. 3, д. 3, л. 39; оп. 4, д. 62, л. 68].

Документы фонда содержат информацию о количестве домов и жилплощади по г. Орше и прилегающим поселкам, обращении городской управы к жильцам коммунальных или бесхозных домов с требованием соблюдать правила проживания под угрозой штрафа или выселения, переписка подразделений управы о предоставлении жилья сотрудникам, списки владельцев домов и квартиросъемщиков [1, оп. 1, д. 38, л. 31, 60, 37; д. 30, л. 85; д. 22]. В объявлении городской управы от 17.01.1942 и проекте ставок за аренду нежилых помещений в домах городской управы от 20.02.1942 есть сведения об арендной плате за постройки, сведения о квартплате рабочих и служащих, которая коррелировалась с окладом. Списки квартиросъемщиков, имевших задолженность по квартплате, свидетельствуют о сложном материальном положении горожан [1, оп. 1, д. 39, л. 3, 4; оп. 2, д. 39, л. 31; д. 37, л. 76, 136, 140–141].

Как и другие белорусские города, Орша пострадала от боевых действий лета 1941 г. Свидетельством нарушения работы коммунального хозяйства города являются документы отдела благоустройства (акты, планы и др.) [1, оп. 2, д. 3, л. 10, 12, 4, 4об., 45, 45об.]. Поскольку все ресурсы в приоритетном порядке направлялись на нужды вермахта и местных предприятий и учреждений, работавших в интересах оккупационных властей, восстановление разрушенных построек стало для горожан значительной проблемой, которая решалась гражданами, в том числе путем присвоения бесхозного либо коммунального имущества. Местная администрация

ограничивалась лишь декларацией о выделении лесоматериалов пострадавшим от боевых действий и составлением списков граждан [оп. д. 1, л. 3об., 22]. Относительно строительства интересен приказ бургомистра от 04.08.1943, в котором отмечалось, что, несмотря на двукратное требование, владельцы строящихся домов не выполняют требования маскировки (очевидно, строящиеся объекты могли восприниматься как военные и подвергаться ударам советской авиации. – Е.Г.) и грозил нарушителям арестом на 2 месяца и штрафом до 2000 руб. [1, оп. 1, д. 2, л. 14].

Пострадавшая городская инфраструктура затруднила передвижение жителей города, разделенного р. Днепр. В апреле 1942 г. ортскомендатура информировала бургомистра, что строящийся понтонный мост будет использован только в интересах немцев, а для горожан предписывалось организовать платную лодочную переправу, которая станет единственной связью с Заднепровской частью города [1, оп. 1, д. 8, л. 381, 381об.]. К 1943 г. организованная частным лицом переправа функционировала [1, оп. 2, д. 51, л. 214].

В характеризуемом корпусе документов в достаточной мере представлен социальный аспект оккупации, в частности, информация о работе отдела социального обеспечения за разное время (сколько выделено пенсий инвалидам, пособий малоимущим и др.) [1, оп. 2, д. 203, л. 7]. В письме отдела народного призрения бургомистру от 24.03.1942 описывается положение социально уязвимых категорий горожан. Отмечалось, что до войны пенсионеры и инвалиды пользовались льготами по различным видам налогов и сборов либо полностью от них освобождались. Констатировалось ухудшение положения таковых граждан, рост числа семей, оказавшихся в трудном положении, в частности, семей, чьи кормильцы были мобилизованы в армию в начале войны, наличие семей, чье имущество уничтожено пожарами. Начальник отдела констатировал, что для таковых граждан земельная рента и налог на строения является непосильным бременем, в отдел поступает масса ходатайств снизить или отменить налоги [1, оп. 1, д. 8, л. 292]. О количестве социально уязвимых горожан свидетельствуют также отчеты городской управы о взыскании подушного налога. Например, за 1942 г. из начисленного подушного налога было собрано 73,1%, при этом 19,1% планировалось снять за счет выбывших из города, инвалидов и малоимущих [1, оп. 2, д. 51, л. 67].

Наиболее наглядной иллюстрацией бедственного положения горожан можно рассматривать прошение гражданки в городскую управу от 19.06.1944 с просьбой принять в детский дом троих малолетних детей, поскольку нет средств их содержать: «Прошу вашего величества принять моих детей в детдом, так как я имею на своем иждивении трое детей 7,5,1 года и они у меня совершенно голодают и голые босые, мужа я похоронила в этом году сама работаю на окопах нет средств чего кормить так что прошу принять хотя бы двое детей всё мне будет легче одного воспитать.

Иначе я должна своих детей мучать голодом нет возможности воспитать кормить и одевать...» (правописание сохранено. – Е.Г.) [1, оп. 2, д. 10, л. 32, 32об.].

Решение социальных проблем городская администрация частично перекладывала на самих горожан, организовывая сбор пожертвований в пользу малоимущих [1, оп. 2, д. 1, л. 11]. Также материальные фонды городской администрации пополнялись за счет имущества жителей, покинувших город. В актах инвентаризационной комиссии фиксировались бесхозное имущество (перечни бесхозных домов дают представление об оттоке населения из города в ходе войны) и его дальнейшее использование: продажа другим лицам движимого, передача в пользование недвижимого [1, оп. 1, д. 29, л. 2, 6, 47; д. 30].

Ряд документов характеризует ситуацию в сфере общественного питания и производства продуктов. В частности, в письме заведующего торгово-промышленным отделом заведующему хлебопекарни (частное предприятие) констатировалось плохое качество выпекаемого хлеба [1, оп. 4, д. 60, л. 17]. Хлеб на 80% состоял из ячменя, и только 20% ржи [1, оп. 4, д. 62, л. 25]. Аналогичная оценка содержалась в письмах бургомистра санитарному врачу и начальнику общественного питания: антисанитарное состояние учреждений общественного питания, отсутствие должного надзора за качеством перерабатываемой продукции [1, оп. 4, д. 60, л. 1, 2]. В документах городской управы также есть упоминание о добавке в муку молотых желудей (со ссылкой на ортскомендатуру, что желудевую муку выдавать по карточкам только по желанию граждан) [1, оп. 4, д. 62, л. 40, 28]. Позиция «желуди» фигурирует в перечне продуктов на городских продовольственных складах, затребованном заведующим торговым отделом 06.05.1943, что свидетельствует о распространенной практике добавления данного суррогата в хлеб [1, оп. 4, д. 62, л. 40].

Введенная оккупационными властями для городского населения карточная система распределения продовольствия не гарантировала его получения автоматически; многим приходилось добиваться выдачи продуктовых карточек. В рассматриваемом фонде содержится множество заявлений горожан в городскую администрацию с просьбой обследовать ситуацию и выдать продуктовые карточки им или их иждивенцам по причине того, что удостоверения личности были утрачены (например, сгорели) [1, оп. 1, д. 21, л. 1–457]. Поскольку продукты в государственных магазинах были в наличии не всегда, городская управа со ссылкой на указание ортскомендатуры рекомендовала горожанам требовать, в случае отсутствия продуктов в магазине, пометки заведующего на оборотной стороне продуктовой карточки [1, оп. 4, д. 62, л. 81].

Документы рассматриваемого фонда характеризуют работу медицинских и ветеринарных учреждений в оккупированной Орше. Информацию о них дают штатное расписание городской больницы, опись вещей умерших граждан и переписка отдела здравоохра-

нения с похоронным бюро об их погребении, медицинские справки и больничные листы граждан, справки врачебной комиссии о временной нетрудоспособности и освобождении от работы [1, оп. 2, д. 199, 63, 197, 198]. В проекте приказа по районно-городской управе от 26.02.1942 главврач амбулатории обязывался оказывать содействие полиции в определении возраста граждан в случае отсутствия довоенных документов [1, оп. 1, д. 8, л. 204]. Из документа «Обязанности ветеринара» видны задачи ветеринарной службы: наблюдение и контроль за мясоконтрольными, молочными станциями, молокозаводом; воспрещение продажи на рынке неклеяемого мяса, непроверенного молока, надзор за покупкой-продажей скота, выявление на базаре животных с заразными заболеваниями, не допуск для продажи скота из карантинных зон; повседневный контроль за столовыми и предприятиями, обрабатывающими мясные продукты и отходы животноводства; наблюдение за салотопкой с обязательным вскрытием каждого трупа; наблюдение за санитарным состоянием гужевого транспорта; санитарный надзор за содержанием сельскохозяйственных животных гражданами [1, оп. 1, д. 8, л. 394].

В условиях мизерных норм продуктов по карточкам важным фактором выживания для горожан в условиях оккупации стало наличие земельного надела. Сохранились инструкция бургомистра городской управы об отводе земельных участков под сезонные огороды от 26.03.1943, постановления о наложении штрафов, заявления граждан о выделении участков и семенной ссуды, акты, касающиеся упорядочения пользования земельными приусадебными участкам, донесения городского землемера начальнику оршанского городского управления полиции о незаконном засеивании [1, оп. 2, д. 208–211, 216–218, 235–237]. Порядок выделения гражданам земельных участков доводился до сведения специальным объявлением [1, оп. 2, д. 10, л. 7]. Выделение наделов для производства горожанами для себя продуктов питания давало возможность городской администрации иметь представление о будущем урожае и потребности в поставках продовольствия [1, оп. 2, д. 3, л. 1]. Наличие земельного участка не являлось гарантией того, что горожане имели возможность обеспечить себя продуктами. Весной 1943 г. в письме ортскомендатуре бургомистр оценивал наличие приусадебных участков в городе как достаточное, но констатировал отсутствие у людей семенного фонда, и просил выделить в качестве ссуды под будущий урожай 30 т картофеля, по 7 т ячменя и овса, которые планировалось вернуть с процентами [1, оп. 4, д. 62, л. 47]. Полуголодное существование горожан было реалией оккупации, часть горожан переехала в деревню, при этом пыталась сохранить за собой земельные участки в городе. В такой ситуации городская администрация рассматривала право граждан на землю как сомнительное [1, оп. 1, д. 5, л. 3].

В условиях оккупации одной из стратегий выживания было занятие предпринимательской деятель-

ностью (ремесло и торговля). Сохранились списки лиц, занимающихся кустарным промыслом, заявления граждан о выдаче патентов, освобождении от уплаты налогов, ремесленные книги учета кустарей, карточки и патенты, акты обследования кустарных предприятий [1, оп. 2, д. 90; оп. 4, д. 20, 21, 63, 157, 168]. Часть горожан делали это официально, подав прошение на получение патента, другие работали нелегально [1, оп. 3, д. 37, л. 126; оп. 2, д. 79, л. 91; д. 90, л. 1–9; д. 178, л. 4–10; д. 93, л. 22; д. 51, л. 190].

Помимо хранящейся в фонде районно-городской управы информации (расписки, акты, контролеров городского рынка на получение талонов для уплаты базарного сбора за 1943 г.) в Государственном архиве Витебской области имеется также отдельный фонд конторы оршанского рынка представлен одной, но весьма информативной единицей хранения, характеризующей порядок торговли [1, оп. 2, д. 92; 2]. В нем содержится список сотрудников рынка с указанием должности и персональных данных, информация о ценах на конкретные товары, превышать которые продавцы не имели права, письмо директора рынка бургомистру о ветеринарном надзоре [2, л. 11–13, 24, 25, 27, 29]. Имеются также акты начальника рынка с описанием конкретных нарушений торговцами (продажа испорченных продуктов, отказ принимать советские деньги, обнаружение самогонного аппарата в подвале ларька и др.) [2, л. 15, 17, 23, 20]. Также можно увидеть действия городской администрации относительно нарушителей правил торговли: распоряжение бургомистра или начальника торгово-промышленного отдела о штрафах на уклоняющихся от получения патента на торговлю, закрытие предприятий общественного питания [2, л. 1, 18].

Фонд оршанского районно-городского управления службы охраны порядка (полиции) насчитывает 145 единиц хранения [3]. Подавляющее большинство документов касается Оршанского района (списки, личные дела полицейских, документы о работе волостных отделений полиции, сведения об обеспечении и др.). В меньшей степени документы иллюстрируют ситуацию в городе, но, тем не менее таковые имеются, причем отдельные содержатся также в фонде конторы оршанского рынка [2]. Документы характеризуют розыскные мероприятия полицейских относительно пропавших вещей граждан, контроль полиции над рынком, выявление и арест граждан, уклонявшихся от обязательной трудовой повинности, занимавшихся воровством, продажей краденых вещей, пьянством [2, л. 31; 3, д. 95, л. 9, 15, 16, 29, 34]. Сохранившиеся предписания начальника городской управы начальнику полиции иллюстрируют механизм привлечения граждан к наказанию за определенные нарушения. Например, предписание закрыть на рынке 4 частных закусочных за нарушение правил торговли (23.09.1943), подвергнуть трехдневному аресту дворника за систематическое невыполнение обязанностей по уборке рыночной площади (06.09.1943) [3, д. 95, л. 24, 43].

В фонде имеются документы о работе пропагандистского отдела полиции, жалобах граждан на противоправные действия полицейских, например, на изъятие продуктов, табачных изделий, присвоение полицейскими имущества евреев [3, д. 1, л. 69, 11, 2–5]. Ряд документов иллюстрируют конфискацию силами полиции скота у горожан из-за уклонения от поставок мяса или гужевой повинности (списки владельцев, информация о результатах расследования (владелец или животное выбыли из города, болезнь или убой скота до конфискации и т.д.) [3, д. 95, л. 3, 8, 12, 14].

Интересно постановление начальника полиции от 25.12.1941 относительно информации о принадлежности гражданки к еврейской национальности. Как явствует из документа, было проведено расследование поступившей в полицию информации и установлен факт принадлежности жительницы Орши к еврейской национальности. При этом она являлась супругой директора оршанского банка (этнического немца), была зарегистрирована в ортскомендатуре как перешедшая в христианство и ее благонадежность не вызывала вопросов у начальника немецкой полиции, поэтому было принято решение освободить гражданку от дальнейших проверок и преследований [3, д. 1, л. 67].

По мере приближения в 1943 г. линии фронта к Беларуси, немцы проводили эвакуацию прифронтовых районов. Помимо материальных ценностей, эвакуировалось гражданское население, которое являлось для оккупантов ценным трудовым ресурсом. В фонде районно-городской управы сохранились распоряжение начальников города и района от 10.12.1943 об эвакуации жителей на запад на основании приказа германского военного командования, а также приказ

начальника г. Орши от 09.12.1943. В последнем содержалось требование к горожанам явиться с вещами на следующий день на сборный пункт, а также определялись категории граждан, временно освобождавшиеся от эвакуации (сотрудники городской и районной управ, полицейские и их семьи, работающие при воинских частях, а также семьи, насчитывающие в своем составе свыше 50% нетрудоспособных) [1, оп. 1, д. 38, л. 1, 159]. Согласно плану переселения жителей г. Орши на запад, предполагалось к 19.12.1943 переселить 25800 человек гражданского населения [1, оп. 2, д. 37, л. 106].

Заключение. Таким образом, имеющийся в распоряжении исследователей обширный корпус документов позволяет реконструировать локальную историю города Орши в условиях оккупации. На примере положения жителей города в 1941–1944 годах можно выделить ключевые аспекты оккупационной действительности в Беларуси: нарушение функционирования коммунального хозяйства, острый дефицит жилья, промышленных товаров, особенно продуктов питания (и, как следствие, употребление суррогатов и недоброкачественных продуктов), катастрофическое положение социально уязвимых слоев горожан. Экстремальная ситуация вынуждала многих горожан продумывать альтернативные стратегии выживания.

Литература

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2074, Оп. 1–5.
2. ГАВт. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАВт. – Ф. 2092. Оп. 1.

Поступила в редакцию 12.05.2025

ФИЛОСОФИЯ

Философия и высшие духовные ценности
(материалы круглого стола, приуроченного
к 55-летию кафедры философии и
социальных наук Витебского государственного
университета имени П.М. Машерова)

Далимаева Е.О.*, **Коломийцева Ю.А.***, **Рудко Е.А.****, **Лисов А.Г.*****, **Рудковская Е.Э.*****,
Рудковский Э.И.*, **Шрамук Е.П.***, **Субботин А.А.****

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

**Учреждение образования «Витебский государственный
технологический университет», Витебск

***Витебск

Философия играет значимую роль в формировании духовного мира человека.

Цель статьи – проанализировать философский смысл основных концептов духовных ценностей.

Материал и методы. Материалом выступают различные грани философского знания. Участниками дискуссии использованы общелогические и основные методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Роль философского мировоззрения возрастает в условиях нарастающих рисков глобализирующегося мира и информационного общества. Велик потенциал философии в их минимизации. Наряду с теоретико-методологическими проблемами большое место занимают экзистенциально-нравственные проблемы, вопросы смысла жизни, соотношения вечных духовных ценностей и место человека в стремительно меняющемся мире.

Заключение. Стратегия развития общества и сохранения человека должна опираться на мировоззрение, адекватные потребности телесно и духовно целостной природы человека. Предпосылкой безопасности и жизнеустойчивости общества является духовная матрица, которая может быть соотнесена с мерой человека, постоянно направляться гуманизмом и опираться на традиционные ценности.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, социально-гуманитарное знание, информационное общество, традиционные ценности, социальные риски.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 62–70)

Philosophy and Higher Spiritual Values
(Materials of the round table dedicated
to the 55th anniversary of the Department of
Philosophy and Social Sciences
of Vitebsk State P.M. Masherov University)

Dalimayeva E.O.*, **Kolomiytseva Yu.A.***, **Rudko E.A.****, **Lisov A.G.*****,
Rudkovskaya E.E.***, **Rudkovski E.I.***, **Shramuk E.P.***, **Subbotin A.A.****

*Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

**Education Establishment "Vitebsk State Technological University", Vitebsk

***Vitebsk

Philosophy plays a significant role in shaping the spiritual world of man.

The goal is to analyze the philosophical meaning of the basic concepts of spiritual values.

Material and methods. The material is various facets of philosophical knowledge. The participants of the discussion used general and basic methods of theoretical research.

Findings and their discussion. The role of the philosophical worldview is growing in the face of the growing risks of a globalizing world and information society. The potential of philosophy in minimizing them is great. Along with theoretical and methodological problems, existential and moral problems, questions of the meaning of life, the relationship of eternal spiritual values and the place of a person in a rapidly changing world occupy a large place.

Conclusion. The strategy for the development of society and the preservation of man should be based on the worldview, adequate to the needs of the bodily and spiritually integral nature of man. The prerequisite for the safety and resilience of society is a spiritual matrix that can be correlated with a person's measure, constantly guided by humanism and based on traditional values.

Key words: philosophy, worldview, social and humanitarian knowledge, information society, traditional values, social risks.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 62–70)

Избранная тема круглого стола посвящена достаточно традиционной и вместе с тем постоянно актуальной проблематике. Современная философия, сохраняя внутреннюю устойчивость, постоянно изменяется, ищет новые средства и методы описания окружающего мира и выражения самой себя.

Очерки места и роли философии в жизни общества порой весьма противоречивы. От снисходительных (дескать, без нее, предельно абстрактной науки можно прожить) до восторженных, возвышенных: «Философия – это мыслящий дух эпохи» (Г. Гегель), «Именно философия отличает нас от дикарей и варваров» (Р. Декарт).

Любой мыслящий человек понимает, что философия решает, осмысливает те проблемы, от решения которых общество не может уклониться. Известны вопросы: кто мы? откуда мы? и куда идем? В чем смысл человеческого бытия в этом мире и есть ли он вообще? Ответы на эти вопросы философия искала на протяжении многих столетий, она их ищет и будет искать в будущем.

Современный мир столкнулся с целым рядом вызовов и рисков. Среди них проблема выживаемости в ядерный век, изменение климата, перспективы развития искусственного интеллекта и опоры на традиционные ценности, насаждение «культуры отмены», кризис национальной идентичности, обострение гендерных проблем. В свое время Поль Валери отмечал: «Мы цивилизация, мы знаем отныне, что смертны... Необычайный трепет пробежал по мозгу Европы. Всеми мыслительными сплетениями она ощутила, что ей грозит потеря самосознания – того самосознания, что было приобретено веками» [1]. Еще никогда судьбы человечества не зависели от множества случайных факторов, злого умысла политических авантюристов. Все это требует философского осмысления. В условиях эволюционного, спокойного социального развития интеллектуальная деятельность философов не привлекает в обществе особого внимания. Однако ситуация коренным образом меняется на переломных этапах истории человечества. Свидетелями одного из них мы сегодня и являемся. Если философия претендует на формирование рационально-теоретического мировоззрения, она обязана заниматься изучением системности и интерпретацией новейших достижений науки, искусства и общественной практики. Философия оперативно реагирует на изменения в ценностных

основаниях духовной жизни общества, предчувствуя приближающийся сбой в применении. В условиях нарастающей технической экспансии насущная глобальная, универсальная задача – сохранение ниши для человека, гуманизация общественных отношений. В свое время Клод Леви-Стросс пришел к выводу, что XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе. Именно эти науки позволяют отличить подлинные духовные ценности от ценностей расчеловечивания.

Цель публикации – проанализировать философский смысл основных концептов духовных ценностей.

Материал и методы. Материалом статьи является содержание выступлений участников круглого стола, которые были посвящены выявлению места философии в формировании традиционного духовного мира человека, ее роли в минимизации социокультурных рисков глобализирующегося мира и информационного общества. Использованы общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. С точки зрения *Е.О. Даллимаевой*, философия, которая как особая форма познания мира возникла более трех тысяч лет назад, изначально не мыслилась как утилитарное знание. Однако сегодня в любом издании о роли философии мы прочтем, что она полезна, поскольку... Далее, как правило, следует перечисление функций философии, они общеизвестны: мировоззренческая, методологическая, гносеологическая, аксиологическая, критическая, прогностическая и т.д. Философия традиционно рассматривается как дисциплина, направленная на исследование фундаментальных вопросов бытия, познания, морали и человеческого существования. Однако ее значимость выходит далеко за пределы академического контекста. Цицерон говорил, что философия – это медицина для души, Боэций написал трактат «Утешение философией» перед казнью, в основе многих современных психотерапевтических методик лежат философские учения... В условиях «текущего общества» (термин З. Баумана) философия приобретает особую роль, поскольку позволяет осмыслить изменения, происходящие в социуме, науке и культуре, и предостеречь от множества опасностей. К сожалению, часто голос философии остается голосом Кассандры, дочери последнего троянского царя Приама, которая, как известно, точно предвидела будущее, но к ее предсказаниям и предостережениям никто не прислушивался.

Научная революция XX века привела к глубоким изменениям в понимании природы реальности. Квантовая механика, теория относительности и эволюционная биология радикально изменили наши представления о Вселенной и месте человека в ней. Гравитационные волны, реликтовое излучение, черные дыры продолжают развивать наши представления о том, как устроена Вселенная, заставляя при этом вспоминать знаменитое изречение Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю», поскольку с расширением научной картины мира вопросов становится все больше. Именно философия помогает интегрировать новые научные открытия в общую картину мира, обеспечивая критический анализ научных методов и результатов исследований.

Современное общество сталкивается с множеством этических и политических дилемм, связанных с глобализацией, технологическими инновациями и духовным кризисом. Эти проблемы требуют глубокого понимания человеческой природы, ценностей и целей общества. В личной жизни человек также нуждается в философии. Вопросы смысла жизни, счастья и свободы становятся все более острыми в условиях быстрых изменений и неопределенности. Философия открывает перед человеком возможности глубокого самоопределения в бесконечном пространстве окружающего мира, позволяя постигнуть сокровенные аспекты бытия и осознать собственное предназначение. Каждая личность испытывает потребность в таком знании, хотя степень его выраженности варьируется индивидуально. Безусловно, философия не способна полностью избавить человека от жизненных тягот и испытаний, однако она призвана оказывать поддержку и приносить радость: познание фундаментальных принципов философской мысли дарит одновременно интеллектуальные и эстетические удовольствия, а важнейшей функцией является формирование чувства гражданской ответственности.

Разумеется, можно существовать в обществе и не представляя себе, что такое философия, довольствуясь поверхностными оценками явлений действительности, не углубляясь в сущность процессов. К сожалению, в современном обществе «господствующим типом мышления становится нигилизм, представляющий собой погружение в бездны неверия. По мнению нигилиста, истины вообще не существует. Сложность современной ситуации, проявляющейся в массе глобальных проблем, заключается в том, что власть в обществе находится в руках заурядности – нового типа человека, равнодушного к основам цивилизации; безнравственность стала ширпотребом» [2].

Тем не менее подобное восприятие едва ли позволит человеку не только соответствовать требованиям современности, ощущать ритм эпохи и понимать динамику общественных изменений, но и просто называть себя человеком. Существовать – значит мыслить, а мышление невозможно без философии.

Таким образом, философия продолжает оставаться актуальной дисциплиной, способствующей развитию

научного знания, социальной справедливости и личностному росту. Она предлагает уникальный взгляд на мир, позволяющий увидеть взаимосвязанность различных аспектов человеческого опыта и найти ответы на вечные вопросы бытия.

Е.А. Рудко обратила внимание на мировоззренческий смысл высших ценностей. Ценности в современной философии трактуются как порождаемые культурой и существующие в социуме самодостаточные сущности, которые всегда абсолютны и не подлежат оспариванию по причине своей безусловности. Именно ценности позволяют связывать прошлое, настоящее и будущее, семиотизировать пространство социума с учетом аксиологической значимости его элементов, задавать системы приоритетов и критерии оценок, строить системы ориентаций и обосновывать смыслы.

В зависимости от отношения человека к ценностям они могут быть оценочными и целеполагающими, при этом оценочное отношение предполагает качественное разграничение, т.е. выявление ценностных градаций с целью последующей оценки. В свою очередь, целеполагающее отношение базируется на принятии определенных ценностей как упорядоченной совокупности целей, которые могут быть высшими целями и целями-средствами. К высшим ценностям относятся те, которые могут выступать как общезначимые критерии оценки, так и самодостаточные цели. Традиционно в классической философии к высшим ценностям относили добро, истину, красоту, свободу, любовь и др.

Именно совокупность основных ценностей-целей составляет основу мировоззрения социума и систему ценностных ориентаций личности, определяющих смысл жизни, и выражающихся в постоянном личностном самосовершенствовании. Пределом совершенства является благо как таковое, некий ценностный Абсолют, который определяет как систему ценностных ориентаций социума, так и индивидуальное существование человека в нем. В античном мировоззрении ценностным Абсолютом являлся космос, а совершенствование человека в космоцентристском мире понималось как самосовершенствование по принципам разумности, умеренности и гармонии. В эпоху Средневековья ценностным Абсолютом являлся трансцендентный Бог, а смыслом человеческой жизни – приближение к божественному бытию, основными ценностями которого были истина, добро, красота и любовь. Начиная со времен Возрождения в рамках антропоцентристского мировоззрения ценностным Абсолютом стал идеал человеческой личности. Для отдельного человека высшие ценности предстают как различные стороны блага: божественное как предмет поклонения; истина как наиболее адекватное соотношение ценностей и условий решения конкретных задач; прекрасное как благо, представленное для созерцания; добро как благо должного; любовь как ценность и способность единения с благом; свобода как ценностный выбор и движение человека к ценностному Абсолюту. Таким образом, в классической философии ценности рассматривались исключи-

тельно в онтологическом смысле. По мнению большинства представителей классической философии, ценности обладают абсолютным бытием в безличном природном или личном трансцендентном божественном начале.

Благодаря распространению антропоцентристского мировоззрения и развитию просветительских и научных идей, в европейской философии стали разграничивать понятия «бытие» и «ценности». Первым это сделал представитель немецкой классической философии И. Кант, утверждая, что ценность сама по себе не существует, но обладает значимостью. Философ пришел к мнению, что высшие ценности – это «регулятивные идеи» или «чистые цели», «идеалы будущего», к которым человек должен стремиться с целью личного самосовершенствования и прогресса человечества в целом. Идеи Канта получили дальнейшее свое развитие в философии неокантианцев. В частности, В. Виндельбанд рассматривал культуру исключительно с точки зрения аксиологического подхода как совокупность ценностей, как сложную систему идеалов и смыслов, а смысл исторического движения видел в прогрессирующем воплощении ценностей. В. Виндельбанд различает «ценности-идеалы» или иными словами «чистые цели» и «ценности-блага», реально существующие в культуре. Например, истина выступает как «чистой целью», а наука, являясь «ценностью-благом», воплощает идеалы истины в культуре. Культурный прогресс человеческого общества, по мнению философа, представляет собой последовательный распад старых форм и формирование новых ценностных мотивов, при этом блага ценностями остаются всегда, поскольку представляют собой цели [3].

Строение духовной жизни с ценностных позиций на различных исторических этапах определяется основными ценностями-целями: определяющей ценностью в религии является божественное, в морали – добро, эстетике – прекрасное, в науке – истина. В философии особой ценностью является возможность построения мировоззренческих систем на основе интеграции ценностей различных областей культуры.

По мнению *А.Г. Лисова*, в современном толковании системы ценностей различные подходы обнаруживаются в отношении так называемых инструментальных ценностей. Инструментальные ценности, или ценности-средства связывают с методами достижения целей. Они определяют образ действий, который является предпочтительным в любых ситуациях с личностной и общественной точек зрения. Важно отметить, что личностный и общественный аспекты понятия «ответственность» нередко упираются в терминологическую проблему, в связи с подменой одного понятия другими схожими, но не синонимическими. Термин «ответственность» вовсе не адекватен понятиям «исполнительности», «дисциплинированности». В современных условиях терминологические подмены создают известные противоречия, делают проблему актуальной, требующей выяснения.

Нередко исполнительность с общественной точки зрения воспринимается как дисциплинированность.

Но дисциплина может истолковываться одновременно как внутренняя самоорганизация. Дисциплинированность может толковаться как с личностной, так и с общественной точки зрения, что далеко не всегда совпадают. Нередко в социальном плане речь идет об исполнительской дисциплине как общественно признанной универсальной ценности.

Ответственность соединяет в себе общественный и личностный подходы. Известен опыт толкования значимости ответственности в контексте нравственной философии. Здесь можно обратиться к рассуждениям М.М. Бахтина в его самой первой публикации – статье «Искусство и ответственность», которая напечатана впервые 13 сентября 1919 г. в невеликой газете-однодневке «День искусства». Темы ранних работ М.М. Бахтина посвящены моральной или нравственной философии. Цикл этих ранних произведений назван «Архитектоникой ответственности». К этому циклу относится еще одна большая работа ученого «К философии поступка», в которой обусловленная ответственностью нравственная реальность находит последовательное обоснование.

Разумеется, в краткой газетной статье понятие «ответственность» не могло получить детальной разработки. Бахтин лишь констатирует, что через ответственность как личностное качество реальность соединяется с творческой действительностью, которая является продуктом творения художника, человека творческой профессии. Здесь же автор отмечает, что механическое соединение в личности трех областей культуры – науки, искусства и жизни – не обретает органического целого и находит его только через ответственность как качество личности.

Сколь соединима исполнительность с творческой гуманитарной деятельностью? Один из крупнейших российских философов начала XX века Н.Н. Бердяев, а вслед за ним глава петербургской культурологической школы М.С. Каган в своей книге «Философская теория ценности» отмечает, что «единственная форма небытия, которая рождает особый тип ценности и соответственно особую форму ценностного сознания, – искусство, продуцирующее так называемую “художественную реальность”, то есть иллюзорный мир, который не выдает себя за мир действительный, но требует восприятия сотворенного человеком небытия как подлинного бытия» [4, с. 86]. Творческая деятельность соединяет в себе личность человека и художника. М.М. Бахтин говорит, что внутреннюю связь элементов личности гарантирует «только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своею жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней». И далее: «Личность должна стать сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду его жизни, но проникать друг друга в единстве вины и ответственности» [5, с. 5].

Тезис Бахтина о том, что «искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве

моей ответственности» натывается на понимание того, что отдельные составные части системы ценности не только могут вступать в противоречие друг с другом, но именно в своей целостности они создают личность во всем ее единстве и противоречивости. Творчество предполагает возможность и необходимость противоречий в этой системе.

Таким образом, любое явление становится ценностью только в процессе функционирования. Ценность не может быть возведена в абсолют, быть провозглашена универсальной. Она становится таковой в поступке личности. Творчество, возможность творить предполагает внутреннюю свободу и личностную ответственность.

Лейтмотивом выступления *Е.Э. Рудковской, Э.И. Рудковского* явилось определение роли социально-гуманитарного знания в развитии общества. На систему образования возложена исключительная просоциальная миссия – не только развитие кадрового потенциала страны, но и содействие социальной стабильности, воспитание гражданской идентичности, патриотизма с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности. В этой связи, по нашему глубокому убеждению, нельзя трактовать практико-ориентированное обучение только лишь как формирование у будущего специалиста готовности к операциональным функциям профессиональной деятельности. Ведь помимо работы, есть, образно говоря, «другая практика» – в области разнообразных социальных связей и отношений (политических, семейных и т.п.). Помимо базовых профессиональных есть и социально-личностные компетенции, позволяющие полноценно существовать в социуме, грамотно анализировать, диагностировать, давать взвешенные оценки, прогнозировать общественные процессы, принимать участие в решении общественных задач. Профессиограмма любого работника с необходимостью включает в себя не только определенные специальные знания, умения, навыки делового общения, но и общекультурные характеристики личности. Совершенно очевидно, в образовательной системе следует избегать узкоспециального подхода к личности обучающегося с учетом его многообразных не только профессиональных качеств, но и социальных ролей в обществе.

Выпускники УВО как представители культурной элиты, высшего образования без кавычек должны служить образцом общей гуманитарной культуры, а не только профессиональной. Слова Аристотеля «Кто двигается вперед в знании, но отстает в нравственности, тот более идет назад, чем вперед» тем более актуальны, что мы видим негативные проявления в духовной сфере современного общества. Уместно говорить о тенденции «обнищания» социального капитала, выхолащивания флагманского слоя интеллигенции, обладающего не столько интеллектуальным базисом, сколько широким диапазоном морально-этических ценностей. Сегодня духовно-нравственные императивы часто приносятся в жертву профессиональной, информационной

культуре. Однако они должны составлять одно целое. Только тогда молодой человек сможет давать адекватные ответы на вызовы современной цивилизации.

Х. Ортега-и-Гассет называл драмой риск перестать быть человеком, «то, что кажется нам устоявшимся и прочным, может быть утрачено всего лишь несколькими поколениями» [6, с. 242]. Философы уже называют современную культуру культурой забывания.

Вследствие этого должное внимание необходимо уделять преподаванию комплекса, да, «нерентабельных» социально-гуманитарных дисциплин, но имеющих ярко выраженную социетарную, гуманистическую направленность, способствующих переводу знаний в личностные смыслы, интериоризации общезначимых терминальных ценностей в сознание индивидов, освоению социально значимых форм общежития, формированию ответственной, зрелой государственно ориентированной гражданской позиции, без чего общество становится уязвимым в наш век информационных угроз и манипуляций.

Социогуманитарные знания, целостное философское мировоззрение, основанное на традиционных духовных ценностях, осознание ответственности перед обществом, развитое чувство сопричастности к проблемам других людей аккумулируются в духовную безопасность, жизнеустойчивость общества.

Е.П. Шрамук подчеркнула роль социально-гуманитарных дисциплин в современном образовании. Основой успешного развития личности является уровень усвоения ею знаний о человеке в широком смысле слова. Понимание человека происходит через социально-гуманитарное знание – комплекс научных дисциплин, изучающих человеческую жизнь в разных ее проявлениях. Несмотря на то, что современный нам период общественного развития преимущественно техногенный, что роль гуманитарных знаний все громче называется отходящей на второй план и бесполезной для технического прогресса и экономики, все технические достижения созданы общечеловеческими усилиями. Чтобы осознать, почему наш мир и общество такие, какими мы их знаем, нужно понимать, что за люди его создали, какие обстоятельства стали причиной складывания приоритетов и ценностей общества, какого человека породило это новое общество. Тогда мы можем представить, каких людей новые условия впоследствии сформируют. Эти знания и дают гуманитарные дисциплины. В пример можно привести социологию, историю, литературу, соприкасающиеся непосредственно с жизнью человека.

Социум слагается из индивидов и их взаимодействий, и социология рассматривает каждый аспект этих взаимодействий. Что такое общество? Кто такой человек? Почему общество породило именно такие ценности и нормы поведения? Почему люди в этом обществе ведут себя именно так? На эти вопросы отвечает социология. Она основа понимания окружающей социальной реальности, с которой человек сталкивается с самого раннего возраста. Чаще всего

социология анализирует современные живые процессы, с участниками которых можно взаимодействовать. Социология дает понимание человека современного.

История взаимодействует с прошлым, созданным когда-то живыми людьми. Так как большой блок исторической информации извлекается из текстов, написанных людьми, для понимания истории необходим герменевтический и семиотический анализ – вопросы интерпретации одних и тех же понятий в контексте и вне его. Для этого нужно изучить условия общественного развития, которые сформировали личность, создавшую текст. Любое авторство всегда субъективно и отражает социальное бытие. Особенность интерпретации событий, выделение их отдельных сторон – для корректного понимания этого необходимо изучать социальные условия эпохи. Историческое познание – взаимодействие с деятельностью людей прошедших эпох, поиск наиболее подходящих условий развития для общества путем сравнения исторических и современных общественных процессов, обусловленных исторически сложившимися характерными чертами изучаемого социума.

Литература, преимущественно художественная и публицистическая, в современном технологичном мире все меньше принимается всерьез. Сегодня часто выделяют социальную проблему – уменьшение живого общения, утрата навыков социальной коммуникации. Для развития этого необходимо видеть различные модели человеческого поведения и образа мысли, что можно найти в литературных произведениях. Если историческое и социологическое знания дают опосредованное представление о личности человека, то литература – это способ вести диалог с автором напрямую по какой-либо теме. Диалогом является считывание мыслей автора и собственных реакций на них, что способствует лучшему пониманию собственного «я». Литература – это взаимодействие с образом мысли человека. А он формируется также под воздействием социальных факторов.

Таким образом, социогуманитарное знание – это знание о людях, живших и живущих. Оно формирует культуру человека, его нравственные ориентиры, способы взаимодействия с миром. Оно является важной частью социализации, предоставляя на выбор обучающегося примеры жизненных ориентиров, с которыми следует знакомиться как можно раньше. Уменьшение гуманитарного знания ведет к нетерпимости: чтобы понять текст или событие, нужно понимать мотивы человеческого поведения, а это учит «слушать и слышать» современных нам людей, избегая преждевременного осуждения, формирует уважительное отношения к различным точкам зрения через понимание их причин. Процесс глобализации предусматривает взаимодействие с разными, иногда противоположными культурными системами. Поэтому современные образовательные системы должны уделять социогуманитарным наукам особое внимание, адаптируя их к реалиям XXI века.

Е.Э. Рудковская сосредоточила внимание на духовном кризисе общества осевого времени. В последнее время заметно возросли алармистские настроения в плане оценок духовного уровня молодежи в результате сравнения т.н. модального типа личности, преобладающего в данном обществе, с базисным – в наибольшей степени отвечающим общественным потребностям и задачам, и идеальным – провозглашаемым в качестве эталона личности (всесторонне развитая гармоничная личность).

Для описания модального типа обратимся к теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, которая раскрывает специфику жизненных установок людей, принадлежащих к разным поколениям. Старшие возрастные группы – молчаливое поколение, беби-бумеры – характеризуются трудолюбием, ответственностью, приверженностью семейным традициям, законопослушностью, пониманием гражданского долга, умением работать в команде, уважением коллективности.

Поколения X и Y (поколение большого пальца) относительно предшественников определяются как личностно незрелые циники, строящие свою жизнь вокруг квазицелей. В основной своей массе лишены чувства солидарности и персональной ответственности, прагматичные, неукорененные (в религиозной и этнической почве) эгоцентрики со слабой самоидентификацией, неразвитостью чувственности, эмоционального интеллекта из-за минимальности живого общения. Перманентно ищущие себя, требовательные к поощрениям; гедонисты, для которых значимы развлечения, удовольствия, новые ощущения, потребительское отношение к жизни, в т.ч. к людям, но не производящий труд или тяга к саморефлексии, знаниям, творчеству, изобретательству, рукоделию, любой созидательной деятельности. У них особенный когнитивный стиль: гибкое, но клиповое, солипсическое мышление, они быстро схватывают информацию без углубления в смысл, поспешно делают категоричные выводы. Переживающие деформацию мужания взрослые с синдромом пролонгированного детства (кидалты) по-прежнему любят компьютерные игры, новейшие «игрушки» в виде гаджетов, процедур омолаживания. «Широкие массы вообще и стадо “образованных варваров” в частности берут из городской культуры – в основном через печать, радио, телевидение, рекламу и другие средства коммуникации – только пустые банальности, яркие и вредные забавы и непрочный “успех”. В результате они большей частью остаются “холеными цивилизованными манекенами” и едва ли превосходят умом, нравственным поведением и способностью к созиданию нецивилизованных дикарей» [7].

К сожалению, положительные сдвиги в развитии политической, экономической, научно-технической сфер не уравновешиваются позитивной трансформацией духовной жизни и культурной среды. Наоборот, глубокие качественные изменения духовной сферы связаны с исчезновением трансцендентального начала, метафизического смысла, романтического чувства,

культурных усилий, девальвацией ключевых этических категорий, акцентом на примитивных продуктах товарной, карнавальная псевдокультуры. Упрощение – путь к варварству, в понимании К. Ясперса. Упрощение, поверхностность – лейтмотив нашего времени: упрощение человеческих отношений до функционала; отказ от взаимных обязательств, что препятствует построению семей, крепкой дружбы; тяготение к непритязательным образцам массовой культуры. Одним словом, софт-культура.

Это дало повод исследователям тупиковость данных процессов общества постмодерна именовать как поведенческая клоака, смерть духа (Дж. Кэлхун), смерть Запада (П. Бьюкенен), Джаггернаут (Э. Гидденс), гардеробное сообщество (З. Бауман), Я цивилизация, мир безликих величин (А.А. Зиновьев), общество риска (У. Бек), новое средневековье (С.Г. Кара-Мурза), посткультурная эпоха (С.В. Чернов), духовная дизентерия (В.А. Кутырев), день гнева (П. Сорokin), эсхатологический час «X», постмодернистский суицид (А.П. Марков).

Слом правил, моральная расфокусированность, отбраковывание молодежью этических норм, несдержанность в критике всего и вся, нисхождение по нравственной вертикали на уровень ее субъективации и релятивного хаоса несомненно несут практически экзистенциальную угрозу социуму, поскольку известно, что «общество справляется с кризисами лучше, если сохранена его ценностно-нормативная структура. Если же последняя находится в кризисе, то подрываются все системообразующие свойства» [8, с. 17]. Поэтому, формируя базисный тип личности (и держа в уме идеальный), следует сосредоточиться на аксиоматическом положении, что вне здорового духовного консерватизма, ценностно-нормативного единства невозможна консолидация и устойчивое развитие общества.

Э.И. Рудковский полагает, что актуальной является проблема расчеловечивания в современном мире. Мы становимся свидетелями всевозрастающей изменчивости окружающего мира, которое порождает множество ранее неизвестных проблем. Одна из сложнейших таких проблем – место человека в меняющемся мире. Сегодня человек стал жертвой, главным фактором развития и одновременно главным фактором риска. Сложившуюся ситуацию многие исследователи называют расчеловечиванием современного социума, которая, на наш взгляд, имеет два основных аспекта – социокультурный и технологический.

Расчеловечивание, или дегуманизация, – это процесс лишения кого-либо возможности называть себя человеком, претендовать на адекватное человеческое к себе отношение. Это низвержение социальной группы, отдельных ее представителей до уровня неполноценных, своего рода «*untermensch*». Речь идет о технологиях отчуждения у людей человеческих и личностных качеств, попытках заставить человека вести себя униженно, не в соответствии с принятыми стандартами и нормами. Но именно это провозглашается как

новая нормальность. Такая практика свидетельствует о сбоех в социальных устоях бытия. Происходит разложение и деградация духовной культуры, умирания в человеке всего человеческого. На авансцену возводится моральная патология, все низкое, пошлое, олицетворяющее запустение души человека. Примеров тому предостаточно: это и перегибы ювенальной юстиции, сексуальные извращения, оправдание нацизма, терроризма, критическая расовая теория.

Все активнее насаждается идеология нового либерализма. Либерализм, как известно, был вписан в контекст западного модерна. Неолибералы вульгаризируют постмодернизм, стремясь к «человеку без содержания» Джорджо Агамбена. Его не изучают, его обозначают. Постмодернисты предлагают параметры нового общества, в котором капитал достигнет тотального доминирования. Это общество предполагает превращение индивида в инвалида или компьютерный вирус, смену пола и даже видовой принадлежности. В повестку дня включают движение *woke*, культуру отмены, трансгендерных особей, трансгуманизм. Дальше может быть переход только к постчеловеческому состоянию, которое футурологи называют сингулярностью. Конечность бытия человека преодолевается путем механического бессмертия искусственного интеллекта. Другими словами, всех нас ждет Матрица. Современные неолибералы – это постмодернистский, античеловеческий субстрат.

Происходит отказ от всего того, что мы называли человеческим. Человек в его традиционном понимании оказался ненужным обществу, основанному на максимальном извлечении прибыли, обществу, пропитанному потребительской психологией. Утверждается парадигма в общественном сознании: ради экономической выгоды надо расчеловечиться. Мы сегодня живем в ментальном пространстве, созданном социальными сетями. В этом пространстве человеческое порой заканчивается. Ему на смену приходит технологическое. Процессы цифровизации, цифровая зависимость – одно из проявлений расчеловечивания. Цифровизация, как известно, позволяет решить многие повседневные задачи. Интернет существенно увеличивает возможности человека. Одновременно он все больше и больше попадает в зависимость от искусственной среды, им же самой созданной. Возникает так называемый компьютерный человек, особенностью которого является «вытеснение из его поведения всего чувственного, непредсказуемого, превращение жизни в целерациональную деятельность, то есть подавление той самой души, а потом духовности в целом, о совершенствовании которой заботятся, стремясь к самопознанию» [9, с. 137].

Альтернатива цифровому – «аналоговое» мышление. Оно устанавливает функциональные соответствия между различными явлениями, ситуациями, системами, концепциями. Оно формирует критическое мировосприятие, позволяет использовать творческий потенциал при общении с другими, учитывать человеческие эмоции, принимать адекватные решения. У человека формируется целостное мировоззрение,

нравственные принципы, духовная культура.

Стратегия сохранения человека и человечности должна опираться на мировоззрение, адекватное потребностям целостной телесной, чувственной и духовной природы человека. Предпосылкой будущего той или иной цивилизации в целом является ее духовная матрица, традиционные ценности.

Коломийцева Ю.А. обосновала тезис о том, что в XX веке, в русле философии экзистенциализма возникает экзистенциальная психология, которая сосредоточивает свое внимание не на изучении проявлений психики человека, а на самой его жизни в неразрывной связи с миром и другими людьми, жизни, признающей уникальной и несводимой к общим схемам. На сегодняшний день трудно переоценить значение экзистенциальной философии в сфере психологии и психотерапии. Многие идеи Жан-Поля Сартра, Мартина Хайдеггера, Эдмунда Гуссерля, Мартина Бубера и других экзистенциалистов нашли свое отражение в пространстве психологического консультирования: в экзистенциальной психологии, логотерапии, гештальт-подходе и современном психоанализе. Экзистенциальная философия имеет сильное влияние на обучение и развитие современных психологических школ: «Хорошее понимание экзистенциальной психотерапии требует хорошего понимания ее основ в экзистенциальной философии» [10, с. 386].

Знаменитый философ-экзистенциалист и один из самых известных психотерапевтов Карл Ясперс утверждал: «Экзистенциальная философия – это философия бытия человека, которая вновь выходит за пределы человека». Можно утверждать, что экзистенциальная психотерапия также базируется на философском осмыслении и преодолении человеком экзистенциальных вызовов бытия, таких как Временность и Конечность, Несовершенство, Одиночество, Свобода, Ответственность и Выбор. Известный психолог Илья Латыпов подчеркивает тот факт, что «опыт встречи с экзистенциальными вызовами, несмотря на боль, приводит к развитию личности и расширению ее возможностей, гибкости и способности полно проживать жизнь» [11, с. 26].

Еще одним вызовом, или, экзистенциальной данностью бытия, является Смысл. В знаменитом произведении «Человек в поисках смысла» Виктор Франкл предлагает три способа поиска смысла жизни – это любовь, творчество и страдание. В. Франкл утверждает, что каждый человек должен найти свой собственный способ поиска смысла, который поможет ему преодолеть любые трудности и испытания. Эта идея широко используется психотерапевтами при терапии горя и утраты смысла жизни у клиентов в таких кризисных моментах, как потеря идентичности, кризис среднего возраста, процесс горевания, связанный с разводом, собственной тяжелой болезнью или смертью близких.

Среди основателей экзистенциальной психотерапии можно выделить таких известных психотерапевтов, как Людвиг Бинсвангер, Медард Босс, Ролло Мэй, Джеймс Бьюдженталь, Ирвин Ялом. На сегодняшний день

в данном направлении работают и используют техники экзистенциальной терапии и логотерапии психотерапевт Альфред Лэнгле, философ и психолог Эмми Ван Дорцен, психотерапевт Элизабет Лукас, доктор философии и психоаналитик Джеймс Холлис.

Экзистенциальная психология и психотерапия в России и на постсоветском пространстве возникли и развиваются в нескольких школах, каждая из которых берет свое начало в различных источниках экзистенциальной философии и практики, гуманистической психологии, отечественной и зарубежной литературе. Представителями на постсоветском пространстве в данном направлении являются Римантас Кочюнас, Дмитрий Леонтьев, Светлана Кривцова.

Основатель и секретарь «Латиноамериканской ассоциации экзистенциальной психотерапии» Яки Андерс Мартинес Роблес заявляет: «Хотя перспектива экзистенциальной философии особенно важна для экзистенциальных психологических и психотерапевтических подходов, любое направление может извлечь пользу из этих знаний» [10, с. 19].

Таким образом, мы можем утверждать, что экзистенциальная философия внесла и продолжает вносить весомый вклад в развитие современных школ логотерапии и экзистенциального анализа, а также влияет на становление и развитие других психотерапевтических направлений.

А.А. Субботин остановился на анализе футурологической концепции Э. Тоффлера. Элвин Тоффлер в труде «Шок будущего» строит свой анализ этапов развития человечества на основе изучения изменений и глубинных сил, которые привели к этим изменениям, и их влиянию на жизнь и опыт человека. Тоффлер считает, что данные изменения, на самом деле, являются частью революционного процесса, который он метафорически назвал столкновением «волн» перемен в создании новой цивилизации, которая «бросает вызов всем нашим старым предположениям» [12]. Описывая процесс социальных изменений, переживаемых человеческим обществом, Тоффлер утверждает, что они происходят в следующих отдельных сферах:

1. Техносфере (относится к системе производства, системе распределения).
2. Социосфере (состоит из различных взаимосвязанных социальных институтов).
3. Инфосфере (включает в себя каналы коммуникации).
4. Сфере власти (относится к применению различных видов принуждения).
5. Суперидеологии (включает в себя мощные культурные предположения и взгляд на реальность).

Новый тип супериндустриального общества рассматривается Тоффлером как новое порождение информации, поэтому оно все еще находится в эмбриональной стадии, еще не реализовано, но может быть распознано по некоторым своим характеристикам. Характеристики данного общества, по мнению Тоффлера, могут быть представлены во многих категориях –

новый образ природы; новая идея прогресса, времени и пространства; новая причинность и холизм.

Центральная тема футуристической теории Тоффлера, о которой говорится в «Шоке будущего», – предсказание того, как перемены повлияют на людей, когда все общество резко трансформируется в нечто новое и неожиданное. Он также подчеркивает взаимосвязь между триадой: знаниями, силой и богатством, которые, с его точки зрения, являются соотношением количества и качества власти.

Тоффлер считает знания властью наивысшего качества, поскольку они подразумевают эффективность и используются для наказания, вознаграждения, убеждения и преобразования. Будучи источником власти высшего качества, знания также являются важнейшим компонентом силы и богатства.

«С помощью силы, – утверждает Тоффлер, – мы всегда можем генерировать больше, мы можем никогда не достичь окончательного знания о чем-либо, но мы всегда можем сделать еще один шаг к более глубокому пониманию любого явления. Знание, по крайней мере, можно бесконечно расширять» [12]. Преувеличивая силу знаний в будущем обществе, Тоффлер говорит, что «сегодня в быстро меняющихся, богатых странах, несмотря на все неравенство доходов и богатства, грядущая борьба за власть все больше будет превращаться в борьбу за распределение знаний и доступ к ним. Вот почему, если мы не поймем, как и к кому переходят знания, мы не сможем ни защитить себя от злоупотребления властью, ни создать лучшее, более демократичное общество, которое обещают завтрашние технологии. Контроль над знаниями – это суть завтрашней всемирной борьбы за власть в каждом человеческом институте» [12].

По мере того как знания становятся самым мощным инструментом в обществе будущего, они будут производить все больше изменений. Изменения, происходящие в современном обществе, согласно анализу Тоффлера, будут очевидны, по крайней мере, в трех значимых частях: быстрая урбанизация, потребление человеком энергии и ускорение экономического роста. Таким образом, знания являются топливом для перемен, а технологии – их двигателем. Темпы изменений, вызванных знаниями и технологиями, привели к тому, что Тоффлер назвал «переходностью», в которой все временно, и фактически он утверждает смерть постоянства. Поэтому природа новой супериндустриальной революции, по его мнению, заключается в быстротечности, разнообразии и новизне. В итоге, он подчеркивает необходимость того, чтобы и люди, и общества научились адаптироваться к источникам слишком быстрых изменений и управлять ими, поставив технологические инновации под некий коллективный контроль.

Тип коллективного контроля над технологическими инновациями, утверждает Тоффлер, должен «включать в себя сознательное регулирование научно-прогресса» [12]. Поэтому, по мнению футуролога, необходимы более сложные критерии отбора технологий. Иными словами, технологии должны проходить

строгие процедуры отбора, чтобы оценить цель их инноваций и применения в обществе.

Заключение. Роль философского мировоззрения возрастает в условиях нарастающих рисков глобализирующегося мира и информационного общества. Велик потенциал философии в их минимизации. Наряду с теоретико-методологическими проблемами большое место занимают экзистенциально-нравственные проблемы, вопросы смысла жизни, соотношения вечных духовных ценностей и место человека в стремительно меняющемся мире.

Стратегия развития общества и сохранения человека должна опираться на мировоззрение, адекватные потребности телесно и духовно целостной природы человека. Предпосылкой безопасности и жизнеустойчивости общества является духовная матрица, которая может быть соотнесена с мерой человека, постоянно направляться гуманизмом и опираться на традиционные ценности.

Литература

1. Валери, П. Эстетическая бесконечность / П. Валери. – М.: Азбука, 2021. – С. 3.
2. Хохрина, Е.Н. Роль философии в проблеме выживания современного человека в глобализирующемся мире / Е.Н. Хохрина // Актуальные вопросы развития современного общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т., Курск, 22 апр. 2011 г. / отв. ред. А.А. Горюхов. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2011. – Т. 2. – С. 198–203.
3. Виндельбанд, В. От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / В. Виндельбанд; пер. с нем. А.И. Введенский. – Москва: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.
4. Каган, М.С. Философская теория ценностей / М.С. Каган. – СПб.: Изд-во «Петрополис», 1997. – С. 86.
5. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. – М.: Изд-во «Русские словари. Языки русской культуры», 2003. – Т. 1. – С. 5.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Человек и люди / Х. Ортега-и-Гассет // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник: пер. с исп. – М.: Радуга, 1991. – С. 229–476.
7. Сорокин, П.А. Дальняя дорога: Автобиографический роман / П.А. Сорокин. – URL: <https://itexts.net/avtor-pitirim-aleksandrovich-sorokin/197006-dalnyaya-doroga-avtobiografiya-pitirim-sorokin/read/page-5.html> (дата обращения: 02.03.2025).
8. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
9. Кутырев, В.А. Естественное и искусственное: борьба миров / В.А. Кутырев. – Нижний Новгород, 1994. – 200 с.
10. Яки Андерс Мартинес Роблес. Экзистенциальная философия для психотерапевтов... и других любопытных / Яки Андерс Мартинес Роблес. – М.: Ин-т общегуманитар. исследований, 2019. – 408 с.
11. Латыпов, И. Один на один с жизнью: Книга, которая может найти смысл / И. Латыпов. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 588 с.
12. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 557 с.

Поступила в редакцию 14.05.2025

Сетевая политическая культура информационного общества

Баньковская Ю.Л.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье выявлена сущность сетевой культуры, особенности ее проявления в пространстве политики.

Цель публикации – раскрытие сущностных и специфических признаков формирования и функционирования сетевой политической культуры.

Материал и методы. Материалом является социально-философская реконструкция основных исследований, осуществляемых в проблемном поле сетевой культуры. В качестве методологического инструментария применяются синергетический и сетевой подходы, ориентированные на изучение неустойчивого, мультикультурного сетевого общества.

Результаты и их обсуждение. В статье отмечается, что сетевая культура формирует новую систему социальных норм, ценностей, смыслов, практик, оказывая значительное влияние на социальные процессы. Обращается внимание на тот факт, что для сохранения межкультурного своеобразия и личностной идентичности необходимо применение инструментария политической культуры, которая открывает новые возможности для активного участия людей в различных сферах деятельности, развития их креативности. Эффективность проводимого исследования обусловлена тем, что его результатом стало конституирование условий для институционализации ценностей и норм.

Заключение. Раскрытие сущности феномена «сетевая политическая культура» способствует формированию механизмов обеспечения устойчивости культурного развития.

Ключевые слова: сетевая культура, ценности, традиции, политическая культура.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 71–74)

Network Political Culture of the Information Society

Bankovskaya Yu.L.

Belarusian State University, Minsk

The essence of network culture, the peculiarities of its manifestation in the political space is revealed in the article.

The purpose of the article is to reveal the essential and specific features of the formation and functioning of the network political culture.

Material and methods. The material is a social and philosophical reconstruction of the main research carried out in the problematic field of network culture. Synergetic and network-based approach aimed at studying an unstable, multicultural network society are used as the methodological tools.

Findings and their discussion. The article notes that network culture forms a new system of social norms, values, meanings, and practices, thus having a significant impact on social processes. Attention is drawn to the fact that in order to preserve intercultural identity and personal identity, it is necessary to use the tools of political culture, which opens up new opportunities for active participation of people in various fields of activity and the development of their creativity. The efficiency of the conducted research is due to the fact that its result was the constitution of conditions for the institutionalization of values and norms.

Conclusion. The disclosure of the essence of the phenomenon of network political culture contributes to the formation of mechanisms for ensuring the sustainability of cultural development.

Key words: network culture, values, traditions, political culture.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 71–74)

Современное общество характеризуется формированием тесной взаимосвязи между такими феноменами, как сеть и культура. Неотъемлемым атрибутом функционирования социальной реальности становится преобразование традиционной модели культуры и появление такой ее разновидности,

как сетевая культура. Конфликтогенность и турбулентность общества, обусловленная развитием и распространением информационно-коммуникационных технологий, предопределяет необходимость в раскрытии сущности нового образовавшегося явления действительности.

Трансформация личностной идентичности под воздействием социальных сетей приводит к возникновению в обществе новых кластеров, взаимодействию которых присуще изменение традиционных социально-нормативных стандартов. Культура как совокупность символов и смыслов наполняется своим содержанием в социальном контексте, формируя новые паттерны поведения и действия. Происходит расширение культурного поля, знаменующее возникновение множества коннотативных вариаций его осмысления и означивания. Российский исследователь Е.А. Бердник полагает, что сетевая культура представляет собой «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми вне материальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.), и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [1, с. 53].

Постоянное увеличение сетевых противоречий, информационных рисков, угроза нарушения авторских прав актуализируют необходимость в осуществлении культурной политики в сети с целью обеспечения безопасности и стабильности социального развития. Данные вопросы рассматриваются в нормативных документах и актах Республики Беларусь. Затрагиваются аксиологические аспекты сетевой культуры в работах таких ученых, как С. Бенхабиб, Е.А. Бердник, Дж. Брунер, И.Н. Бурганова, А.Н. Данилов, А.П. Садохин. В то же время исследовательское поле необходимо дополнить работами, ориентированными на выявление специфики сетевой культуры в сравнении с ее традиционными формами, на разработку вопросов сетевой этики и политики в области культуротворчества.

Материал и методы. Исследование культурных процессов в пространстве сетей предусматривает необходимость применения комплексного подхода, учитывающего как технологические, так и социальные аспекты, способствующие сохранению и развитию культуры в условиях транзитивности, глобальности и неустойчивости современного мира. Тем самым методология сетевого и синергетического подходов предоставляет широкие эвристические возможности для изучения данного феномена, поскольку она ориентирована на рассмотрение неустойчивых, нестабильных, многомерных и противоречивых процессов, происходящих в современной турбулентной социальной реальности, позволяя выявить специфику сетевого взаимодействия людей, обусловленную структурной организацией сети. Применяемый метод системно-структурного анализа помог раскрыть взаимосвязи и взаимоотношения сетевых элементов, прояснить их функции.

Результаты и их обсуждение. Информационно-коммуникационные технологии предоставили людям новые возможности для общения и обмена информацией. Они позволили выйти за рамки установленного формата. Разнообразие коммуникативных связей, с одной стороны, стимулирует рост, развитие и распространение сетей, с помощью которых люди

транслируют информацию. Передача различных культурных ценностей, воплощаемых в соответствующих символах, читаемых в культурных контекстах, способствовала расширению пространственных границ, благодаря которым появляется возможность группового участия в их производстве. Сети формируют символические культурные образы и контент, обмен которыми осуществляется посредством кросскультурной коммуникации. «Процесс межкультурной коммуникации представляет собой взаимодействие индивидов, являющихся носителями разных культур, каждый из которых имеет свой язык, типы поведения, ценностные установки, обычаи и традиции» [2, с. 132]. С другой стороны, происходит углубление межкультурных противоречий и конфликтов.

В настоящее время сетевая культура стала все в большей мере переносится в пространство потребления, появляется ее направленность на адаптацию к существующим культурным моделям и ценностям, развиваемым в рамках различных проектов, реализуемых в сети. Постепенно происходит отход от культурного творчества, креативного создания инноваций. Унификация сетевой культуры связана с глобальными тенденциями общественного развития.

Расширение культурного поля, его детерриторизация привели к определенным сдвигам, нашедшим свое отражение в изменениях, происходящих в области культурных практик. Культурная индустриализация, виртуализация и цифровизация ценностей способствовали образованию новых видов культурного производства. Все большую популярность и распространение приобретает культурный консюмеризм. Динамичность его развития обусловлена широкой доступностью новых технологий. Особую значимость приобретают потребители культурных благ, присваивающие и реконструирующие новые смыслы, образы и идеи. Белорусский ученый А.Н. Данилов обращает внимание на тот факт, что «выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через обновление ценностной системы» [3, с. 46].

Современное общество характеризуется противоречивостью социокультурных условий своего существования и развития. Двойственность формирования процесса социокультурной идентичности личности проявляется в том, что с одной стороны, человек чувствует свою принадлежность к определенной этнической общности, ее ценностям, нормам и традициям, предопределяющим специфику его мировоззрения. С другой стороны, взаимопроникновение и проникновение друг в друга множества культур, принадлежность людей к различным традициям приводит к пересмотру смысловых и ценностных ориентиров личности. Профессор политологии и философии Йельского университета С. Бенхабиб акцентирует внимание на такой характеристике сетевого общества, как мозаичность, поскольку последнему присуща направленность на постоянную смену

социокультурных ценностей, их неустойчивость, динамичность и изменчивость [4, с. 102–115].

Таким образом, актуализируется необходимость в осуществлении продуктивной сетевой политики, ориентированной на стабилизацию информационного общества и сохранение национальной безопасности. Потребность в структурировании сетевого взаимодействия элементов в соответствии с определенными областями культурного творчества и интересами людей становится особенно значимой, поскольку оценивание конструктивности сетей возможно только при непосредственном участии граждан в их функционировании. Характер и содержание распространяемой в сетевом пространстве информации определяется ее пользователями, мнение, потребности и пожелания которых необходимо учитывать разработчикам культурной политики.

Децентрализация власти становится преобладающей тенденцией функционирования современной культурной политики. Данный фактор обусловлен тем обстоятельством, что сети характеризуются преобладанием горизонтальных связей по отношению к вертикальным. Денерархизация и ризомность, воплощаемая во взаимодействии сетевых элементов, частота и интенсивность контактов, объем ресурсов способствуют многообразию культурных взаимосвязей. Появляется необходимость в возникновении межкультурного диалога, ориентированного на ценностный плюрализм, в основании которого лежит признание прав этнических групп на сохранение своей самобытности и идентичности. Данные обстоятельства служат основанием для осуществления политики мультикультурализма, которая направлена «на сохранение самобытности и уникальности различных культур в условиях существования единого государства» [5, с. 177].

Приоритетными направлениями в области культурной политики становится защита общественных интересов, составление нормативных актов для регулирования вопросов морали. Ориентированность на повышение уровня гражданского самосознания способствует трансформации ценностно-нормативных стандартов в соответствии с потребностями современного общества. Американский философ и политолог Ф. Фукуяма обращает внимание на тот факт, что «ценности» – даже те, которые заслуживают глобального признания, – не существуют в вакууме; они обретают обязательность только в нормативных общественных системах и в практиках определенных культурных жизненных форм» [6, с. 38].

В настоящее время прослеживается глубокий разрыв, существующий между разработкой, внедрением новых сетей и их следованием определенным алгоритмам действий, предусматриваемых культурной политикой. Сети, обеспечивая обмен информацией, задавая множество контекстов и формируя возможности для взаимопересечения различных культурных кодов, должны стать значимым основанием для конституирования новой системы ценностей и норм.

Современная культурная политика должна отвечать на новые вызовы и угрозы цивилизационного развития. Проявляясь как на национальном, так и на глобальном уровнях, она становится социальной и экономической платформой, формируя новые возможности для развития общества.

Для построения устойчивой модели социального развития необходимо обратиться к истокам возникновения культуры, ее традициям, самобытности. Забота о сохранении культурного наследия становится особенно востребованной, поскольку позволяет обратить внимание на узкоспециализированные области культуры и ее проблемы. Данные вопросы оказываются особенно востребованными в ситуации существования глобального мира.

Следует обратить внимание на тот факт, что сети часто используются не только как пространство пропаганды определенных идей, но и как инструмент поиска единомышленников, сотрудничество с которыми становится возможным на глобальном уровне. Становясь путеводителем по международному культурному сотрудничеству, сети задают аксиологические основания для взаимодействия между собой представителей разных групп и общностей. В них затрагиваются такие вопросы, как укрепление доверия или разрешение конфликтов, разработка некоторых нормативных рекомендаций по кросскультурной коммуникации, ориентированной на сохранение идентичности, устойчивости развития и автономности разных этнических групп.

Специфика культурной политики в сфере сетевых технологий заключается в следующих аспектах:

- ориентация на личное общение с сетевыми пользователями, что позволит им в процессе коммуникации артикулировать смыслы, осуществить рефлексию проблемной ситуации, предвосхитить реакцию людей на реализацию определенного рода действий;
- адаптация к социальным изменениям и к новой модели ведения межкультурного диалога. Культурная политика должна способствовать инклюзивности представительства разных этнических групп и поддержанию культурного разнообразия;
- осознание значимости культуры не только в качестве чрезвычайно важного фактора, влияющего на динамику экономического развития, но и как значимого эпистемологического конструкта, приводящего к возникновению культурного поворота во многих аспектах социальной жизнедеятельности человека;
- направленность культурной деятельности на решение масштабных проблем современного общества. Культурная практика является плодотворной средой для возникновения новых идей и инициатив, способных точно улавливать и формулировать основные тенденции и закономерности социального развития;
- создание новых возможностей широкому кругу пользователей для доступа к культурному наследию представителей разных этнических групп и общностей, включая в себя такие инициативы

по цифровизации культурного наследия и по созданию онлайн-платформ для его распространения, которые позволят разным социальным группам активно участвовать в потреблении и создании продуктов культуры;

- защита интеллектуальной собственности, предполагающая сохранение баланса между авторским правом и доступом к продуктам культуры широкому кругу сетевых пользователей;

- интеграция цифровых технологий в образовательные программы, предусматривающая развитие креативного мышления личности и повышение ее цифровой грамотности, позволяющей осуществлять совместные межкультурные проекты посредством использования онлайн-платформ. Дж. Брунер полагает, что «мышление и обучение всегда культурно обусловлены и зависят от использования культурных ресурсов» [7, с. 203];

- формирование новых возможностей для развития креативных индустрий в различных областях духовной жизнедеятельности общества;

- необходимость учета как глобальных трендов, так и локальных особенностей, позволяющих создавать неповторимые культурные продукты, которые бы отражали уникальные традиции и ценности народов, выдвигать новые идеи для их реализации.

Для современного этапа развития общества требуются новые механизмы адаптации к изменяющимся условиям существования. Границы между различными культурами становятся все более размытыми, цифровизация и сетевизация трансформируют способы культурного самовыражения. «Законность означает способность правительства регулировать поведение в пределах своей компетенции. В контексте Интернета это означает способность правительства регулировать поведение своих граждан (а возможно, и других людей) в сети» [8, с. 19].

Заключение. На основании изложенного можно сделать вывод о том, что формирование сетевой культуры становится значимым и востребованным феноменом, обусловленным современными тенденциями развития и распространения информационно-коммуникационных технологий. Культурная политика, проводимая в пространстве сети, охватывает множество

вопросов, связанных со спецификой взаимодействия культуры и технологий. Она становится важным инструментом, влияющим на формирование идентичности личности, на сохранение духовного своеобразия социокультурного наследия народов и на поддержку развития креативных индустрий. Защита культурных артефактов и традиций, формирование новых возможностей для творчества и самореализации, активное участие в осуществлении новаторских и созидательных инициатив посредством формирования креативного мышления способствует динамичному развитию общества в современном глобальном турбулентном мире.

Литература

1. Бердник, Е.А. Сетевая культура как объект социологического анализа / Е.А. Бердник // *SOCIOПРОСТІР: Междисциплинар. сб. науч. работ по социологии и соц. работе.* – 2011. – № 1. – С. 51–55.
2. Садохин, А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования / А.П. Садохин // *Журнал социологии и социальной антропологии.* – 2007. – Т. 10, № 1. – С. 125–139.
3. Данилов, А.Н. Цифровая революция и культура: новый социальный транзит / А.Н. Данилов // *Цифровой город: новый социальный транзит / А.К. Мамедов [и др.]; под ред. А.Н. Данилова, А.К. Мамедова.* – Минск: РИВШ, 2021. – С. 40–55.
4. Бенхабиб, С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – 289 с.
5. Бурганова, И.Н. Перспективы мультикультурной политики в контексте культурных противоречий в Европейском союзе / И.Н. Бурганова // *Инновации в науке.* – 2015. – № 1(38). – С. 176–180.
6. Фукуяма, Ф. Великий разрыв: [пер. с англ.] / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2003. – 476 с.
7. Брунер, Дж. Культура, интеллект и образование / Дж. Брунер // *Теоретически вопросы образования: хрестоматия / Белорус. гос. ун-т, Центр пробл. развития образования; под ред.: М.А. Гусаковского.* – Минск, 2013. – С. 200–245.
8. Lessig, L. Code and other laws of cyberspace / L. Lessig. – New York: Basic Books, 1999. – 288 p.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Философия – «математика» смысла

Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

По вопросу «Что такое философия?» и является ли она наукой нет достаточной ясности со времени ее возникновения и поныне.

Цель статьи – обосновать тезис, что философия является наукой в не меньшей мере, чем математика.

Материал и методы. *Исходным материалом данного теоретического исследования послужили разноречивые мнения о наличии или отсутствии у философии определенного предмета изучения и принадлежности или непринадлежности философии к числу научных дисциплин. Для разрешения указанных неопределенностей использованы преимущественно методы сравнительного анализа воззрений и синтез понятий, способствующих решению проблемы.*

Результаты и их обсуждение. *Известно множество ответов на вопрос «Что такое философия?». Чаще всего эти ответы начинаются словами «философия – это наука о...». Далее следуют вариации, о чем эта «наука», если считать ее наукой. С точки зрения «позитивных» наук философия, как и математика, не имеет единого конкретного предмета, не имеет корреляции с фактами. В статье оспаривается это мнение. Философия подобна математике. Математика так же как и философия направлена не на объекты, независимые от нас. Философия и математика в качестве своих предметов имеют дело с «объектами» особого рода. Эти «объекты» – то, на что направлена деятельность субъекта, – не существуют в объективной реальности. Но и в сфере субъективности они не даны сами по себе, а создаются и корректируются субъектами в качестве понятийных средств разметки предметов мысли и действия. Понятия и образуемые из них конструкции, используемые как средства разметки предметов, являются формальными в математике и содержательными в философии. Математические и философские понятия могут объективироваться посредством языковых и прочих знаков и становиться «фактами», «объектами», независимыми от своих создателей. К понятиям и системам математики и философии неприменимы критерии истинности или ложности, но они могут быть пригодными или непригодными для решения тех или иных задач. Однако то же самое можно сказать о понятиях или теориях естествознания, технических и социально-гуманитарных наук.*

Заключение. *Конкретные философские концепции в качестве предмета указывают разное, принадлежащее или к реальному миру, или трансцендентному, или трансцендентальному. Эти предметы являются вариациями одного и того же предмета – понятийно-смысловой разметки предметных множеств, каковая является единым предметом всевозможных философий. Философия и математика по сравнению с «позитивными науками» имеют дело с существенно иными предметами, но удовлетворяют критериям научности.*

Ключевые слова: предмет философии, смысл, телеология, понятийные средства разметки предметов.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 75–81)

Philosophy as “Mathematics” of Sense

Demidov A.B.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

There has been insufficient clarity on the question “What is philosophy?” and whether it is a science since its inception to the present day.

The purpose of the article is to substantiate the thesis that philosophy is a science no less than mathematics.

Material and methods. *The source material of this theoretical study was the conflicting opinions about the presence or absence of a certain subject of study in philosophy and the affiliation or non-affiliation of philosophy to scientific disciplines. To resolve these uncertainties, methods of comparative analysis of views and synthesis of concepts that contribute to solving the problem were mainly used.*

Findings and their discussion. *There are many answers to the question “What is philosophy?”. Most often, these answers begin with the words “philosophy is the science of...”. What follows are variations on what this “science” is about, if you consider it a science. From the point of view of the “positive” sciences, philosophy, like mathematics, does not have a common specific subject, has no correlation with facts. The article disputes this opinion. Philosophy is like mathematics. Mathematics, like philosophy, is not directed at objects that are independent of us. Philosophy and mathematics, as their subjects, deal with “objects” of a special kind. These “objects” – what the subject’s activity is aimed at – do not exist in objective reality. But even in the sphere of subjectivity, they are not given by themselves, but are created and adjusted by subjects as conceptual means of marking up objects of thought and action. Concepts and constructions formed from them, used as a means of marking objects, are formal in mathematics and meaningful*

in philosophy. Mathematical and philosophical concepts can be objectified through linguistic and other signs and become “facts”, “objects”, independent of their creators. The criteria of truth or falsity are not applicable to the concepts and systems of mathematics and philosophy, but they may or may not be suitable for solving certain problems. However, the same can be said about the concepts or theories of natural sciences, technical and social sciences and humanities.

Conclusion. *Specific philosophical concepts indicate different things as a subject, belonging either to the real world, or to the transcendent, or to the transcendental. These subjects are variations of the same subject – the conceptual markup of subject sets, which is a common subject of various philosophies. Philosophy and mathematics, in comparison with the “positive sciences”, deal with significantly different subjects, but meet the criteria of scientific character.*

Key words: *the subject of philosophy, sense, teleology, conceptual means of marking objects.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 75–81)

Вопрос «что такое философия?» задавался на протяжении всего ее существования за исключением периода, когда первые философы еще не образовали понятия о своем занятии и не придумали для него названия. Тем не менее и поныне недостает ясности в том, что такое философия, по каким критериям следует отличать ее от других видов работы ума, а также кому и для чего она нужна и нужна ли вообще. Последнее особенно интересно в виду практической злободневности этого вопроса в сфере высшего образования.

Материал и методы. Исходным материалом данного теоретического исследования послужили разноречивые мнения о наличии или отсутствии у философии определенного предмета изучения и принадлежности или непринадлежности философии к числу научных дисциплин. Для разрешения указанных неопределенностей использованы преимущественно методы сравнительного анализа воззрений и синтез понятий, способствующих решению проблемы.

Результаты и их обсуждение. Известно множество ответов на вопрос «что такое философия?». Чаще всего эти ответы начинаются словами «философия – это наука о...». Далее следуют вариации, о чем эта «наука», и во многих случаях ее считают все-таки именно наукой. Возьмем в качестве примеров несколько дефиниций от знаменитых и авторитетных для своих эпох мыслителей.

1. Вопрос о предмете философской науки. Согласно Аристотелю, мудрость, или философия – это «наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и “то, ради чего” есть один из видов причин» [1, с. 69]. Здесь мы сразу отметим конкретность указания Аристотелем предметов своей философии, ведь нередко встречается мнение, будто философия говорит о чем-то неконкретном, как бы «ни о чем». Аристотель вывел учение о четырех причинах всего существующего (формальной, материальной, действующей и целевой), способного и ныне играть эвристическую роль, и учение о «первом движущем», т.е. о совершенстве, актуализации потенций всего сущего. В этом телеологическом понятии о «первом движущем» можно усмотреть прообраз гегелевской абсолютной идеи. Обратим внимание на то, что уже Аристотель внятно указал на целевую причинность как существенный предмет философской науки.

Придать философии достоинство подлинной науки, соответствующей образцам чистой математики и математического естествознания, явилось центральной задачей исследований И. Канта. Он полагал, что нашел

решение этой задачи. В результате осуществления своего замысла утверждал, что «философия есть наука об отношении всего знания к существенным целям человеческого разума (*teleologia rationis humanae*)» [2, с. 610]. И в этой формулировке явствует телеологическая специфика философии, как ее понимал Кант.

Г. Гегель признавал: «Единственное, к чему я вообще стремился и стремлюсь в своих философских изысканиях, – это научное познание истины» [3, с. 57]. Саму же философию он определял как «познание абсолютного» [4, с. 270], т.е. абсолютной идеи. И утверждал, что «единственно лишь абсолютная идея есть *бытие*, непреходящая *жизнь*, *знающая себя истина* и *вся истина*. Она единственный предмет и содержание философии» [5, с. 288], истолкованной Гегелем как «научное познание». Причем он не приписывал всю заслугу познания абсолютной идеи исключительно себе самому, а считал, что предшествующие философские учения постигали эту же абсолютную идею, но не достигли завершения и послужили подготовительными ступенями в восхождении к ней. Здесь вновь просматривается телеологический мотив, пронизывающий всю диалектическую систему Гегеля.

В. Виндельбанд, основатель баденской школы неокантианства, различил в истории западноевропейской культуры четыре сменявших друг друга толкования философии. (1) Появившееся в Древней Греции слово «философия» означало просто «науку» как знание ради знания, неутилитарную «любопытность», направленную на все занимательное в мире. Пока эта наука и ее основные понятия вмещались «в одной голове», она оставалась одной нераздельной наукой. (2) Но по мере расширения ее содержания начался процесс дифференциации, расчленения предметов познания на специфические группы и соответствующие способы их рассмотрения. Появились особые «философии», и Аристотель выделил среди них «первую философию» как науку, исследующую именно «первые начала и причины», а не вообще «все». В то же время греческий мир утратил самостоятельность, образовался эллинизм, затем Римская империя. Новый уклад жизни притупил влечение к чистому познанию, вместо него побудил интерес к устройению личного существования. Соответственно, новая философия стала отвечать на запросы о руководстве к обыденной жизни и заняла подчиненное, служебное, не самоценное положение. (3) В период Средневековья служебное положение философии сохраняется, но господин меняется. Вместо

обслуживания этических потребностей философия пристраивается к обслуживанию потребностей религиозных, превращается в «служанку теологии» и способствует научному, или наукообразному, оправданию, обоснованию и развитию религиозных воззрений. (4) В Новое время возобновляется свободное стремление к знанию ради него самого. Философия хочет добывать знания, независимые от религиозных мнений и основанные лишь на «естественном разуме». Она ищет адекватные природе методы и становится теорией познания. Но уже появляющиеся специальные науки успешно познают законы природы, опираясь не на философско-умозрительные, а на эмпирические методы. Возникает вопрос: «Есть ли в мире такие объекты, которые были бы непознаваемы для отпочковавшихся от философии специальных наук, но оставались бы на долю самой философии?». Если таких объектов нет, то философия без собственных объектов становится просто ненужной, теряет право на существование. Заниматься обобщением знаний, «сшивать в одно целое лоскутья последних выводов специальных наук» – это «комбинирование, но не наука. Философия подобна королю Лиру, который раздал своим детям все свое имущество и которого вслед затем, как нищего, выбросили на улицу» [6, с. 25], – так оканчивает Виндельбанд свой исторический обзор значений слова «философия». Но это еще не финал. Хотя у философии не осталось надежды на роль науки миропознания, однако сами специальные науки могут быть объектами особой науки, а именно теории науки, собственно говоря, того, что мы сегодня уже привыкли называть «философией науки». Виндельбанду как-то не пришло на ум сказать, что философия здесь опять попала в подчиненное положение и превратилась в «служанку науки», вместе с тем такая нелестная характеристика к настоящему времени где-то уже прозвучала. Сам же глава баденской школы неокантианства нашел иной способ сохранить за философией высокое достоинство. Спасительное решение приоткрыла так называемая «философия ценностей», или «аксиология». Как раз в конце XIX и первой трети XX века наблюдался наивысший подъем «философии ценностей», в развитие которой значительный вклад внес Виндельбанд. В его учении ценности представляют собой не материальные объекты, а требования, предъявляемые разумом. А разум требует должного, то есть того, что не существует, но является настоятельно значимым для трансцендентального субъекта (сознания вообще). Так, от знаний разум требует истинности, от чувственно воспринимаемых объектов – красоты, от поступков – нравственного добра. Тем самым истина, красота и добро выступают идеальными общезначимыми ценностями. Иногда к этим трем ценностям Виндельбанд добавлял четвертую – святость. Именно общезначимые ценности он предложил считать предметом философии. Поскольку такой предмет идеален, а не реален, постольку никакая наука, ориентированная на объективную реальность, не может отобразить его у философии. Изложенные соображения объясняют и обосновывают данное Виндельбандом определение: «я могу понимать под философией... только критическую науку об общеобязательных ценностях» [6, с. 32]. При этом подчеркивается, что такая философия является именно наукой

со своим конкретным предметом (общеобязательные ценности) и особым методом (критическим).

Также решительно трактовали философию в качестве науки корифеи феноменологии Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. Не вообще всякую, но именно свою – феноменологическую – философию Гуссерль характеризовал как «строгую науку», с которой по строгости не сравнится никакая другая наука. Феноменология опирается на опыт, как и требуется от подлинной науки. Но этот опыт особый, трансцендентальный, осуществляемый посредством феноменологической редукции и достигающий «усмотрения сущностей», априорных и неизменных. «Тем самым, – утверждал Гуссерль, – становится возможной трансцендентальная философия как строгая наука на абсолютно бытийной почве, соответственно, на почве опыта трансцендентальной intersубъективности, и это – взамен беспочвенной (т.е. не основывающейся ни на каком соответствующем опыте) спекуляции...» [7, с. 336–337]. И тут же он едко добавляет в примечании насчет принципиальной недостаточности всякой претендующей на строгость науки, обретающейся в пределах *позитивного*.

Сходным образом и М. Хайдеггер считал, что «философия есть универсальная феноменологическая онтология...» [8, с. 38]. При этом он благожелательно упоминал Гуссерля, от которого воспринял смысл философской «эмпирии» и приемы ее уяснения. В другом месте Хайдеггер сформулировал еще короче: «Философия есть наука о бытии. Мы будем понимать в дальнейшем под философией научную философию и не иначе» [9, с. 15]. В этих предложениях, во-первых, отчетливо указан объект философии, а именно – бытие; во-вторых, подчеркнуто, что свою философию Хайдеггер считал научной «и не иначе».

В завершение этого обзора определений философии, трактуемой в качестве науки, предложенных выдающимися мыслителями разных эпох, приведем дефиницию, запечатленную в академическом словаре русского языка. Ею обычно мы пользовались в учебном процессе в период «развитого социализма»: философия – «наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления» [10, с. 565].

2. Представления о философии как не науке. Около двух с половиной тысячелетий философию называли наукой. Но в последние два столетия появилась и постепенно нарастала неуверенность в правомочности такого определения и названия. Эта неуверенность уже достаточно конкретизировалась, чтобы оформиться в определение, данное в Большой Российской энциклопедии: философия – «форма рационально-теоретического мышления, имеющая своим предметом исследование предельных характеристик бытия, взаимоотношения человека и мира. К таковым относятся вопросы о первоначалах бытия, о возможности достижения истины, о сущности добра и красоты, о происхождении и назначении человека, а также о смысле его индивидуального существования как личности» [11, с. 366]. Здесь нет ни

слова о принадлежности философии к науке. Впрочем, еще несколькими десятилетиями раньше в пятитомной философской энциклопедии, издававшейся в Москве в 1960–1970-е годы философию уже определяли не как науку, а как форму общественного сознания.

Тем не менее член-корреспондент РАН И.Т. Касавин, выражая озабоченность переменами, происходящими в социальных условиях деятельности ученых, в том числе философов, в способах организации научных институтов, их финансирования, в критериях оценки эффективности, констатировал: «...сегодня снимается “вечный вопрос” о том, является ли философия наукой. Философия – в полной мере наука в статусе социального института, а не самостоятельное дилетантское предприятие...» [12]. Правда, в связи с этим суждением напрашивается вопрос: философия потому наука, что она стала социальным институтом или наоборот она стала социальным институтом потому, что является наукой?

Нетрудно усмотреть связь между усилением сомнений в научности философии и появлением в 1830-е годы позитивизма, основанного О. Контом. Но неверно было бы считать позитивистские умонастроения причиной дискредитации философии. Основанием неуверенности в научной состоятельности философии явились успехи естествознания и математики, ставшие особенно наглядными на фоне происходившего в Европе промышленного переворота. Позитивизм, ставший сам всего лишь еще одним философским течением, а не наукой, был рефлексией нарастающего раскола между обесценивающейся философией и бурно прогрессирующими специальными науками; может быть, говоря словами М.Ю. Лермонтова, как бы «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом».

За время существования позитивизма во всех его эволюционных разновидностях накопилось множество упреков философии в несоответствии критериям научности. Не пытаясь составить их реестр, воспользуемся примерами из некоторых философских работ.

Английский философ Дж. Г. Льюис, испытывавший существенное влияние философии О. Конта, опубликовал в 1845–1846 годах «Биографическую историю философии», главная особенность которой, по характеристике Льюиса, состояла в попытке изобразить жизнь философов как непрерывный и бесполезный труд по достижению недостижимого. Начинается это сочинение так: «Во всей Европе философия потеряла кредит. Было время, когда она составляла славу и гордость величайших умов, а теперь хотя еще она и играет важную роль в системе общего образования, но об упадке ее равно свидетельствуют как сетования немногочисленных ее поклонников, так и постоянно густеющие ряды ее противников» [13, с. III]. Философия представляется Льюису безысходным лабиринтом. Хотя она и пребывает в нескончаемом движении, но двигается по кругу в противоположность прямолинейному ходу науки. Принципы философии на протяжении двух тысячелетий остаются спорными, в то время как основы науки уже четко определены и служат ориентирами для европейского развития. Фи-

лософия никогда не сможет достичь своих целей, поскольку эти цели находятся за пределами человеческих возможностей; она сталкивается не с затруднениями, а с невозможностью, так как ее задачи не могут быть решены с помощью позитивных знаний, поэтому для нее невозможен прогресс. То, что в разных странах называют одним и тем же словом «философия», имеет слишком расплывчатый смысл и обозначает всевозможные умозрительные изыскания. Слово «философия» следует понимать как антоним слову «наука». Принципиальное различие между философией и наукой заключается не в предметах их изучения, но в методах, а именно науку от философии отделяет метод проверки выводов на опыте. Философия исполнила великую роль предтечи науки, но роль эта сыграна, и философия должна покинуть сцену.

К сказанному Льюисом о том, почему философию не следует считать наукой, можно добавить еще ряд доводов. Существует не одна-единственная философия, а труднообозримое множество философий, которое нельзя, так сказать, «обобщить» или редуцировать к одной общей теоретической основе, чтобы получилось нечто единое целое. Вследствие этого невозможно изучить философию как таковую, поскольку ее нет, а приходится изучать некоторое множество «избранных» философий (а не все необозримое множество), упорядоченное чаще всего в хронологическом порядке. Предметы разных философий в отличие от предметов специальных наук рознятся друг от друга. К тому же они не существуют ни в качестве чувственно данных фактов, ни даже мысленно представимых образов (например, «идеи» Платона, «первое движущее» Аристотеля, «материя» материалистических учений, «абсолютное» Гегеля, «бытие» Хайдеггера) и ускользают от понимания большинства людей. Философия не удовлетворяет ни критерию верифицируемости логических позитивистов, ни критерию фальсифицируемости К. Поппера. В конце концов, попросту говоря, очень многие, особенно причастные к университетскому образованию, не понимают, какая от нее польза и зачем она вообще нужна.

3. Близкое сходство философии и математики.

После всего вышесказанного о соотношении философии с несомненными науками можно решить, что дальнейшая участь философии достойна сожаления. Однако сейчас мы увидим, что философия не одинока в своем отлучении от наук. Ближайшими ее «друзьями по несчастью» оказываются логика и математика. Если присмотреться к их неожиданному сходству и различию, то обнаружится тот фактор, который может снять «проклятие» с философии.

Российский биолог и физико-географ, академик АН СССР Л.С. Берг в философско-методологическом сочинении выразил свою позицию о соотношении науки и философии так: «вопросами о происхождении мироздания и о смысле и цели мира занимается не наука, а философия» [14, с. 8], т.е. философия, по его мнению, не наука, так как наука занимается только тем, что есть, было или будет, а не тем, что долженствует быть. В специальной главе под названием «Науки ли математика и логика?»

Берг еще раз подчеркивает, что наука представляет собой систематизированное знание о явлениях. «Но с какого рода явлениями мы, имеем дело в математике? Где, кроме сферы понятий, встречаются синусы, иррациональные числа, логарифмы, окружности, плоскости и т.д.?» [14, с. 65]. Математика оперирует с абстракциями высочайшей степени, которые не могут быть представлены в виде конкретных образов, например, мнимые числа или пространства с четырьмя измерениями. Однако в природе не существует ничего, что хотя бы отдаленно напоминало бы $\sqrt{-1}$. Берг ссылается на А. Пуанкаре (аксиомы геометрии – условные утверждения, а не априорные или эмпирические данные), на Н.И. Лобачевского (геометрические понятия создаются в уме искусственно), на Р. Дедекнда и К. Гаусса (арифметика не зависит от опыта и выводятся из законов логики). Действительный мир с объектами, изучаемыми наукой, описывается в количественном и качественном аспектах, однако математика индифферентна к качеству. Математика как знание чисто формальное занимается не вещами, а умственными действиями, нужными для приведения в порядок наших мыслей о многообразном. Наконец, Берг резюмирует: «Что же такое математика? По нашему мнению, это не наука, а метод, позволяющий приводить в порядок, при помощи знаков (символов), любое многообразие, независимо от его содержания» [14, с. 69]. Таким образом, строгий «позитивный» подход отлучает от науки даже математику, явившуюся одной из двух основ экспериментально-математического познания мира.

Существует раздел философии, именуемый «философией математики», в который внесли свой творческий вклад не столько профессиональные философы, сколько математики, так как обычно философы менее сведущи в математике, чем математики в философии, поскольку последние особенно заинтересованы в осмыслении основ своей «науки» с ее предметами весьма загадочной природы. Это обстоятельство, которое мы попытаемся в некоторой мере прояснить, тоже намекает на некую близость самой «точной» из наук к самой расплывчатой и вроде бы даже вообще не науке.

Среди множества трудов по философии математики трудно обойти вниманием «Закат Европы» О. Шпенглера. Кому-то покажется странным, что Шпенглер, слывающий скорее философом, историком, одним из основателей философии культуры, причастен к философии математики. Но в университетах Галле, Мюнхена и Берлина он изучал именно математику и естественные науки. Переводчик трудов Шпенглера на русский язык К.А. Свасьян писал о субстрате концепции Шпенглера: «Мы не ошибемся, взяв за исходную точку анализа математическую модель, по которой строится здесь чисто историческая концепция; конструкция Шпенглера (недаром же бывшего преподавателя математики в старших классах гимназии) насквозь математична...» [15, с. 86]. Шпенглер в своей концепции «морфологии всемирной истории» рассматривает историю как ряд культур, подобных живым организмам, рождающихся, достигающих вершины своего развития и умирающих. В каждой

культуре образуются собственные неповторимые формы душевной жизни, религии, искусства, а также математики и философии в числе прочего. Душа всякой культуры стремится осуществить себя в разных формах, в том числе в математических, причем у всякой культуры – свои числовые понятия, соразмерные индивидуальному стилю души данной культуры. Шпенглер утверждает: «Не существует никакой одной математики, есть лишь множество математик» [15, с. 211]. У нынешних математиков Запада понятие числа, цель и метод математики совершенно не такие, какие были в древности у математиков Афин или Багдада. Запад не перенял античную математику, а создал собственную путем отрицания чуждой ему евклидовой математики. Заметим, как эти высказывания Шпенглера перекликаются с тем, что уже говорилось о философии: нет и не может быть единой философии. А что у Шпенглера говорится о предмете математики? Читаем: «Будь математика просто наукой, как астрономия или минералогия, ее предмет поддавался бы определению. Но это невозможно и никогда не было возможно» [15, с. 210]. Тут надо придумать: почему «невозможно»? Наверное, потому что астрономия и минералогия, и подобные науки имеют свои предметы вне себя, т.е. вне человеческого ума, тогда как математика (и философия!) сами создают те предметы, с которыми они работают – числа и понятия. Внешние предметы, существующие объективно (независимо от нас) и данные в чувственном восприятии, могут быть как-то описаны, чему-то уподоблены. Но как описать и с чем сравнить числа и понятия? – не с чем. Вот потому Шпенглер и заключает, что предмет математики (и философии, добавим мы) не поддается определению. Тем не менее мы можем возразить, что числа и понятия существуют, причем объективно, хотя и не чувственно, не осязаемо, без-образно, ведь мы *объективируем* числа и понятия при помощи цифр, слов и других знаков. То есть они существуют не только моем индивидуальном сознании, но и в сознании других людей, в общественном сознании, intersубъективно.

Остается осмыслить еще одно весьма существенное замечание Шпенглера о власти над миром, которая дается нам благодаря словам и числам. Он пишет: «Число... родственно слову, которое – “понимая”, “помечая” в качестве понятия – равным образом очерчивает впечатления о мире». «Действительное число, с которым работает математик, точно представленный, произнесенный, написанный числовой знак – цифра, формула, обозначение, фигура, – подобно помысленному, произнесенному, написанному слову, оказывается в этом смысле символом, чем-то наглядным и доступным передаче, осязаемым для внутреннего и внешнего взора, в котором отражается само разграничение. Происхождение чисел сродни происхождению мифа. Первобытный человек возводил в божества, numina, не поддающиеся определению впечатления природы (“чужое”), заклиная их с помощью разграничивающего их имени. Так же и числа суть нечто разграничивающее природные впечатления и тем самым заклинаяющее их. Именами и числами человеческое

понимание приобретает власть над миром» [15, с. 206]. Надо бы извиниться за слишком длинную цитату, но она оправдывается тем, что в ней усматривается ключ к разгадке тайны философии и математики. Шпенглер использует слово «разграничение», чтобы указать на функцию, которую выполняют слова и числа. Мы сейчас покажем, что уместнее и точнее говорить о «разметке», а не «разграничении». Надо еще внести поправку в выражения Шпенглера: речь должна идти не о *словах* и числах, а *понятиях* и числах, ведь слово – это не понятие, а только его знак подобно тому, как и цифра только знак числа.

Но прежде немного отвлечемся, чтобы удостовериться, что Шпенглер не одинок в своем понимании духа математики. Среди множества трудов по философии математики остановим внимание на работе М. Клайна «Математика. Утрата определенности». Автор пишет, что в математике видели образец строгих рассуждений и незыблемых истин, но пришли к осознанию ложности таких представлений. В начале XIX века появились необычные геометрии и не менее необычные алгебры, вынудившие математиков осознать, что математические законы не являются абсолютными истинами, а в конце того же века многие утратили веру в то, что природа полностью основана на математических принципах. «...Появление неевклидовой геометрии и кватернионов... заставили математику отказаться от многовековых претензий на владение абсолютной истиной...» [16, с. 119] – констатирует Клайн. И на протяжении всей своей монографии автор неоднократно повторяет тезис, уже знакомый нам по сочинению Шпенглера: существует не одна, а много математик.

4. Философия и математика – средства понятийной разметки. Наконец, подготовлена почва, чтобы сформулировать главную мысль этого исследования по вопросу о предмете философии (заодно и близкородственной к ней математики) и об их соответствии понятию научности. Главный тезис таков: философские теории, как и математические, представляют собой *средства разметки* своих предметов. Эти средства разметки суть понятия и составляемые из них мысленные конструкции. Эти средства разметки у математики чисто формальные, бессодержательные, это – понятия чисел и пространственных форм и образуемые из них мысленные конструкции. У философии средства разметки состоят из понятий содержательных (т.е. «понимающих» качества) всевозможных предметов, в том числе математических. При помощи этих понятийных средств осуществляется разметка каких бы то ни было предметов, находимых нами в мире вне нас или представляемых лишь мысленно.

Формальная (математическая) разметка предметов посредством понятий числовых или пространственно-формовых позволяет измерять, соизмерять, разделять, соединять предметы для оперирования ими согласно нашим целям. Когда имеющихся формальных средств недостаточно для осуществления разметки, приходится изобретать новые. Так, древние индийцы наряду

с использованием натуральных чисел ввели в практику отрицательные числа для учета денежных долгов [16, с. 130]. Когда для разметки поверхностей с ненулевой кривизной оказалась недостаточной евклидова геометрия, изобрели другие геометрии, неевклидовы. Так вместо одной математики появляется множество тоже необходимых математик в качестве систем разметки предметов. Так что одновременное сосуществование множества математик так же естественно, как наличие множества философских теорий.

Содержательная (не только философская, но и житейская, мифологическая, религиозная, научная и прочие) разметка предметов позволяет при помощи содержательных понятий, во-первых, идентифицировать предметы, различать их по качествам, родам, видам; во-вторых, устанавливать их *смысл*. Это многозначное слово «смысл» мы будем использовать не в том значении, которое придал ему Г. Фреге как элементу семантического треугольника, а в самом широком значении как «то, ради чего», т.е. как целевой причины по Аристотелю. Если человек или животное совершает некое действие, то, спрашивается, ради чего, какой смысл действия. Смысл принадлежит не самим предметам, а относится человеком или другим живым существом к этим предметам – чего ждать или требовать от них, для чего они. Гегель, излагая свои воззрения на процесс развития в форме триады тезис–антитезис–синтез, полагал, что смысл каждой данной ступени находится в следующей за нею ступени. Такая трактовка понятия смысла является телеологической, опирающейся на понятие цели. Все философские построения, особенно такие универсально-системные, как у Аристотеля, Канта, Гегеля, Маркса, содержат в себе телеологию. «Позитивные» науки сторонятся телеологии, требуют опираться на факты, объективную реальность, и это нормально, правильно, иначе они не достигали бы своих *целей*, не осуществляли бы своего *предназначения, смысла*, не соответствовали бы своей собственной «телеологии». В указанном толковании смысла бессмысленными являются факты и действия, которые ни для чего.

Философия и математика создают то, что в мире не существует само по себе – понятийные средства разметки предметов. При этом они опираются на рациональное мышление, логику. Сами нормы рационального мышления, логического анализа и синтеза создаются как раз философским мышлением, которое не является частной собственностью профессиональных философов. Мышление всякого человека – физика и лирика, швеи и балерины – оказывается философским, когда он переключает внимание с предмета, с которым он непосредственно работает, на свои понятия об этом предмете и своем обращении с ним. Осмысливать свои понятия и при надобности корректировать их – это и есть философское занятие в отличие от конкретно-специального и практического дела. «Философия – это обработка понятий» [17, с. 623], – резонно считал И.Ф. Гербарг. Отличие профессионального философа состоит в том, что он занимается обработкой понятий не от случая к случаю, а специально, целенаправ-

ленно, используя особые знания и навыки, ориентируясь на достижение общезначимых результатов.

Тем, кому кажется, будто философия не имеет своего определенного предмета, будто она обо всем и ни о чем конкретно, нужно принять во внимание, что ее неизменный постоянный предмет, который она создает, обрабатывает, перерабатывает, это – понятийная смысловая разметка предметов. Эта разметка существует только в мысленном пространстве, но благодаря объективации посредством языковых и прочих знаков она становится общественным явлением, т.е. переходит в категорию «явлений», того, что можно воспринимать, с чем можно оперировать, как и с фактами, на наличии которых настаивает методология «позитивной» науки. Таким образом, философия, а вместе с ней и близкородственная математика имеют свои четко определяемые предметы, доступные в своем объективированном виде чувственному восприятию, т.е. данные фактически, соответствуют критериям научности и являются полноправными науками.

Заключение. В результате проведенного исследования, нацеленного на определение предмета философии и ее соответствия критериям научности, получены следующие выводы:

1. Мнения о неопределенности предмета философии не соответствуют действительности. Другое дело, что предметы конкретных философских концепций различны, но это разнообразие в общем адекватно различиям культурно-исторических обстоятельств образования концепций.

2. В качестве предмета конкретная философская концепция обычно указывает на нечто независимое от человеческой субъективности – реальный мир, или нечто трансцендентное, или трансцендентальное (априори, феномены). Но эти всевозможные предметы являются лишь экземплярами, вариациями одного и того же предмета – понятийно-смысловой разметки предметных множеств. Любая философская концепция создает такую разметку, которая в качестве создаваемого предмета не может быть независимой от своего создателя. Разработка такой смысловой разметки – общий предмет для всевозможных философий.

3. Философия подобна математике в том, что обе представляют собой понятийные разметки для их применения к предметным множествам и оперированию с этими множествами для достижения определенных целей. Разметка математическая имеет формальный характер, будучи образованной из понятий чисел и пространственных форм, а разметка философская образуется из содержательных понятий с определителями качеств и смысла предметов.

4. Понятийные средства разметки предметов могут быть применимы и действительны без их объективации посредством языковых и иных знаков, оставаясь индивидуально-субъективными. Но если они получают такую объективацию, то могут быть восприняты в качестве фактов другими субъектами, стать intersubjectivными, принадлежащими к общественному сознанию и незави-

мыми от первоначального создателя и носителя.

5. Понятийные средства разметки предметов в философии (как и в математике) сами по себе не истинны и не ложны, но бывают применимы или неприменимы. Но то же можно сказать и о знаниях «позитивных» наук. Понятийные средства разметки предметов в философии и математике, получая объективацию в языковых и иных знаках, превращаются в факты, которыми занимаются философы, математики и специалисты других научных профилей, поэтому неверно мнение, что философы и математики не работают с фактами, не соотносят с ними свои понятийные средства разметки предметов. Посему можно заключить, что философия удовлетворяет критериям научности, является научной дисциплиной.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 1976. – 550 с.
2. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. / И. Кант. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 3: Критика чистого разума. – 741 с.
3. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974–1977. – Т. 1: Наука логики. – 1974. – 451 с.
4. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 666 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970–1972. – Т. 3. – 1972. – 374 с.
6. Виндельбанд, В. Прелюдии: философские статьи и речи / В. Виндельбанд. – М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. – 400 с.
7. Гуссерль, Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М.: Территория будущего, 2005. – 459 с.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
9. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 2001. – 445 с.
10. Философия // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – С. 565.
11. Миронов, В.В., Философия / В.В. Миронов, В.А. Куренной // Большая Российская энциклопедия. – М.: Большая Рос. энцикл., 2004 – Т. 33. – 2017. – С. 366–369.
12. Касавин, И.Т. Инфраструктурная революция в философии: Афина из головы Зевса? / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. 41, № 3. – С. 5–17.
13. Льюис, Дж.Г. История философии от начала ее в Греции до настоящих времен / Дж.Г. Льюис. – СПб.: В. Ковалевский, 1865–1867. – [2], VIII, III–XXX, 816 с.
14. Берг, Л.С. Наука, ее содержание, смысл и классификация / Л.С. Берг. – Петроград: Время, 1922. – 139 с.
15. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – Т. 1: Гештальт и действительность. – 1998. – 666 с.
16. Клайн, М. Математика. Утрата определенности / М. Клайн. – М.: Мир, 1984. – 446 с.
17. Герbart, И.Ф. // Антология мировой философии: в 4 т. / И.Ф. Герbart. – М.: Мысль, 1969–1972. – Т. 3: Буржуазная философия конца XVIII в. – первых двух третей XIX в. – 1971. – С. 622–628.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Философия и духовный мир человека

Табачков А.С.

МИНСК

В статье в широком спектре аспектов – от онтологии до педагогики – рассматривается проблема соотносительности философии и духовного мира человека.

Цель статьи – выяснение бытийных оснований роли, играемой философией в конституировании духовного мира, ее места в структуре опыта жизни и значения преподавания философии.

Материал и методы. *Материалом служит авторское изложение наиболее важных моментов обсуждаемой проблематики, использующее положения опубликованных научных работ. Применены методы философской интерпретации и онтогносеологической аналитики.*

Результаты и их обсуждение. *Философия не эпифеноменальное изобретение человечества – наша способность осознано быть в бытии послужила первичной причиной и появления, и постоянной потребности в имеющем дело с бытием знании.*

Заключение. *Обладая интегрирующим универсализмом и имея в пределе собственно своим предметом само бытие, философия даже вне акцентирования марксова XI тезиса уже преобразует мир, в том числе, и через мир духовный, включая личное его измерение. Поэтому ее преподавание просто не может не быть одной из важнейших задач университета.*

Ключевые слова: *духовный мир, человек и философия, человек и бытие.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 82–86)

Philosophy and the Spiritual World of Man

Tabachkov A.S.

Minsk

In the article in a broad spectrum of aspects – from ontology to pedagogy – a problem of correlation of philosophy and the spiritual world of man is considered.

The purpose of article is clarification of ontological groundings of the role, played by philosophy in formation of spiritual world, its place in structure of experience of life, and value of Philosophy teaching.

Material and methods. *The material is the author's account on the most important points of the discussed problematic that uses statements of published scientific works. Methods of philosophical interpretation and onto-gnoseological analytics are applied.*

Findings and their discussion. *Philosophy is not mankind epiphenomenal invention – our ability reasonably to be in Being has served as primary cause of emerging and constant need for knowledge dealing with Being.*

Conclusion. *Possessing integrating universality and having as its ultimate subject Being itself, philosophy even without accentuation of marx's XI thesis is already transforming world, including through the world spiritual and its personal dimension. Therefore, its teaching simply should be one of the major tasks of the university.*

Key words: *spiritual world, person and philosophy, man and Being.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 82–86)

Часть тем философии столь глубока и одновременно обширна, что нашему восприятию сразу же хочется их отнести к некоей, скорее, лишь рубрикации, объединяющей более специализированные и представляющиеся более доступными к интерпретативному освоению темы. Не отрицая этой их функции, скажем, что и сами по себе подобные темы все-таки не должны быть оставлены без внимания ибо, при удаче автора, несмотря на слишком общее свое первоначальное звучание, несмотря на лишь кажущуюся или даже действительную уже

разработанность их, раскрыть и показать они могут нечто важное, недоступное иногда всей сумме более узких тем. К таким большим темам, безусловно, относится и тема данной статьи, об удачности же нашего обращения к ней судить самому читателю.

Цель работы – выяснение бытийных оснований роли, играемой философией в конституировании духовного мира, ее места в структуре опыта жизни и значения преподавания философии.

Материал и методы. Материалом служит авторское изложение наиболее важных моментов пробле-

матики отношений духовного мира человека и философии, использующее положения опубликованных научных работ, включая собственные единолично и в соавторстве написанные монографии, и релевантный тематике данной статьи фрагмент произведения классики мировой художественной литературы. Используются методы философской интерпретации, онтогносеологического анализа, онтико-онтологической аналитики опыта существования, а также отдельные подходы и истолкованные в соответствии с предметом и задачами настоящей работы тезисы философской эстетики, философии истории и общей педагогики.

Результаты и их обсуждение. Чем в отношении духовного мира человека является философия? И как, в свою очередь, духовный мир человека, в том или ином его историческом, быть может, не состоянии (так мы ушли бы в вульгарную, деавтономизирующую духовное, обусловленность), но настроении влияет на бытие самой философии, на актуальную репрезентацию философского знания?

Нужно сказать, что минувшие двадцать четыре века, если считать от Платона, не дали нам однозначного ответа в смысле показанного в самой социокультурной реальности, запечатленного в событиях ее истории, влияния на человека философии и всего, тесно связанного с ней и напрямую использующего ее элементы. В них ведь и великое влияние христианской доктрины и, особенно в прошедшем великом веке, преобразующее всю реальность воздействие социальных теорий и идеологий, марксизма, в первую очередь, – но в них и никогда не покидавшие человека волюнтаристские и грубо-материалистические способы отношения к жизни, тесно вплетавшиеся даже в действительные интерпретации вышеназванных реализаций больших, цивилизационно-антропологического масштаба, проектов духовного: политическая инструментализация христианской веры во многие периоды истории, материалистический, социально-экономический редукционизм, часто свойственный влиявшим на практику толкованиям марксизма, да и что скрывать, не чуждый и его изначальной теории, не преобразованный и не преодоленный до конца еще в ней – что бы ни говорил в своей прекраснородушной, но откровенно неубедительной апологетике Фромм [1, р. 9–19].

Очевидно, что влияние – и взаимовлияние – духовного мира и философии разнообразно в структурных формах своего осуществления. Здесь и непосредственное влияние элементов философской концептуализации и интегрального целого усвоенного и осмысленного корпуса философии на духовный мир индивидуума, под которым мы будем понимать интеллектуально развитого человека той или иной эпохи и, конечно, нашей современности, прежде всего. Здесь же и различные очень важные виды опосредования обсуждаемого влияния, в первую очередь, через результаты общественной деятельности и твор-

чества исторических персон, находившихся под тем или иным влиянием философии или родственного ей духовного – политиков, писателей, деятелей церкви (вплоть до влияния философских элементов мировоззрения родителей на растущего ребенка), а также самих философов в социальной проекции их деятельного присутствия в истории, прижизненного и не только. И, наконец, картина не была бы полной без трудно выделяемого, но несомненного, скажем так, отдаленно-распределенного влияния философии на саму ментальную атмосферу того или иного периода истории, того или иного общества – и на саму ноосферу, если угодно.

В свою очередь, философия жива этими своими влияниями, пусть по-настоящему, в подлинном своем содержании, совершает движения редко; помимо появления гения, нужна ведь еще и аудитория, способная его узнать и этим узнаванием поддержать – и продолжить начатое им в истолкованиях, приложении ему открывшегося к другим дисциплинам, в переводах и, конечно же, в применении в образовании.

Но начать нужно с самого предельного, в отношении философской компоненты рассматриваемой нами соединенности, случая – с человека-философа как такового. Определяет ли философия его духовный мир? Да, в значительнейшей степени, определяет, биографические свидетельства и произведения самого творчества мыслителей не оставляют в этом никаких сомнений. Но и они, мыслители – любили, земной любовью тяжелых, непрозрачных для разума, желания и страсти, и они, пусть отчасти и по-своему, не так как прочие, бывали увлекаемы течениями и событиями политической истории или превратностями межличностных и цеховых отношений, соперничеством за прижизненное, немедленное признание, как это было с Шопенгауэром, например.

У тех из них, в чьем литературном наследии почти непосредственно слышна та самая внутренняя речь, у Соловьева и Унамуно, например, мы можем понять, что определение философией жизни все-таки сродни другим подобным экзистентным детерминациям творческой деятельностью по призванию, из специфичного здесь, пожалуй, можно назвать философичное истолкование универсальных человеческих явлений (к примеру, снов – у того же Соловьева), глубокое, трагическое переживание даже довольно обычных событий политики (как у Альтюссера, например), видимых мыслителями неизбежно (и чрезмерно, быть может) уже во всемирно-исторической и бытийной перспективе.

Наряду с индивидуальным образом культуры эпохи, с переплетенными с собственной уникальной судьбой отражениями ее идеологии и истории, в человеке, любом человеке, не обделенном с рождения и достаточно развитым духовно, сильны – как замечательно и с настоящей любовью к людям было показано это Маркузе [2, р. 180–202] – и инстинктуальная, и, возьмемся лишний раз сказать уже мы, вообще

уходящая далеко в непознанное и даже в еще-не-случившееся/еще-не-состоявшееся (и в не-предопределенное) сторона, неподвластная никакой бихевиористической или подобной редукционистской психологии и во-многом сокрытая и от самого индивидуума, лишь изредка, в самые важные моменты деятельности, творчества, жизни, если повезет, дающая о себе знать.

Об этой над-онтологической топологии человека и пытались своими способами все эти века нам поведать и Платон, и Библия, и высокое искусство.

Поэтому и сознание человека, как сказал поэт, «is its own place» [3, p. 10], и эту самоуместную суверенность, вместе с несомненной первородной принадлежностью его обладателя к ряду коренных явлений Мироздания, даже само это сознание, сам человеческий ум не смогут воспроизвести ни в каких самых совершенных машинах или вновь сконструированных организмах так называемого искусственного интеллекта – уже просто по логике отношений творца и им же сотворенной твари – и бытия, с его космосом и его культурой, бытия как родного дома только первого из них [4, с. 31–71]. Могут селиться в нем только новые люди, дети, поскольку они всегда от природы, от космоса, и способны, как и положено, превзойдя родителей, стать уже сверхприродным и сверхкосмическим продолжением по отношению к ним, и произведения культуры, если они суть действительные добавления к самому человеку и его бытию [5, с. 60–79]. И данный разумом и интуицией план этого местопребывания, пусть неизбежно и, быть может, даже необходимо далеко не полный и очень неточный, имеется в философии и нигде больше.

Человек просто не может хотя бы время от времени не толковать сам себе (и друзьям, и близким) свою и видимую им жизнь, вместе с навивной или нет личной историографической интерпретацией событий общесоциальных [6, с. 97–98], некое прото-философствование необходимо развитому человеку просто для проживания его деятельной и страдательной жизни в сложной и полной противоречий реальности. Даже человек глубоко религиозный на самом деле не может без подобного, в этом случае религиозно-философского, первичного истолкования обойтись, постулаты веры надо ведь интерпретировать к лично своей ситуации, к вновь возникающим важным проблемам современности, вроде упоминавшегося здесь искусственного интеллекта – проблеме сложной, в том числе, в силу содержащегося в ней, как и в прочих подобных проблемах, потенциала как и к очень хорошему, благу, если позволительно нам здесь сказать, богоугодному, так и – в недобрых руках (а так и есть сейчас во-многом) – к очень плохому, злему, даже откровенно сатанинскому развитию.

В конце концов, философия ведь не случайное, не эпифеноменальное изобретение – человек как разумное и смертное существо, начиная с определенной стадии духовного развития, просто не может без нее

или чего-то сущностно подобного обходиться; наша способность осознано быть в бытии послужила первичной причиной и появления, и постоянной потребности в имеющем дело с бытием знании.

Продолжая двигаться от высокосовершенного духовного мира философа вниз – ведь мы, люди, несовершенны и неоднородны, не признавать этого нельзя хотя бы потому, что это по-своему также есть следствием нашей экзистентной природы, нашей способности к дальнейшему развитию, нашей открытости бытию – и остановившись на том последнем уровне одаренности и культуры мышления, где еще возможны неискаженные в низкую «мудрость», сродни плохо понятой поговорке, философские концепты, мы увидим, что и здесь что-нибудь вроде перехода количества в качество или эволюции служат поводами высокой рефлексии сознания, а значит, и продолжения живого, непосредственного существования элементов философского знания.

Важной частью этого существования, применительно к мышлению обычного, нормального человека, является та роль, которую даже бедный и фрагментарный состав усвоенного из философии и родственного ей знания играет в задании эталона в критической рецепции дискурсивной аргументации любой тематики (политико-идеологической, эстетической, этической, правовой) и вообще в инициации/укреплении культуры критического мышления, без защитных и проясняющих функций которого тяжело представить полноценную духовную жизнь человека.

И чем больше индивидуальных духовных миров могут хотя бы на этой последней черте удержаться, тем, конечно, богаче само всеохватное бытие, нуждающееся в человеке как в микрокосмической инстанции собственного установления и собственного продолжения как именно бытия, нуждающегося в каждом, способном к тому индивидууме, как в экзистентно-суверенном векторе своего подлинного, не материально-количественного роста, квантированного в целостных и способных видеть и понимать – и с тем принять в себя целое бытия – мирах; и духовность этих человеческих миров, даже лишь в восприятии уже творческая и свободная, есть единственным онтологически возможным способом производить это иначе даже немислимое принятие. Это она объединяет дар мира, говори о нем хоть научные космогония и биология, хоть Библия, и способность его принять, в ней подобие дарителя и одариваемого, совершенно необходимое для возможности самого этого величайшего акта.

Конечно, философия не единственный язык деятельного общения большого и малого, универсального всеобщего и уникального человеческого бытия, есть ведь еще и красота эстетики в видении и творчестве, есть инстинктивное и интуитивное, сама экспликация которых крайне трудна и неизбежно фрагментарна, есть в этом предельном общении и таинственное, сейчас и, отчасти, наверное, навсегда неподвластное

изучению, но именно философия, возьмем на себя смелость сказать, есть, своего рода, понятийным эсперанто, проникающим во все эти способы взаимодействия человека и бытия. Обобщая и объединяя все эти способы, философия и все основанное на ней, поддерживают еще и общность духовного мира – и мира большого и самого бытия. Здесь, в *lingua vita* этой общности, бытие только и может быть представлено человеку как таковое – и здесь же человек только и может подобным же, целостным образом, представить себя самого.

И трансгрессии, вроде попытки изобразительного искусства стать концептуальным, безусловно философской «метапсихологии» позднего Фрейда, опытов высокого кинематографа по показу даже самого времени как категории организации реальности или подчеркнутой философичности многого в художественной литературе, только свидетельствуют наличие и доказывают действительность существования этой центральной магистрали единения духовного мира и бытия.

Необъяснимое принципиальное неустаревание философии, ее очевидный супракультурный статус – по крайней мере в границах ее, и всех нас, ойкумены, исторической большой Западной цивилизации – показывают, что то, о чем мы попробовали сказать здесь – не следствие профессионального преувеличения, но все-таки отражает истинное положение дел. И поскольку мы уже затронули здесь профессиональное, а также потому, что данный текст вообще пишется по случаю годовщины создания одного из институализированных коллективов этой отрасли знания, возьмемся сказать и о том, что педагогическая составляющая философии как дисциплины высшего образования и исторически, и в отношении к реалиям нынешней непростой эпохи, разработана, конечно же, недостаточно. И это не вопрос только частной динамики одной из составляющих работы системы образования, от сотрудничества философии с педагогикой зависит, останется ли она тем ранее названным здесь живым языком, объединяющим человека, его духовный мир и бытие, а равно, останутся ли открытыми все области их встречи – от эстетики высокого искусства до научной методологии.

Да, уже в силу своих совершенно уникальных особенностей, частично упомянутых выше, философия трудна в дидактическом освоении, осложненном известной предвзятостью обывательского восприятия и собственными парадоксами вроде неоднократно описанного едва ли не платоновского припоминания, преследующего при ее изучении всех, кому судьба потом, так иначе, стать философом.

Кому судьба, у кого призвание, тот станет философом несмотря ни на какие дефициты преподавания, но подавляющему большинству других обучающихся, которым в их дальнейшей духовной жизни и, вполне вероятно, в профессиональной деятельности, а также в обдумывании важных жизненных ситуа-

ций, в воспитании собственных детей, наконец, тоже будет нужен хотя бы некий базовый минимум представлений о философии, требуется помощь образования. И ее, с учетом произошедших и не всегда положительных изменений в готовности обучающихся к восприятию и освоению подобного знания, система высшего образования должна уметь оказать. Конечно, не к примитивизации преподаваемого материала, не к аттракциону принципиально не нужных философии компьютеризированных визуализаций, но к поиску путей через не по их вине имеющихся у молодых поколений провалов в общей культуре следует тут призывать, и нам кажется, что именно философия, разумеется, благодаря неизбывной важности и возвышенной простоте ее основополагающих проблем, к этому может оказаться способной.

Де-философизация внутреннего мира человека уже сейчас видна в мышлении, к примеру, она бросается в глаза в публикациях западных ученых – в слабой, иногда просто наивной концептуализации добываемых инструментами данных, в по-детски фантазийном строении гипотез, в примитивной и изолированной картине мира вообще, основанной очевидно на чем-то много более упрощенном, чем даже известная «онтология по умолчанию» прежних ученых.

Как нам уже доводилось ранее не раз писать, нездоровая, неумная искусственность интеллекта настигла нас много ранее сколь-либо правдоподобных попыток его собственно машинного моделирования – вследствие неудач и массовой культуры и, в первую очередь, образования.

И следует понимать, что место, по праву, по смыслу культуры, принадлежащее, но так и не занятое во внутреннем мире человека философией, в случае наличия хоть малой внутренней потребности в подобном будут стремиться занять ее недолжные подмены – эрзац-концепты дешевой масскультурной фантастики, магические и обрядоверческие конструкты, основанный на незнании нигилизм, псевдонаучные полубезумные конспирологические «гипотезы» и политико-идеологические верования грубого, крайнего, но привлекающего своей простотой и вызовом обществу толка. Вне базиса философии и родственного ей знания, критическая способность может ведь опереться только на расхожие мнения и врожденные инстинкты и вкус, ведь здравый смысл здесь, скорее, благоприобретенная, воспитанная и развитая способность.

Заключение. Пусть тезис Делёза и Гваттари о том, что не наука, но лишь философия владеет концептом как таковым [7, р. 33], быть может, чересчур радикален, он не лишен связи с истинным положением дел. Ведь, говоря о традиционно выделяемых, издавна институализированных составляющих создания и пребывания духовного – искусстве, науке, религии и самой философии, нельзя не отметить, что лишь последняя способна к концептуализирующему

контакту со всеми остальными, и существование философской эстетики, философии религии и философии науки есть тому доказательством.

И данная же соотнесенность закономерно воспроизводится в духовном мире индивидуума, разумеется, достаточно развитого для действительной причастности его к великим областям.

Обладая интегрирующим универсализмом и имея в пределе собственно своим предметом само бытие, философия преобразует мир, в том числе и через духовный мир человека, включая личное его измерение, индивидуальное ведь не подразумевает социально атомизированное.

И преподавание этой универсалии духовного просто не может не быть одной из важнейших задач университета.

Литература

1. Fromm, E. *Marx's Concept of Man* / E. Fromm. – New York: Frederick Ungar Publishing Co., 1971. – 263 p.
2. Marcuse, H. *Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud* / H. Marcuse. – New York: Vintage Books, 1955. – 256 p.
3. Milton, J. *Paradise Lost. A Norton Critical Edition* / J. Milton; G. Teskey (Ed.). – New York; London: W.W. Norton & Company, 2005. – 591 p.
4. Ростовская, О.М. *Человек перед лицом истории: монография* / О.М. Ростовская, А.С. Табачков; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 151 с.
5. Табачков, А.С. *Рассуждение об эстетическом воспитании: монография* / А.С. Табачков, Н.В. Щепеткова. – М.: Мир науки, 2025. – URL: <https://izd-mn.com/PDF/09MNNPM25.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Табачков, А.С. *Метагеоретическая репрезентация исторического прошлого* / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2009. – 242 с.
7. Deleuze, G. *What is Philosophy?* / G. Deleuze, F. Guattari. – New York: Columbia University Press, 1994. – 253 p.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Роль философских моделей в интеграции социогуманитарного знания

Уткевич В.А.*, Уткевич О.И.**

*Витебская духовная семинария, Витебск

**Учреждение образования «Витебский государственный
технологический университет», Витебск

Социально-гуманитарные науки изучают взаимодействие человека и общества, обращаются к мировоззренческим вопросам и вопросам познания. Одной из важнейших закономерностей развития познания является философское осмысление данного процесса.

Цель работы – анализ применения философских моделей для гносеологического синтеза социогуманитарного знания.

Материал и методы. *Эмпирической основой исследования является корпус социально-гуманитарных наук. Теоретической основой – философские произведения отечественных и зарубежных мыслителей в области феноменологии и моделирования. В работе использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, диалектический метод, сравнительный анализ, междисциплинарный подход.*

Результаты и их обсуждение. *Можно выделить четыре этапа синтеза социогуманитарного знания: первичный синтез; создание закона с последующим расширением области его гносеологического применения; интеграция первичных законов в некоторую социально-гуманитарную теорию; синтез сопоставимых теорий.*

Заключение. *Философские модели играют ключевую роль в интеграции социогуманитарного знания, способствуя более глубокому пониманию сложных социальных явлений и процессов. Философия обеспечивает методологическую основу для критического осмысления и синтеза различных подходов, что позволяет формировать целостные концептуальные рамки гносеологического процесса.*

Ключевые слова: *гносеология, модель, образование, социогуманитарное знание, философия.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 87–90)

The Role of Philosophical Models in the Integration of Social and Humanitarian Knowledge

Utkevich V.A.*, Utkevich O.I.**

*Vitebsk Theological Seminary, Vitebsk

**Education Establishment "Vitebsk State Technological University", Vitebsk

Social and humanitarian sciences study the interaction of man and society, address ideological issues and issues of knowledge. One of the most important patterns of development of knowledge is the philosophical understanding of this process.

The aim of the work is to analyze the application of philosophical models for the epistemological synthesis of social and humanitarian knowledge.

Material and methods. *The empirical basis of the study is the corpus of social and humanitarian sciences. The theoretical basis is the philosophical works of domestic and foreign thinkers in the field of phenomenology and modeling. The work uses such general scientific methods as analysis and synthesis, dialectical method, comparative analysis, interdisciplinary approach.*

Findings and their discussion. *Four stages of the synthesis of social and humanitarian knowledge can be distinguished: primary synthesis; creation of a law with subsequent expansion of the area of its epistemological application; integration of primary laws into some social and humanitarian theory; synthesis of comparable theories.*

Conclusion. *Philosophical models play a key role in the integration of social and humanitarian knowledge, contributing to a deeper understanding of complex social phenomena and processes. Philosophy provides a methodological basis for critical understanding and synthesis of various approaches, which allows for the formation of a holistic conceptual framework for the epistemological process.*

Key words: *epistemology, model, education, social and humanitarian knowledge, philosophy.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 87–90)

Социогуманитарное знание – это область исследований, которая объединяет социальные и гуманитарные науки. Оно ставит своей задачей изучение взаимодействия человека и общества, культурных, исторических, политических, экономических аспектов человеческой жизни, а также обращается к мировоззренческим вопросам и вопросам познания. Одной из важнейших закономерностей развития познания является философское осмысление названного процесса. Актуальность темы исследования во многом детерминирована тем, что в социально-гуманитарных науках широко применяются философские модели. Чем дальше развивается данная гносеологическая тенденция, тем острее становятся мировоззренческие и методологические проблемы. Успехи применения философских моделей связаны не только с совершенствованием гуманитарного познания, но также и с прогрессом философского моделирования.

Цель статьи – анализ применения таких моделей, которые способствуют гносеологическому синтезу социально-гуманитарных знаний.

Материал и методы. Эмпирической основой работы является корпус социально-гуманитарных исследований, представленных в современной системе образования. Теоретической основой – философские произведения отечественных и зарубежных мыслителей в области феноменологии и моделирования. В работе использованы такие общенаучные методы, как анализ и синтез, диалектический метод, сравнительный анализ, междисциплинарный подход.

Результаты и их обсуждение. Предварительно необходимо отметить, что в отечественной гуманитарной науке определение самого термина «модель» было впервые приведено российским исследователем В.А. Штоффом, который полагал, что «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [1, с. 19] Как мы видим, в рамках данного определения приведенный термин понимается в первую очередь в гносеологическом смысле.

Любая применяемая в исследованиях модель строится при помощи некоторых теоретических принципов и находит свое практическое воплощение через определенные выбранные средства. Модель, построенную на принципах философских теорий и реализуемую философскими методами, мы будем в дальнейшем называть «философской моделью». Философская модель имеет ряд существенных отличий от других видов моделей. Во-первых, с ее помощью синтезируются различные формы знания (как научные, так и вненаучные) в такую целостную систему, которую нельзя построить с помощью других видов познания. Тем самым, становится очевидным, что именно философское знание является основой и фундаментом образовательного процесса. Такого мнения придерживался известный немецкий мыслитель, основатель философской герменевтики

Х.-Г. Гадамер, который в работе «Истина и метод» определил подлинное образование как подъем ко всеобщему, что является задачей человека, и что может дать именно философия [2, с. 54].

Во-вторых, в гносеологическом отношении философия, а, следовательно, и построенные с ее помощью модели, являются метаязыком всех наук, что открывает возможность в качестве такового использовать общие принципы понятийного мышления. В-третьих, философия занимает необходимую позицию «над», поскольку, с одной стороны, не является наукой в том смысле, которое выражается с помощью английского слова *since* и, с другой – не есть чисто гуманитарным знанием (тем, что называют *humanity*). Именно благодаря этому, философские модели в состоянии преодолеть существенные недостатки и принципиальную гносеологическую ограниченность всех иных видов моделей. В-четвертых, любая философская модель строится на некоторых слагаемых, носящих философский смысл, однако сами эти слагаемые одновременно являются первичными моделями действительности. Таким образом, философские модели представляют собой сложную интегративную систему, состоящую из первичных моделей. В-пятых, философские модели имеют выраженное аксиологическое содержание. Конечно, подобного рода содержанием обладают, по существу, все гуманитарные науки, но в них оно лишь составляющая часть, а не всеобщая универсальная характеристика. Философия же обобщает все ценности, выработанные человечеством, предлагая их в качестве некоторых аксиологических ориентиров для практического использования.

Любая социально-гуманитарная дисциплина свое творческое развитие осуществляет с помощью двух диалектически взаимосвязанных процессов: интеграции и дифференциации. Причем, первый из них наиболее важен для поступательного движения гуманитарного знания. Дело в том, что все большие шаги и открытия в нем во многом были определены процессами синтеза знаний. Отметим, что в современной литературе не существует четкого различия между такими понятиями, как «интеграция» и «синтез» в их гносеологическом понимании. В дальнейшем мы будем использовать данные понятия в качестве семантических синонимов.

Основой интеграции всего научного знания является единство мира, понимаемое в самых разных контекстах, от чисто материального до духовного. Например, с христианской точки зрения такое единство существует благодаря тому, что весь мир (как об этом было сказано в первой книге Библии «Бытие») был сотворен Богом. Таким образом, научное познание в состоянии тождественно объединить отдельные гносеологические элементы в некоторую концептуальную целостность лишь только в том случае, когда эта целостность уже существует в изучаемой действительности. Важно, что, будучи объективной предпосылкой синтеза знания, единство мира еще

не является достаточным условием существования этого синтеза. Необходимо соблюдение ряда других гносеологических условий. С нашей точки зрения, важнейшее из таких условий – наличие истины в знаниях. Отметим, что традиционно, в особенности для учебных задач, считается, что наука дает истинные знания о мире, по крайней мере частично истинные. Однако многие ученые-естествоиспытатели, используя именно философские аргументы, не были согласны с данной точкой зрения. Так, например, профессор А.И. Осипов в своей работе «Путь разума в поисках истины» приводит высказывания таких крупнейших отечественных и зарубежных ученых, как Л.С. Берг, В.И. Вернадский, В. Гейзенберг, Р. Оппенгеймер, П.В. Копнин, Р. Фейман, А. Эйнштейн и др., которые подтверждают, что вышеперечисленные мыслители считают естественнонаучное знание не только ограниченным, но и во многом условным. Продолжая мысль и обращаясь к иным сферам познания, А.И. Осипов отмечает: «В таком случае, естественно возникает вопрос: может ли что-то достоверное сказать наука по проблемам духовного порядка, которыми она вовсе не занимается?» [3, с. 129]. В рамках данного исследования мы не будем оспаривать приведенную точку зрения, а только лишь укажем на ее существование.

Важно то, что именно философия, в силу специфических особенностей языка выражения способна давать истинное знание. Уже первый философ (называвший себя этим словом), древнегреческий мыслитель Платон в знаменитом диалоге «Кратил» высказал мысль о том, что, если наименование объектов совершено правильным образом, то есть имена объектов полностью соответствуют им, то изучение имен дает возможность получения истинных знаний о прототипах. Именно те слова-наименования, на основе которых строятся философские модели, позволяют с их помощью получать (в наиболее возможной для человека степени) адекватные знания о мире.

Вернемся теперь к определению понятия модели. Как уже отмечалось, модель обладает в первую очередь гносеологическим смыслом. Однако при помощи самих философских моделей человек не в состоянии непосредственно получать новые знания о прототипах. Напротив, сами модели строятся на основе уже полученных знаний. Новые знания возникают благодаря применению философских моделей как некоего первоначального «образа мира». С помощью такого своего свойства они могут быть использованы и используются в качестве методологического основания для всего познания, в том числе социально-гуманитарного.

Можно выделить четыре этапа синтеза социогуманитарного знания. Отметим, что первичный синтез характерен для научного познания в целом. Он находит свое практическое воплощение на стадии зарождения каждой науки. На этой стадии происходит синтез первичных эмпирических данных в некоторую концеп-

туальную систему. Конечно, в естественных науках (а зачастую и в социально-гуманитарных) вышеназванный синтез осуществляется с помощью математических методов. Однако, прежде чем применять математику, предварительно необходимо выбрать из всей совокупности эмпирических данных именно те, которые необходимы для процесса синтеза на определенном этапе. Во многом данный синтез базируется на философских основаниях. По существу, мы имеем дело с применением предварительных философских моделей. Несколько однородных либо неоднородных (а порой даже и несовместимых) эмпирических данных оказываются тесно взаимосвязанными между собой именно посредством философских моделей. В этом случае возможности, возникающие перед учеными, во многом детерминированы существованием глубокой теоретической схемы, носящей философский характер, внутри которой эмпирические данные находятся в гармоническом единстве. Итак, первый этап интеграции является этапом первичного, по существу, еще до-теоретического синтеза.

Второй этап – это создание некоторого социогуманитарного закона, с последующим расширением области его гносеологического применения. Он характеризуется созданием именно феноменологических законов. Как отмечал немецкий философ М. Хайдеггер в работе «Бытие и время»: «Термин “феноменология” выражает максимум, которая таким образом может быть сформулирована “к самим вещам”» [4, с. 27]. Именно к самим вещам и обращены философские феноменологические законы. Сущность таких законов сводится не только к некоторому упорядочиванию опытных данных, но и к выявлению сущностной взаимосвязи между ними, а также введенными теоретическими семантическими единицами. Естественно, что закон должен выражать существование некоторой общей взаимосвязи. Благодаря этому, в его содержательной основе лежит некоторая философская модель действительности, которая не только способствует упорядочиванию эмпирических результатов, но также и их семантическому осмыслению, именно в качестве общей закономерности.

Отметим, что на конкретном этапе интеграции используются два типа философских моделей. Это модели в некой определенной сфере (например, модель человека), и всеобщие модели – то есть философский образ мира. Первый тип моделей помогает соединить полученные опытные данные не с эмпирическими объектами, а с теоретическими. Второй тип служит для осмысления теоретического закона именно в качестве такового. Модель, представляющая всеобщий образ мира, является также гносеологическим критерием для отбора социально-гуманитарных понятий. Переход же закона, описывающего общую взаимосвязь явлений в некоторый технический инструментарий, с помощью которого вычисляются конкретные прикладные параметры, во многом осуществляется с помощью философских моделей первого типа.

Такой переход необходим в том числе и для того, чтобы социально-гуманитарное знание не являлось чисто умозрительным построением. Необходимо помнить, что главная форма, через которую осуществляется выражение теоретического закона, – это единичное явление. Кроме того, перевод эмпирического закона или формулы в ранг теоретического закона осуществляется с помощью экстраполяции радикального типа, то есть путем расширения области их значений.

Третий этап интеграции связан с синтезом первичных законов в некоторую социально-гуманитарную теорию. Несмотря на то, что философские модели не входят непосредственным образом в саму теорию (в нее входят именно первичные законы), они выражают смысловую ее детерминацию. Поэтому, как следствие, являются опосредованным способом интеграции социально-гуманитарного знания. Причем, теории формируются как на основе феноменологических законов, так и с помощью законов, построенных на основе гипотез. Последнее наиболее характерно для современной науки. Законы в этом случае не просто синтезируются в общую теорию, а, наоборот, теория строится как бы «сверху». Затем показывается, что на ее основе логическим образом уже выводятся уже известные законы. Причем в этом случае такой синтез осуществляется именно благодаря наличию асимптотического перехода основных положений (или уравнений) теории в частные законы.

На третьем этапе может происходить процесс концептуального выбора между конкурирующими теориями. Конечно, некоторые теории с самого момента своего зарождения практически не имели конкурентных. Кроме того, в роли конкурирующих первоначально могли выступать и такие теории, которые были изначально неадекватны по отношению к отображаемой ими действительности. В этом случае будет происходить не синтез конкурирующих теорий, а псевдосинтез, сущность которого заключается в простом отбрасывании ложной теории. Однако и в указанном случае философские модели – главное (но не единственное) средство такого псевдосинтеза. Наиболее четко это проявляется на примерах тех теорий, которые базируются на одинаковой эмпирической базе. Если с помощью данной базы невозможно провести процесс верификации или фальсификации теорий, то в определенных условиях процесс их оценки будет осуществляться с помощью философских моделей. Ученые выясняют, насколько теории соответствуют этим моделям. Отметим, что вся сложность выбора между конкурирующими теориями, опирающимися на одну и ту же экспериментальную базу, состоит в существовании конечного числа данных этой базы, а, следовательно, в принципиальной невозможности ее теоретического расширения. Кроме того, даже с помощью математических средств возможно построение совершенно различных формализмов, которые бы адекватно описывали полученные опытные результаты. Таким

образом, именно философские модели являются основным критерием адекватности выбора теории.

Четвертый этап интеграции социально-гуманитарного знания предполагает наличие сопоставимых теорий. Под сопоставимыми мы будем понимать такие теории, содержательные логические отношения между которыми уже выявлены, хотя бы и с помощью их ретроспективного анализа. Конечно, в силу единства мира, полностью несопоставимых адекватных теорий практически не существует. Некоторые данные о соотношении между двумя теориями возможно получить и при сравнении их научного содержания. Однако более точно выяснить, какие именно соотношения между ними существуют, возможно лишь с помощью лежащих в их основе философских моделей. С формально-логической точки зрения две сопоставимые теории могут находиться в следующих соотношениях: изоморфизма; гомоморфизма; логической, но не обязательно семантической эквивалентности; включения; частичного перекрытия.

Философия является не единственной смысловой интегративной формой социогуманитарного знания. В качестве других форм укажем, например, математику. В последнее время она стала широко применяться не только в естествознании и технических науках, но и в гуманитарных исследованиях, что связано с широким применением информационно-компьютерных технологий. На наш взгляд, развитие социогуманитарного знания (в том числе и связанное с интеграцией) в будущем станет определяться совместным применением философских и математических моделей. Это, возможно, будет способствовать созданию единой социогуманитарной теории.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что философские модели играют ключевую роль в интеграции социогуманитарного знания, способствуя более глубокому пониманию сложных социальных явлений и процессов. Философия обеспечивает методологическую основу для критического осмысления и синтеза различных подходов, что позволяет исследователям не только устанавливать взаимосвязи между различными аспектами человеческой жизни, но и формировать целостные концептуальные рамки гносеологического процесса

Литература

1. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – Москва: Наука, 1966. – 301 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Осипов, А.И. Путь разума в поисках истины (Основное богословие) / А.И. Осипов. – Москва: Даниловский благовестник, 1997. – 336 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Москва: Акад. проект, 2013. – 460 с.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Философское наследие профессора М.А. Слемнёва в актуальном социальном контексте

Ростовская О.М., Рыбаков В.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья приурочена к 55-летию юбилею кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова и посвящена одному из выдающихся представителей коллектива данного структурного подразделения – доктору философских наук, профессору М.А. Слемнёву.

Цель работы – обзор философского наследия Михаила Александровича с акцентом на темах, наиболее актуальных в современном социальном контексте.

***Материал и методы.** Материалом послужили работы М.А. Слемнёва, а также данные с сайта ВГУ имени П.М. Машерова. Используются методы анализа, синтеза, сравнения, интервьюирования; принципы системности и историзма.*

***Результаты и их обсуждение.** Профессиональная деятельность М.А. Слемнёва на кафедре философии и социальных наук включала период руководства кафедрой и постоянную преподавательскую и исследовательскую деятельность. Философское наследие профессора содержит научные труды по философии и методологии научного познания, по социальной философии и аксиологии, по вопросам преподавания философии и работы с молодежью.*

***Заключение.** Работы М.А. Слемнёва в современном социальном контексте сохраняют актуальность и значимость.*

***Ключевые слова:** М.А. Слемнёв, философия, актуальный социальный контекст, историческая память, белорусско-российская интеграция.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 91–94)

Philosophical Heritage of Professor M.A. Slemnev in a Relevant Social Context

Rostovskaya O.M., Rybakov V.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article is dedicated to the 55th anniversary of the Department of Philosophy and Social Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University and to one of the outstanding representatives of the team of this structural unit – Doctor of Philosophy, Professor M.A. Slemnev.

The purpose of the work is to review the philosophical heritage of Mikhail Aleksandrovich with an emphasis on topics that are most relevant in the modern social context.

***Material and methods.** The material was the work of M.A. Slemnev, as well as data from the site of Vitebsk State P.M. Masherov University. The methods of analysis, synthesis, comparison, interviewing were used as well as principles of system and historicism.*

***Findings and their discussion.** Professional activity M.A. Slemnev at the Department of Philosophy and Social Sciences included the period of leadership of the Department and constant teaching and research activities. The Professor's philosophical heritage includes works on the philosophy and methodology of scientific knowledge, on social philosophy and axiology, on the teaching of philosophy and work with young people.*

***Conclusion.** The works of M.A. Slemnev in the modern social context remain relevant and significant.*

***Key words:** M.A. Slemnev, philosophy, current social context, historical memory, Belarusian-Russian integration.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 91–94)

55-летняя история кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова – это, прежде всего, история философской, научной и педагогической деятельности людей, которые работали (и работают) на кафедре и чей труд по праву можно

назвать служением, в широком смысле служения как высшей степени преданности своим принципам и идеалам, своему делу и университету.

Одной из наиболее значимых фигур в истории кафедры является доктор философских наук, профессор Михаил Александрович Слемнёв.

15 ноября 2024 г. Михаилу Александровичу исполнилось 85 лет, из которых значительный период его профессиональной деятельности непосредственно связан с жизнью кафедры, ныне именуемой кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. В связи с этим целью данной статьи является обзор философского наследия профессора М.А. Слемнёва с акцентом на темах, наиболее актуальных в современном социальном контексте.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили опубликованные работы разных лет доктора философских наук, профессора М.А. Слемнёва, а также данные с официального сайта Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Используются методы анализа, синтеза, сравнения, интервьюирования; принципы системности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Тематика исследований профессора М.А. Слемнёва разнонаправлена: в его работах раскрывается гносеологическая, методологическая, социально-философская, аксиологическая проблематика; диапазон познавательных интересов простирается от естествознания до социально-исторического развития.

В 1970–1990-е годы – условно «первый период» – в философской биографии Михаила Александровича акцентированы вопросы научного познания, в частности, развития науки, научных теорий; свободы, творчества, методологии научно-познавательной деятельности (темы диссертаций: «Простое и сложное в природе и познании» – тема кандидатской диссертации (1971) и «Свобода творчества в научном познании» – тема докторской диссертации (1982) отражают соответствующую направленность научных интересов исследователя).

С 2000-х годов проблемное поле, в котором работал философ, расширилось, и в большей степени в сторону социально-философской направленности. Данный вектор исследовательской деятельности Михаила Александровича развивался в рамках руководства и реализации научных проектов, посвященных изучению специфики социокультурной реальности белорусско-российского приграничья: феномена «пограничного человека», образов России и Беларуси в контексте приграничья, ценностных ориентаций и особенностей исторического сознания как факторов приграничного сотрудничества, аксиологического измерения образа жизни населения (и, в частности, молодежи) как факторов интеграционных процессов в контексте строительства Союзного государства, в рамках государственных научных программ Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) с 2012 по 2017 г. и государственных программ научных исследований (ГПНИ) НАН Беларуси с 2016 по 2020 г.

Соответствующие темы сохраняют свою значимость в актуальных политических, социально-

экономических и социокультурных реалиях. Например, роль историко-идеологических аспектов в интеграционных процессах, о которых М.А. Слемнёв писал в 2016 г. в статье «Историческая память как фактор углубления белорусско-российской интеграции», становится в практическом плане более заметной и серьезной, особенно на фоне событий современного глобализирующегося мира в целом и геополитической ситуации в частности [1].

В работах данного периода особое место уделялось проблемам исторического процесса. Отдельные статьи посвящены исследованию сущности того или иного исторического феномена в рамках интеграционных процессов между Беларусью и Россией. К примеру, Михаил Александрович немало писал о феномене исторической памяти, рассматривая ее в большинстве случаев в качестве знаний, представлений и образов о прошлом – в широком смысле [2]. Практически в каждой работе социально-исторической направленности подчеркивалось непреходящее значение исторического прошлого в социальной реальности настоящего и в построении будущего. «Историческое событие», «исторический факт» и «символ» как предметы осмысления носили акцентный характер. Так, историческое событие определялось как нечто уже случившееся, свершившееся, произошедшее в динамической социальной реальности [3]; исторический факт интерпретировался и в качестве сходного с историческим событием, и как эмпирический, описательный, беспристрастный, насколько это возможно, холодно-протокольный, документальный образ исторического события в его феноменологической данности, внешней бытийности [4]. В целом, что касается различия понятий исторического события и исторического факта, то любое историческое событие, бытийность которого научно обоснована и доказана, вполне может считаться историческим фактом, однако не каждый исторический факт есть событие, являясь понятием более широким, несмотря на свою строгость, и, таким образом, историческое событие – это феномен онтологический, а исторический факт – гносеологический. Что касается символа, то он предстает образованием, сложившимся из совокупности исторических фактов – своеобразным синтезом образа события, или исторического явления, и его смысловых аспектов; «символ» в данном случае отсылает к проблеме интерпретации исторического процесса.

Исследование исторических символов, представлений и образов прошлого и настоящего (в частности и в виртуальной реальности) ведет к пониманию многих аспектов и межличностного взаимодействия, и межгосударственного, и международного, на что и указывал Михаил Александрович, рассматривая вопросы взаимодействия и интеграции народов Беларуси и России [5].

В статье «Историческая память и ее интегративные функции» автор приводил примеры того, как

историческая память народа, пережитый им исторический опыт и взгляд на прошлое влияют на построение отношений с другими государствами [2].

Более подробно этот вопрос рассмотрен в статье «Историческая память как фактор углубления белорусско-российской интеграции», где обращается внимание на то, что положительное представление о России у белорусского народа, особенно молодежи, при этом с адекватной оценкой истории, создает благоприятную почву для тесного сотрудничества, а социокультурные факторы являются более крепкими точками соприкосновения, нежели экономические или военные. Однако важно не только обратить внимание на благоприятные для сотрудничества условия, но и сохранить их, для чего необходимо активное взаимодействие между государствами в сфере молодежной политики [1].

Михаил Александрович в статье «Молодежный вектор строительства союзного государства Беларуси и России» отмечал, что одним из главных приоритетов молодежной политики должна стать сфера образования, исторического особенно, ведь именно эта сфера формирует образ прошлого, а соответственно влияет на дальнейшие действия, гражданскую позицию и активность деятельности молодого поколения [6]. И сейчас очевидно, что вопросы молодежной политики остаются в приоритете. Сотрудничество между Беларусью и Россией возрастает, продолжают развиваться многие интеграционные проекты, созданные ранее, появляются новые, увеличивается совместная экономическая активность в сфере импортозамещения, где ярко и отчетливо видна значимость регулирования социокультурных процессов, которые исследовал профессор М.А. Слемнёв.

Также, затрагивая тему молодежи и образования, важно подчеркнуть, что Михаил Александрович, являясь не только философом, исследователем, но и преподавателем философии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, был заинтересован в активном изучении указанной дисциплины студентами, о чем свидетельствуют его работы. Например, в статье «Формирование интереса студентов к изучению философии» автор рассматривал понятие интереса, проблему формирования интереса к философии у студентов, акцентируя внимание на необходимости периодического обращения не только к абстрактному, но и к чувственно-эмпирическому уровню познания ввиду того, что на данном уровне современные студенты воспринимают материал лучше, тем не менее чрезмерное его использование не даст положительного результата; указывал, что формирование интереса к изучению философии, как и любой иной дисциплины, крайне важно, ведь только при его наличии студент будет во время самостоятельной подготовки осознанно работать с материалом [7].

Одним из наиболее исследованных М.А. Слемнёвым подходов для формирования интереса к изучению философии, а также способом активизации

чувственно-эмпирического уровня познания является использование литературно-художественных образов, о чем он писал в статье «Функции литературно-художественных образов в преподавании философии» [8]. Автор рекомендовал использовать такой прием с осторожностью, предупреждая, однако, что при правильном подходе он позволит наглядно и в более простой форме объяснить сложные философские темы, к тому же его можно использовать не только в преподавании философии, но и в самом философском творчестве. Так, многие известные философы выражали свои идеи не только в научных трактатах и эссе, но и в художественном творчестве, как, например, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю. Стоит отметить, что данный подход может оказаться эффективным не только в преподавании философии, но и других гуманитарных дисциплин.

Заключение. Своим творчеством доктор философских наук, профессор Михаил Александрович Слемнёв показал, что философия способствует прогрессивному развитию личности, позволяет сформировать полученные знания о природе, обществе и человеке в систему, ставить и решать актуальные вопросы, находясь в исторической динамике на острие времени.

За весь период своей активной философской, научной и преподавательской деятельности Михаил Александрович накопил богатейший опыт, который в значительной мере отражен в его публикациях.

В современных условиях развития Республики Беларусь особого внимания среди работ профессора М.А. Слемнёва заслуживают его исследования белорусско-российского пограничья и белорусско-российских интеграционных отношений, в которых подчеркивается значимость исторической памяти, образов и символов, сформировавшихся в историческом процессе, для долгосрочного сотрудничества двух государств. Ввиду важности сохранения гуманитарной составляющей образования – мировоззренческого, аксиологического, этического, общеметодологического компонентов в обучении и воспитании студенческой молодежи, сохраняют приоритетную роль работы, посвященные вопросам преподавания философии, вовлечения студентов в сферу философской мысли и познавательный процесс, в процесс интеллектуального теоретического и практического освоения и преобразования действительности на принципах разумности, взаимоуважения, социальной справедливости.

В целом значимость изучения работ профессора М.А. Слемнёва обусловлена тем, что они представляют собой материал, который может быть применен в политике, в общественной, образовательной и культурной сферах современного белорусского общества, а также имеют потенциал для того, чтобы служить базой для дальнейших научных исследований в области философии, социологии, политологии, политэкономии, истории, культурологии, позволяя тем самым находить или дополнять комплексные решения ряда проблем современности.

Литература

1. Слемнёв, М.А. Историческая память как фактор углубления белорусско-российской интеграции / М.А. Слемнёв // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXI(68) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11–12 февр. 2016 г.: в 2 т. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2016. – Т. 1. – С. 320–322. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/8012>.
2. Слемнёв, М.А. Историческая память и ее интегративные функции / М.А. Слемнёв // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы междунар. науч.-практ. заоч. конф., Витебск, 2 февр. 2017 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2017. – С. 114–119. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/10025>.
3. Слемнёв, М.А. События исторического прошлого как объект символической репрезентации / М.А. Слемнёв // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию ист.факультета ВГУ имени П.М. Машерова, Витебск, 26–28 апр. 2018 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2018. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/16458>.
4. Слемнёв, М.А. Исторический факт: онто-гносеологическое измерение и символический потенциал / М.А. Слемнёв // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»: сб. науч. ст. – 2018. – Т. 26. – С. 142–147.
5. Слемнёв, М.А. Белорусско-Российское приграничье как объект комплексного научного исследования / М.А. Слемнёв // Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации: материалы междунар. науч.-практ. конф., 27 мая 2011 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2011. – С. 97–99.
6. Слемнёв, М.А. Молодежный вектор строительства Союзного государства Беларуси и России / М.А. Слемнёв // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2019. – С. 252–256. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/18538>.
7. Слемнёв, М.А. Формирование интереса студентов к изучению философии / М.А. Слемнев // Педагогические инновации: традиции, опыт, перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 12–13 мая 2011 г. / М-во образования Респ. Беларусь, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»; [редкол.: Н.А. Ракова (отв. ред.), А.А. Воронова, Н.К. Зинькова [и др.]]. – Витебск, 2011. – С. 129–131. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/14191>.
8. Слемнёв, М.А. Функции литературно-художественных образов в преподавании философии / М.А. Слемнёв // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы междунар. науч.-практ. online-конф., Витебск, 6 дек. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2019. – С. 83–86. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/19588>.

Поступила в редакцию 17.04.2025

Уникальная масса как продукт неолиберальной политики западного общества

Голубев В.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Трансформация западного общества, связанная в основном с научно-техническим прогрессом, развитием массовой культуры и доминированием ценностей потребления обусловила в дальнейшем возникновение философии постмодерна, основным маркером которой является идея отсутствия единого концепта истины и отказа от единых ценностей и идей. Произошла трансформация субъектов общественной жизни, что проявилось в формировании такого социального феномена, как «уникальная масса».

Цель статьи – анализ социальных процессов, результатом которых становится формирование нового для существующей типологии типа массы.

Материал и методы. *В качестве материала использованы работы ведущих для своего времени философов (Х. Ортеги-и-Гассета, Ж. Бодрийяра, Ф. Лиотара), а также материалы средств массовой информации, посвященных данной проблеме. Методами исследования являются анализ, индуктивный и дедуктивный методы, синтез.*

Результаты и обсуждение. *В XX веке в научный оборот было введено понятие «масса», что, означало «совокупность людей, которые ни в добре, ни в зле не чувствуют себя отличными от других». При этом на Западе нередко противопоставлялись понятия «масса» и «общество»: масса применялось к «обществу за железным занавесом», а общество – к странам западных демократий (при этом намеренно замалчивался тот факт, что западные общества также являли собой массу). Происходила трансформация трактовки и самих ценностей. Если ранее в западном мире понятие «свобода» отражало состояние общества, противоположное понятиям «коммунизм» и «тоталитаризм», то в конце XX века понятие «свобода» стало отождествляться со «вседозволенностью». Это вылилось в дальнейший отказ от прежних ценностей и норм под предлогом отказа от «диктата большинства». Человеку внушается необходимость отличаться от окружающих, наличие психических и психологических расстройств преподносится как норма и уникальность.*

Заключение. *Таким образом, в начале XXI века мы можем говорить о новом сформировавшемся виде массы как части общества – массе уникальной. В XXI веке стремление к уникальности во многом достигло своего абсурда, когда под понятие «уникальность» стали попадать психические и психологические отклонения.*

Ключевые слова: ценности, уникальность, масса, отклонение, нормы, постмодернизм.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 95–99)

Unique Mass as a Product of Neoliberal Policy of Western Society

Golubev V.A.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The transformation of Western society, associated mainly with scientific and technological progress, the development of mass culture and the dominance of consumer values, later led to the emergence of postmodern philosophy, the main marker of which is the idea of the absence of a single concept of truth and the rejection of uniform values and ideas. There was a transformation of subjects of public life, which was manifested in the formation of such a social phenomenon as the “unique mass”.

The purpose of the article is to analyze social processes that result in the formation of a new type of mass for the existing typology.

Material and methods. *The material used is the works of leading philosophers of their time (J. Ortega y Gasset, J. Baudrillard, F. Lyotard), as well as media materials devoted to this problem. The research methods are the method of analysis, inductive and deductive methods, synthesis.*

Findings and their discussion. *In the 20th century, the concept of “mass” was introduced into scientific circulation, which meant “a group of people who do not feel different from others in good or evil”. At the same time, in the West, the concepts of “mass” and “society” were often contrasted: the mass was applied to the “society behind the Iron Curtain”, and society - to the countries of Western democracies (while the fact that Western societies also represented a mass was deliberately hushed up). A transformation in the interpretation of the values themselves took place. If earlier in the Western world the concept of “freedom” reflected the state of*

society, opposite to the concepts of “communism” and “totalitarianism”, then at the end of the 20th century the concept of “freedom” began to be identified with “permissiveness”. This resulted in a further rejection of previous values and norms under the pretext of rejecting the “dictatorship of the majority”. A person is instilled with the need to be different from others, the presence of mental and psychological disorders is presented as the norm and uniqueness.

Conclusion. *Thus, at the beginning of the 21st century, we can talk about a new formed type of mass as a part of society – a unique mass. In the 21st century, the desire for uniqueness has largely reached its absurdity, when the concept of “uniqueness” began to include mental and psychological deviations.*

Key words: *values, uniqueness, mass, deviation, norms, postmodernism.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 95–99)

Трансформация, в первую очередь, западного общества, связанная в основном с научно-техническим прогрессом, развитием массовой культуры и доминированием ценностей потребления обусловила в дальнейшем возникновение философии постмодерна, основным маркером которой является идея отсутствия единого концепта истины и отказа от единых, формирующих общество норм, ценностей и идей. Параллельно с этим делался упор на отказ принятия личностью собственных ценностей и «уникальности» взамен «навязываемых». Произошла трансформация субъектов общественной жизни, что проявилось в формировании такого социального феномена, как «уникальная масса».

Целью статьи является анализ социальных процессов, результатом которых становится формирование нового для существующей типологии типа массы.

Материал и методы. В качестве материала использованы работы ведущих для своего времени философов (Х. Ортеги-и-Гассета, Ж. Бодрийяра, Ф. Лиотара), а также материалы средств массовой информации, посвященных данной проблеме. Методами исследования являются анализа, индуктивный и дедуктивный методы, синтез.

Результаты и обсуждение. В XX веке в научный оборот было введено понятие «масса», которое, по мнению его инициатора Х. Ортеги-и-Гассета, означало «совокупность людей, которые ни в добре, ни в зле не чувствуют себя отличными от других» [1, с. 19]. Несмотря на то, что данный термин использовался и ранее (К. Марксом и В.И. Лениным, например), в современном его толковании он применяется благодаря работе «Восстание масс». Первоначально под ним понималась большая часть общества, не принадлежащая к слою элит, затем целенаправленно формируемая часть общества, нацеленная на потребление [2].

Позже под «массой» в творчестве писателей-антиутопистов понималось общество в тоталитарном или авторитарном государстве (например, в произведениях Дж. Оруэлла). При этом нередко противопоставлялись понятия «масса» и «общество»: первое применялось к «обществу за железным занавесом», а второе – к странам западных демократий (при этом намеренно замалчивался тот факт, что западные общества также являли собой массу). Вместе с тем для обозначения понятия общества использовались слова-маркеры «свобода», «демократия», «возможности»,

для обозначения массы – «коммунизм», «война», «подавление». В общем и целом вышеописанная трактовка сохранялась приблизительно до второй половины 1980-х годов.

Одновременно с этим общество потребления XX века во многом существовало благодаря тому, что довольно активно манипулировало словом «уникальность». Играя на человеческом желании быть впереди и быть лучше (других), массовая культура транслировала свои артефакты зачастую как образец уникальности, умело используя слова «элита» и «элитный» (элитный коньяк, элитный бренд и т.д.), создавая искусственную цену своих произведений для того, чтобы подкрепить данный ярлык. То есть человеческое желание выделиться, примкнуть к «лучшим» помимо естественного, стимулировалось искусственно. Одновременно создавался образ того, кого или что можно считать лучшим.

Для стран Восточной Европы и социалистического блока конец XX века ознаменовался крушением прежней системы ценностей, биполярного мира, коммунистической идеологии и установлением нового общественного строя. Слова «свобода», «демократия», «рынок» буквально заполняли собой полосы постсоветских газет. Западная социально-философская мысль также была опьянена победой западных ценностей и окончания истории, представлявшейся вечной борьбой претендующих на господство идей. Тем не менее и сами ценности значительно трансформировались. Несмотря на сохранение прежних понятий, их содержание уже имело несколько иную наполненность. Если, например, ранее в западном мире понятие «свобода» отражало некое состояние общества, противоположное по смыслу понятиям «коммунизм» и «тоталитаризм», то уже в конце XX века понятие «свобода» стало все больше приближаться к понятиям «беспредельность» и «вседозволенность». Однако это не относилось к экономической стороне жизни. Оно стало все больше и больше относиться к жизни социальной, к активному состоянию личности. Мы здесь не будем подробно останавливаться на трактовке понятия «вседозволенность». Обратим внимание на анализ причин данной трансформации.

Самой важной из них, пожалуй, будет являться развитие философии и состояние общества в целом под названием «модерн», возникших еще XIX веке. По мере их развития со свойственными для них

(пока еще) строгостью и структурированностью, уже начинает проследиваться идея бунта против каких-либо социальных норм, рамок, законов и запретов, постепенно трансформировавшая модерн (или модернизм) в постмодернизм. Совпадение вышеописанных процессов совпало с кризисом в странах социалистического блока, поэтому данные процессы зачастую отождествляют. По итогу мы можем сказать, что борьба против социальных рамок как «инструментов насилия» привела к идее о невозможности существования концепции «единой истины» и «всеобщей правды» [3].

Отсюда делаем вывод, что происходит одновременная трансформация понятий «свобода», «истина», «насилие», и к началу XXI века данные понятия стали означать: свобода – от любых социальных норм и ограничений, насилие – любая форма социального контроля. С одной стороны, это можно считать подтверждением теории постмодернистов об окончании существования массы как феномена XX века, являвшейся, по их мнению, признаком диктата политических или (и) экономических элит. Появление различных течений, выступающих за свободу и права различных меньшинств и социальных групп, в глазах обывателя может считаться весомым тому подтверждением. Однако не все есть так, как оно кажется на первый взгляд. Действительно, доминирование неолиберальных ценностей привело к размыванию и разрушению прежних социальных норм, устоев, общественных рамок под предлогом избегания обобщения и учета индивидуальности [4]. Но, с другой стороны, возникает парадокс, о котором открыто говорят многие философы. Если не существует единой истины, и вместо нее вводится концепция множества истин (т.е. ни одно мнение не может являться истинным для всех), то и само данное утверждение постмодернистов не может являться истинным и быть общепринятым. Вместе с тем в данном случае произошло с точностью до наоборот. Постмодернизм не принял и не принимает иных точек зрения и толкования (кроме собственной). То есть понимать вышеупомянутые термины для постмодерниста следует с позиции исключительно постмодернизма. В первую очередь, данная тенденция нашла отражение в искусстве. Если ранее для того, чтобы петь, рисовать, сочинять и писать, требовались определенные навыки, а автор соответствовал необходимым критериям, то на современном этапе философия постмодернизма провозглашает автором того, кто создает вне зависимости от его умений и таланта. Отсюда мы имеем дело с исполнителями «без голоса», художниками «без взгляда», музыкантами «без слуха». Иначе говоря, плевков краской на холст, куча мусора посреди комнаты или приклеенный скотчем на стену банан начинают восприниматься как искусство, становясь, таким образом, в один ряд с античными статуями и картинами эпохи Возрождения. Объясняется это все довольно просто – каждый,

имеет право выражать свою идею, каждый свободен выражать себя так, посчитает нужным. Мы понимаем, что каждый человек уникален сам по себе и имеет самоценность. Тем не менее соответствующая идея может стать тем самым средством внушения и манипулирования, подменяя определенные понятия и искажая содержание основных ценностей. Здесь следует обратить внимание, что само понятие «уникальность» скорее подменяет понятия «болезнь», «отклонение», что придает вторым возможность оправдывать любые действия индивида.

Каким же образом такая концепция отразилась во взглядах на общество? Мы уже упоминали ранее возникновение новых и очередной всплеск прежних «освободительных» движений, отстаивающих чьи-либо права. Однако для того, чтобы отстаивать чьи-то права, их, следуя логике, нужно как-то нарушить. Отсюда можно наблюдать «иллюзию диктата», в которой ревнители прав определенных меньшинств стремятся убедить как можно большее число людей в нарушении этих самых прав. Дело в том, что цели, которые ставили перед собой различные социальные и политические движения начала XX века, в XXI веке оказались де-факто достигнутыми. Поэтому необходимо было ставить перед собой иные цели, прикрываясь прежними идеями. К примеру, четвертая волна феминизма на сегодняшний день крайне мало имеет общего с изначальными целями движения [5]. Параллельно возникало стремление вводить в рамки нормы то, что ранее находилось за ее рамками, заменяя термин «отклонение» понятием «уникальность». Действительно, проявление однополюсного влечения в большинстве своем рассматривалось как отклонение от нормы (психической, физиологической и природной в целом). Отсюда во многих политических кругах Запада заговорили о «диктатуре большинства», принимающей рамки существования общества без учета мнения и пожелания меньшинств. Иными словами, поставлен был вопрос: «Почему нормы здоровья принимаются теми, кто считается здоровым?».

Все это вылилось в дальнейший постепенный отказ от прежних ценностей и норм под предлогом либерализации общества и отказа от «диктата большинства». Проявлялось это как в абсурдных постановлениях правительств, так и в вызывающих множество вопросов программах инклюзивности. Например, в образовательной среде подрастающему поколению на уроках полового воспитания постепенно прививают понимание того, что однополюсные отношения есть не только норма, но и преимущество, поскольку выражают индивидуальность и уникальность человека, что, к счастью, не всегда находит одобрение [6]. То есть с детского возраста человеку внушается необходимость отличаться от «серой массы» окружающих его людей, наличие психических и психологических расстройств преподносится как норма и даже необходимая уникальность. Например, занятие квадробингом еще 10 лет назад считали

бы психическим и психологическим отклонением. На сегодняшний день существует множество программ обучения квидробике, где «тренер» одновременно объясняет юному «спортсмену» о его уникальности и индивидуальности по отношению к его сверстникам. Результатом может стать действительная утрата человеком осознания себя как человека и социальная опасность [7]. Причин, по которым дети увлекаются квидробикой и желают стать фурри, много, однако все их можно свести к одной – они желают отличаться от других (людей) и в данном занятии видят что-то уникальное для себя.

Западное общество XXI века постепенно подвело человека к тому, что ощущение человеком себя «не в своем теле» теперь является поводом к операционному вмешательству и биологической коррекции, а не психическим расстройством; педофилия – не опасной психической болезнью, а сексуальным предпочтением человека. Мы не будем углубляться в варианты определения понятия «здоровье», нас будет интересовать иное в связи с вышеописанным: каким образом мы можем истолковать происходящее и что по факту за этим скрывается?

Выше мы отмечали, что масса как совокупность людей, объединенных коллективными ценностями, представлениями и потребностями, становится объектом критики представителей постмодернизма и неолиберальных ценностей, поскольку ассоциируется с диктатурой и коммунизмом. Вместо массы предлагается совокупность свободных индивидов, исповедующих собственные ценности и принимающие ценности других. Однако по факту получается то, что мы можем назвать «перевернутый диктат»: вместо истинного плюрализма западное общество получило еще более жесткую диктатуру постмодернизма и неолиберализма, порой доходящую до абсурда. Другими словами, нормы и рамки не исчезли. Но в роли норм теперь выступают различные отклонения, и нормы эти еще более суровы, нежели те, что им предшествовали. То есть «уникальность», ранее считавшаяся отклонением, на сегодняшний день является тем, к чему следует стремиться каждому человеку. Помимо сложившихся в устоявшейся типологии видов массы XXI век сформировал абсолютно новый, одновременно непонятный и непонятый вид массы – массу уникальную. Уникальная масса состоит из множества индивидов, считающих себя исключительными и особенными по отношению к другим людям. Все же критерии уникальности, заданные новыми неолиберальными элитами, делают их настолько похожими друг на друга, что уникальным по отношению к ним становится человек, ранее считавшийся «обычным», «нормальным». Это находит отражение во многих сферах жизни общества. Например, новые требования теперь выставляются к оценке произведений искусства, где особое внимание уделяется не актерскому мастерству, передаче образа и сюжета, а гендерным ролям и психическим отклонениям.

Возможно, у обывателя может возникнуть вопрос «Ну и что? Ценности и нормы всегда изменялись, и XXI век не исключение». Действительно, нормы и ценности менялись в зависимости от эпохи. Однако никогда ранее они не были настроены на уничтожение общества. Закладываемая в сознание идея болезни как здоровья угрожает, в первую очередь, самому обществу, поскольку болезнь убивает организм. Рост числа однополых браков и распространение идей «чайлдфри» приводит к резкому сокращению рождаемости и росту количества опасных заболеваний; позиция «истинной истины» постмодернизма разрушает социальное единство, поскольку общество основывается, прежде всего, на чувстве принадлежности каждого его члена единому целому. Уникальная масса как феномен XXI века по своей характеристике является массой агрессивной, не терпящей инакомыслия, требующей признания ее исключительности и превосходства, презирующей нормы и рамки, одновременно будучи заключенной в них.

Возникает закономерный вопрос: если в этом наблюдается социальная деградация и виден риск, и даже угроза существованию общества, то, почему же в западных обществах это поощряется на самом высшем уровне? Здесь возможны разные ответы на данный вопрос. Не в последнюю очередь это связано с деградацией западных элит, живущих в иллюзиях собственного мира, возможно, это одна из новых форм социального контроля, когда-то описанных Г. Маркузе, либо же сознательный деструктивный акт.

Нам даже не следует углубляться, кто будет более исключительным в случае коллизии интересов различных «уникальных» групп, но, мы уже можем наблюдать, как «уникальная масса» неспособна противостоять массам т.н. «традиционного» формирования – религиозной, этнической, культурной. Уже в первые два десятилетия XXI века количество европейского населения в странах Западной Европы катастрофически снижается. Мы понимаем, что есть множество факторов, способствующих этому, но, и насаждение новых, чуждых здравому уму ценностей и формирование нового типа массы играет здесь не последнюю роль.

В этой связи следует отметить еще один важный момент: основной социально-демографической группой, составляющей на сегодняшний день эту самую уникальную массу, является молодежь. Это можно объяснить многими факторами. Во-первых, в силу жизненного опыта молодежь является наименее развитой социальной группой в интеллектуально-духовном плане. Во многом идет процесс ее становления, формирования, поэтому не все области знаний молодежью еще освоены. Новые стандарты и идея уникальности заполняет собой ту самую «пустоту», которая ранее заполнялась созидательными традиционными ценностями. Во-вторых, молодежь является основным потребителем в информационном поле, которое по своему содержанию, в свою

очередь, на нее и рассчитывается. И в-третьих, наиболее активно проявляет интерес к новым идеям, что в совокупности с «бунтарским духом» в переходном возрасте находит соответствующую поддержку со стороны идеи уникальности.

Необходимо задать еще один вопрос: почему под уникальностью в большинстве своем понимают какие-то низменные проявления человеческой сущности либо же какие-то отклонения? Ведь если у человека есть желание выделиться, его можно проявить в чем-то возвышенном, сложном и созидательном. Ответом может быть такой вариант: так гораздо проще. Для того, чтобы что-то создать, необходимо приложить определенное количество усилий. Человек же готов двигаться в данном направлении не всегда. Гораздо проще двигаться не по сложному, а по примитивному пути.

Заключение. Таким образом, в начале XXI века мы можем говорить о новом сформировавшемся виде массы как части общества – массе «уникальной». Начиная с появления общества потребления ничего более не объединяет людей как желание выделиться. В настоящее время стремление к уникальности во многом достигло своего абсурда, когда под понятие «уникальность» стали попадать психические и психологические отклонения. Стремление человека быть уникальным во многом совпадает с человеческой природой – идти по пути наименьшего сопротивления. Однако по своей сути, уникальность стала

тем самым важным фактором, формирующих людей в своеобразную массу, от которой желают отличаться, но становятся членами этой массовидной общности.

Литература

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Сб.: пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО Изд-во «АСТ», 2002. – 509 [3] с.
2. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М.: Изд-во «Республика», 1992. – 430 с.
3. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Коонец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. социологии; Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с. (серия «Gallicinium»).
5. Гнедаш, А.А. Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 1. – С. 64–89.
6. СБ Беларусь сегодня: государственное новостное издание [Сайт] / И. Барейко. – URL: <https://www.sb.by/articles/v-bryussele-protivniki-novogo-shkolnogo-predmeta-osekse-vyshli-na-demonstratsiyu.html> (дата обращения: 10.03.2025).
7. Новостное издание «Газета а42» [Сайт] / К. Рябинин. – URL: <https://gazeta.a42.ru/lenta/news/195444-v-rossiiskom-regione-izobrazayushhaya-sobaku-devocka-kvadrober-pokusala> (дата обращения: 10.03.2025).

Поступила в редакцию 25.04.2025

Очерк истории кафедры философии и социальных наук

Квашук В.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Статья приурочена к 55-летию юбилею кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова и посвящена ее истории и основным направлениям деятельности.

Материал и методы. *Материалами исследования послужили данные, предоставленные Народным музеем истории университета, с сайта университета, а также труды сотрудников кафедры. Используются методы анализа, синтеза, сравнения, принципы системности и историзма.*

Результаты и их обсуждение. *Кафедра философии и социальных наук является подразделением университета, прошедшим долгий путь становления и развития. Сотрудники кафедры ведут активную научную работу, отражающую изменения в социально-политической и других сферах жизни общества, и играют значимую роль в процессе обучения и воспитания студенческой молодежи.*

Заключение. *Кафедра философии и социальных наук хранит и преумножает традиции и развивается, учитывая вызовы и потребности современного белорусского государства в научно-исследовательской деятельности и в образовательном процессе.*

Ключевые слова: *кафедра философии, философия, историческая память, образование, научно-исследовательская деятельность.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 100–104)

An Essay on the History of the Department of Philosophy and Social Sciences

Kvashuk V.N.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is in honor of the 55th anniversary of the Department of Philosophy and Social Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University and is devoted to its history and main directions of work.

Material and methods. *The materials of the research are the following: the information provided by the Museum of University History, from the University website, as well as the works of the Department members. The methods of analysis, synthesis, comparison, principles of systematicity and historicism were used.*

Findings and their discussion. *The Department of Philosophy and Social Sciences is a department of the University, which has passed a long way of formation and development. Members of the Department conduct active scientific work, reflecting changes in social and political as well as other spheres of society, and play a significant role in the process of education and upbringing of student youth.*

Conclusion. *The Department of Philosophy and Social Sciences keeps and multiplies traditions and develops, taking into account the challenges and needs of the modern Belarusian state in research activities and in the educational process.*

Key words: *Department of Philosophy, philosophy, historical memory, education, research activity.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 100–104)

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова на сегодняшний день находится в числе ведущих учреждений высшего образования Республики Беларусь. Многолетняя история, славные имена выпускников, сохранение традиций и активное участие в жизни страны – в политико-идеологической, воспитательной, педагогической и научно-исследовательской деятельности объединяют машеровцев.

Одной из старейших кафедр университета является кафедра философии и социальных наук, история которой ведет свое начало с первых десятилетий работы учебного заведения, а в качестве отдельного структурного подразделения – с 1970 г.

В преддверии 55-летнего юбилея кафедры важно возобновить ее прошлое и обозначить тенденции нынешнего развития, что и составляет цель данной статьи.

Материал и методы. Материалом исследования послужила информация, предоставленная Народным музеем истории Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, а также размещенная на его официальном сайте, опубликованные труды сотрудников кафедры, материалы конференций и круглых столов, проводимых в университете в различные годы. Используются методы анализа, синтеза, сравнения, принципы системности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Нынешняя кафедра философии и социальных наук в своей истории имела разные названия и находилась в составе иных структурных подразделений университета.

По данным Народного музея истории университета установлено, что у истоков кафедры первоначально стояла кафедра социально-экономических дисциплин Витебского педагогического института, который, будучи реформированным 1 октября 1918 г. из открытого в Витебске в 1910 г. учительского института, стал первым высшим учебным заведением, действовавшим в Беларуси после Октябрьской революции, а в декабре 1934 г. удостоен имени С.М. Кирова. В основу работы кафедры социально-экономических дисциплин было положено решение вопросов эффективной организации учебного процесса, повышения идейного содержания читаемых курсов и методического мастерства преподавателей, совершенствования форм воспитательной работы. Важнейшей вехой в довоенной истории кафедры стало постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выходом “Краткого курса истории ВКП(б)”» (ноябрь 1938 года). В соответствии с постановлением в институте вводилось преподавание основ марксизма-ленинизма, а кафедра стала именоваться кафедрой марксизма-ленинизма. Возглавил реорганизованную кафедру доцент, кандидат философских наук Сурен Тумасович Аздуни [1]. В данный период уже сложился коллектив квалифицированных преподавателей, занятия по истории ВКП(б), ленинизму, политической экономии, диалектическому и историческому материализму велись директором института А.О. Колядой и другими специалистами в соответствующей области.

С началом Великой Отечественной войны институт прервал свою работу. С приближением фронта он был эвакуирован, здание института переоборудовано под военно-полевой госпиталь. Выпускники, студенты и преподаватели сражались с нацистами в составе Красной Армии, партизанских отрядов и подпольщиков. Среди удостоенных званий Героя Советского Союза известные выпускники – П.М. Машеров, К.А. Абазовский, М.А. Высогорец.

Осенью 1944 г. занятия в институте возобновились, несмотря на кадровый дефицит и продолжающиеся военные действия. В 1945 г. на кафедре работали только два преподавателя: Л.Б. Шалыт и А.Я. Пашуто. Руководил кафедрой профессор Федор Михайлович Марокко, по совместительству – заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Витебского ветеринарного института.

В самом начале восстановления института читался лишь курс основ марксизма-ленинизма. В 1946 г. на третьих курсах исторического и биолого-химического факультетов учебными планами было предусмотрено изучение политической экономии, читал этот курс В.С. Серафимов – руководитель лекторской группы обкома КПБ.

С февраля 1947 г. временно исполнял обязанности заведующего кафедрой М.М. Баренфельд, в апреле 1950 г. он был утвержден в этой должности Министерством высшего и среднего специального образования СССР [2]. Между тем объем работы кафедры увеличивался. Это было связано с ростом контингента студентов института и с введением новых курсов. С 1950 г. на всех факультетах в дополнение к курсам по основам марксизма-ленинизма и политической экономии введен курс диалектического и исторического материализма, что вызвало острую потребность в новых кадрах. Институт и кафедры оказывали помощь преподавателям, работавшим над диссертациями (творческие отпуска, командировки, годовичные прикомандирования к столичным высшим учебным заведениям и т.п.), что принесло свои плоды: в марте 1950 г. состоялась первая защита кандидатской диссертации у М.М. Баренфельда по экономическим наукам.

Также стали кандидатами наук В.Н. Шкиренко, Е.Л. Вяль, С.И. Губаревич и другие. Не все они остались работать в институте: В.Н. Шкиренко был выдвинут на должность заведующего кафедрой общественных наук в Витебский медицинский институт, С.И. Губаревич – на должность заведующего кафедрой политической экономии Белорусского института народного хозяйства. Но большинство остались работать в родном институте. Среди известных выпускников, посвятивших свою исследовательскую деятельность философии и общественным наукам, – профессор Б.К. Маркиянов, заведовавший кафедрой истории КПСС и научного коммунизма Витебского медицинского института; доцент С.Н. Корзюков, заведовавший кафедрой истории КПСС и политэкономии Витебского ветеринарного института; доцент М.Ф. Бородич, возглавлявший кафедру философии и научного коммунизма Витебского ветеринарного института; профессор М.А. Слемнёв, руководивший кафедрой марксистско-ленинской философии и научного коммунизма Витебского педагогического института имени С.М. Кирова; доцент А.А. Лазаревич – нынешний директор Института философии Национальной академии наук Беларуси.

В 1963 г. в связи с возросшим объемом работы, кафедра была разделена на две: кафедру истории КПСС и кафедру политической экономии и философии.

В 1970 г. с целью повышения уровня работы кафедр общественных наук института, а также в связи с необходимостью более равномерного распределения учебных поручений было принято решение о реорганизации [2]: открыты кафедра марксистско-ленинской

философии и научного коммунизма и кафедра истории КПСС и политической экономии.

С 1991 г. кафедра марксистско-ленинской философии и научного коммунизма носила название кафедры философии и являлась общеуниверситетской. В 2009 г. она включена в состав исторического факультета Витебского государственного университета (с преобразованием института 1 сентября 1995 г.) имени П.М. Машерова (с 21 января 1998 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь о присвоении университету имени знаменитого выпускника физико-математического факультета, белорусского партийного и государственного деятеля, первого секретаря ЦК Компартии Белорусской ССР, Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда).

Семью годами позже, в сентябре 2016 г. приказом № 240-К кафедра философии была переименована в кафедру социально-гуманитарных наук, а в 2020 г. приказом № 329-К от 28.08.2020 – кафедру философии и социальных наук, получив импульс в развитии и определению направлений деятельности структурного подразделения.

Отдельного внимания заслуживают заведующие кафедрой в период ее развития в качестве кафедры философской направленности как самостоятельного структурного подразделения института (а позже – университета): Е.Л. Вяль (1970–1976), Ф.С. Таратунский (1976–1982), М.А. Слемнёв (1982–1990), Э.И. Рудковский (1991–2012), Е.В. Давлятова (2012–2022), О.М. Ростовская (с ноября 2022 г. по настоящее время).

Е.Л. Вяль – кандидат философских наук, доцент – возглавил кафедру с 1970 г., будучи уже известным ученым, занимался, в частности, проблемой единства объективного и субъективного в процессе сближения социалистических наций.

Ф.С. Таратунский являлся заведующим кафедрой с 1976 по 1982 г. Участник Великой Отечественной войны, награжденный медалью «За боевые заслуги», орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Москвы», Федор Семенович проявил себя и в качестве руководителя и ученого. В его диссертации раскрывались фундаментальные вопросы преодоления религиозных пережитков среди крестьян Белоруссии в период развернутого строительства коммунизма.

М.А. Слемнёв, в 1962 г. окончивший физико-математический факультет Витебского государственного педагогического института имени С.М. Кирова, с 1970-х гг. здесь преподавал, а в период с 1982 по 1990 г. занимал должность заведующего кафедрой. Михаил Александрович также являлся председателем парламентской комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета Республики Беларусь, Генеральным консулом Республики Беларусь в Белостоке (Польша), с 1998 по 2005 г. – заведующим кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Института современных знаний. В 1991 г. доктору философских наук,

профессору М.А. Слемнёву было присвоено звание «Заслуженный деятель науки БССР». Он был награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР, Нагрудным знаком Министерства народного образования БССР «Выдающийся народный светлый», Нагрудным знаком Министерства просвещения СССР «Отличник просвещения», Почетной грамотой Витебского облисполкома, Нагрудным знаком отличия «За адзнаку», Грамотой Института философии Национальной академии наук Беларуси за высокие показатели в развитии науки и инновационной деятельности и плодотворное сотрудничество.

Философские и научные интересы Михаила Александровича включали проблемы гносеологии, философии и методологии науки, аксиологии, социальной философии.

Э.И. Рудковский, с 1970 г. работавший ассистентом, затем старшим преподавателем, а с 1977 по 1981 г. доцентом кафедры философии и научного коммунизма Витебского педагогического института имени С.М. Кирова, с 1981 по 1986 г. занимавший должность проректора по заочному обучению, а позже – проректора по научной работе, в период с 1991 по 2012 г. являлся заведующим кафедрой философии. Эдвард Иосифович, чьи научные интересы охватывают широкий круг философских и социальных проблем, а опыт руководителя и преподавателя долгий и значительный, был награжден Нагрудным знаком «Отличник народного образования БССР», Нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР», Грамотой Министерства образования Республики Беларусь, Грамотой Витебского областного Совета депутатов, Грамотой Совета Министров Республики Беларусь, Грамотой Витебского областного исполнительного комитета, Нагрудным знаком отличия «За адзнаку», Почетной грамотой Министерства образования Республики Беларусь за многолетний плодотворный труд в системе образования, достигнутые успехи в воспитании и профессиональной подготовке высококвалифицированных специалистов. До настоящего времени Эдвард Иосифович работает на кафедре и принимает важное, активное участие в ее жизни.

Е.В. Давлятова, с 2005 г. занимавшая должность доцента кафедры философии, с 2012 по 2020 г. заведовала кафедрой. Являясь кандидатом исторических наук, Елена Валентиновна, руководя достаточно большим и высокопрофессиональным коллективом (в плане кадровой обеспеченности, в частности наличия докторов и кандидатов философских наук), содействовала развитию научных исследований кафедры по социальной проблематике, продолжая лучшие традиции. Елена Валентиновна была награждена Почетной грамотой Витебского областного комитета профсоюзов работников образования и науки, Почетной грамотой Администрации Железнодорожного района г. Витебска, Почетной грамота за многолетний плодотворный труд, Грамотой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова за многолет-

ний плодотворный труд и в связи с празднованием 45-летнего юбилея кафедры философии, Почетной грамотой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова за высокие показатели в развитии науки и инновационной деятельности, подготовку научных работников высшей квалификации и студенческой молодежи, Почетной грамотой Главного управления по образованию Витебского облисполкома за многолетний добросовестный труд в системе образования, Почетной грамотой Института философии Национальной академии наук Беларуси за высокие показатели в развитии науки и инновационной деятельности, плодотворное сотрудничество. В настоящее время продолжает научно-исследовательскую деятельность в Институте философии.

В настоящее время (с 2022 г.) заведующим кафедрой философии и социальных наук является *О.М. Ростовская*, в 2008 г. окончившая Витебский государственный университет имени П.М. Машерова и, вернувшись в альма-матер, получила возможность сотрудничать уже в статусе преподавателя и руководителя со своими наставниками. Ольга Михайловна имеет опыт педагогической и научно-исследовательской деятельности в разных высших учебных заведениях и научных учреждениях (работала в Витебском государственном технологическом университете (с 2008 по 2020 г.) и Витебском филиале «МИТСО» (с 2020 по 2022 г.), училась в аспирантуре в Республиканском институте высшей школы (Минск), защищала кандидатскую диссертацию в Институте философии Национальной академии наук Беларуси) и разносторонние научные интересы, охватывающие широкий круг проблем, – от истории и педагогики до философии, психологии и культурологии, в большей степени концентрируясь на вопросах, касающихся исторической памяти, политики памяти, методологии исторического познания. Со студенческих лет отмечалась грамотами, дипломами и благодарностями (состояла в Специальном фонде президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов; награждена Почетной грамотой за активное участие в научно-исследовательской работе Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, Дипломом за работу первой категории на Республиканском конкурсе научных работ студентов высших учебных заведений Республики Беларусь; Дипломом лауреата конкурса на лучшую диссертацию в номинации «Гуманитарные науки» Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, благодарственными письмами за образцовое исполнение трудовых обязанностей, профессионализм и активность), была назначена стипендия Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым.

Стоит отметить, что научно-исследовательская работа на кафедре реализовывалась в рамках БРФФИ и ГПНИ по следующим темам:

– О совершенствовании морально-психологического климата производственного коллектива (на базе

производственного объединения «Доломит») 1978–1981 гг., научный руководитель – доцент Ф.С. Таратунский;

– Литературно-художественная образность как средство активизации познавательной деятельности студентов при изучении философии (1981–1985), научный руководитель – профессор М.А.Слемнёв;

– Подготовка студентов педвуза к идейно-воспитательной работе в школе в процессе изучения общественных дисциплин (1986–1991), научный руководитель – профессор М.А. Слемнёв;

– Условия и факторы повышения эффективности использования трудовых ресурсов и закрепления кадров на предприятиях агропромышленного комплекса (1987–1988), научные руководители – доценты И.В. Мандрик, А.И. Мурашкин;

– Роль социально-гуманитарных дисциплин в практической подготовке студентов педагогического вуза (1991–1995), научный руководитель – доцент Э.И. Рудковский;

– Трансформация духовных основ современного общества и проблема мировоззренческого самоопределения личности (1996–2000), научный руководитель – доцент Э.И. Рудковский;

– Молодежь как субъект и объект социально-политической трансформации общества (1999–2000), научный руководитель – доцент Э.И. Рудковский;

– Влияние общественно-гуманитарных дисциплин на формирование социально-практических ориентаций студентов (2001–2005), научный руководитель – доцент Л.Н. Кривцун-Левшина;

– Социальный портрет студенческой молодежи (2006–2010), научные руководители – доценты Л.Н. Кривцун-Левшина, Э.И. Рудковский;

– Роль вуза в социализации личности студента (с 2011 г.), научные руководители – доценты Л.Н. Кривцун-Левшина, Э.И. Рудковский;

– Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности (с 2012 г.), научный руководитель – профессор М.А. Слемнёв;

– Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья как основополагающие факторы приграничного сотрудничества (с 2017 г.), научный руководитель – профессор М.А. Слемнёв;

– Определить состояние социокультурной среды белорусско-российского приграничья и раскрыть ее влияние на ход интеграционных процессов и строительство Союзного государства (2016–2018 гг.), научный руководитель – профессор М.А. Слемнёв;

– Аксиологическое измерение образа жизни молодежи и феномен «пограничного человека» (2019–2020 гг.), научный руководитель – профессор М.А. Слемнёв.

С 2020 г. до настоящего времени коллектив кафедры разрабатывает научно-исследовательскую тему «Антропологические угрозы глобализирую-

щегося мира и социокультурные средства их минимизации» в рамках подпрограммы «Философия» Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», научным руководителем которой является Е.В. Давлятова. Новый проект – логическое продолжение предыдущих научных тем. Но, если ранее процессы глобализации и информатизации рассматривались преимущественно в контексте белорусско-российского приграничья и строительства Союзного государства, то проблематика последнего проекта имеет, во-первых, более широкую степень репрезентативности, выходит далеко за рамки приграничной и интеграционной тематики, а, во-вторых, ей присущ комплексный характер. Это требует сосредоточения усилий представителей различных областей социогуманитарных наук: философии, политологии, истории, педагогики, культурологии, психологии и др.

В числе результатов исследовательской работы кафедры – монографии: «Творчество в научном познании», «Закономерности развития и методы познания современной науки», «Детерминизм: системы развития», «Лабиринты познания», «Образы России и Белоруссии в контексте приграничья», «Глобализация, регионализация, пограничье», «Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение», «Социальная философия», «Культурная безопасность молодежи: контекст сохранения традиционных ценностей», «Человек перед лицом истории».

Кафедрой регулярно проводятся научные мероприятия, в числе которых международные научно-практические конференции: «Человек в окружающем мире» (2002, 2003, 2004 гг.), «Актуальные проблемы приграничных районов Беларуси и Российской Федерации» (2011 г.); «Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности» (2013 г.); «Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи» (2019 г.), «Феномен границы в глобализирующемся мире» (2020 г.), «Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления» (2021 г.); «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества» (2022 г.); «Информационное общество и духовная культура молодежи» (2023 г.).

С 2010 г. при кафедре действует аспирантура по специальности «Социальная философия», основная цель которой – подготовка кадров для учреждений высшего образования Витебска для преподавания фило-

софских дисциплин и осуществления профессиональной исследовательской работы в области философии.

На повестку дня при стратегическом планировании деятельности кафедры всегда выводился воспитательный аспект образовательного процесса. Сотрудниками кафедры значительное внимание уделялось ранее и уделяется в настоящее время работе со студенческой молодежью и изучению ее позиции по широкому спектру вопросов: влияние специальных курсов «Основы идеологии белорусского государства» и «Великая Отечественная война советского народа» на студенческую молодежь и ее гражданскую позицию; место молодежи в социально-политической структуре общества и ее роль в динамике трансформационных процессов, культурная безопасность молодежи в контексте сохранения традиционных ценностей, развитие и поддержка исконных традиционных ценностей, а также сохранение ответственного отношения к достижениям прошлого и настоящего, политическая ответственность современной молодежи и др. [3]. Соответствующие исследования помогают выстраивать воспитательно-идеологическую работу со студентами.

Заключение. Кафедра философии и социальных наук является структурным подразделением университета, которое, пройдя долгий путь становления и развития, хранит и преумножает традиции и принимает активное участие в процессе обучения и воспитания студенческой молодежи. Сотрудники кафедры ведут научно-исследовательскую работу, отражающую изменения в социально-политической и других сферах жизни общества, и, преподавая у студентов на всех факультетах и специальностях, вносят вклад в формирование мировоззрения и гражданской позиции учащихся, учитывая вызовы и потребности современного белорусского государства.

Литература

1. Аздуни, С.Т. Философские взгляды Н.А. Добролюбова / С.Т. Аздуни // Ученые записки Витеб. вет. ин-та. – Витебск, 1940. – Т. 7. – С. 11–56.
2. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава: Падзеі. Людзі. Лёсы / пад рэд. А.У. Русецкага, А.М. Дарафеева. – Віцебск: ВДУ, 1998. – 224 с.
3. Информационное общество и духовная культура молодежи: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 1 дек. 2023 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – 336 с.

Поступила в редакцию 14.05.2025

Риск как фактор развития современного общества

Давлятова Е.В.

Государственное научное учреждение
«Институт философии Национальной академии наук Беларуси», Минск

Процесс радикальных изменений в обществе сопряжен с возрастающими рисками и обострением глобальных проблем современной цивилизации. В этой ситуации особенно актуальным становится поиск методов и способов для преодоления кризисных процессов в период резких изменений в общественном развитии.

Цель статьи – проанализировать и сравнить основные концепции риска на современном этапе развития общества.

***Материал и методы.** Материалом данной работы являются современные научные концепции риска, разработанные и выдвинутые зарубежными и отечественными исследователями. Используются общеметодологические и общенаучные методы познания социальной действительности (анализ, синтез, систематизация, сравнение, абстрагирование).*

***Результаты и их обсуждение.** Представлены и проанализированы основные исследования риска современной эпохи: экономические, психологические, социологические, политические и философские. Несмотря на активное развитие различных научных направлений, изучающих риск, пока нет единого общепринятого определения этого понятия. Многообразие подходов свидетельствует о сложности и многомерности феномена риска, требующего дальнейшего междисциплинарного взаимодействия и интеграции различных теоретических подходов для разработки единого понимания природы риска.*

***Заключение.** Проведенное исследование подтвердило, что риск является важным фактором и непременным условием развития современного общества. Состояние исследований рисков характеризуется междисциплинарностью и интегративностью научного знания. Риски сегодняшнего дня принципиально отличаются от рисков прошлых эпох своей глобальностью и всепроникающим характером, затрагивая абсолютно все аспекты жизнедеятельности современного общества. Необходимо значительное обновление и переосмысление теоретического инструментария, касающегося категории «риск».*

***Ключевые слова:** риск, безопасность, общество риска, политические концепции риска, экономические концепции риска, социальные концепции риска, психологические концепции риска, философские концепции риска.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 105–110)

Risk as a Factor in the Development of Modern Society

Davliatova E.V.

State Scientific Establishment
State Scientific Establishment "Institute of Philosophy of the National Academy of Science of Belarus", Minsk

The process of radical changes in society is associated with increasing risks and aggravation of global problems of modern civilization. In this situation, the search for mechanisms and ways to overcome crisis phenomena in the development of society in conditions of turbulence becomes especially relevant.

The purpose of the article is to analyze various concepts of risk at the current stage of the development of society.

***Material and methods.** The research material is modern scientific concepts of risk, developed and put forward by Western and domestic researchers. General methodological and general scientific methods of understanding social reality (analysis, synthesis, systematization, comparison, abstraction) are used.*

***Findings and their discussion.** The main risk studies of the modern era are presented and analyzed: economic, psychological, sociological, political and philosophical. Despite the active development of various scientific areas studying risk, there is not yet a single generally accepted definition of this concept. The variety of approaches indicates the complexity and multidimensionality of the risk phenomenon, requiring further interdisciplinary interaction and integration of various theoretical approaches to develop a unified understanding of the nature of risk.*

***Conclusion.** The conducted research confirmed that risk is a mandatory and indispensable condition for the development of modern society. The state of risk research is characterized by interdisciplinarity and integrativeness of scientific knowledge. The risks of today are fundamentally different from the risks of the past eras in their globality and all-pervasive nature, affecting absolutely all aspects of the life of modern society. A significant update and rethinking of the theoretical tools related to the category of risk is necessary.*

***Key words:** risk, security, risk society, political concepts of risk, economic concepts of risk, social concepts of risk, psychological concepts of risk, philosophical concepts of risk.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 105–110)

Динамика общественных изменений, непредсказуемость, порой хаотичность и неопределенность некоторых социальных процессов, происходящих в социуме, способна дестабилизировать международную обстановку, создать угрозу национальной безопасности, а в глобальных масштабах и всему человечеству. В статье анализируются концепции риска XX–XXI вв. в различных научных направлениях на современном этапе развития общества.

Цель публикации – проанализировать и сравнить основные концепции риска на современном этапе развития общества.

Материал и методы. Материалом данной работы являются современные научные концепции риска, разработанные и выдвинутые западными и отечественными исследователями. Используются общеметодологические и общенаучные методы познания социальной действительности (анализ, синтез, систематизация, сравнение, абстрагирование).

Результаты и их обсуждение. В научном дискурсе продолжительное время обсуждается проблема риска в развитии современного общества. Это связано с кризисными явлениями, проявившимися в социально-политической, экономической, экологической, финансовой, управленческой, правовой, информационной и духовной сферах общества. Стихийность и непредсказуемость общественных процессов, нестабильная геополитическая обстановка в различных регионах мира, стремительная информатизация и технизация общества, динамичные социальные преобразования в одних странах и отставание в развитии других, обострение уже имеющихся в обществе противоречий и возникновение новых, требуют поиска новых подходов и способов в разрешении вышеперечисленных явлений. Поэтому объяснима такая заинтересованность со стороны научного сообщества в изучении стихийных процессов цивилизационного развития общества, неотъемлемым атрибутом которых является риск.

В научной литературе встречаются разные определения понятия «риск», часто прямо противоположные. Это связано с тем, что исследователи различных научных направлений рассматривают проблему рисков в рамках своих научных подходов, с учетом узкой научной области применения и поставленных целей. Определения понятия «риск» в различных отраслях знания, как правило, носят частный характер, предложенные концепции анализируют отдельные аспекты рискогенности и ее последствия, поэтому единой научной формулировки понятия «риск», которую можно было бы взять за основу, пока нет.

В справочной литературе и словарях нет единого определения риска («Словарь русского языка» С.И. Ожегова, «Толковый словарь» В. Даля, «Современный экономический словарь», «Энциклопедический словарь», «Большая психологическая энциклопедия»). Это отмечают в своих работах большинство исследователей. «Риск является междисциплинарной областью знания, этот термин приобрел статус обще-

научного понятия, выходящего за пределы той или иной частной науки либо их специфической группы. Сегодня не существует общепринятого определения риска, что приводит порой просто к взаимному непониманию представителей различных наук, хотя вроде бы обсуждается один феномен» [1, с. 85].

Представим рабочую дефиницию понятия «риск» как вероятность наступления неблагоприятного события, связанного с неопределенностью и возможностью негативных последствий для человека, организации или общества, и рассмотрим, как определяли это понятие исследователи различных областей науки.

Одними из первых к изучению проблемы риска приступили экономисты в конце XIX века, так как признаки трансформаций и изменений, сопряженных с рисками, проявились в экономической сфере раньше, чем в других социальных структурах общества, связанных с развитием промышленного производства и банковской системы. Первые работы в этой области были посвящены исследованию связи между предпринимательской деятельностью и рисками, сопутствующими ей в основном за рубежом. В начале XX века А. Маршалл и А. Пигу разработали теорию предпринимательского риска, в которой риск рассматривался как неизбежный атрибут действий компаний при принятии коммерческих решений, а также как стимул, побуждающий к производственной деятельности.

В научном сообществе принято считать, что начало систематическому изучению риска было положено в 1921 году, после опубликования работы американского экономиста Фрэнка Хайнемана Найта «Риск, неопределенность, прибыль». В ней он показал различие между понятиями «неопределенность» и «риск». По мнению автора, риск представляет собой объективную вероятность наступления определенного события и может быть измерен численно. Чем ниже вероятность отклонения фактического исхода от предполагаемого значения, тем выше уровень риска и наоборот. Неопределенность нельзя измерить или просчитать. Ф.Х. Найт подчеркивал, что предпринимательский риск в сфере бизнеса неизбежен.

Дж.М. Кейнсом была предложена классификация видов рисков в предпринимательской деятельности, прежде всего, в области инвестиций. Он утверждал, что предприниматели допускают риски, и даже склонны к ним, ради получения высокой прибыли. В этот период ученые изучали возможные риски в области страхования (М. Фридман, Л.Дж. Сэвидж, А.С. Миллерман, В.В. Шахов, В.Г. Медведев). Проблематика управления рисками фирм и компаний, финансовой и банковской сферы нашла отражение в работах О. Моргенштерн, Дж. Фон Пойман, Я.Р. Рейлян, Д. Эллсберг, М.Г. Лапуста, А.Г. Мадера и др.

Начиная со второй половины XX века, в экономической теории получила распространение концепция риск-менеджмент (термин был предложен Уэйном Снайдером в 1955 году), которая положила начало формированию новой науки, изучающей методичку

управления рисками в экономике. «Риск-менеджмент можно определить как систему принятия и выполнения управленческих решений, направленных на уменьшение влияния последствий реализации рисков на деятельность организации» [2, с. 11]. Значительный вклад в развитие теоретико-методологических основ риск-менеджмента внесли ученые-экономисты Дж. Нэш, Г. Марковиц, Ф. Блэк, Р. Мертон, М. Шоулз и другие представители академической школы.

Следует отметить, что большая часть первых научных работ, изучающих риски в экономической теории, принадлежит зарубежным авторам. Российские и белорусские экономисты более основательно начали изучение данной проблемы в конце 80 – начале 90-х годов XX века (В.А. Абчук, И.Т. Балабанов, С.В. Валдайцев, С.И. Грабов, С.И. Полтавцев, П.В. Ваганов, Н.В. Хохлов, В.В. Рымкевич). В основном исследования в области экономики, посвященные рискам, изучают эту проблему в рамках экономической теории и в областях, которые связаны с экономической деятельностью предприятий, фирм, банков. Риск определяется в них как опасность возникновения непредвиденных потерь в прибыли, доходах, денежных средств, производстве продукции и товаров, ошибках в управлении фирмы. Чаще всего в работах экономистов риск анализируется с точки зрения возможного ущерба при неопределенных или неблагоприятных обстоятельствах, рассматривается как неотъемлемая часть экономической деятельности.

Основательно к изучению рисков в психологии приступили в конце 60-х годов прошлого столетия. Первоначально исследования сосредоточились на изучении субъективных особенностей восприятия риска личности и ее сознательных действий в процессе принятия решений (П. Словик, А. Тверски, Д. Канеман, Б. Фишхофф, Г.Ю. Айзенк, И.В. Зубков, В.А. Ойгензихт, В.А. Абчук).

С 80-х годов изучались особенности индивидуального и группового различия в восприятии риска и выбора действий в рискованной ситуации (М. Дуглас, В. Лефевр, В.А. Петровский, С.Ю. Наумов). Также шло исследование мотиваций выбора между альтернативными вариантами действий в экстремальных ситуациях (Т.В. Корнилова, Е.П. Ильин, В.Д. Рудашевский, А. Тягунов), риск рассматривался как возможная опасность неблагоприятного исхода (М.А. Котик, Н.А. Алешина), как действие наудачу (Т.Б. Тяпаев, Е.П. Ильин). В начале XXI в. появляются концепции, изучающие биологические, социальные и экологические факторы, влияющие на поведение субъекта в экстремальных ситуациях (К. Петерсон, С. Хобфолт). Большое внимание уделяется изучению стрессоустойчивости личности в сложных ситуациях, способам управлять рисками как в социальных структурах, так и на бытовом уровне. Довольно много научных трудов посвящено изучению и классификации рисков в профессиональной деятельности людей разных отраслей хозяйствования и разработке стратегий профилактики

рисков в производстве (Р. Лазарус, Х. Селье, В.Н. Дружинин, С.Л. Бойко). Среди белорусских ученых этими вопросами занимаются В.А. Петров, И.А. Скворцов, В.В. Селезнев, А.И. Игнатова.

В психологии чаще всего риск определяется как вероятность наступления неблагоприятных последствий, вследствие которых принятие неверного решения или совершенного действия, привело к негативным результатам; как наличие неизвестных или неопределенных факторов, оказавших влияние на событие; как необходимость осознанного выбора между различными альтернативными вариантами, каждый из которых все же имеет различный уровень риска. Таким образом, можно сказать, что в психологии при изучении рисков основной упор делается на изучение не самой природы риска, а на особенностях личности как активного субъекта, принимающего решение в условиях неопределенности и риска. Психологические исследования помогают понять, как формируются рискованные поведенческие паттерны и как можно управлять рискованным поведением.

В политологии данная проблема стала изучаться также с середины XX века. До этого времени риски оценивались с точки зрения международной безопасности и изменения баланса сил в мире после Второй мировой войны, внешней угрозы государственному устройству. Ряд исследователей (Д. Джодис, Б.В. Сордж, Д.К. Эйтман, А.И. Стоунхилл, А.Н. Бордовских) утверждают, что с 60-х годов возникновение новых рисков обусловлено последствиями социально-экономической и инвестиционной политики мировых держав по отношению к развивающимся странам. «Риски политического характера стали заметно сказываться на деятельности транснациональных компаний в развивающихся странах, где политическая среда характеризовалась низким уровнем стабильности и имела высокий потенциал воздействия на функционирование бизнес-структур» [3, с. 110]. «Столкновение экономических интересов ТНК, подкрепленных политическим влиянием корпораций, с политическими интересами правящих элит, нуждавшихся в укреплении собственных позиций в экономике, провоцировали случаи национализации собственности компаний в новых государствах» [4, с. 45]. В связи с этим в фокусе внимания исследователей в 60–80-е годы XX века был анализ рисков, возникающих в различных областях экономической деятельности корпораций и коммерческих компаний, способы устранения их последствий и защиты. Ряд зарубежных исследователей занимались изучением причин международных и национальных конфликтов, политических процессов, влияющих на безопасность государственного строя (Г. Аллисон, К. Уолтц, Ч. Тилли).

С начала 90-х годов XX века наблюдается интерес к проблеме политических рисков в российском и белорусском научном сообществе. Это связано с новыми политическими реалиями, возникшими после распада СССР, и стремительным переходом России и Беларуси

к рыночной экономике без должного учета реального состояния национальных экономических систем.

Научный интерес представляют работы по проблемам управления политическими рисками Р.В. Панина, А.А. Дегтярева, О.Б. Иванова, Е.А. Морозовой, М.Е. Бабосова, С.В. Решетникова, М.В. Ильина, М.А. Разумовского, диссертационные работы И.В. Тихомировой, Л.В. Прохоровой и др.

Влиянию политических рисков на формирование государственной политики посвящены работы российских и белорусских ученых: А.Н. Бордовских, И.В. Джуса, А.В. Глухова, С.Г. Кара-Мурзы, А.И. Зеленкова, Я.С. Яскевич, на развитие национального государства: В.Н. Караганова, Л.И. Уткина, А.А. Моисеева, П.А. Водопьянова, В.Н. Ватыля, Г.М. Бровки, диссертационные исследования М.Е. Симона, А.А. Соколовой.

Следует отметить, что диапазон изучения рисков значительно расширился за последние годы. Первоначально в политической науке возникновение рисков в жизни общества рассматривалось как следствие социально-экономической и инвестиционной политики мировых государств на зарубежных рынках, как результат экономической деятельности корпораций, коммерческих компаний в других странах, международных экономических отношений. С изменением политической обстановки и ростом неопределенности в социальном развитии общества риски стали признаваться как следствие политических событий разного уровня. Но, к сожалению, окончательной дефиниции понятия «риск» среди политологов, как и среди ученых смежных направлений пока нет. Наиболее распространенное определение риска имплицитно его как вероятностную возможность наступления отрицательного события, связанного с действиями политических и экономических партнеров; как потенциальную внешнюю или внутреннюю угрозу безопасности государства и общества; неграмотное политическое управление и т.д.

Так же как и в других науках систематическое и основательное изучение рисков в социологии начинается со второй половины прошлого столетия. Значительный вклад в концептуализацию риска внесли У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, М. Дуглас, А. Вилдавски. Современные отечественные и зарубежные исследователи, представляющие различные научные направления, занимающиеся изучением рисков в современном обществе, активно обращаются к работам указанных авторов, признанных основополагающими источниками в данной проблематике. Ими впервые была представлена теоретическая разработка проблемы риска в социальном контексте, проанализированы новые, ранее неизвестные виды рисков, возникшие под воздействием глобализационных процессов.

Известно, что социолог У. Бек ввел в научный оборот понятие «общество риска» став основателем теории «общества риска». В своем труде, изданном в 1986 году под названием «Общество риска. На пути

к другому модерну», он пишет: «В основе книги лежит предположение, что мы являемся свидетелями – субъектом и объектом – разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания (индустриального) “общества риска” [5, с. 6]. Возникновение рисков У. Бек напрямую связывает с научно-техническим прогрессом и неразумной человеческой деятельностью, которая приводит к изменению окружающей среды, и сама после этого становится генератором рисков. Давая характеристику рискам, У. Бек отмечает: «Нынешние риски и опасности существенно отличаются от внешне нередко сходных с ними средневековых глобальностью своей угрозы (человеку, растительному и животному миру), и современными причинами своего возникновения. Они, в общем и целом продукт передовых промышленных технологий, и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» [5, с. 17]. Он подчеркивал, что современные риски сложно предвидеть, так как для них характерна высокая степень неопределенности. У. Бек предложил свою классификацию рисков, указав причины их возникновения. По его утверждению, нарастающая угроза рискованных ситуаций ставит под сомнение научные знания, демократические основы и политическую стабильность общества.

Э. Гидденс разделяет взгляды У. Бека о рискогенности современного общества, порождаемой глобализацией и модернизационными процессами. Его теория получила название «Рефлексивная модернизация общества». Согласно его мнению, количество рисков, пишет он, не только увеличивается, но и изменяется их природа, поэтому их сложно оценивать, прогнозировать и контролировать. «Жить в эпоху “поздней современности” (late modernity) значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [6, с. 107]. Социолог выделяет две разновидности рисков – внешние и внутренние. «Внешний риск – это риск, причина которого лежит вне нас самих. Она связана с неизменными традициями или законами природы. Другую разновидность назовем рукотворным риском, т.е. риском, связанным с нашим познанием окружающего мира. К категории рукотворного риска относятся ситуации, с которыми мы практически не сталкивались ранее в истории. Сюда входит большинство экологических рисков, связанных, например, с глобальным потеплением» [7, с. 42–43]. В его работах рассматривается, как индивидуальные и коллективные действия формируются в контексте социальных структур и культурных норм. Исследователем воспринималось любое социальное действие и бездействие в принятии решений как рискогенные. Большое значение он придавал вопросу о взаимном доверии между гражданами и государством. С его точки зрения, поскольку трансформационные изменения

меняют характер функционирования социальных структур, обществу необходима уверенность в способности социальных институтов, эффективно справляться с возникающими рисками и неопределенностью, соответственно необходима разработка новых стратегий и подходов к преодолению различного рода рисков.

Вклад в изучение рисков немецкого исследователя Н. Лумана заключается в том, что он рассматривает более широко, чем другие исследователи, социальные системы. Используя концепцию «аутопойезиса» (авторы У. Матурано, Ф. Варела), он описывает как социальные системы способны саморегулироваться и адаптироваться к внешним изменениям, формировать собственные правила и нормы, влиять на восприятие и управление рисками. В своей концепции «Системная теория риска», он утверждает, что риски стали привычной реальностью в современном обществе, для которого характерна высокая степень неопределенности и непредсказуемости. Это связано с утратой стабильности и устойчивости традиционных социальных структур под натиском развития новых технологий и изменений, сопряженных с этими процессами. Риск возникает в процессе коммуникации между индивидами и социальными системами, которые и сами порождают естественные, технологические и социальные риски. Н. Луман считает, что в каждой системе, а различные сферы жизни в настоящее время могут функционировать относительно автономно, возникают свои рискогенные процессы, и формируется представление о рисках в рамках своей специфики, подходов и целей. Он также подчеркивает, что знания и понимание рисков является результатом сложных социальных процессов. Большое значение для практической социологии представляется идея Н. Лумана относительно предупреждения риска. Для формирования знаний о рисках необходимо эффективное взаимодействие между государственными структурами, общественными организациями, научным сообществом и гражданским обществом. Общество должно быть готово к изменениям, а социальные системы – к адаптации к новым рискам и вызовам.

Значительный вклад в разработку теории рисков внесли российские и белорусские исследователи. Среди них следует назвать работы О.Н. Яницкого, О.В. Яцук, В.И. Зубкова, Е.М. Бабосова, Л.Г. Титаренко, А.Н. Данилова, И.В. Котлярова, Ю.Г. Черняка, В.В. Гришаева, С.А. Красикова, Т.В. Купчиновой и другие.

Итак, в настоящее время наибольшее количество научных исследований, посвященных теоретическому осмыслению проблемы современных рисков, принадлежит представителям социологического направления. В рамках данного подхода были представлены концепция субъективного «общества риска» У. Бека, Э. Гидденса, а также ««системная теория риска»» Н. Лумана, послужившие основой для последующих исследований и разработок в данной тематике. Они продолжают оказывать значительное влияние на раз-

витие соответствующей проблематики. Социологический подход направлен на изучение факторов, определяющих рисковое поведение индивида в различных ситуациях, на анализ механизмов консолидации общества перед лицом возможных опасностей и угроз, что придает ему выраженную практическую направленность. Вместе с тем остается открытым вопрос о создании целостной системы управления рисками, применение которой бы снижало и предотвращало уровень новых опасностей и рисков в социальном пространстве.

Аналогично другим областям современного знания проблема риска в философии стала систематически изучаться со второй половины XX века. При изучении теории риска в философском дискурсе в качестве основного источника используются работы У. Бека, Н. Лумана, Э. Гидденса, концепции которых были рассмотрены ранее, Э. Тоффлера, С. Хантингтона, В.С. Степина.

В своей книге «Третья волна», опубликованной в 1980 году, Э. Тоффлер, описывая переход от индустриальной эпохи ко второй информационной волне, характеризующейся быстрым развитием информационных технологий и глобализацией, выделяет ключевые социальные риски: стрессовые перегрузки человека, рост неравенства и социальная нестабильность, потеря культурной ориентации, возникновение глобальных проблем, экологические катастрофы. С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций», вышедшей в 1993 году, отмечает следующие риски: распространение терроризма и радикализма, рост национализма, межкультурные и религиозные конфликты, усиление напряженности в международных отношениях. Э. Тоффлер сосредоточился на технологических изменениях и трансформации общества, С. Хантингтон подчеркивал культурные и цивилизационные разногласия, В.С. Степин предложил новый взгляд на формирование научной картины мира и ее влияние на общественные отношения. По его мнению, современная наука, стала воспринимать риск как неотъемлемый элемент любого процесса, будь то техническое новшество или научное открытие. Научная революция порождает качественно новые виды рисков, требующие принципиально новых способов их регулирования. Он утверждает, что связи с этим необходимо разработать эффективные стратегии предупреждения рисков и управления ими [8].

Методологические и философско-теоретические аспекты риска исследуются такими авторами, как И.А. Афанасьев, А.В. Иванов, М.О. Орлов, Е.И. Беляев, А.В. Молчанов, Н.П. Рогозина. Личность в условиях социального риска в аспекте адаптации и преодоления возникающих угроз, выбора стратегии поведения и принятия решений в ситуации неопределенности изучается в исследованиях Н.А. Акимовой, Д.С. Федина, Е.М. Калашниковой, коммуникативные и социальные конфликты в обществе риска освещаются в работах Н.А. Стекловой, О.Н. Мизиновой. Социо-

культурные и цивилизационные измерения проблемы находят отражение в исследованиях И.Г. Яковенко, В.А. Ядова, А.С. Панарина, А.С. Ахиезера. Синергетическая парадигма, акцентирующая внимание на нестабильных процессах развития современного общества, представлена трудами И. Пригожина, И. Стенгерса, В.И. Аршинова, С.П. Курдюмова. Психологическую составляющую рискогенеза подчеркивают в своих работах О.А. Андреева и А.П. Альгин.

Среди белорусских исследователей, рассматривающих методологию анализа социальных рисков, можно выделить труды Е.М. Бабосова, А.И. Зеленкова, Я.С. Яскевич, В.В. Анохиной, Ю.Г. Черняк и других.

Научный интерес для изучения концепта риска как фактора развития современного общества представляют исследования В.С. Диева. Его подход к изучению риска можно охарактеризовать как междисциплинарный. Он изучает риск в контексте анализа принятия решений и управления в различных сферах жизни, считая, что риск всегда связан с субъектом, оценивающим вероятность наступления возможных событий. Кроме того, В.С. Диев отмечает, что риски тесно связаны с неопределенностью, но рассматривает риски и неопределенность как взаимосвязанные, но отличающиеся. «В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность» [1, с. 85].

Таким образом, в философии риски и угрозы, ставшие постоянными спутниками современного общества, представлены в различных концепциях, объясняющих природу, многообразие и масштабность рисков, возникающих в настоящее время, рассматривать риск как феномен человеческого существования. Тем не менее, имеющиеся методологии и теории недостаточно точно отражают реальную динамику социальных процессов. Риски становятся скрытыми, трудноизмеримыми и стремительно меняющимися.

Заключение. Проведенный анализ научной литературы, посвященный теории риска, свидетельствует о том, что термин «риск» является междисциплинарным понятием, применяемым в различных естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплинах, что обуславливает множественность подходов к определению и исследованию. Ученые, представляющие различные научные направления, рассматривают проблематику рисков с позиций собственных методологических установок, обусловленных спецификой их научных областей и исследовательских задач. Определения понятия «риск», представленные в различных отраслях знания, носят, как правило, частный характер и акцентируют внимание на отдельных компонентах рискогенности и ее последствиях. Вследствие чего универсальное определение данного понятия, способное служить теоретической основой для последующих исследований, на сегодняшний день отсутствует.

Современная научная мысль предлагает многообразие дефиниций категории «риск», однако ни одна из существующих трактовок не обладает абсолютной доказательной силой, позволяющей однозначно утвердить ее приоритет либо подвергнуть сомнению остальные интерпретации. В каждой отрасли науки понятие «риск» имеет свою сущность и значение. Термин «риск» иногда используется без должного раскрытия его сущности, воспринимаясь как априорно известное понятие, либо как совокупность факторов, описываемых простым перечислением.

Риски, возникающие в современном обществе, радикально отличаются от тех, что возникали в предыдущие исторические периоды, поскольку они носят всеобщий характер и охватывают все сферы жизни современного общества. Несомненно, существенной чертой понятия «риск» остается неопределенность исхода событий, что отражает потенциальную возможность реализации неблагоприятных последствий. В дополнение к вышеизложенному следует отметить, что необходимо расширение и переосмысление концептуального аппарата, связанного с понятием «риск», поскольку современные представления о рискогенном обществе существенно отличаются от моделей, сформировавшихся во второй половине XX века.

Статья подготовлена при поддержке ГПНИ в рамках реализации проекта НИР «Республика Беларусь в системе глобального партнерства: философско-методологические основания моделирования внешних рисков в целях обеспечения национальной безопасности», 2021–2025 гг. (договор № ГР20210732).

Литература

1. Диев, В.С. Риск и неопределенность в философии, науке, управлении / В.С. Диев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2(14). – С. 80–88.
2. Куликова, Е.А. Риск-менеджмент: учеб. пособие / Е.А. Куликова. – Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2014. – 259 с.
3. Нечкин, Д.А. Эволюция понятия «политический риск». Классические и современные концепции / Д.А. Нечкин // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика – 2018. – № 4. – С. 109–137.
4. Пожалов, А.А. Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития / А.А. Пожалов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2006. – № 3. – С. 43–56.
5. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
6. Гидденс, Э. Риск, судьба, безопасность / Э. Гидденс // THESIS. 1994. – Вып. 5; пер. с англ. С.П. Баньковской. – С. 107–134.
7. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс; пер. с англ. М.Л. Коробочкиной. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 116 с.
8. Степин, В.С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В.С. Степин. – Минск: БГУ, 2012. – 416 с.

Поступила в редакцию 15.05.2025

ФИЛОЛОГИЯ

Военная лирика Г. Шакулова как средство патриотического воспитания юношества

Гладкова А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье на материале военной лирики витебского писателя Г. Шакулова определены ведущие приёмы художественной выразительности, характерные для творческой манеры поэта, проведён компаративный анализ тематики стихотворения-клятвы «У стен Ленинграда» и произведения А. Кулешова «Над брацкай магілай». Обозначен воспитательный потенциал военно-патриотической лирики Г. Шакулова.

Цель публикации – на материале стихотворений военного времени определить характерные черты художественного метода Г. Шакулова, а также выявить воспитательный потенциал поэтических произведений писателя.

Материал и методы. Материалом для изучения стали избранные стихотворения Г. Шакулова, написанные в годы Великой Отечественной войны, – «Слеза командира», «У стен Ленинграда», «Цветы, обрызганные кровью». В работе использованы биографический и компаративный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Поэзия Великой Отечественной войны отмечена высоким гражданским пафосом, её задача – отвечать запросам исторического времени, мобилизовать силу духа защитников Родины, дать образцы героизма на фронте и в тылу. Стихотворение Г. Шакулова «Слеза командира» совмещает в себе событийный ряд и публицистическую направленность, героическую и трагическую тональность. Отмечена тематическая близость стихотворений Г. Шакулова «У стен Ленинграда» и А. Кулешова «Над брацкай магілай», стилистические приёмы сближают «У стен Ленинграда» со стихотворением В. Лебедева-Кумача «Священная война». Лирическое стихотворение «Цветы, обрызганные кровью» совмещает мотив прощания умирающего солдата с любимой девушкой и философское осмысление скоротечности жизни и молодости.

Заключение. Военная лирика Г. Шакулова отмечена гражданским пафосом и патриотической направленностью идейного содержания. Анализируемый художественный материал имеет высокий воспитательный потенциал и может использоваться в педагогической и учебной работе в учреждениях общего среднего образования для воспитания гражданских качеств подрастающего поколения.

Ключевые слова: жанр, военная лирика, гражданский пафос, средства художественной выразительности, художественный образ, композиция, стиль.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 112–115)

G. Shakulov's Military Lyrics as a Means of Patriotic Education of Youth

Gladkova A.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Based on the military lyrics of Vitebsk writer G. Shakulov, the article identifies the leading techniques of artistic expression characteristic of the poet's creative manner; conducts a comparative analysis of the themes of the oath poem "At the Walls of Leningrad" and the work of A. Kuleshov "Over the Mass Grave". The educational potential of G. Shakulov's military-patriotic lyrics is outlined.

The purpose of the article is to identify the characteristic features of Shakulov's artistic method based on wartime poems, as well as to identify the educational potential of the writer's poetic works.

Material and methods. The material for the study was selected poems by G. Shakulov, written during the Great Patriotic War, such as "The Commander's Tear", "At the Walls of Leningrad", "Flowers Sprinkled with Blood". The work uses biographical and comparative research methods.

Findings and their discussion. The poetry of the Great Patriotic War is marked by high civic pathos, its task is to meet the demands of historical times, to mobilize the strength of the spirit of the defenders of the Motherland, to give examples of heroism at the front line and in the rear. Shakulov's poem "The Commander's Tear" combines a series of events and journalistic orientation, heroic and tragic tone. The thematic proximity of G. Shakulov's poems "At the Walls of Leningrad" and A. Kuleshov's "Over the Mass Grave" is noted, stylistic techniques bring "At the Walls of Leningrad" closer to V. Lebedev-Kumach's poem "The Holy War". The lyrical poem

“Flowers Sprinkled with Blood” combines the motif of a dying soldier saying goodbye to his beloved girlfriend and a philosophical understanding of the transience of life and youth.

Conclusion. *Shakulov’s military lyrics are marked by civic pathos and patriotic ideological content. The analyzed artistic material has a high educational potential and can be used in pedagogical and educational work in institutions of general secondary education to foster the civic qualities of the younger generation.*

Key words: *genre, military lyrics, civic pathos, means of artistic expression, artistic image, composition, style.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 112–115)

В 2025 году отмечается 115 лет со дня рождения писателя Григория Логиновича Шакулова (1910–1987). Литературное творчество уроженца Витебщины, фронтовика, знатока природного растительного мира Г. Шакулова многожанровое, тематически разноплановое, адресованное как детям, так и взрослым, только начинает находить исследователей-литературоведов, знатоков жанра сказки, военной повести, лирики. 100-летие со дня рождения Г. Шакулова торжественно отмечалось в Российской национальной библиотеке в 2010 году. Помнят о писателе-земляке и на родине. Периодически на страницах республиканских и областных газет “Звезда”, “Літэратура і мастацтва”, “Віцебскі рабочы”, “Віцьбічы”, “Витебские вести”, газеты ВГУ имени П.М. Машерова “Мы і час”, в научно-практическом журнале “Современное образование Витебщины”, в литературно-художественном и общественно-политическом журнале “Нёман” печатаются статьи о литературном наследии Г. Шакулова [1–7], при чём в центре внимания оказываются в основном детские произведения писателя. Большое внимание популяризации творчества Г. Шакулова уделяет доцент кафедры музыки ВГУ имени П.М. Машерова Ю.С. Сусед-Величинская [6]. Если творчество писателя в области детской литературы хорошо исследовано, то его произведения о войне только начинают становиться объектом научного изучения. На военную тему писателем создана в соавторстве с уроженцем Минской области, фронтовиком А. Гилепом документальная повесть «Солдаты ДОТа № 205», в которой описаны первые дни войны на территории Витебщины, и несколько стихотворений патриотического звучания. К таким относятся «Слеза командира» (1942), «Клятва у стен Ленинграда» (1942), «Цветы, обрызганные кровью» (1943).

Актуальность исследования заключается в том, что в отечественном литературоведении впервые проводится комплексное изучение военной лирики Г. Шакулова, которая анализируется в контексте белорусской и русской литературы.

Цель статьи – определить особенности авторской рецепции военной действительности и приёмы её трансляции в избранных стихотворениях Г. Шакулова, выявить их воспитательный потенциал в качестве средства патриотического воспитания подрастающего поколения.

Материал и методы. Материалом для изучения стали избранные стихотворения Г. Шакулова, написанные в годы Великой Отечественной войны, – «Слеза командира», «У стен Ленинграда», «Цветы, обрызганные

кровью». В работе использованы биографический и компаративный методы исследования.

Результаты и их обсуждение. В год празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне обращение к литературе данного периода становится особо значимым. Художественные произведения этих суровых лет достигали высочайшего мастерства, были живым, эмоциональным словом-призывом к защите родной земли от фашистских захватчиков. Особую роль среди жанров литературы военного времени играла поэзия. Это мобильный род литературы, который отвечал запросам исторического характера и напрямую выражал самосознание и мироощущение человека той эпохи. Стихотворная строка отличается особым экспрессивным зарядом, стихотворение не требует продолжительного чтения, что в военных условиях является объективной необходимостью. Поэтическое слово умеет проникнуть вглубь души, сплотить солдат, поддержать их боевой дух, придать необходимое настроение в тяжёлых фронтовых условиях. Как отмечает литературовед О.А. Дашевская, «*поэзия, развивающаяся в экстремальной ситуации, была понятна всем, актуальна для каждого и имела онтологическое значение*» [8, с. 4].

Как известно, поэзия в годы Великой Отечественной войны развивалась в русле особых жанровых тенденций, к которым отнесём особую актуальность публицистических жанров, выразивших национальное потрясение, аккумулирующих в себе призыв, клятву, описание масштаба трагедии. Повесть-повествовательные жанры (баллада, лиро-эпическая поэма) передавали эпический масштаб боевых действий, в таких произведениях создаётся образ советского народа, который в национальном единстве стал на защиту Родины. Занимает своё место среди лирических произведений военных лет исповедальная лирика, отразившаяся в жанрах исповеди, дневника, письма. Такие произведения рассказывают о душевном состоянии человека на войне, так называемых «духовных координатах» его бытия.

Стихотворение Г. Шакулова «Слеза командира» (1942) совмещает в себе событийный ряд (описание эпизода встречи командира с родными местами), на который накладывается эмоциональное потрясение героя (посёлок сожжён немцами, родные люди погибли).

Стихотворение начинается с контраста, который возникает между имеющимся эмоциональным опытом лирического героя («*Я многое видел на свете: / И радость, и счастье, и горечь обид. / Я видел, как плакали дети, / Женщины плакали громко навзрыд*»

[9, с. 86]) и новым переживанием, возникшим в условиях войны: «Но я никогда, никогда не видал, / Чтоб плакал солдат, чтоб солдат зарыдал» [9, с. 86].

Следующий фрагмент поэтического текста – описание военной обстановки («Мы бились, сражались уж несколько дней...»), для передачи «горячей битвы» автор использует приём градации («Кололи, топтали, рубили с плеча...»). Вражескую тактику сжигания селений автор объясняет «яростной злобой» противника, который ощущал, что лёгкой победы не случится, что русские стоят насмерть, объединив нечеловеческие усилия для отпора.

Рассказ лирического героя развивается в характерной для русской повествовательной традиции манере: воины едут на «усталых конях» после «горячей битвы»: «То было в каком-то сожжённом селенье, / Где трубы торчали и пепел кружил / И слез командир наш, и встал на колени / На землю, где рос он, где счастливо жил» [9, с. 86].

Ритуал стояния на коленях имеет разную смысловую нагрузку в зависимости от ситуации. В данном контексте такой жест прочитывается как преклонение перед родной землёй, сожжённой дотла, перед знакомыми и незнакомыми её жителями, которые стали жертвами фашистской агрессии: «И тут я увидел впервые тогда, / Среди чёрных развалин и пепла пожарниц, / Как русский, бесстрашный солдат зарыдал, / Как горько заплакал наш старший товарищ. // Мы молча, без шапок, стояли вокруг, / А наш командир вдаль куда-то глядел...» [9, с. 86]. Контраст эмоциональной сцены подчёркивается стоящими в одном стихотворном ряду эпитетом «бесстрашный» и глаголом «зарыдал».

Уровень пережитого потрясения передан автором в следующем фрагменте: «И видели мы, как любимый наш друг, / Как наш командир ПОСЕДЕЛ. // Он пепла немного в платок завернул, / Он в пальцах дрожащих сигарку свернул...» [9, с. 86].

Г. Шакулов не случайно выделяет глагол «поседел»: автор хочет, чтобы читатель обратил внимание именно на это событие. Нередки случаи, когда от эмоционального потрясения, горя человек может поседеть за считанные дни, таково внешнее проявление внутреннего переживания.

Показательно, что командир заворачивает в платок горсть пепла, что может прочитываться как традиция брать с собой в дальнюю дорогу горсть родной земли, однако в данном случае это не земля, этот пепел – страшный след, оставленный врагом.

Солдаты-товарищи не говорят в утешение своему командиру никаких слов, «клятвы здесь не нужны», они вынимают «сабли, как символ отмщенья», садятся на коней и «солнце сверкает на саблях кривых». Неслучайно автор упоминает отражение солнечных лучей на стали воинского оружия, такая художественная деталь создаёт особое настроение: если солнце освещает дорогу отряду бойцов, значит, их дело правое и враг будет наказан: «Мы к вечеру снова настигли врага, /

Метались трусливые гады, / А мы их крошили, как смерч-ураган, / И не было, подлым, пощады» [9, с. 87].

Публицистическая тональность окрашивает заключительные строки стихотворения, где звучит призыв отомстить врагу за поруганное Отечество: «На знамени мы написали «Отмщенье», / За землю родную – вперёд! / Мы ищем в победных боях утешенье / И слава за нами идёт» [9, с. 87].

Торжественным пафосом проникнуто автобиографическое стихотворение «Клятва у стен Ленинграда», написанное в 1942 году. Лирический герой – солдат, один из многонациональной семьи советского народа, который клянётся «у стен великих Ленинграда» отстоять город. Особый патетический тон стихотворению-клятве придаёт использование старославянизмов: «священная клятва», «под вражеской пятой»; мотивы древнерусских сказаний пронизывают поэтическую канву произведения: «у стен великих», «великой клятвой святой», «Мы отстоим великий город / От дикой варварской орды».

При чтении стихотворения возникает ассоциация с историческим временем монголо-татарского нашествия, которое потребовало от воинов Руси небывалого мужества. Отметим, что в произведении преобладает фольклорный принцип организации сюжета: лейтмотивом становится святая клятва воинов в выполнении святого долга – освобождении родной земли («страны свободной») от вражеского ига.

На наш взгляд, у читателя может также возникнуть сопоставление стихотворения Г. Шакулова «У стен Ленинграда» со знаменитым произведением В. Лебедева-Кумача «Священная война», где также образ врага трактуется как «проклятая орда».

На момент создания стихотворения (июнь – сентябрь 1942 года) Ленинград в течение года находился в блокаде. За город шли ожесточённые бои, в которых участвовал Г. Шакулов. В суровые дни сражений за Ленинград поэт был полон уверенности, что город никогда не будет завоёван врагом: «Мы пережили смерть и голод / И стали будто сталь тверды / Мы отстоим великий город / От дикой варварской орды. // Пусть в этом яростном бою / Кончину враг найдёт свою» [9, с. 87]. Ключевая идея стихотворения – призыв отстоять город, уверенность в полном уничтожении врага и его изгнании с русской земли.

Компаративный анализ стихотворения витебского писателя и хорошо известного в белорусской литературе произведения А. Кулешова «Над брацкай магілай» позволяет говорить о созвучии основного мотива произведений, использовании клятвы воина как основного композиционного приёма, на котором строится художественный текст. Сравним фрагменты стихотворений:

Третье известное нам стихотворение Г. Шакулова, написанное во фронтовые годы, опубликовано в документальной книге «Солдаты ДОТа № 205», называется «Цветы, обрызганные кровью». Произведение датировано 1 мая 1943 года. В отличие от патетического

«Клятва у стен Ленинграда» Г. Шакулова <i>Одна семья – узбек, тунгус, Грузин, эстонец, белорус – В дыму под грохот канонады, Где кровь потоками лилась, У стен великих Ленинграда Священной клятвой поклялась...</i> [9, с. 87]	«Над брацкай магілай» А. Кулешова <i>Мы сяброў засыпаем зямлёй – Ленінградцы, татары, узбеки, Мы клянёмся варожай крывёй Напайць беларускія рэкі</i> [10, с. 198]
--	--

стихотворения «У стен Ленинграда» и сюжетно-публицистического произведения «Слеза командира», «Цветы, обрызганные кровью» написаны в жанре лирическом. На память девушке лирический герой передаёт цветы от её погибшего любимого человека. Букет в контексте произведения становится символом неосуществлённой любви, оборванной жизни молодого солдата, сослуживец которого кладёт к ногам незнакомой молодой женщины охапку полевых цветов, которые можно встретить на бескрайних русских полях: лесной купырь и гравилатку, голубые васильки, ромашки, лютик, «клевер сладкий» и незабудки. «Я их собрал на поле брани, / Собрал с винтовкою в руке», – рассказывает лирический герой [11, с. 115]. Контраст – один из любимых стилистических приёмов Г. Шакулова – отражён на ключевом образе стихотворения – цветке, окутанном пороховым дымом, прострелянном свинцом. Возникает своеобразная параллель между жизнью молодого солдата, оборванной пулей на поле битвы, и художественным символом – прострелянным цветком.

В праздничный день 1 мая 1943 года Г. Шакулов с помощью поэтической фантазии и образных средств выразительности создал зарисовку в стихах о букете цветов – последнем напоминании девушке о любимом её молодом человеке, добавив в художественный текст особый философский смысл, который отражён в предпоследнем катрене стихотворения: «Да, хорошо быть молодым, / И жить любовью и местами. / Мечты, мечты, как сизый дым, / Как путь, усеянный цветами» [11, с. 115]. Мечты не всегда становятся реальностью, тысячи человеческих судеб были разрушены войной, тысячи романтических историй не нашли продолжения, навсегда оставив память в сердцах тех, кто выжил. Последняя просьба, переданная девушке от умирающего солдата, – согреть цветы той любовью, которая уже не может быть адресована дорогому человеку.

Заключение. Военная лирика витебского писателя-фронтовика Григория Шакулова, часть жизни которого была связана с Россией, в частности с Ленинградом, позволяет говорить о том, что автор искал понятные, простые слова для выявления мысли. Мы наблюдаем традиционные средства художественной выразительности в стихотворениях Г. Шакулова (эпитеты, метонимию, градацию), поэт следует древнерусской традиции при создании образов защитников русской земли, подчёркивает национальную сплочённость и единство всех народов, населявших Советский Союз. Несомненно эмоциональный гражданско-патриотический пафос стихотворений военной поры,

высок их воспитательный потенциал. Военная лирика Г. Шакулова – ещё одна страница в поэтической летописи фронтовых будней, о которой нельзя забывать потомкам героев Великой Отечественной войны. Это художественное напоминание юному поколению о трагических испытаниях, которые Родина перенесла с достоинством, её сыновья и дочери отстояли родную землю в кровопролитных боях, память о которых навсегда в сердце каждого белоруса.

Стихотворения Г. Шакулова «Слеза командира» и «Клятва у стен Ленинграда» могут быть включены в круг чтения школьников старших классов как образцы патриотическо-публицистической лирики поэта-земляка. Кроме этого, стихотворение «Клятва у стен Ленинграда» может использоваться при изучении стихотворения А. Кулешова «Над брацкай магілай» (X класс, учебный предмет «Беларуская літаратура») как образец для компаративного анализа военной лирики (выявления сходных мотивов и приёмов художественной выразительности).

Литература

1. Берлеж, М. «Зялёнае царства»: нараджэнне Віцебшчыны / М. Берлеж // Літаратура і мастацтва. – 2010. – 24 верас. – С. 13.
2. Борисевич, В. От родного крылечка до последней черты / В. Борисевич // Нёман. – 2020. – № 12. – С. 140–144.
3. Бровка, А. По следам витебского Бианки / А. Бровка // Витебские вести. – 2019. – 13 апр. – С. 13.
4. Дрындрыжык, Н. Унук казначніка / Н. Дрындрыжык // Звезда. – 2017. – 3 жн. – С. 5.
5. Кузьмич, Т. Защитник зеленого богатства / Т. Кузьмич // Віцебскі рабочы. – 2006. – 31 студз. – С. 2.
6. Сусед-Виличинская, Ю.С. Вторая жизнь сказок Г.Л. Шакулова / Ю.С. Сусед-Виличинская, С.Н. Орлова // Современное образование Витебщины. – 2019. – № 4. – С. 33–41. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/19486> (дата обращения: 23.03.2025).
7. Шкирандо, Ф. Витебский сказочник / Ф. Шкирандо // Мы і час (Віцебск). – 2011. – 17 кастр. – С. 4.
8. Поэзия Великой Отечественной войны: эстетика, проблематика, жанрово-стилевые тенденции: учеб. пособие для студентов-филологов / сост. О.А. Дашевская. – Томск, 2016. – 136 с.
9. Шакулов, Г. Я многое видел на свете... / Г. Шакулов // Нёман. – 2021. – № 5. – С. 85–87.
10. Куляшоў, А. Над брацкай магілай / А. Куляшоў // 36. твораў: у 5 т. – Мінск: Маст. літ., 1974. – Т. 1. Вершы. – 530 с.
11. Шакулов, Г. Солдаты ДОТа № 205 / Г. Шакулов, А. Гилеп. – Минск: Изд. дом «Звезда», 2019. – 120 с.

Поступила в редакцию 24.03.2025

Тэкстаўтваральная функцыя знакаў прыпынку ў аспекце прагматыкі беларускай мастацкай прозы

Шаршнёва В.М.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка”, Мінск

Пунктуацыя акцэнтую і карэктывуе сэнсавыя адценні думкі і аўтарскую інтанацыю; абумоўлівае адметнасць арганізацыі праяўленага тэксту, сінтаксічна-рытмічнай арганізацыі маўлення; выступае сродкам адлюстравання важнай (з пазіцыі аўтара) інфармацыі; стварае і актуалізуе падтэкст, што ў сукупнасці ўплывае на фарміраванне зместу мастацкага тэксту.

Мэта артыкула заключаецца ў вывучэнні тэкстаўтваральнай функцыі знакаў прыпынку ў сувязі з іх прагматычным патэнцыялам.

Матэрыял і метады. *Матэрыялам працы сталі мастацкія тэксты беларускіх аўтараў. Асноўным метадам даследавання з’яўляецца апісальна-аналітычны. Таксама выкарыстоўваюцца семантыка-стылістычны, камунікатыўна-прагматычны і метады лінгвістычнага аналізу.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Прагматычны аспект тэкстаўтваральнай функцыі знакаў прыпынку заключаецца ў іх здольнасці кіраваць чытацкім успрыняццём і інтэрпрэтацыйнай дзейнасцю дзякуючы асобаму адбору і арганізацыі графіка-пунктуацыйных сродкаў у адпаведнасці з аўтарскай інтэнцыяй.*

Заклучэнне. *Прагматыка тэкстаўтваральнай функцыі семантычных знакаў прыпынку праяўляецца пры іх успрыняцці як маркераў стылістычных фігур, як сродкаў стварэння пунктуацыйных фігур; пры паўторным ідэнтычным або змененым дыстанцыйным ужыванні для суправаджэння аднолькавых сінтаксічных адзінак; пры самастойным ужыванні; пры замене вербальнага тэксту.*

Ключавыя словы: *тэкстаўтваральная функцыя, знакі прыпынку, мастацкі тэкст, пунктуацыя, графіка-пунктуацыйны, прагматычны.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 116–120)

Text-Formative Function of Punctuation in the Aspect of the Pragmatics of Belarusian Fiction Prose

Sharshniova V.M.

Education Establishment “Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University”, Minsk

Punctuation emphasizes and corrects the semantic shades of thought and the author’s intonation; determines the distinctiveness of the organization of a prose text, the syntactic-rhythmic organization of speech; acts as a means of reflecting important (from the author’s point of view) information; creates and actualizes the subtext, which in the aggregate affects the formation of the content of the literary text.

The purpose of the article is to study the text-forming function of punctuation marks in connection with their pragmatic potential.

Material and methods. *The material of the article was fiction texts by Belarusian authors. The main research method is descriptive-analytical. The semantic-stylistic, communicative-pragmatic and linguistic analysis methods are also used.*

Findings and their discussion. *The pragmatic aspect of the text-forming function of punctuation marks lies in their ability to control the reader’s perception and interpretive activity due to the special selection and organization of graphic and punctuation means in accordance with the author’s intention.*

Conclusion. *The pragmatics of the text-forming function of semantic punctuation marks is manifested in their perception as markers of stylistic figures, as means of creating punctuation figures; in repeated identical or modified remote use to accompany identical syntactic units; in independent use; in replacing a verbal text.*

Key words: *text-forming function, punctuation, fiction, punctuation, graphic-punctuation, pragmatic.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 116–120)

Кожны мастацкі тэкст мае сваю сістэму знакаў прыпынку, абумоўленую прагматычнай устаноўкай аўтара і камунікатыўным заданнем у цэлым. Прагматычная мэта пунктуацыйнага афармлення заключаецца перш за ўсё ў тым, што аўтар, арыентуючыся на чытача і імкнучыся дасягнуць максімальнага ўзаемаразумення, такім чынам дапамагае ўзмацніць вербальнае ўздзеянне свайго выказвання. Пунктуацыя актуалізуе не толькі сэнсавыя адценні думкі, але і аўтарскую інтанацыю, становіцца адметным спосабам арганізацыі праявінага тэксту, сінтаксічна-рытмічнай арганізацыі маўлення, інакш кажучы, з'яўляецца сродкам адлюстравання важнай (з пазіцыі аўтара) у сэнсавых адносінах інфармацыі. Найбольш значная яе роля адлюстроўваецца ў фарміраванні значэння мастацкага тэксту, у стварэнні і рэалізацыі падтэксту. Імпліцытны характар пунктуацыі заўсёды эмацыянальны і абумоўлены прагматычнымі прычынамі: жаданнем перадаць скрытую ацэнку аўтара, дасягнуць пэўнага эстэтычнага эфекту, непасрэдна звязанага з функцыяй мастацкага тэксту; імкненнем уздзейнічаць на пачуцці і думкі адрадата, падказваючы наяўнасць дадатковага сэнсу і паказваючы на ​​неабходнасць яго ўспрымання [1].

Узнікненне ўяўленняў аб тэкстаўтваральнай функцыі знакаў прыпынку абумоўлена разнастайнымі назіраннямі над тым, як пунктуацыйнае афармленне тэксту становіцца стымулятарам у развіцці тэкставых катэгорый інфарматыўнасці, чляннасці, кагезіі, кантынуму, аўтасемантыі, рэтраспекцыі і праспекцыі, мадальнасці, інтэграцыі, завершанасці [2], звязнасці, лагічнасці, цэласнасці [3], а таксама тэкставых катэгорый удзельнікаў зносін, умоў зносін, арганізацыі зносін, спосабаў зносін [4], вылучаных на аснове палажэнняў прагмалінгвістыкі. Указваючы на ​​абумоўленасць пунктуацыйнага афармлення камунікатыўна-прагматычнай накіраванасцю выказвання, Ю.М. Гусак сцвярджае, што “пунктуацыя разглядаецца зараз як тэкстаўтваральны сродак, мае функцыянальную нагрузку і выконвае пэўныя задачы, якія адказваюць за рэалізацыю змястоўнасці тэксту, выражэнне аўтарскіх задумаў” [5, с. 167].

У тэксце любога функцыянальнага стылю, і асабліва мастацкага, пунктуацыя рэгулюе першаснае ўспрыняцце пісьмовага маўлення: знакі прыпынку даюць рэцыпіенту своеасаблівы сігнал, указваючы на ​​іерархічныя адносіны паміж сэнсавымі блокамі, прыцягваюць увагу рэцыпіента да аўтарскіх прыёмаў кампазіцыйнага разгортвання тэксту.

На тэкстаўтваральнай функцыі знакаў прыпынку робяць акцэнт Н.С. Валгіна [6], Л.М. Ткачэнка [7], Н.Л. Шубіна [8], прама або ўскосна адзначаючы іх прагматычны патэнцыял, іх здольнасць прымаць удзел у стварэнні тэксту, аб'ядноўваць усе яго асобныя сказы, абзацы, раздзелы з улікам камунікатыўнага намеру аўтара. Даследчыкі называюць знакі прыпынку асобай графічнай формай, закліканай актуалізаваць экспліцытную і імпліцытную семантыку

ў выніку ўзаемадзеяння са сродкамі іншых узроўняў. Магчымасць выражэння пры дапамозе знакаў прыпынку прагматычнага зместу часта толькі абазначэцца, а спосабы выражэння прагматычнага зместу ўказваюцца толькі павярхоўна, без удакладненняў і фактычных пацвярджэнняў. Між тым менавіта тэкстаўтваральная функцыя ў значнай ступені вызначае прагматыку мастацкага тэксту, паколькі рэгулюе яго ўздзеянне на адрадата.

Мэта артыкула заключаецца ў вывучэнні тэкстаўтваральнай функцыі знакаў прыпынку ў сувязі з іх прагматычным патэнцыялам. Неабходнасць вывучэння прагматычнага патэнцыялу графіка-пунктуацыйных знакаў звязана з недастатковай распрацаванасцю ў беларускім мовазнаўстве прагматыкі пунктуацыі, а таксама з перспектывай далейшага развіцця прагматыкі беларускага мастацкага тэксту, асновы якой закладзены мовазнаўцам Б.Ю. Норманам [9].

Матэрыял і метады. Дасягненне ўказанай мэты прадугледжвае вырашэнне наступных задач:

1) падбор тэарэтычнага матэрыялу, які пацвярджае тэкстаўтваральную функцыю знакаў прыпынку ў мастацкім тэксце;

2) апрацоўка фактычнага матэрыялу, які ілюструе тэкстаўтваральную функцыю знакаў прыпынку;

3) сістэматызацыя фактычнага матэрыялу ў адпаведнасці з тэкстаўтваральнымі магчымасцямі знакаў прыпынку і выражанымі імі прагматычнымі значэннямі.

Асноўным метадам даследавання з'яўляецца *апісальна-аналітычны*, заснаваны на індуктыўна-дэдуктыўным падыходзе, пры якім аналіз фактаў выкарыстання знакаў прыпынку ў мастацкім праявіным тэксце выяўляе іх прагматычны патэнцыял. У працы таксама выкарыстоўваюцца: *семантыка-стылістычны* метады, які прадугледжвае вызначэнне стылістычнай маркіроўкі знакаў прыпынку, гэта значыць, наяўнасць ацэнкі, экспрэсіі, стылістычнай афарбоўкі; *метады лінгвістычнага аналізу*, які прадугледжвае выяўленне сістэмы стылістычных прыёмаў, заснаваных на выкарыстанні знакаў прыпынку; *камунікатыўна-прагматычны метады*, арыентаваны на раскрыццё аўтарскіх намераў шляхам аналізу імпліцытнага зместу знакаў прыпынку.

Вынікі і іх абмеркаванне. Тэкстаўтваральная функцыя знакаў прыпынку заключаецца ў іх здольнасці кіраваць чытацкім успрыняццем і інтэрпрэтацыйнай дзейнасцю дзякуючы асобаму адбору і арганізацыі графіка-пунктуацыйных сродкаў у адпаведнасці з аўтарскай інтэнцыяй. У гэтых адносінах тэкстаўтваральная функцыя пунктуацыі атаясамліваецца з прагматыкай, паколькі суадносіцца з мадальнасцю, эмацыянальнасцю, экспрэсіўнасцю. Найбольш выразныя ў прагматычных адносінах так званыя сэнсавыя знакі прыпынку (шматкроп'е, пыталнік, клічнік, працяжнік), а таксама разнастайныя пунктуацыйныя комплексы. *Тэкстаўтваральная* функцыя семантычных знакаў прыпынку праяўляецца пры іх успры-

няці як маркераў стылістычных фігур, як сродкаў стварэння пунктуацыйных фігур; пры паўторным ідэнтычным або змененым дыстанцыйным ужыванні для суправаджэння аднолькавых сінтаксічных адзінак; пры самастойным ужыванні; пры замене вербальнага тэксту.

Паўторнае ўжыванне семантычнага знака прыпынку ў бліжнім кантэксце выклікае замацаванне ў ім прагматычнай інфармацыі, паколькі не толькі ўзмацняе выразнасць і вобразнасць выказвання, не проста становіцца паказчыкам структурна-семантычных узаемаадносін паміж граматычнымі адзінкамі ў пэўным кантэксце або ва ўсім мастацкім творы, але і пачынае атаясамлівацца як маркер пэўнай стылістычнай фігуры: так, напрыклад, працяжнік успрымаецца як маркер эліпсісу, сінтаксічнага паралелізму, перыяду, антытэзы, хіязму; шматкроп’е – як маркер сентэнцыі, анафары, эпіфары, кальцавой кампазіцыі, зеўгмы і інш. Будучы **маркерам стылістычнай фігуры**, знак прыпынку акцэнтуюе ўвагу на семантыцы лексіка-граматычных адзінак, якія ўтвараюць гэту фігуру, напрыклад:

Любы з нас... Гэта значыць сёння ты, а заўтра – хтосьці іншы. Вось яна, вечная плынь жыцця. Ёй усё роўна – хто. Любы. Любы працягне яе і атрымае тыя ж сустрэчы, у той жа вечар або дзень, у тым жа горадзе і будзе жыць і любіць па сваіх правілах – светла ці жорстка, выпадкова ці назаўжды. Любы з нас... Можна сумаваць, можна ўсміхнуцца рознакаляровым водбліскам на сценах... (М. Прохар “Восень у Вільнюсе”);

Смутак успамінаў раз’ядае сэрца, як іржа – жалеза. Вяртацца назад небяспечна – толькі ненадоўга, на крышачку, як даюць мікстуру дзецям. А потым – назад. Думаць аб тым, што цяпер, што ёсць, што таксама калісьці стане мінулым. Але пакуль яно для цябе – сучаснасць (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Пунктуацыйна вылучаныя словы атрымліваюць дадатковы акцэнт, становяцца інфармацыйным цэнтрам выказвання. Адпаведна паслядоўнасці працытаваных прыкладаў, сегментацыя ў сукупнасці з паўторам, візуальнаму вылучэнню якіх у значнай ступені спрыяе шматкроп’е (першы прыклад), і эліпсіс, маркіраваны працяжнікам (другі прыклад), падкрэсліваюць прагматычную значнасць тэкставых фрагментаў, акцэнтуюць найбольш значныя для аўтара інтэнцыі, пры гэтым актывізуючы і дэаўтаматызуючы ўспрыняцце твора.

Тэкстаўтваральная функцыя знакаў прыпынку праяўляецца непасрэдна ў іх здольнасці прымаць **удзел у стварэнні пунктуацыйных фігур**, якія ўяўляюць сабой “знак, камбінацыю знакаў, што маркіруюць пунктуацыйную пазіцыю ў мэтах рэпрэзентацыі эстэтычна значнай прагматычнай устаноўкі аўтара, разлічанай на эмацыянальнае ўздзеянне” [10, с. 291]. Найбольш зручным для стварэння пунктуацыйных фігур з’яўляецца шматкроп’е, выразнай ілюстрацый чаго можа стаць наступны прыклад:

...Што ж застанецца, калі ўсё зусім сьядзе з нас: каханне, смутак, чаканне, радасць... – што ж застанецца? Няўжо тое, што ад пабітай бутэлькі, дзіркі ад абаранка, садзьмутага шара, з’едзенага вінаграду – пустэча... Горш за ўсё, калі ад пражытага ў табе ацалее толькі пустэча, спусташэнне (М. Прохар “За аблокамі душы”).

Кальцавое афармленне абзаца шматкроп’ем ўплывае на актуалізацыю і экспліцытна, і імпліцытна выражаных сэнсаў з адначасовым успрыманнем іх важнасці для разумення як уяўна адасобленага ад асноўнай часткі маркіраванага фрагмента, так і твора ў цэлым. Узмацненне пунктуацыйнай эпіфарай накіроўвае на магчымасць асобнага асэнсавання кожнага пунктуацыйна адзеленага кампанента абзаца, а таксама на акцэнтаванне выкарыстанай у першым сказе абзаца сінтаксічнай анафары (*...Што ж застанецца, калі ўсё зусім сьядзе з нас: каханне, смутак, чаканне, радасць... – што ж застанецца?*).

Не выклікае сумнення праяўленне тэкстаўтваральнай функцыі знакаў прыпынку пры іх **паўторным ідэнтычным або змененым дыстанцыйным ужыванні для суправаджэння аднолькавых сінтаксічных адзінак**:

Атрактыўная функцыя знакаў прыпынку дапамагае не толькі ўспрыняць і асэнсаваць тэкставую значнасць пэўных фрагментаў, але і заўважыць іх праспекцыйна-рэтраспекцыйную накіраванасць, усведамленне якой важнае для разумення замыслу мастацкага твора:

Я падышла да акна. Млечны Шлях, прыгожы і бязмежны, разліўся над галавою.

– Бачыш? Бачыш?! – крычала трубка.

Я ўжо не глядзела на неба. Са сваёй “галубятні” я глядзела на зямлю.

– Бачу. Бачу! Я цябе бачу...

<...>

Ваня быў жывы.

Я стаяла каля ложка, плакала і гаварыла нейкую бязглуздзіцу:

– Я бачыла цябе ў сне. Ты быў у пагонах, з зоркамі.

– Ды навошта табе мае зоркі? Снег пайшоў...

Глянь на неба – вунь дзве зоркі! Бачыш?

– Бачу. Бачу! Я цябе бачу... (А. Бензюрук “Я цябе бачу”, с. 155, 190).

Прагматыка знакаў прыпынку не толькі абумоўлена адрозненнем у афармленні слоў, якія яны суправаджаюць (*Бачу. Бачу! Я цябе бачу...*), але і мае рэтраспекцыйную і праспекцыйную залежнасць: спецыфіка пунктуацыйнага афармлення аказваецца дастаткова выразнай для таго, каб заўважыць узаемасувязь з загаловакам аповесці, а затым, ужо ў канцы твора, асэнсаваць паўторнае ўжыванне комплексу сказаў з абсалютна ідэнтычнымі знакамі прыпынку. Такі паўтор сігналізуе аб важнасці інтанацыйнага афармлення для перадачы зместу граматычных адзінак і ўспрыняцця аўтарскага пасылу.

Прагматычна значным у адносінах дыстанцыйнай накіраванасці, ажыццяўлення важных для

тэкстаўтварэння катэгорый праспекцыі і рэтраспекцыі з’яўляецца адметнае, індывідуальна-аўтарскае пунктуацыйнае афармленне сказа “Кто знает”, які завяршае пераважную большасць глаў (з 4-й па 16-ю, усяго 17 глаў) рамана А. Андрэева “Халатов и Лилька”:

Тамара с Халатовым переглянулись. Что ожидало их завтра? Кто знает. (Глава 5);

Любовь делает людей глупыми, счастливыми и талантливыми. Возможно, она же делает их мудрыми и несчастными. Кто знает! (Глава 8);

“Что же произошло?” – спрашивали одни обыватели. Другие обыватели кратко отвечали: “Кто знает?” (Глава 13);

Что означало многозначительное покашливание Соломки? Кто знает... (Глава 14).

Такі прыём не проста актуалізуе змест накіраванай на рэцыпіента фразы, але і ўказвае на важнасць асэнсавання праспекцыйна-рэтраспекцыйных узаемаадносін для адэкватнага разумення аўтарскіх інтэнцый.

Надзвычай выразнае праяўленне тэкстаўтваральнай функцыі ў выпадку **замены рэплікі** (часам нават цэлага дыялогу) **пэўным знакам прыпынку** (або спалучэннямі знакаў прыпынку):

– А теперь давайте присядем!

– Саш, мы и так весь вечер сидим, – напомнила мама.

– Вижу, что сидите. Но надо же с чего-то начинать! – Саша немного помолчала, сплела пальцы, выдохнула, потом вдохнула. – Я хочу вам что-то сказать. Что-то очень важное. Не только для меня. Для всех нас. Поэтому попрошу слушать внимательно. И если можно, не перебивайте.

Не так давно бабушки ввели меня в курс фамильного проклятия.

– ?! – Аля сокрушенно взглянула на мать.

– !!! – молча ответила та.

– Мур-р, – зашевелился в углу диванчика кот.

И тут же был изгнан на пол – нечего встречать в женские разговоры.

– !!! – зазвучали в тишине ноты моцартовского реквиема. Бабушка Александра умела произвести нужное впечатление даже молча. – !!! (Л. Богданова “С традициями пора завязывать!”).

Замена рэплікі знакамі прыпынку не проста дапамагае аўтару максімальна зменшыць слоўнае апісанне здзіўлення, недаўмення, збянтэжанасці, характэрныя для сітуацыі, але і абудзіць уяўленні чытача адносна мімікі персанажаў, іх магчымай жэстыкуляцыі, позы.

У працытаваным прыкладзе тэкстаўтварэнне непасрэдна звязана з пунктуацыйнай кампрэсіяй, якая заключаецца ў змяншэнні лексічных і граматычных сродкаў сувязі і павышэнні інфарматыўнасці пунктуацыі. Знакі прыпынку набываюць здольнасць імпліцыраваць сэнс, быць маркерамі інфармацыі значнага аб’ёму. Пры гэтым элементы выказвання, якія не атрымалі слоўнага выражэння, актуалізуюцца і матэрыялізуюцца за кошт аўтарскіх інтэнцый,

прэсупазіцый, чытацкага вопыту. Больш за тое, змест рэдукаваных моўных адзінак працягвае захоўвацца ў межах успрыняцця дзякуючы сэнсавай ёмістасці выкарыстанага знака.

Аказіянальным эквівалентам вербальнага тэксту з’яўляецца **радковае шматкроп’е**:

12

Тралейбусы спыняліся, забіралі пасажыраў і ад’язджалі, а Н. стаяў на прыпынку, каля таксафона, і не кранаўся з месца.

Здавалася адно: цярпець. Змірыцца. Цягаць на сабе свой крыж. “Такі ўрадзіўся”, – людзі кажуць. Ехаць дамоў, сядачь і атупела глядзець у адну кропку. Хай будзе што будзе.

<...>

Яму здавалася, само жыццё супраць яго – такога.

13

.....
.....
.....

14

Нейкі мужчына папрасіў закурыць.

Н. паглядзеў на яго, падумаў і палез ва ўнутраную кішэню курткі. Дастаючы пачак, адчуў, як пад світарам, у кашулі, зашамацелі білеты. Адзінае, што засталося пасля яе...

<...>

Потым ён ехаў у тралейбусе. Яму было радасна. Смешна. Лёгка. Як бывае, калі прачнешся пасля цяжкага, дурнога сну і адчуеш сябе ў рэальным, знаёмым свеце (А. Федарэнка “Дарожнае знаёмства”).

Тэкстаўтваральная функцыя радковага шматкроп’я заключаецца ў яго эквівалентнасці зместу 13-га раздзела апавядання. Чытач, адпаведна ўказанай лічбе, якая звычайна асацыіруецца з адмоўным сэнсавым напаўненнем, павінен узнавіць магчымы вербальны кампанент.

Заклучэнне. Такім чынам, графіка-пунктуацыйнае афармленне мастацкага тэксту непасрэдна звязана са змястоўнымі асаблівасцямі выказвання (тэкставага фрагмента, тэксту), яго камунікатыўна-прагматычнай накіраванасцю, кампазіцыйным члянэннем, закладзенай у ім эмацыянальна-экспрэсіўнай і эстэтычнай інфармацыяй, – інакш кажучы, з працэсам тэкстаўтварэння. Знакі прыпынку надзвычай важныя для рэалізацыі тэкставых катэгорый, тэкстаўтваральная функцыя праяўляецца пры іх успрыняцці як маркераў стылістычных фігур, як сродкаў стварэння пунктуацыйных фігур; пры паўторным ідэнтычным або змененым дыстанцыйным ужыванні для суправаджэння аднолькавых сінтаксічных адзінак; пры самастойным ужыванні; пры замене вербальнага тэксту і інш.

Прагматычны змест мастацкага тэксту і яго экспліцытнае і імпліцытнае выражэнне рэалізуюцца

праз сістэму пунктуацыйных пазіцый, якія спецыяльна ствараюцца аўтарам. Прычым графіка-пунктуацыйная арганізацыя сучаснага мастацкага тэксту ўскладняецца не толькі за кошт павелічэння сродкаў, спосабаў і прыёмаў візуальнага стварэння сэнсаў, але і за кошт змянення функцый звыклых знакаў прыпынку, пашырэння магчымасцяў іх выкарыстання (як, напрыклад, у выпадку замены рэплікі пэўным знакам прыпынку або выкарыстанне радковага шматкроп'я ў якасці эквіваленту вербальнага тэксту). Задача ўспрымальніка тэксту заключаецца ў правільным асэнсаванні знакаў, з дапамогай якіх аўтар вылучае найбольш значныя, на яго думку, часткі выказвання, і, адпаведна, адэкватным успрыняцці перададзенай імі інфармацыі.

Практычная значнасць праведзенага даследавання заключаецца ў магчымасці выкарыстаць атрыманыя вынікі, прапанаваныя класіфікацыі і азначэнні пры тэксталагічным даследаванні канкрэтных твораў і аналізе індывідуальна-аўтарскага стылю; пры вывучэнні пунктуацыі ў школе і УВА, а таксама ў практыцы перакладу і рэдагавання пісьмовых тэкстаў рознай стылістычнай і жанравай прыналежнасці.

Літаратура

1. Шаршнёва, В.М. Камунікатыўна-прагматычныя функцыі пунктуацыі мастацкага тэксту / В.М. Шаршнёва // Роднае слова. – 2024. – № 2. – С. 69–73.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
3. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 462 с.
4. Карасик, В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 185–197.
5. Гусак, Ю.Н. Функциональная специфика пунктуации в дихотомическом пространстве языка и речи: базовые подходы и принципы / Ю.Н. Гусак // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 2. – С. 164–167.
6. Валгина, Н.С. Нерегламентированная пунктуация. Авторская пунктуация / Н.С. Валгина // Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
7. Ткаченко, Л.Н. Пунктуационно-графическая организация современного французского нарративного текста: на материале текстов Фр. Бегбедера: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Ткаченко Людмила Николаевна; Воронеж. гос. лингв. ун-т. – Воронеж, 2013. – 169 с.
8. Шубина, Н.Л. Пунктуация современного русского языка / Н.Л. Шубина. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – 256 с.
9. Норман, Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций / Б.Ю. Норман. – Минск, 2009. – 183 с.
10. Кольцова, Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кольцова Людмила Михайловна; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2007. – 377 с.

Паступіў у рэдакцыю 20.03.2025

Рецепции этических и эстетических моделей Джейн Остен в повести Валентины Осеевой «Динка»

Крикливец Е.В., Аршанская Е.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Этические и эстетические модели Джейн Остен оказали влияние как на развитие английской литературы, так и на эволюцию мирового литературного процесса в целом. В повести советского автора Валентины Осеевой «Динка» поднимаются психологические проблемы становления и формирования молодого человека в условиях семьи, микро- и макросоциума, взаимоотношения отцов и детей, явно прослеживаются традиции романа воспитания, заложенные в британской художественной практике Джейн Остен.

Цель исследования – выявить рецепции этических и эстетических моделей Джейн Остен в повести Валентины Осеевой и установить их влияние на способы объектной организации повести «Динка».

Материал и методы. *Материалом исследования послужили прецедентные произведения зарубежной и русской литератур – романы Джейн Остен («Гордость и предубеждение», «Мэнсфилд-парк» и др.) и повесть (которую нередко атрибутируют как роман) Валентины Осеевой «Динка». Статья позволяет оценить значимость романа воспитания как особого типа романа и определить его место в мировой литературе. В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведения писателей в социокультурном контексте эпохи в сравнительном аспекте.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование дает возможность утверждать, что рецепции этических и эстетических моделей Джейн Остен в повести Валентины Осеевой «Динка» проявляются и на семантическом (тип героя, пространственно-временная организация), и на морфологическом (коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация) уровнях художественной структуры произведения. При этом оба писателя демонстрируют оригинальность индивидуально-авторских поисков, а роман воспитания выступает средством формирования морально-нравственных ценностей, свойственным конкретно взятому историческому периоду.*

Заключение. *Статья раскрывает способы взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур в диахроническом срезе, выявляет причины и результат литературной рефлексии, поднимает вопрос актуальности романа воспитания в современном литературном пространстве.*

Ключевые слова: *проза, роман воспитания, английская литература, русская советская литература, литературная рефлексия, литературный процесс.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 121–125)

Reception of the Ethical and Aesthetic Models of Jane Austen in Valentina Oseeva's Story "Dinka"

Kriklivets E.V., Arshanskaya E.E.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Ethical and aesthetic models of Jane Austen have influenced both the English literary development and the evolution of world literary process in general. In the story written by Soviet author Valentina Oseeva psychological problems of achievement and shaping of the young man in the family environment, a micro- and macro-social environment, father-and-children relationships are raised. A distinct tradition of the education novel rooted in the British artistic practice of Jane Austen is traced.

The purpose of the study is to reveal the reception of the ethical and aesthetic models of Jane Austen in Valentina Oseeva's story "Dinka" and establish their influence on the methods of object organization in the story "Dinka".

Material and methods. *The basis for the study was precedential works of foreign and Russian literatures – novels of Jane Austen ("Pride and Prejudice", "Mansfield Park" etc.) and Valentina Oseeva's story "Dinka", which is often identified as a novel. The article provides an opportunity to estimate the education novel significance as a special novel type and identify its place in world literature. The study used cultural-historical and comparative-typological methods, enabled to consider the authors' works in the social and cultural context of the era in a comparative perspective.*

Findings and their discussion. *The study enables to state, that reception of the ethical and aesthetic models of Jane Austen in Valentina Oseeva's story "Dinka" represented not only on the semantic (hero type, space-and-time organization), but also on the*

morphological (communicative strategy, plot-compositional organization) levels of the artistic structure of the work. At the same time both writers show the originality of individual author's searches, and the education novel acts as a means of shaping moral values, specific to a particular historical period

Conclusion. *The article reveals the methods of national literary interplay and mutual influence in the diachronic section, identifies the causes and results of literary reflection, brings up a question for the relevance of education novel in modern literary space.*

Key words: *prose, education novel, English literature, Russian Soviet literature, literary reflection, literary process.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 121–125)

Задачей любого литературного произведения является воспитать человека, сформировать у него правильные ценности, осветить проблемы общества конкретно взятого периода и даже попытаться найти ответы на вопросы, волнующие не только героя, но и самого читателя. В этом отношении роман воспитания приобретает сакральный смысл, тем более, если в качестве целевой аудитории выступает читатель-подросток. Актуальность данной жанровой разновидности состоит в рассмотрении вполне жизненных ситуаций, которые демонстрируются с разных сторон и с позиции протагонистов и антагонистов.

Изучение природы и значимости романа воспитания проводилось неоднократно. Теоретической базой для нашего исследования послужили научные труды Ф.Х. Махмудовой [1], Ф.И. Тухтаевой, З.Б. Джалиловой [2], Н.С. Шалимовой [3] и др.

Так, в статье «Черты и жанровые особенности романа воспитания» Ф.И. Тухтаева и З.Б. Джалилова, аккумулируя накопленный столетиями опыт, предлагают различные подходы к классификации данного жанрового типа. Особый интерес для нас представляет трактовка В.Н. Пашигорева, выделяющего этническую составляющую в данном жанре как средство формирования определенных канонов отдельной нации [2]. Подобная идея находит свое продолжение в работе Н.С. Шалимовой, которая в рамках рассматриваемой англоязычной литературы предлагает следующее определение: «Классический роман воспитания можно определить как роман о становлении героя в его многоплановости и сложности, показывающий постепенную эволюцию образа, он раскрывает диалектику формирования духовного мира героя, обращает внимание на такие психологические структуры, как самоотречение и самопреодоление, рождение нового сознания в ходе борьбы, показывает конфронтацию идей, взаимоисключающих состояний» [3, с. 82].

Цель исследования – выявить рецепции этических и эстетических моделей Джейн Остен в повести Валентины Осеевой и установить их влияние на способы объектной организации повести «Динка».

Материал и методы. Материалом исследования послужили прецедентные произведения зарубежной и русской литератур – романы Джейн Остен («Гордость и предубеждение», «Мэнсфилд-парк» и др.) и повесть (которую нередко атрибутируют как роман) Валентины Осеевой «Динка». Статья позволяет оценить значимость романа воспитания как особого типа романа и определить его место в мировой литературе. В работе использовались культурно-исторический

и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведения писателей в социокультурном контексте эпохи в сравнительном аспекте.

Результаты и их обсуждение. Анализ романов Дж. Остен и повести В. Осеевой «Динка» в контексте размышления о романе воспитания позволяет выявить взаимосвязь между произведениями, преемственность поколений и литератур эпохи Регенства, советского периода и современности.

Элементы романтической эстетики проявляются в специфике пространственной организации произведений Дж. Остен и В. Осеевой. Как правило, авторы помещают своих героев в географические координаты, которые отличаются своей исключительностью. Герои Дж. Остен проживают в удаленных селениях, где жизнь протекает медленно и степенно, завораживая своей красотой. Ярким примером может послужить Пемберли, к которому даже гордая и предубежденная по отношению к его владельцу, мистеру Дарси, Элизабет Беннет не осталась равнодушной: «Хотя Элизабет была настолько взволнована, что ей трудно было участвовать в разговоре, она любовалась каждым приветливым уголком и каждым красивым видом. На протяжении полумили они медленно поднимались и в конце концов внезапно выехали на свободную от леса возвышенность, с которой широко открывался вид на долину с господским домом, стоявшим на ее противоположном краю. Это было величественное каменное здание, удачно расположенное на склоне гряды лесистых холмов. Протекавший в долине полноводный ручей без заметных искусственных сооружений превращался перед домом в более широкий поток, берега которого не казались излишне строгими или чрезмерно ухоженными. Элизабет была в восторге. Никогда еще она не видела места, которое было бы более щедро одарено природой и в котором естественная красота была так мало испорчена недостаточным человеческим вкусом. Все были единодушны в своем восхищении. В этот момент она вполне оценила, что значило бы стать владелицей Пемберли!» [4, с. 604].

Обращаясь к повести В. Осеевой «Динка», мы окунаемся в пространство дачного посёлка, расположенного на берегу Волги. Автор подчёркивает красоту и величие пейзажей: широкая своенравная река, скалистый утёс, отвесный берег... Первая сцена повести, рассказывающая о спасении Динки из вод Волги, становится своего рода метафорой погружения ребёнка в бескрайнее пространство окружающего мира. Природная и социальная стихия таят опасности, и маленькому человеку без посторонней помощи нелегко их преодолеть.

И Дж. Остен, и В. Осеева формируют у читателя четкое представление о системе взглядов и ценностей представителей смоделированного в их произведениях микросоциума. Не остается сомнений в том, что данный микросоциум выступает метонимией всей социальной действительности, актуальной для авторов современности. Героев романов Дж. Остен волнуют насущные проблемы обывателей: в «Гордости и предубеждении» миссис Беннет ратовала за устройство судеб своих дочерей, Эмма Вудхаус в одноименном романе тяготилась расставанием с обожаемой гувернанткой мисс Тейлор, отчего «ввязалась» в заботу о Гарриет Смит; Энн Эллиот старательно лавировала между семейными трудностями и внутренними противоречиями; Фанни Прайс из «Мэнсфилд-парк» пыталась стать нужной и боролась с чередой личных переживаний.

Важное место в аксиологии героев Дж. Остен занимает светская жизнь: ежедневные моционы, балы, прогулки, посещение гостей... Подчеркивается значимость религии, где священнослужитель выступает в роли образца, чья миссия высоко ценится. Особое внимание данному аспекту уделяется в «Мэнсфилд-парк»: «Надеюсь, “ничто” в обиходном употреблении, так же как “никогда”, имеет степени. Священнику не дано занимать высокое положение или главенствовать в свете. Он не должен предводительствовать толпами или задавать тон в одежде. Но я не могу назвать ничтожной роль, которая обязывает заботиться о том, что всего важнее для человечества, имея в виду каждого человека в отдельности или все общество в целом, жизнь земную и вечную, обязывает печься о религии и нравственности, а тем самым о поведении, которое из них проистекает. Такое служение никто не может назвать ничтожным. Если ничтожен человек, принявший его, то потому, что пренебрегает своим долгом, забывает о том, сколь важен этот долг, выступает в роли, в какой ему выступать не следует» [5, с. 314]. Приведенные цитаты демонстрируют, насколько важен для современников Дж. Остен статус человека, его моральный облик, положение в обществе, отношения с людьми и их мнение о нем.

Историческим фоном повести В. Осеевой «Динка» является предреволюционная эпоха 1908–1916 годов, упомянуты в произведении и трагические события Первой мировой войны. Динка и её сёстры воспитываются в семье революционера-железнодорожника, поэтому ценностная основа микросоциума девочек определена идеалами борьбы за справедливость и равенство, важности и значимости любой человеческой личности, интеллектуального и физического труда, взаимопомощи. Последовавшие за описанным периодом времени революция и Гражданская война разрушили патриархальные семейные взаимосвязи. И потому так важна в прозе советского писателя «мысль семейная» как основа, цементирующая общество. Кругозор маленькой девочки постепенно расширяется. Благодаря знакомству и дружбе с мальчиком-беспризорником Лёнкой в картину мира Динки проникают представления о классовых противоречиях общества, об иных

моделях семейного воспитания (или его отсутствия), приходит понимание и принятие общественно-политической деятельности отца.

Основой формирования любой личности является семья, семейные установки и взаимоотношения. Преодолеть психологические устои данной социальной единицы (даже негативные) весьма непросто, а порой невозможно. В своих романах воспитания Дж. Остен и В. Осеева уделяют большое внимание исследованию психологии этой узкой ячейки общества и детско-родительских отношений.

Разумеется, если говорить о влиянии семьи, прежде всего стоит обратить внимание на старшее поколение. В романах Дж. Остен институт семьи представлен с разных сторон. На примерах Шарлотты Лукас и мистера Коллинза, Лидии Беннет и мистера Уикхема, мистера Элтона и мисс Хоккинс, Гарриет Смит и Роберта Мартина мы наблюдаем прагматическую выгоду от нового союза. В то же время браки Элизабет Беннет и мистера Дарси, Джейн Беннет и мистера Бингли, мисс Вудхаус и мистера Найтли, Джейн Фэрфакс и Фрэнка Черчилла, мистера и миссис Уэстон, Энн Эллиот и капитана Уэнтурта являются воплощением идеалистической истории. Однако и отношение родителей к будущим союзам варьируется: если миссис Беннет и миссис Рассел способствуют разрешению волнующего их вопроса, то мистер Вудхаус выступает их полной противоположностью, а сэр Уолтер тяготеет своим местом в обществе.

Одна из проблем семейного воспитания эпохи Регентства – отстраненность и холодность со стороны взрослых. В «Гордости и предубеждении» Джейн и Элизабет Беннет ближе друг другу, чем к отцу или матери, явно отдававшей предпочтение младшим дочерям. Лиззи даже подчеркивает: «...слишком мало людей на свете пользуется моей любовью. А таких, которых я по-настоящему уважаю, еще меньше» [4, с. 501–502]. Схожая ситуация наблюдается и в «Мэнсфилд-парк», где родственники Фанни Прайс в первую очередь заботятся не о том, чтобы девочка стала частью семьи, а о том, чтобы она знала свое место: «Речь идет о надлежащем различии, которое должно существовать между девочками, когда они подрастут: как сохранить у моих дочерей сознание, кто они такие, без того, чтобы они ставили кухню слишком уж низко, и как, не чересчур омрачая ее настроение, не дать ей забывать, что она отнюдь не мисс Бертрам. Я не против, чтобы они подружились, и никак не стал бы поощрять в своих дочерях ни малейшего высокомерия по отношению к их родственнице, но все же она им не ровня. Их положение, состояние, права, виды на будущее всегда будут несравнимы. Тут требуется величайшая деликатность, и вы должны нам помочь в наших стараниях избрать верную линию поведения» [5, с. 240].

Немногие герои романов Дж. Остен могут похвастаться добрыми родственными чувствами. Положительным примером в этом смысле является мисс

Тейлор, которая смогла не просто наладить контакт с пасынком Фрэнком Черчиллом, но и вызвать у него ответное теплое чувство: «Сударыня! Вы – сама доброты, но, может быть, и вашей доброты не достанет, чтобы извинить кое-что в моем поведении. Однако та, которая еще более вправе негодовать, меня простила. Это придает мне духу. Вы, ангел доброты, тотчас мне простите – что же до моего отца, то его сердце, надеюсь, тронется тем соображением, что, медля посетить дом его, я все это время лишал себя счастья познакомиться с вами» [8, с. 383–384].

Детско-родительские взаимоотношения, бытующие в семье Арсеньевых, на первый взгляд, выглядят идеальными. Маме Марине удаётся установить доверительные отношения со всеми своими дочерьми, она понимает чувства и потребности каждой, осознаёт психологическую мотивацию их поступков. Однако, ввиду подпольной деятельности мужа, она вынуждена фактически в одиночку содержать семью. Работа Марины является основным источником дохода для неё самой, её сестры Кати и трёх девочек – Алины, Мышки и Динки. Женщина целый день проводит на службе, испытывая постоянную усталость и чувство вины. Роль «воспитательницы» девочек делегирована её младшей сестре Кате, которая, в силу юного возраста, не всегда справляется с этой ролью. Ей не хватает душевного тепла и эмпатии, она откровенно резка с младшей племянницей, чьё свободолобие и своеволие раздражают Катю. Маленькой Динке очевидно не хватает материнского тепла, и она находит его у домработницы Лины, которая пестует свою любимицу.

Кроме того, в модели семьи Арсеньевых практически отсутствует фигура отца. Известно только, что он любит свою семью и заботится о ней. Но это, как правило, происходит издалека и не может компенсировать дочерям нехватку отцовского присутствия в их жизни. В сознании Динки отец и вовсе мифологизирован. Девочка боится забыть или не узнать папу, разглядывает его фотографию и периодически сверяется с малознакомым образом. И только в последней части повести происходит недолгое воссоединение семьи. Причём поводом для семейных шуток становится как раз тот факт, что младшая дочь при первой встрече отца не узнала. В повести есть мужские персонажи, так или иначе замещающие в семье фигуру старшего Арсеньева: это брат Марины (дядя Лёка), друг и соратник отца Никич, жених Кати Костя. Следует отметить, что их взаимодействие с девочками фрагментарно: дядя Лёка бывает наездами, у него есть своя семья, Никич заботится о трудовом воспитании своих «подопечных», но испытывает слабость к алкоголю, Костя захвачен романтикой революционной борьбы и своим чувством к Кате. Следовательно, несмотря на то, что тепло семейного очага Арсеньевых втягивает в свою «орбиту» даже не родных по крови людей (Лину, Никича, Кулешу, Марьяшку, Лёнку), все они выполняют некую «компенсаторную» функцию – восполняют девочкам качественное присутствие родителей в их жизни.

Антимоделью семьи выступают в повести В. Осеевой «Динка» взаимоотношения Лёньки с отчимом Гордеем Лукичом. Образ Гордея Лукича аккумулирует все негативные качества личности, которые только можно вообразить: жестокость, самодурство, скупердяйство. Средствами «семейного воспитания» становятся рукоприкладство и использование тяжелого труда мальчика-сироты. Лёнька вынужден был рано повзрослеть. Он оказался способен на заботу и тёплое чувство к своей Макаке (так парнишка называет Динку). Попав в семью Арсеньевых, Лёнька довольно быстро адаптируется, вживается в роль старшего сына и брата. Поведение друга вызывает ревность у Динки, привыкшей считать его своей собственностью. Но глубинный смысл его поступков заключается в том, что Лёнька пытается осознать семейную иерархию и «вписаться» в неё. Испытывая глубокую благодарность к Марине, он всячески пытается помочь ей с девочками и в то же время соответствовать духовному и интеллектуальному уровню семьи, ставшей для него родной. Лёнька не жалеет себя ни в работе, ни в учёбе, перенимая своеобразную эстафету от старшего Арсеньева, который во время краткой встречи с семьёй в поезде обнимает мальчика как сына.

Помимо семьи, влияние на ценностные ориентации подростков оказывают их взаимоотношения с наставниками и друзьями. Тема наставничества звучит в романах Дж. Остен. Так, особым расположением у мистера Коллинза пользовалась Леди Кэтрин де Бер, чьи идеи и мнение всегда находили отклик в сердце наследника мистера Беннета. Исключительными можно назвать отношения леди Рассел и Энн Эллиот, поскольку подруга матери была единственным человеком, кто мог оценить юную особу по достоинству.

Образы наставников воплощены и в повести В. Осеевой «Динка». Не только старшей сестрой, но и нравственным «поводырем» становится Марина для Кати. Рано осиротевшие сёстры натерпелись от злобной мачехи. И если Марина в своей собственной семье старается идти «от противного» и не допустить повторения своей личной трагедии, то Катю пережитое ожесточает, и Марина вынуждена постоянно мягко напоминать ей о том, к каким психологическим травмам приводит система наказаний и страха.

Лёнька получает в повести кличку Лёнька-Бублик в связи с тем, что удачно придумал прятать прокламации в бублики и распространять «угощение» в рабочих столовых и закусовых. Сама ситуация свидетельствует о связи мальчика с революционерами-подпольщиками, в среде которых он старался заслужить уважение и стать своим. Классовые противоречия становятся причиной личной драмы Лёньки, и потому беседы подростка с наставником-студентом обретают благодатную почву. Затем происходит знакомство с Костей. Поддержка и плечо старших товарищей вселяют в мальчика уверенность и помогают не растеряться в критический момент (в эпизоде, повествующем о гибели Белоглазого).

Дружба представляет непреходящую ценность для подростков любой эпохи и национальности. Именно

поэтому оба автора уделяют этой теме большое внимание. Дружеские, как и семейные, взаимоотношения выстроить непросто. В дружбе, как и в первой влюблённости, формирующаяся личность познаёт себя, свои положительные качества и «теневые» стороны, проходит проверку на прочность и духовную состоятельность, обретает нравственную идентичность. Так, описывая двух подруг, Эмму Вудхаус и Гарриет Смит, Джейн Остен подчеркивает проблемные истоки этой дружбы. В романе «Эмма» наблюдается очевидное превосходство одной девушки и несостоятельность другой, что не способствует укреплению дружеских связей.

Принципиально иначе раскрывается тема дружбы в повести В. Осеевой «Динка». Дружба с Лёнкой становится для Динки билетом в большую жизнь, в самопознание и самоопределение. Изначально в этой дружбе есть элемент покровительства: Лёнка видит в Динке такую же несчастную беспризорницу, как и он сам, и на правах старшего начинает опекать и, по возможности, баловать свою любимую «Макаку». Мальчик получает возможность проявить лучшие качества, глубину и душевность своей натуры, тогда как Динка, лишённая возможности расти рядом с отцом, наконец ощущает мужское начало и мужскую заботу в своей жизни. Дружба ребят проверяется разными обстоятельствами: страхом Динки потерять расположение мальчика и открыть ему правду о своей семье, Лёнкиным напряжённым ожиданием возвращения Гордея Лукича и неминуемой расправы, болезнью общей любимицы Марьяшки, отъездом Лины в новую замужнюю жизнь, появлением шпиона-Белоглазого, следившего за домом Арсеньевых. С психологической точностью раскрывает В. Осеева движения души героев, их сомнения и переживания, их личный нравственный выбор. Истинной дружбе оказались нестрашны никакие испытания, Лёнкина привязанность к Макаке вызывает уважение у всех членов семьи Арсеньевых и они с теплом принимают мальчика в семью.

Общество Эпохи Регенства также было взволновано разного рода событиями, однако они, как правило, относились к светской жизни и касались обыденных вопросов: приемов, знакомств и связей. Так, в романе «Доводы рассудка» можно проследить значимость бала в жизни героев: «Очень, очень счастливы были Элизабет и Энн Эллиот, входя в эту залу. Элизабет шла под руку с мисс Картерет, глядя в могучую спину вдовствующей виконтессы Дэлримпл, и ей, кажется, уже нечего было больше желать; ну, а Энн... впрочем, мы не станем оскорблять ее, сопоставляя чувства обеих сестер; ибо в одной ликование порождалось себялюбивою суетностью, а в другой – привязанностью великодушного сердца» [9, с. 595].

Заключение. Таким образом, можно прийти к выводу, что, вопреки временным и пространственным рамкам, сопоставительное изучение произведений Дж. Остен и В. Осеевой доказывает состоятельность диалога английской литературы рубежа XVIII–XIX веков и русской советской литературы, сохранение традиций

знаменитой писательницы и их роль в восхождении новых классиков. Обращение к проблемам, поднятым в романах воспитания, говорит об актуальности данного жанра как в XVIII, так и в XX веках. Безусловно, восприятие окружающего мира героями существенно отличается, так как персонажи В. Осеевой в большей степени подвержены саморефлексии, нежели действующие лица романов Дж. Остен, которые предпочитают фокусироваться на реальной жизни и предрассудках, характерных их историческим реалиям. При этом очевидным остаётся факт влияния микросоциума и семьи на формирование личности молодого человека, его взглядов и системы ценностей. С точки зрения художественного метода, и в романах Дж. Остен, и в повести В. Осеевой «Динка» можно выделить элементы реализма и романтизма, поскольку (при наличии приёмов социальной типизации) в произведениях наблюдается романтизация и некоторая исключительность географического и природного пространства.

Литература всегда поднимала острые вопросы своего времени, поэтому назвать популярность романа воспитания увядающей довольно-таки опрометчиво. Данная жанровая форма позволяет прямо или иносказательно поднять психологические проблемы семьи и детей, предлагает пути их решения. Роман воспитания – это своего рода энциклопедия актуальной действительности, которая наглядно демонстрирует все стороны жизни обычных людей (в том числе и читателя), в результате чего мы можем в полной мере оценить отдельные реальные ситуации и сформировать независимое мнение о них.

Литература

1. Махмудова, Ф.Х. Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: тема воспитания / Ф.Х. Махмудова // Вестник науки. – 2021. – Т. 2, № 5(38). – С. 49–55.
2. Тухтаева, Ф.И. Черты и жанровые особенности романа воспитания / Ф.И. Тухтаева, З.Б. Джалилова // Мировая наука. – 2019. – № 5(26). – С. 705–708.
3. Шалимова, Н.С. Развитие романа воспитания в англоязычной литературе / Н.С. Шалимова // Евразийский Союз Ученых. – Серия: Филологические науки. – 2015. – № 7(16). – С. 81–83.
4. Остен, Дж. Гордость и предубеждение / Дж. Остен // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худ. лит., 1989. – Т. 1. – С. 367–736.
5. Остен, Дж. Мэнсфилд-Парк / Дж. Остен // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худ. лит., 1988. – Т. 2. – С. 233–655.
6. Бакман, Ф. Медвежий угол / Ф. Бакман. – М.: Синдбад, 2024. – 528 с.
7. Аршанская, Е.Е. Феномен семьи в романе Джейн Остен «Эмма» / Е.Е. Аршанская // Идеи. Поиски. Решения [Электронный ресурс]: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С.А. Важник (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2024. – С. 258–260.
8. Остен, Дж. Эмма / Дж. Остен // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худ. лит., 1989. – Т. 3. – С. 5–428.
9. Остен, Дж. Доводы рассудка / Дж. Остен // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худ. лит., 1989. – Т. 3. – С. 430–657.

Поступила в редакцию 24.03.2025

Нарративные стратегии в книге Софьи Федорченко «Народ на войне» (1917)

Третьяк З.И.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой», Новополоцк

Статья посвящена рассмотрению художественной концепции воплощения Первой мировой войны в документально-художественной книге С. Федорченко «Народ на войне».

Цель исследования – выявить специфические нарративные стратегии, предложенные С. Федорченко для художественного осмысления Первой мировой войны как многогранного социального феномена.

Материал и методы. Материалом исследования послужила документально-художественная книга «Народ на войне» С. Федорченко. В процессе работы были использованы историко-контекстуальный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. В произведении реализуется идея полифоничности: о многообразии событий и переживаний, связанных с перипетиями 1914–1918 гг. рассказывает целый ряд заведомо безымянных персонажей, оживших в памяти повествователя, желающего остаться беспристрастным наблюдателем, выявляющим минимальное присутствие в тексте. Художественное единство достигается за счёт последовательного использования приёмов монтажа и очуждения.

Заключение. Эксперимент с формой произведения в значительной степени трансформирует роль читателя, который вовлекается своеобразный диалог с повествователем и персонажами.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская литература, С. Федорченко, документально-художественная проза, полифония, суггестивность, монтаж, очуждение, сказ.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 126–129)

Narrative Strategies in Sofia Fedorchenko's Book “People at War” (1917)

Tretyak Z.I.

Education Establishment “Euphrosyne of Polotsk State University of Polotsk”, Novopolotsk

The article is concerned with the artistic concept of the First World War embodiment in the documentary-fiction book by S. Fedorchenko “People at War”.

The purpose of the study is to identify specific narrative strategies offered by S. Fedorchenko for the artistic understanding of the First World War as a multifaceted social phenomenon.

Material and methods. The research material was the documentary-fiction book “People at War” by S. Fedorchenko. In the course of the work historical-contextual and comparative-historical methods were used.

Findings and their discussion. In this work the idea of polyphony is implemented: a number of deliberately nameless characters, revived in the memory of the narrator, who wants to remain an impassive observer, revealing a minimal presence in the text, tell about the diversity of events and experiences associated with the vicissitudes of 1914–18. Artistic unity is achieved due to the consistent use of montage and alienation techniques.

Conclusion. The experiment with the form of the work significantly transforms the role of the reader, who is involved in a kind of dialogue with the narrator and characters.

Key words: World War I, Russian literature, S. Fedorchenko, documentary fiction, polyphony, suggestiveness, montage, alienation, tale.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 126–129)

Книга Софьи Федорченко «Народ на войне» – отдельная страница в истории русской литературы о Первой мировой войне. Это произведение представляет собой сложное взаимодополняющее единство документального и художественного начал в повествовании, и разработка такого варианта рассказывания – нарративной стратегии – продолжена автором в книгах «Революция» и «Гражданская война», объединённых в трилогию «Народ и война». Сочетание указанных начал не вызывает сомнения, однако, споры о первичности одного из них ведутся до сих пор. А. Панченко отмечает, в 1928 г. писательница призналась, что «на самом деле никаких записей на фронте она не вела и написала первую часть своей книги в Киеве и Москве – по памяти» [1, с. 8]. Между тем до этого признания публикации Федорченко воспринимались большинством читателей как документальные, чуть ли не стенографические записи аутентичных солдатских бесед». Подобная откровенность автора вызвала шквал критики и негативно сказалась на дальнейшей судьбе произведения (например, см. статью Д. Бедного «Мистификаторы и фальсификаторы – не литераторы», опубликованную в газете «Известия», № 43, 1928).

Тем не менее произведение С. Федорченко оригинально вписывается в ряд документально-художественных книг о Первой мировой войне, увидевших свет в первой половине XX в.: «Записки кавалериста» Н. Гумилёва, «Огонь. Дневник взвода» А. Барбюса, «Запретная зона» М. Борден¹, «На империалистической войне (Записки солдата 2-й батареи N-ской артиллерийской бригады Лявона Задумы)» М. Горецкого, трилогия «США» Дж. Дос Пассоса, «Фронтовая сводка» Э. Кёппена, «Война» Л. Ренна, «Из писем прапорщика артиллериста» Ф. Степуна, «В стальных грозах. Из дневника командира штурмовой группы», «Лейтенант Штурм» Э. Юнгера и др. Стоит отметить, что соподчинение и первичность документального либо художественного начал – открытый вопрос, решаемый отдельно в каждом из указанных случаев в связи со спецификой конкретных авторских целей и устремлений.

Работа С. Федорченко, согласно наблюдениям Ж. Димеши, относится к документальной прозе – «пограничному жанру <...> это и не совсем художественная литература, и не достоверный исторический источник, он не соответствует полностью правилам ни социологического, ни этнографического сбора данных, но в то же время тесно связан со всеми

¹Опыт американской писательницы М. Борден схож с пережитым С. Федорченко. М. Борден – медицинская сестра – в предисловии к своей книге «Запретная зона» отмечала: «Наброски и стихотворения были написаны в период между 1914 и 1918 гг. во время четырёхлетней работы во французских военных госпиталях. Пять рассказов я недавно написала по памяти; в них подробно изложены реальные эпизоды, которые я не могу забыть» (*The sketches and poems were written between 1914–1918, during four years of hospital work with the French Army. The five stories I have written recently from memory; they recount true episodes I cannot forget*) [2, p. i].

перечисленными областями и, если произведение хорошо написано, то оно может заинтересовать и потрясти читателя» [3, с. 171]. Концептуальное стремление С. Федорченко к сохранению атмосферы достоверности очевидно, если сопоставить фрагменты из книги «Народ на войне» с наблюдениями военно-исторических антропологов: А. Асташова («Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну»), О. Поршневой («Ментальный облик и социальное поведение солдат русской армии в условиях Первой мировой войны (1914–февраль 1917 гг.)»), В. Тяжелниковой («“Военный синдром” в поведении коммунистов 1920-х гг.»).

Цель исследования – выявить специфические нарративные стратегии, предложенные С. Федорченко для художественного осмысления Первой мировой войны как многогранного социального феномена.

Материал и методы. Материалом исследования послужила документально-художественная книга «Народ на войне» С. Федорченко. В процессе работы были использованы историко-контекстуальный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. Особое внимание вызывает структура книги «Народ на войне». Если при первой публикации С. Федорченко «давала свои <...> записи в достаточно случайном порядке, не считая обязательным “систематизировать” и раскладывать по рубрикам свой материал» [4, с. 134], то уже к третьему изданию появляется определённая последовательность «повествования»: весь калейдоскоп из небольших рассказов безымянных «нижних чинов», песен, частушек, пересказанных сюжетов, почерпнутых из солдатского фольклора, делится на восемь разделов («Как шли на войну, что думали о причинах войны и об учении», «Что на войне приключилось», «Каково начальство было», «Какие были товарищи», «Как переносили болезни и раны», «Как о “врагах» говорили», «Что о доме вспоминали», «Что о войне думали»). Кроме того, отдельные материалы о Первой мировой войне встречаются и в книгах С. Федорченко «Революция» («О войне, о старом и о земле», «Кончай войну») и «Гражданская война» («О самой войне», «Немцы»). Произведение писательницы, в котором отсутствует единая сюжетная линия, формально строится как серия из разрозненных фрагментов, которые «предполагают установку на композиционную компактность высказывания» [5, с. 285]. В таком случае активизируется креативность читателя (реципиента информации), занятого поисками «ключа» к интерпретации экспериментального художественного единства, рождающегося в процессе знакомства с книгой С. Федорченко. Произведение начинает восприниматься как особое коммуникативное пространство, где возник полилог между автором, персонажами, тщательно завуалированным повествователем и собственно читателем.

Отметим, что авторский замысел напрямую отражён уже в структуре текста: все записи подчёркнуто

безымянны и не датированы, что, с одной стороны, свидетельствует о стремлении создать обобщённый образ русского солдата на войне, а с другой – говорит об осмыслении малозаметной роли рядового человека на тотальной технологизированной войне. Важно отметить, что предлагаемый С. Федорченко «коллективный герой» сознаёт свою нецелостность и «размышляет о проблемах самоидентичности и приходит к убеждению, что для него стал невозможен выстроенный, завершённый, внутренне органичный образ самого себя» [6, с. 568] и мира. Так или иначе, работая с подобным типом героя, автор книги обращается к мотиву «потерянности», смысл которого в значительной степени отличается от заложенного в него западноевропейскими литераторами (Р. Олдингтон, Э.М. Ремарк) и их коллегами из США (Дж. Дос Пассос, Э. Хемингуэй). «Коллективный герой» С. Федорченко, погружённый в динамику исторического процесса, во время Первой мировой не успевает до конца проникнуться чувством «потерянности» (то есть пессимистичным взглядом на жизнь в мире, пережившим насилие военного времени, нежеланием принимать участие в общественной жизни, ощущением тотального и непреодолимого аксиологического кризиса). Этому герою Первой мировой еще предстоит пережить революцию 1917 г. и Гражданскую войну – события, которые в конце концов принудили его занять активную социальную позицию и выстроить отношения с радикально трансформированной действительностью.

Размещение фрагментов внутри разделов книги С. Федорченко «Народ на войне» явно подчинено логике свободных ассоциаций некоего повествователя,двигающегося по волнам собственной памяти, которая погружает его в некогда услышанный поток вербализованных впечатлений участников Первой мировой войны. Этот повествователь делегирует часть своих функций читателю, постигающему специфику функционирования коммуникативного пространства, направленного на эксперимент с собственными формой и содержанием. Параллельно читатель пытается реконструировать тщательно завуалированный образ повествователя, его мировоззренческие установки, а также постигнуть некие сложные, трансцендентные смыслы, обусловленные самим характером боевых действий. При всей лапидарности отрывков в большинстве случаев наблюдается стремление к их смысловой завершённости: «Устал я воевать. Сперва по дому тосковал. Потом привык, новому радовался... Страх пережил – к бою сердце горело. А теперь перегорело, ничего нету... Ни домой не хочу, ни новости не жду, ни смерти не боюсь, ни бою не радуюсь... Устал...

Я глупый такой был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал... На случай, что во сне представлюсь. А теперь ни Бога, ни чёрта не боюсь... Как всадил с рукою штык в брюхо – словно сняло с меня что-то» [7, с. 75].

Описанный выше подход к организации материала соотносится с экспериментами на уровне формы и содержания в других национальных литературах. Например, американский писатель У. Марч в романе «Рота К» создаёт прерывистое, дискретное повествование, где истории 113 персонажей-пехотинцев приобретают цельность также благодаря «коллективному герою». Этот литературный герой-субъект, созданный Уильямом Марчем, обобщает мелкие эпизоды, иллюстрирующие пребывание американского экспедиционного корпуса в Европе, что позволяет комплексно подойти к раскрытию темы «человек на войне». Вместе с тем в произведениях С. Федорченко и У. Марча имеется и ряд существенных различий. На уровне формы повествование в романе «Рота К» инициировано вымышленной фигурой: Джозефом Делани, который решил свести воедино разнообразный опыт товарищей по службе. Разъяснив свою позицию, он передаёт слово сослуживцам, т.е. речевая манера каждого из них сохраняется. В случае с книгой С. Федорченко повествователь принципиально скрыт за рассказами участников и очевидцев войны, а каждый фрагмент представлен в сказовой манере, нюансы которой распознаёт ухо повествователя, «объективного, невидимого, подчёркнуто бесстрастного наблюдателя, не желающего вступать в <...> духовный или эмоциональный контакт с тщательно им воссоздаваемой действительностью» [8, с. 510].

Речь персонажей в книге «Народ на войне» имеет ярко выраженную неписьменную природу: воспроизводятся микромонологи, подражающие фольклорным источникам, говору крестьян, рабочих, ремесленников либо торговцев, в отдельных случаях – архаичным формам письменной речи, которые отражали притязания говорящего на «культурность». В целом замысел автора можно соотнести с орнаментальным сказом, «отражающим не облик единственного нарратора, а целую гамму голосов и масок и ни к какой личной повествовательной инстанции не отсылающий» [9, с. 234]. Авторский замысел Софьи Федорченко иллюстрируют следующие слова трёх персонажей книги: «Нету мне веры в счастье теперь. Посудить – так и грех об счастье-то думать, в чёрный год такой <...>

От той дисциплины больше всего устал я. Хоть бы порядок какой, а то ничего не понять. Одни слова пустые, да жилам тяготы. Чести этой одной столько отдашь, самому то ничего от ней не останется. Разве ж я тут человек?.. Весь чужой...

<...> Я теперь очень даже просто кровь человеку пушу. Какое такое мне теперь, эдакому-то, дома дело подходящее будет – не придумаю» [7, с. 84]. Предложенный в книге сказ не столько подчёркивает, что «говорящие» принадлежат к крестьянской либо городской среде, мало знакомой с нормами современного им литературного языка, сколько подводит читателя к мысли, что он имеет дело с многоликим «коллективным героем», выступающим в различных ролях и моделирующим новую реальность, где главным

объектом осмысления был «больной» социум, который безуспешно пытался найти выход из состояния перманентной вооружённой борьбы.

Орнаментальный сказ позволил С. Федорченко свести воедино диаметрально противоположные представления о войне и врагах: «По совести сказать, не вижу я врага ни в каком человеке. Ну что мне немец, коли он меня ничем не обидел?» [7, с. 64]; «Я ненавижу врага до того, что по ночам снится» [7, с. 67]. В контексте произведения они выглядят абсолютно естественно, т.к. «коллективный герой» не претендует на единомыслие, а каждый раз предлагает новый взгляд на предельно многогранный феномен мировой войны, далеко не исчерпывая заданную тематику.

Книга «Народ на войне» воспринимается как особый самодостаточный художественный феномен, целиком выстроенный благодаря приёмам монтажа и очуждения. Автор, с одной стороны, тяготеет к фрагментации и деформации традиционных приёмов повествования: каждый эпизод иллюстрирует частное, персонально окрашенное, стихийно рождённое в потоке экстремальных событий, а с другой – данные эпизоды сводятся в единую систему, чтобы хоть как-то упорядочить воспоминания об алогичном и невообразимо многогранном бытии во время войны. Кроме того, обращение к фрагментации может свидетельствовать о желании С. Федорченко разрушить сложившийся «канон» военной литературы, основанный на достижениях русской реалистической литературы XIX в. Среди концептуально важных признаков очуждения, реализованных в книге С. Федорченко, отметим «постоянную смену перспективы; показ происходящего <...> глазами персонажа, без авторского вмешательства и комментирования» [10, с. 468].

Художественный эксперимент, представленный в книге «Народ на войне», стал одним из первых в ряду типологически подобных. Говорить о генетических сходениях работы С. Федорченко с произведениями А. Адамовича и Д. Гранина («Блокадная книга») или А. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ») не приходится. Тем не менее в русской документально-художественной литературе XX в. документальный факт, аутентичный индивидуально-окрашенный нарратив о катастрофических событиях прошлого столетия стали востребованными, засвидетельствовав потребность в сохранении народной памяти, предельно точно фиксирующей наиболее значимые общественно-политические и морально-этические проблемы определённой эпохи.

Заключение. Документально-художественная книга С. Федорченко «Народ на войне» отличается особой манерой написания, напрямую связанной

с кризисным характером описываемых событий 1914–1918 гг. Многогранность самого феномена Первой мировой войны предопределила фрагментарную форму изложения материала, представленного в виде сказа (сохраняется речевая манера каждого персонажа). Смысловая целостность достигается благодаря использованию приёма монтажа, который сводит в единое коммуникативное пространство повествователя, персонажей и читателя. Последний занят не только интерпретацией воспоминаний военных лет и поисками смысловых доминант (ощущение аксиологического кризиса, мортанизм как интерес к смерти, обострение проблем при взаимодействии «своего» и «чужого»), но и реконструкцией образа повествователя, а также осмыслением особых нарративных стратегий (полифонизм, наличие «коллективного героя», реализация в тексте приёма очуждения), избранных С. Федорченко.

Литература

1. Панченко, А. Софья Федорченко и «Русский народ» / А. Панченко // Федорченко С. Народ на войне. – СПб: Изд. группа «Лениздат», 2014. – С. 5–17.
2. Borden, M. The Forbidden Zone / M. Borden. – London: William Heinemann, Ltd, 1929. – 220 p.
3. Димеши, Ж. Начало документальной прозы в России: творчество С.З. Федорченко / Ж. Димеши // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. – Т. 20, № 2(175). – С. 169–177.
4. Куликов, Б. Трифонов, Н. Живые голоса истории: С.З. Федорченко и её книга «Народ на войне» (история создания) / Б. Куликов, Н. Трифонов // Социальные и гуманитарные науки. Реферативный журнал. Серия 7. Литературоведение. – 1999. – № 1. – С. 131–149.
5. Фаустов, А. Фрагмент / А. Фаустов // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 285–286.
6. Зверев, А. Модернизм / А. Зверев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Николюкин. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 566–571.
7. Федорченко, С. Народ на войне / С. Федорченко // Народ на войне. – СПб.: Изд. группа «Лениздат», 2014. – С. 21–88.
8. Зверев, А. Монтаж / А. Зверев // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 507–522.
9. Кравченко, Э. Сказ / Э. Кравченко // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Тамарченко. – М.: Из-во Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 233–235.
10. Никифоров, В. Очуждение / В. Никифоров // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 462–476.

Поступила в редакцию 08.04.2025

Фэнтези в военной прозе (на примере романов А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе», И. Бояшова «Белый тигр»)

Радченко Т.А.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», Витебск

Военная проза, особенно посвящённая событиям Великой Отечественной войны, традиционно ориентирована на реалистическую манеру изображения, документальность и стремление к исторической достоверности. Однако в литературе XXI века наблюдается явная тенденция к жанровому смешению, расширению художественных границ и использованию элементов, ранее не свойственных «высокой» военной прозе. Одним из таких элементов становится фэнтези – жанр, основанный на моделировании мира, отличного от реальности, с активным участием сверхъестественных сил, мифологических мотивов и аллегорических образов. Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в литературном процессе, связанными с переосмыслением жанровых границ и активным внедрением элементов фэнтези в традиционно реалистическую военную прозу.

Цель публикации – выявить функциональный спектр фэнтезийных элементов в современной белорусской и русской прозе о Великой Отечественной войне на примере романов А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» и И. Бояшова «Белый тигр».

Материал и методы. *Материалом для работы послужили романы А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» и И. Бояшова «Белый тигр». Использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведение писателей в социокультурном контексте эпохи, определить особенности литературных аллюзий и мифологической цитации.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование показало, что элементы фэнтези в военной прозе обогащают сюжет, создавая уникальные миры и символику, расширяя границы жанра. Несмотря на разный подход к миромоделированию, оба автора анализируемых романов прибегают к деконструкции жанра, а также вносят черты, которые присущи произведениям постмодерна.*

Заключение. *Фэнтези, встроенное в канву военной прозы, открывает новые горизонты для осмысления исторических событий, психологических травм и философских вопросов, связанных с войной. На примере романов А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» и И. Бояшова «Белый тигр» видно, как фантастические элементы используются не только как художественная условность, но и как инструмент глубокого анализа человеческой природы и самого феномена войны.*

Ключевые слова: *белорусская литература, русская литература, современный литературный процесс, Великая Отечественная война, проза, роман, постмодернизм.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 130–136)

Fantasy in Military Prose (Based on the Example of the Novels by A. Matvienko “Demon Against the Luftwaffe” and I. Boyashov “White Tiger”)

Radchenko T.A.

Education Establishment “Vitebsk State Order of Peoples’ Friendship Medical University”, Vitebsk

Military prose, especially devoted to the events of the Great Patriotic War, is traditionally focused on a realistic manner of portrayal, documentary and striving for historical authenticity. However, in the literature of the 21st century, there is a clear tendency towards genre mixing, the expansion of artistic boundaries and the use of elements not previously characteristic of “high” military prose. One of these elements is fantasy, the genre based on modeling a world different from reality, with the active participation of supernatural forces, mythological motifs and allegorical images. The relevance of the research is due to modern trends in the literary process related to the rethinking of genre boundaries and the active introduction of fantasy elements into traditionally realistic military prose.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ad_#@mail.ru – Т.А. Радченко

The purpose of the study is to identify the functional spectrum of fantasy elements in modern Belarusian and Russian prose about the Great Patriotic War using the example of the novels by A. Matvienko "The Demon against the Luftwaffe" and I. Boyashov "The White Tiger".

Material and methods. The material for the study was the novels by A. Matvienko "The Demon against the Luftwaffe" and I. Boyashov "The White Tiger". The work used cultural-historical and comparative-typological methods, which made it possible to consider the work of writers in the social and cultural context of the era, to identify the features of literary allusions and mythological quotations.

Findings and their discussion. The study showed that fantasy elements in military prose enrich the plot, creating unique worlds and symbols, expanding the boundaries of the genre. Despite their different approaches to world modeling, both authors of the novels under study resort to deconstructing the genre, as well as introducing features that are inherent in postmodern works.

Conclusion. Fantasy, embedded in the canvas of military prose, opens up new horizons for understanding historical events, psychological traumas and philosophical issues related to the war. The example of the novels by A. Matvienko "The Demon against the Luftwaffe" and I. Boyashov "The White Tiger" shows how fantastic elements are used not only as an artistic convention, but also as a tool for a deep analysis of human nature and the phenomenon of war itself.

Key words: Belarusian literature, Russian literature, modern literary process, the Great Patriotic War, prose, novel, postmodernism. (Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 130–136)

Военная проза традиционно ассоциируется с реализмом, документальной точностью и стремлением к воспроизведению подлинной атмосферы боевых действий. Однако в последние десятилетия в рамках этого жанра возникла тенденция к интеграции элементов фэнтези в военную прозу. Данное совмещение, на первый взгляд, противоположных художественных направлений позволяет по-новому осмыслить события прошлого. Особый интерес представляет анализ таких произведений, как «Демон против Люфтваффе» А. Матвиенко и «Белый тигр» И. Бояшова, в которых художественная реконструкция событий Второй мировой войны осуществляется через призму фантастического. Подобное осмысление позволяет выявить скрытые пласты коллективного исторического и культурного сознания, где война предстает как борьба не только политических и военных сил, но и как столкновение вечных начал – добра и зла, света и тьмы, судьбы и воли.

Цель публикации – выявить функциональный спектр фэнтезийных элементов в современной белорусской и русской прозе о Великой Отечественной войне на примере романов А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» и И. Бояшова «Белый тигр».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили романы А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» и И. Бояшова «Белый тигр». В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведения писателей в социокультурном контексте эпохи, определить особенности литературных аллюзий и мифологической цитации.

Результаты и их обсуждение. Современный жанр фэнтези претерпел значительные изменения и развитие в последние десятилетия. Данный жанр приобрел популярность и является чрезвычайно востребованным в современном мире. Одной из ключевых особенностей фэнтези, которая делает жанр столь уникальным и гибким, является широкий спектр поджанров. На сегодняшний день фэнтези может быть историческим, урбанистическим, научно-фантастическим,

магическим и т.д. Это разнообразие поджанров позволяет авторам творчески экспериментировать в контексте индивидуально-авторских поисков. Фэнтези как литературный жанр на протяжении многих лет пленяет воображение читателей, создавая не только волшебные миры, но и уникальных персонажей, которые часто становятся основой для развития сюжета. В отличие от других жанров, в фэнтези персонажи представляют собой не просто носителей человеческих качеств, но также воплощают в себе архетипические черты и мифологические элементы, которые добавляют им многослойности и глубины. Однозначно злые или добрые герои сменились многослойными персонажами со сложной мотивацией и внутренними конфликтами, множество устаревших литературных клише в данном жанре получили вторую жизнь и стали намного ближе читателю. Современное фэнтези также активно включает в себя элементы разнообразности и инклюзивности. В последние годы наблюдается значительный сдвиг в подходах к созданию фантастических миров, где разнообразие становится неотъемлемой частью повествования. Современные авторы все чаще стремятся создавать персонажей, представляющих различные этнические, культурные идентичности, что позволяет читателям соотносить себя с протагонистами произведений. Это содействует повышению доступности фэнтези для аудитории разных возрастных и социальных групп. Кроме того, современное фэнтези часто исследует важные и актуальные темы, такие как экология, политика и этика. Авторы фэнтези используют свои истории и миры, чтобы рассмотреть социальные и философские вопросы, смоделировать эмоционально заряженные дилеммы и заставить читателей размышлять. Данные черты жанра отдаляют его авторов от их предшественников, ведь классическое фэнтези было популярно среди читателей, которые находили в уникальных фэнтезийных мирах возможность побега от реальности. Современное фэнтези также имеет тематику эскапизма, но в сюжетах произведений читатель всё чаще находит элементы окружающего его общества.

В последние годы военное фэнтези приобретает значительную популярность среди читателей и критиков. Фантастическая или мифологическая условность представляет собой средство для исследования исторических событий Второй мировой войны. Подобного рода произведения допускают наличие фантастических существ, магии и вымышленных миров, объединяя их с реалиями войны. Авторы создают уникальную историю, в которой герои сражаются не только с людьми, но и с оккультными силами. Путем переплетения фантастических элементов с реальными историческими событиями авторы моделируют альтернативную реальность, которая не только развлекает, но и позволяет читателям по-новому взглянуть на значимые периоды истории.

Фэнтезийная литература о войне привлекает внимание молодых читателей, представляя историю в фантастическом и увлекательном стиле, развивая интерес к историческим событиям и поощряя дальнейшее исследование данной темы. Включение фантастических элементов в изображение Второй мировой войны создает этические и моральные дилеммы как для персонажей, так и для читателей. Такой подход к жанру может привлечь как поклонников исторической прозы, так и любителей фэнтези. Однако сама возможность существования такого рода произведений сопряжена с рядом этических проблем, неоднозначной оценкой читателей и критиков. Художественная литература требует свободы, но это может конфликтовать с необходимостью представления исторических фактов. Война унесла миллионы жизней, каждый текст, посвященный этой теме, должен уважать память о жертвах и избегать триумфализма, который может задеть чувства тех, кто пережил войну. Жанр фэнтези считается развлекательным, и актуализация его в военной прозе может показаться неуместной.

Современные авторы военного фэнтези, зачастую, являются людьми, которые так или иначе соприкасались с практикой боевых действий. Авторам романов, рассмотренных в данной работе, также близка тема войны. Один из них – Анатолий Матвиенко – белорусский писатель, автор книг на русском и белорусском языках: фантастической прозы, детективов, сказок и военно-патриотической литературы. Член Союза писателей Беларуси, член Союза писателей Союзного государства России и Беларуси. А. Матвиенко был участником операций в Нагорном Карабахе и Южной Армении. Этот личный опыт он называет «экскурсией» на войну. Илья Бояшов – историк по образованию – глубоко изучал военную историю XX века, работал экскурсоводом в военно-морском музее. Его роман «Танкист, или “Белый тигр”» получил киноадаптацию и признание множества читателей за необычный сюжет и смешение мистического и реального. В романе упоминаются исторические места и имена, но достоверность является фактической. Протагонистом романа является Иван Иванович Найдёнов – солдат, который сражается с неуловимым

Белым Тигром. Найдёнов был найден солдатами в одном из сгоревших танков и, ко всеобщему удивлению, оказался живым, несмотря на ужасающие и несовместимые с жизнью раны. Он ничего не помнил о себе, о последнем бое. Однако проявил исключительный водительский талант, когда его вновь отправили на фронт. Герой Бояшова уникален не только своим бессмертием, но и путем, который ему предстоит пройти в нескончаемой погоне за «тигром». В поисках «машины смерти» он и сам становится такой «машиной», подвергая множество своих соратников смертельной опасности. В романе И. Бояшов использует дискретный сюжет, когда значительные его части остаются скрытыми от читателя. Данный прием использован автором для того, чтобы в очередной раз продемонстрировать потерянность главного героя в реальном мире. На протяжении повествования читатель наблюдает лишь некоторые эпизоды из жизни Найдёнова. Но в отдельных главах автор направляет взгляд читателя в «закулисы» войны, раскрывая все хитрости главнокомандующих при ловле «тигра». В качестве «маркеров» И. Бояшов дает множество различных прозвищ главному герою, которые тот получает на различных этапах своего пути, что помогает читателю лучше понять хронотоп произведения. Так, главный герой получает своё первое прозвище «Танатос», когда автор впервые знакомит его с читателем: *«Танкиста прозвали Танатосом. Он стал по-своему знаменит. Приезжали откуда-то профессора в генеральских погонах, и всякий раз приходили к мнению, что имеют дело с единственной в своем роде патологией»* [1, с. 7]. Имя Танатос крайне символично и является очередной деталью произведения, которая относит его к жанру фэнтези. В греческой мифологии Танатос – это олицетворение смерти, сын Нюкты, брат-близнец бога сна и сновидений Гипноса. В современных произведениях жанра фэнтези авторы часто исследуют тему смерти, используя ее как основной двигатель сюжета или возможность раскрыть героя читателю. Бояшов нарекает своего героя Танатосом и таким образом отделяет Найдёнова от смертного мира. В произведениях подобного жанра главный герой воскресает после смерти и получает второй шанс или попадает в тело другого человека, чтобы закончить то, что не успел при жизни. В романе Бояшов говорит о прошлой жизни Ивана, подчеркивая, что он когда-то был обычным солдатом, как и его сослуживцы: *«Иван Иванович выскочил им навстречу. Он скалился своей ужасной улыбкой. Он дрожал и никак не мог успокоиться. Он вспомнил – вернее, вспомнили руки. Сомнений не оставалось; в прошлой жизни этот обожженный, беспмятный вызывающий видом своим сострадание и жалостливый ужас танкист был механиком и, судя по всему, водителем от Бога!»* [1, с. 14].

Образ Танатоса в мифологии также подразумевал мотив одиночества и оторванности от мира, так как он обладал железным сердцем и был ненавистен богам.

В греческой мифологии Танатос – единственный из богов, не любящий даров и являющийся богом смерти. Найдёнов так же связан со смертью и не вписывается в рамки окружающего мира, однако одиночество совсем не беспокоит его. В погоне за Белым Тигром, смертельной и неуловимой машиной, Найдёнов и сам приобретает черты бездушного механизма, единственным топливом которого является жажда мести. Безразличие главного героя ярко контрастирует с планом человеческих страданий, которые автор возводит вокруг Найдёнова. Контекст войны в данном случае придает атмосфере романа напряжение. Несмотря на то что главный герой остается неизменно спокойным и равнодушным, автор в мельчайших деталях раскрывает жизнь обычных людей, оказавшихся в центре военных действий. Особенно данная тема раскрывается в описании членов экипажа, объединенных одной целью: *«Но, по крайней мере, его судьба на ближайшее время определилась. Экипаж был весьма пестрым: того самого лейтенанта-мальчишку назначили командиром, пожилого узбека определили водителем, бывший московский урка, развязный и приклатненный, сам вылезал быть радистом»* [1, с. 12].

Жанр фэнтези славится своим уникальным подходом к миромоделированию, предлагая читателю обширную коллекцию разнообразных фантастических миров. В романе Бояшова представлена своя структура мира, которая состоит из библейских рая, ада и среднего мира. Однако существует в романе еще один уровень, о существовании которого знает лишь главный герой. В одной из глав читатель видит, как Найдёнов молится своему богу: *«Оказалось, Найдёнов молился – но опять-таки не навшие товарищи были причиной молитв – Иван Иванович совершал панихиду по мертвым танкам, жалобным надтреснутым голосом призывая Всевышнего принять их и успокоить на небесах»* [1, с. 29]. Бог в представлении Найдёнова является в облике бессмертного танкиста, который поможет главному герою одолеть всемирное зло, персонафицированное в образе Белого Тигра: *«Ошарашенный коммунист не стал себя выдавать и, затаившись в ближайшей траншее, дослушал монолог до конца. Кое в чем он разобрался – души убитых танков встречал особый Господь (в незатейливом и, без всякого сомнения, больном воображении Иван Ивановича Бог представлялся огромным, бессмертным танкистом в обязательном танкошлеме). Вне всякого сомнения, этот вездесущий танковый Саваоф, целиком стоящий на стороне правого дела, должен был помочь найти “Белого тигра” – с тем, чтобы уже сам Иван Иванович расквитался с личным, до рвоты ненавистным врагом»* [1, с. 29]. Любопытно, что автор использует слово Саваоф при описании этого «Бога погибших танков», ведь в иудейской и христианской традициях это имя означает «Бог воинств». В этом заключается одна из самых удивительных особенностей повествования Бояшова. В его уникальном слого война оживает, танки становятся одушевленными и обретают имена,

такие как «тридцатьчетверки», «ИСы», «Тигры», «САУ» и другие. Эти танки, как и сам Найдёнов, являются продуктами войны и имеют ценность лишь пока она длится: *«Но, не снижая скорости, «тридцатьчетверка» на полном ходу проскочила Сциллу и Харибду, развернулась, и, проехав еще метров тридцать, лавируя между машинами, встала во дворе, как вкопанная»* [1, с. 13]. Мир романа населен военными машинами, которые спят в ангарах, сидят в засаде и совершают маневры. Все эти танки описаны Бояшовым как настоящие живые существа со своими сильными чертами и недостатками. Люди же являются лишь их придатками, существующими для обслуживания машин. «Иван Иванович же считается своим среди военных машин, он понимает их речь: *“Он там”, – сказал благодарный за все чешский танк. – Он никуда не делся. Он ждет тебя. Он уже утоптал место боя. “Восемь-восемь” его готова и наводчик прильнул к прицелу»* [1, с. 150]. В романе «Белый Тигр» представляет собой абсолютное зло и является антагонистом, соперником главного героя. Сюжет о победе над «абсолютным злом» не раз находил воплощение в литературе жанра фэнтези и являлся основной мотивацией героя преодолевать себя, опасности и смерть. Однако персонаж И. Бояшова и есть смерть, а Белый Тигр является войной. Для Бояшова это неразделимые понятия, которые всегда будут связаны друг с другом. Таким образом, и сам Найдёнов может считаться воплощением войны или тем, что она порождает. В эпизоде вступления главного героя в Челябинскую бригаду автор называет его «воплощением дикой войны» и дает ему новое прозвище, которое является очередным маркером в истории протагониста: *«И само воплощение этой дикой войны записали в башинеры – там нужна только грубая сила: знай, подноси снаряды и выбрасывай гильзы из люка. “Осколочные” и “бронбойные” отличил бы и полный дурак. От рядового Найдёнова, тут же за глаза прозванного Черепом, больше ничего и не требовалось. Никто в той на скорую руку сколоченной части им особо не интересовался (вот только внешность притягивала внимание)»* [1, с. 12]. Иную номинацию главный герой получает в общей палате: *«В той самой выздоравливающей палате, где играли в карты, где чаще раздавался смех, чем стоны, где большинство составляла жизнерадостная молодежь, вскоре стали звать его Иван Ивановичем»* [1, с. 8]. В отличие от первого прозвища, обращение по имени и отчеству не имеет столь глубокого значения. Называя главного героя Найдёнов и Иван Иванович, Бояшов предпринимает попытку вписать героя в быт обычных людей. Однако Найдёнов не простой человек и лишь играет роль, не влияясь в коллектив, а только исполняя поручения. В эпизодах сражений перед читателем предстаёт настоящий Найдёнов: безжалостное, сверхъестественное существо, одержимое мыслью о мести: *«В мясорубке у Корсуня, где в “котле” за одну ночь сварилось не менее пятидесяти тысяч немцев, он явил свою страшную и беспощадную сущность. Врезаясь*

в колонны и сминая бегущую навстречу человеческую массу, которая даже не пыталась сопротивляться, “коробка” плясала на человеческих костях» [1, с. 30].

Во время сражений главный герой заслужил очередное имя «Ванька Смерть» и весьма мрачную известность среди своих сослуживцев. Стоит отметить, что Найдёнов не стремится истреблять живое, его единственной целью является Белый Тигр, а пострадавшие из-за него сослуживцы – результат его отчаянных действий. В подобных эпизодах Ванька Смерть показан как существо, несущее разрушения и человеческие потери. В жанре фэнтези подобный тип персонажа существует давно и является существом материального или нематериального мира, которое ранее было живым, но после смерти продолжило существовать, нарушая закон жизни. Подобные персонажи являются заложниками в смертном мире, и по какой-то причине не могут упокоиться, и, как правило, стремятся к уничтожению всего живого. Протагонист романа И. Бояшова также представляется восставшим мертвецом, и единственная сила, которая держит его в мире живых, – это жажда мести. Однако умирать Ванька Смерть не торопится, в конце романа автор четко дает понять, что даже после победы в главном герое горит стремление сражаться. Таким образом И. Бояшов подчеркивает основную идею романа: история циклична, войны будут продолжаться, пока люди будут существовать.

Военная проза погружает читателя в мрачные и суровые реалии войны. Тем не менее в ней есть место юмору. Юмор в военной прозе выступает не только как способ смягчения гнетущей атмосферы, но и как инструмент, позволяющий глубже понять человеческую природу в условиях стресса. Литературный стиль И. Бояшова весьма непринужденный, наполненный множеством незамысловатых оборотов и слов из привычного читателю обихода. Именно поэтому роман Бояшова читается легко, несмотря на серьезное наполнение.

Белорусский писатель Анатолий Матвиенко сделал юмор основным стилистическим приемом своего романа. Стоит отметить, что роман «Демон против Люфтваффе» весьма противоречив, произведение написано в контексте постмодернистского дискурса и демонстрирует использование элементов неклассической эстетики. Постмодернизм как культурное и художественное направление оказал значительное влияние на литературу, особенно в последней трети XX века и начале XXI века. Эта эстетика возникла в контексте кризиса и глобализации, а также на фоне быстрого развития технологий и изменения социальных структур. В отличие от модернизма, который стремился к поиску истины и единого смысла, постмодернизм акцентирует внимание на фрагментарности, иронии и относительности. Одной из ключевых характеристик постмодернистской литературы является смешение жанров и стилей. Подобное можно наблюдать во многих современных произведениях, в которых

переплетаются элементы различных литературных традиций – от классической прозы до поп-культуры. Постмодернизм славится отсутствием границ, свободой в высказываниях, пространством для размышлений современного поколения. Роман А. Матвиенко апеллирует к постмодернистской эстетике, сочетая в себе черты фэнтези и реальные исторические факты. Так, например, в романе исследуется тема нацистского оккультизма, который является симбиозом политических амбиций, мифов и эзотерической философии. Эта тема вызывала большой интерес как у ученых, так и у широкой публики, уже после окончания Второй мировой войны. Оккультизм в нацистской Германии стал не только важным инструментом пропаганды, но и средством формирования идеологии, основанной на вере в исключительность арийской расы и древние мифы. Многие историки утверждают, что нацисты совершали экспедиции в места, связанные с древними культурами, исследовали магические силы, в надежде использовать их для укрепления нацистского режима и совершенствования своего оружия. Этот исторический факт становится основной завязкой сюжета в романе А. Матвиенко. Всего в романе 26 глав, первая из которых начинается с экспедиции нацистов в мрачный замок в горах Баварии. Двое представителей Рейха встречаются с человеком, который занимается изучением древней скандинавской магии. Основной целью экспедиции является использование магии для усовершенствования оружия Рейха: *«Достаточно провести правильный обряд, тогда мечи и щиты, сложенные у магической пентаграммы, демонстрируют прямо-таки дьявольскую остроту и прочность, несравнимую с обычными изделиями из оружейного сплава»* [2, с. 7]. Однако ритуал проходит не по плану и вместо всемогущего демона к нацистам является сержант госбезопасности НКВД СССР. Сюжетная композиция в романе имеет отсылку на реальные исторические события и, как было отмечено в исследованиях Е.В. Крикливец, *«сюжетно-композиционная организация произведения, несмотря на обилие библейской цитации, апеллирует к древнегреческим сказаниям и гомеровскому эпосу о Троянской войне. Подобное заключение можно сделать, учитывая расстановку сил в романе»* [3, с. 58].

Дальнейший сюжет развивается вокруг истории демона, вселившегося в другое тело. Данный эпизод является одним из многих комичных элементов романа А. Матвиенко. Еще перед началом первой главы автор дает читателю небольшое пояснение о том, как он относится к элементам юмора в столь серьезной прозе: *«Да простит мне читатель, что о той войне за чистое небо без крестов я рассказываю в ироничной фантазийной форме, не утруждаясь исторической достоверностью. Мне довелось брать интервью у многих ветеранов ВВС, в том числе лично знавших Покрышкина и Сафонова, выдающихся асов, чьи образы выведены в романе. Война ужасна, трагична, у каждого сложилась своя нелёгкая судьба. Все схо-*

дятся в одном – на фронте нельзя без улыбки, пусть даже это был смех сквозь слезы» [2, с. 4]. Данный подход, несомненно, делает роман более легким для прочтения, однако это не мешает автору поднимать множество серьезных тем, которые часто появляются и в других произведениях военной прозы. В романе «Демон против Люфтваффе» поднимается вопрос о долге перед страной, о жертвенности, о конфликте с самим собой, о месте человека в этом мире, о добре и зле.

Одной из особенностей романа является субъектная организация повествования, которое ведется от первого и второго лица. По замыслу в советского летчика вселяется демон и большую часть сюжета читатель наблюдает с точки зрения инфернального существа. Однако в некоторых эпизодах повествование переключается на второе лицо, когда Бутаков возвращает контроль над своим телом на короткое время. Таким образом, в романе существует два главных героя, но самый интересный из них, конечно, сам демон. Это является одним из принципиальных различий между анализируемыми произведениями. И. Бояшов придерживается более традиционного повествования, где читатель наблюдает историю Найдёнова со стороны, автор часто использует литературный прием олицетворения для создания доступных, осязаемых и более понятных читателю образов. А. Матвиенко же прибегает к нестандартному стилю повествования, сохраняет элементы комичности и иронии в своем произведении. В романе «Демон против Люфтваффе» также встречаются множество просторечий, грубой и нецензурной лексики. Употребление подобной лексики может быть обосновано тем, что повествование ведется от лица демона. Он является «ординарным демоном», как утверждает автор, и отрабатывает свои давние грехи в аду. Среди читателей началась дискуссия о том, кем же демон был в прошлой жизни. О прошлом главного героя мы знаем то, что он был одним из римских легионеров, который ранил распятого Иисуса копьем. Многие выдвигали теорию о том, что главный герой – это Понтий Пилат. Однако сам автор опроверг эту теорию, отметив, что Понтий Пилат не ранил Иисуса своими руками, а лишь послал его на распятие. Таким образом, подозрение падает на сотника Лонгина, который, по приданию, и вонзил в Иисуса копье. Гай Кассий Лонгин, родом из Каппадокии, ко времени евангельских событий прошел уже немалый путь, участвовал во многих кампаниях, был знаком даже с императором, дослужился до звания сотника. Лонгин руководил римскими солдатами, которые, переодевшись в штатское, по приказу Пилата, отправились орудовать в провинции: «Итак пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» [4, с. 32]. Однако Лонгин интуитивно чувствовал, что

правда на стороне Иисуса: «Сотник, стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: “Истинно Человек Сей был Сын Божий”» [2, с. 38]. В романе евангельская история передана довольно кратко и без прямого указания имен, демон и его соратники избивали людей на улицах города и пили вино, а когда вино кончилось, главный герой рассвирипел и пронзил Иисуса копьем: «Потекла кровь, а он поднял припорошенные пылью веки, глянул в упор и тихо повторил те же слова, что и на городской улице. Мол, прощаю, не держу зла на тебя, не знаешь, что творишь» [2, с. 295]. Однако многие читатели и литературные критики убеждены, что главный герой – это демоническое воплощение Марка Луция, которого отправили сопровождать грешников на Голгофу, что подкрепляется цитатой из романа: «Каждый римский гражданин, от патриция до простого воина, рано или поздно заражается этой атмосферой ржавчины, разъедающей душу изнутри. Я ненавижу Иерусалим! Кто же мог угадать, что неожиданное повышение Марка Луция обернется столь долгой карой за порогом жизни?» [2, с. 293].

Стоит отметить, что главный герой является опытным и древним демоном, получившим многие годы наказания за свой грех. Художественная модель мира, созданная А. Матвиенко, действительно, уникальна, она сочетает в себе библейские мотивы и фантазийные элементы. Существует рай, ад и средний мир. С адом читатель знакомится с первой же главы, когда главный герой весьма удачно сравнивает его с лагерями для заключенных: «Для эзгов я – большая величина, из контролеров переведен в начальники отряда. Им невдомек, что в реальности их босс и мучитель является таким же заключенным грешником. В мире живых уголовники шутят: мы отсидим и выйдем, а персонал зоны отбывает пожизненно, пока на пенсию не откинется. Но аналогия между лагерями и преисподней не точная. Главное – разница в сроках. Подумаешь, двадцать пять лет лесоповала и десять с поражением в правах... Курорт! Здесь, как правило, от сотки» [2, с. 18]. Ад представляет собой «исправительное учреждение», где грешные души отрабатывают свои грехи, а понятия близки к тюремным. Описание ада в романе А. Матвиенко доминирует над остальными уровнями и дает читателю необходимые сведения о прошлом главного героя.

Отметим, что главный герой И. Бояшова имеет черты, которые отсылают читателя к античности, например, прозвище Танатос. Образ главного героя в романе «Демон против Люфтваффе» тоже содержит аллюзию на библейское прошлое. Описанный А. Матвиенко демон исполняет роль отрядного начальника, ежедневно пытая души грешников: «Мне выписали две тысячи лет, хоть я не накладывал на себя руки. Первую тысячу варился в котле со смолой, месяцами висел распятый на кресте, а уж сколько раз меня обглодали дикие звери... Второе тысячелетие на исходе –

в администрации зоны, дослужился от заурядного вертухая до отрядного начальника. И ни малейшей надежды, что по истечении второго срока получу хоть маленькую толику Божьей Благодати. У подобных мне не бывает простого конца» [2, с. 18]. Но одна роковая ошибка заставляет главного героя отправиться в смертный мир, чтобы помочь людям в борьбе против армии Рейха. Там он вселяется в тело советского летчика Ивана Бутакова, который так неудачно помянул дьявола по дороге домой. Демон и Бутаков представляют собой весьма комичную пару, которая от постоянной борьбы за одно тело и взаимных оскорблений дошла до близкой дружбы и даже жертвы во имя победы над нацизмом.

Заключение. Можно утверждать, что внедрение жанровых элементов фэнтези в прозу о войне представляет собой перспективный вектор развития военной литературы, поскольку дает возможность авторам сохранить историческую правду и донести ее до современного читателя в доступной форме. А. Матвиенко и И. Бояшов успешно сочетают элементы фэн-

тези с реалистическим описанием военных событий, создавая уникальные модели художественного мира и оригинальных персонажей. Таким образом, данные произведения являются интересным примером взаимодействия жанровых структур и эстетических приемов и демонстрируют разнообразие подходов к осмыслению и художественной репрезентации значимых исторических событий.

Литература

1. Бояшов, И.В. Танкист или «Белый тигр». Роман / И. Бояшов. – Москва: Лимбус-Пресс, 2008. – 170 с.
2. Матвиенко, А. Демон против Люфтваффе: роман / А. Матвиенко. – Минск: Звезда, 2022. – 272 с.
3. Крикливец, Е.В. Роман А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» в стиливой интеграции реализм – постмодернизм / Е.В. Крикливец // Язык и литература: теория и практика. – 2024. – Т. 3, № 3. – С. 55–66.
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические [Текст]. – М, 1994. – 298 с.

Поступила в редакцию 10.04.2025

«Порядок школьный» 1586 года: некоторые языковые особенности документа в контексте истории восточнославянских языков

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова, Витебск

В статье исследуется языковая структура одного из памятников восточнославянской письменности второй половины XVI в., проводится сопоставительный анализ языковых особенностей документа.

Цель публикации – выделить и систематизировать некоторые особенности текста, отражающие живую разговорно-бытовую речь жителей территории, на которой он был создан, рассмотреть эти особенности в контексте истории развития восточнославянских языков.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил текст созданного в 1586 году документа, известного под названием «Порядок школьный». В работе использовались сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Принято считать, что исторические документы написаны в традициях церковно-книжного языка и не отражают живую речь создателей этих документов, а поэтому не могут в достаточной степени использоваться для изучения особенностей и реконструкции живых языков исторической эпохи на конкретной территории. Однако такие суждения являются поспешными и не всегда основаны на историко-лингвистическом анализе оригинальных текстов памятников письменности. Это можно видеть на примере анализируемого документа. Выявленные в тексте и классифицированные народно-разговорные языковые элементы позволяют сделать некоторые выводы об особенностях живой речи создателей документа и определить место этих особенностей в контексте истории становления восточнославянских языков.

Заключение. Языковые особенности, выявленные в тексте исследуемого документа, соотносимы с каждым из восточнославянских языков. Однако в количественном отношении преобладают языковые формы, сопоставляемые с белорусскими как диалектными, так и литературными формами.

Ключевые слова: история языка, восточнославянские языки, памятник письменности, языковые особенности текста, разговорно-бытовой язык, общевосточнославянский контекст.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 137–141)

“School Order” of 1586: Some Linguistic Features of the Document in the Context of the History of East Slavic Languages

Vardomatsky L.M.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines the structure of the language of one of the monuments of East Slavic writing of the late 16th century, and conducts a comparative analysis of the linguistic features of the document.

The purpose of the study is to highlight and systematize some features of the text that reflect the living colloquial speech of the inhabitants of the territory where it was created, to consider these features in the context of the history of the development of East Slavic languages.

Material and methods. The research material was the text of a document created in 1586, known as the “School Order”. The study was conducted using comparative-historical and comparative methods.

Findings and their discussion. It is generally accepted that historical documents are written in the traditions of the church-book language and do not reflect the living speech of the creators of these documents, and therefore cannot be used to a sufficient extent to study the features and reconstruct living languages of a historical era in a specific territory. However, such judgments are hasty and are not always based on a historical-linguistic analysis of the original texts of written monuments. This can be seen in the example of the analyzed document. The colloquial language elements identified in the text and classified allow us to draw some conclusions about the features of the living speech of the creators of the document and determine the place of these features in the context of the history of the formation of the East Slavic languages.

Conclusion. *The linguistic features revealed in the text of the document under study are related to each of the East Slavic languages. However, in quantitative terms, linguistic forms related to Belarusian, both dialectal and literary forms, predominate.*

Key words: *history of the language, East Slavic languages, written monument, linguistic features of the text, colloquial and everyday language, common East Slavic context.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 137–141)

Исторические документы, являясь важнейшим, если не основным источником изучения фактов и событий давно ушедших эпох, вместе с тем несут в себе огромный потенциал для объективной интерпретации этих фактов и событий с точки зрения дня сегодняшнего. Это положение в полной мере соответствует и задачам изучения особенностей языкового оформления таких исторических документов, что, в свою очередь, дает возможность объективно оценить и понять процессы, протекавшие в языках в разные времена и сформировавшие их современное состояние. И здесь, с сожалением, следует отметить, что, в сравнении с изучением «истории фактов», изучение истории восточнославянских языков на основе известных текстов исторических документов все еще остается предметом второго плана. Причина этого в определенном недоверии к языку исторического документа, поскольку, по мнению некоторых исследователей, такие тексты написаны «литературным» языком, в основе которого – книжная традиция церковнославянского письма, и поэтому они не отражают живую речь жителей, а значит, живой язык этноса и территории, который, собственно, и является основным предметом интереса историка-языковеда. Так, в частности, А.М. Камчатнов, исследовавший языковые особенности некоторых памятников деловой восточнославянской письменности, отмечает, что «всем им свойственна одна, на первый взгляд, поразительная черта: созданные в разных областях Руси – на севере (новгородские, двинские грамоты), на западе (полоцкие, смоленские, псковские, тверские), на юге (киевские, волынские, черниговские), они содержат в себе чрезвычайно мало местных черт в фонетике, морфологии и синтаксисе» [1, с. 72].

Но такие обобщающие выводы кажутся нам поспешными, поскольку часто основываются не на анализе текстов оригинальных, а на более поздних изданиях, претерпевших ряд субъективных и объективных редакций.

Действительно, любая письменная речь, тем более речь делового документа XVI века, созданного на восточнославянской территории, отличается от устной речи современников определенной нормированностью. Эта нормированность опирается на книжно-письменную традицию церковнославянского языка. Но практически во всех исторических документах любых письменных жанров в большей или меньшей степени мы находим отклонения, продиктованные писцу стереотипами его устного ежедневного бытового общения. Для исследователей-неязыковедов эти

элементы написаний могут показаться несущественными, и при копировании текстов ими часто пренебрегают. Но на самом деле именно такие отклонения от «общепринятого» для этого типа документов написания – ошибки, опiski, неточности – в своей совокупности дают историку-языковеду материал для выводов о некоторых особенностях живого языка определенного времени на определенной территории.

Одним из таких практически не изученных в языковом отношении письменных памятников является документ 1586 года, известный под названием «Порядок школьный». Этот документ, как и другие документы, касающиеся деятельности православных братств, функционировавших на восточнославянской территории, привлекал и привлекает внимание ученых различных областей знаний. Но особый интерес он, конечно же, вызывает у историков и педагогов. К настоящему времени уже сформировалась достаточно обширная аналитическая литература, предметом внимания которой явились различные аспекты религиозного, морального, социологического, педагогического характера, отраженные в тексте этого документа. Итоги этих работ обобщены в диссертационном исследовании Ю.Э. Шустовой «Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства как исторический источник, 1586–1788 гг.» [2].

«Порядок школьный» 1586 года в плане языкового оформления не вполне типичный деловой документ своего времени. Исполненный в традициях книжно-письменного языка, он вместе с тем заметно отличается наличием достаточно большого количества языковых особенностей, отражающих, на наш взгляд, живую речь его создателей. Сам Я.Ф. Головацкий, нашедший и первым издавший этот документ в 1863 году с максимальным сохранением языковой структуры текста оригинала, в предисловии к публикации отмечает: «Въ языкѣ и правописаниі устава львовскаго примѣчаемъ всѣ важнейшіе свойства нынѣшняго русскаго языка, однакоже есть и нѣкоторыя старинныя формы» [3, с. 57].

Актуальность темы исследования состоит в том, что научный анализ языковой структуры документа открывает возможности для объективной оценки как собственно языковых особенностей памятника письменности, так и его лингвокультурологического значения в контексте общевосточнославянской письменности конца XVI века – переломного времени в жизни восточнославянских народов.

Цель настоящей публикации – выделить и систематизировать некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности текста «Порядка школьного»

1586 года, отражающие живую разговорно-бытовую речь жителей территории, на которой он был создан, рассмотреть эти особенности в контексте истории развития восточнославянских языков.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил текст памятника письменности 1586 года, известного под названием «Порядок школьный», опубликованного в 1865 году во втором томе сборника «Актов, относящихся к истории южной и западной России», собранных и изданных археографической комиссией в 1865 г. под редакцией Н. Костомарова [4]. В работе были использованы сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Этот вариант текста, на наш взгляд, является если не тождественным, то наиболее близким в языковом отношении к тексту оригинала. Утверждая это, исходим из того, что, как мы уже отметили, документ обнаружил непосредственно в архивах Ставропигийского братства и впервые опубликовал в 1863 году профессор «русского языка и словесности русской» Львовского университета Я.Ф. Головацкий. И он же передал этот документ в распоряжение Петербургской Археографической комиссии. Таким образом, можно считать, что редактор второго тома «Актов...» Н. Костомаров получил документ непосредственно из первых рук. Вполне возможно, что и Я.Ф. Головацкий, копируя первоначальный (архивный) вариант текста, и Н. Костомаров, готовивший к изданию вариант Я.Ф. Головацкого, вольно или невольно могли привнести некоторые единичные изменения в языковую ткань документа. Но сравнение текстов этого документа в публикациях Я.Ф. Головацкого (1863 г.) и Н. Костомарова (1865 г.) позволяет говорить об отсутствии в них принципиальных различий. (Указанные в издании Я.Ф. Головацкого годы 1786, вместо 1586, и 1784, вместо 1584, следует считать технической ошибкой издателя.) В свою очередь, сопоставительный анализ текстов изданий Я.Ф. Головацкого и Н. Костомарова не дает нам объективных оснований предположить наличие существенных расхождений в языковом оформлении этих вариантов и первоначального текста-оригинала.

Результаты и их обсуждение. Немногочисленные известные на сегодняшний день исследования «Порядка школьного» 1586 года посвящены в основном текстологическому анализу документа. Языковая структура памятника письменности, являющаяся на самом деле важнейшим демонстратором места и времени его создания, все еще остается вне поля специального внимания. Выражается это, в том числе, в заметно субъективном отношении исследователей к сохранению при цитировании языковых особенностей оригинала и внесении неоправданных изменений в лексико-грамматическое и графическое оформление цитируемых фрагментов. Так, например, в 1954 году текст обсуждаемого документа в графически адаптированном варианте был издан в качестве приложения к работе «Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины

с Россией» [5] (приводим этот текст, поскольку именно на него, в свою очередь, опираются последующие исследователи). Сравнение этого текста («Порядка школьного»), с текстом, опубликованным во втором томе указанных выше «Актов...», показывает, что прямолинейная адаптация в отдельных положениях существенно исказила текст оригинала. Например, в тексте, опубликованном в 1954 г., находим: «...Сушу ему zde в граде Львове року 1586 месяца Генваря 1 дня». Но в документе, опубликованном во втором томе сборника «Актов...», который мы, как уже говорили, считаем наиболее близким к тексту оригинала, написано «сушу ему здѢ», то есть использован оборот «дательный самостоятельный», который соответствует современному русскому придаточному предложению времени: «Когда он был здесь». Замена одной буквы (*щ* на *ш*) приводит к грамматическому и, следовательно, смысловому искажению текста.

Здесь же, в издании 1954 года, при передаче оригинального словосочетания «*всего ѳрону великія Церкви*» греческая буква ѳ (тета) заменена буквой Ф и фраза получила следующий вид: «*всего Фрону великія церкви*». Но в таком случае вместо слова *ѳронъ* – ‘престол’, получилось неподтверждаемое никакими историческими и лингвистическими словарями и поэтому бессмысленное *фрон!*?

Копируя документы, относимые к памятникам письменности, следует, на наш взгляд, быть точным даже в таких деталях, как написание слов со строчной или заглавной буквы. В нашем случае, в оригинале, в отличие от публикации 1954 года, написано – *Церкве*, что на самом деле может быть важным элементом для понимания исторического менталитета народа.

В издании Е.Н. Медынского читаем: «*составиши училище... стараниям же и накладом (иждивением) всего братства... и всего посполитого народа Россійского, даже и до убогих вдовицъ промышляючи о всяком недостатку законной науки*».

А в издании Н. Костомарова, осуществленном столетием ранее, этот отрывок записан следующим образом: «*составиши училище... стараниямъ же и накладомъ всего братства... и всего посполитого народа Россійского, даже и до убогих вдовиць, промышляючи о всяком недостатку законной науки*».

Как видно, эти две цитаты различаются отсутствием в публикации 1954 года запятой после словосочетания «*убогих вдовицъ*». Но если издатель работал над адаптацией текста, чтобы помочь современному читателю понять его содержание (обратим внимание на приведенное здесь пояснение «*иждивением*» к слову оригинала «*накладомъ*», чего в тексте Н. Костомарова нет), то он тем более должен был, как сделал это в других местах текста, поставить (доставить) эту запятую, даже если бы ее не было в первоначальном тексте (что вполне вероятно), поскольку без паузы в этом месте смысловые отношения между частями всего сложного предложения оказываются неопределенными, что искажает (или затемняет) смысл этой части документа.

В уже названной публикации Е.Н. Медынского читаем: «стараниям... всего братства». Здесь форма единственного числа творительного падежа, оканчивающаяся на – *иям*. Если бы это был единичный случай, такое написание можно было бы принять за опечатку. Такое же окончание в форме творительного падежа существительных видим и в отрывках из текста «Порядка школьного», которые приводит в своем исследовании в качестве цитат Ю.Э. Шустова (2004 г.): «великою пильностью, стараниям же и накладом братства... и всего посполитаго народа российскаго» [6]. Между тем в тексте, изданном Н. Костомаровым, написание этих грамматических форм принципиально отличается: «великою пильностю, стараньямъ же и накладомъ всего братства... и всего посполитаго народа Россійскаго», *поступованя, ведлугъ постановеня, постановеня о науцѣ, зъ розвязованьямъ*. Именно такие написания следует признать соответствующими первоисточнику, поскольку они очевидно отражают известный для этого времени, широко распространенный в устной речи и проникавший в письменность фонетический процесс, известный под названием «выпадение интервокального йота и стяжение гласных». Формы, отражающие этот процесс, нередки и в других документах, относящихся к этому времени и к деятельности Ставропигийского православного братства: «с *помощю* Божеею», «для *наученя* детям», «для *размноженя* наук». (Ср. с совр. бел.: *выданне, старанне, навучанне, размнажэнне*.)

Перечисленными примерами далеко не ограничиваются языковые особенности текста анализируемого памятника письменности, в котором заметно проявляются элементы живого языка его создателей.

Так, обращает на себя внимание отражение на письме качества звука [т] в окончаниях глаголов в формах 2-го и 3-го лица. Так, наряду с написаниями, отражающими церковнославянские формы личных окончаний глаголов с [т] твердым (*повелеваетъ, сѣтъ, пожнетъ*), в тексте документа широко представлен фонетический процесс смягчения конечного – [т]-ь: *маеть, мають, будутъ, будутъ, соглядають, постановяють, ненавидить, умѣть* и др., что, несомненно, передает особенность устной речи создателей текста. (Сравним в белорусском литературном языке: *маюць, будуць, умеюць* и т.п., а также в современных северо-восточных белорусских говорах (на Оршанщине, например), а также востоке Смоленщины: *ідзець, нясець, бярэць, пяець, умеець*...). В одном случае этот смягченный [т'] и на письме передан буквой ц: *На мѣсци своемъ* (ср. в бел. *на месцы*).

Заметной особенностью текста является абсолютно последовательное отсутствие графического указания на необходимость мягкого прочтения Л [л] в сочетаниях Л с последующим согласным: *великою пильностю, толко не пильней, школного, строителей школныхъ, учителски, толко наукою, бошную хоробу, больше* и под. Интересно, что публикация Я.Ф. Головацкого 1863 года также вышла под названием

«*Порядокъ школный*». То есть издатель сохраняет орфографию известного ему оригинала. Анализируя такие написания (их абсолютную последовательность), можно было бы, вероятно, судить о том, что звук [л'] в родном говоре создателя текста только мягкий и, следовательно, дополнительного обозначения мягкости не требуется – в любом случае [л] всегда и только мягкий. Но написания других слов свидетельствуют, что [л] был парным по твердости/мягкости. Сравним: *дидаскаль*, но *учитель*; *немадый*, но *вливаны*; *зъ выкладом*, но *заяцаны*.

Отсюда вывод может быть только один – в сочетаниях -лн-, -лк-, -лс-, -лш- в середине слова Л произносился в соответствии с написанием, то есть был твердым. И это была одна из фонетических особенностей территориального говора, родного для устроителей братской школы.

Звуки [ж'], [ш'], [ч'], как известно, в древнерусском языке были только мягкими. Около XIV века по говорам начинается постепенное (не параллельное) их отверждение. Этот процесс отразился и в тексте «Порядка школьного...». Сравним: *присуужоно, подлеишого, гдыжъ*. Встречающиеся в тексте формы типа *послушенство* не противоречат данному утверждению, поскольку написание после шипящей гласной Е еще не говорит о палатальности шипящего. Сравним в современном русском языке: *широкий, женщина*.

Написания *зъ чого, чого научить* свидетельствуют и об отверждении [ч] в родном говоре создателя текста. (Сравним с современным белорусским: *з чаго, чаму*.) А написание *черга*, как и в случаях с [ш] и [ж], не является показателем мягкости [ч]. (Сравним качество этого звука в современном белорусском [*частка*] и в русском [*часть*].) При одинаковом написании совершенно разное качество [ч].

Диалектные особенности заметно представлены и на морфологическом уровне текста. Например, глагольными формами долженствования, о которых уже упоминалось выше: *маеть быти благочестивъ, мають быти приставлены, маеть быти данъ реестръ, мають дидаскаль вписовати дѣти, маеть быти и заплаата имъ, отпуститися мають, маеть взяти, маеть его учити, не мають початись учити*. По свидетельству М.Н. Шевелевой, «конструкции *иму (имѣть)* + инфинитив, получившие широкое распространение в вост.-слав. ареале и развившиеся впоследствии в части диалектов в будущее время, фиксируются в памятниках с XIII в.» [7, с. 44]. В нашем случае мы наблюдаем дальнейшее разрушение первоначальных личных форм этого нетематического глагола и его диалектное развитие: (*он*) *имать* → *маеть*, (*они*) *имуть* → *мають*, что получило дальнейшее развитие в белорусском языке. (Сравним в современном белорусском: *як мае быць, мець гонар, мець надзею, мець магчымасць, мець рацыю, маюць магчымасць*.)

Исконный предлог *съ* в тексте «Порядка школьного» 1586 года последовательно передается в озвонченном виде, независимо от качества последующего

согласного: *зъ дидаскалом, зъ собою* (ср. в бел.: *з на-стаўнікам, з сябрам*).

Особое внимание обращает на себя последовательное (во всех случаях) употребление формы *што* относительного местоимения, вместо этимологического *что*: «*што за то повиненъ*», «*што дома писалъ*», «*што в школѢ учили*», «*а што учили того дне*», «*на што имъ и памятного маеть не боронити*», «*што далеко болше*». Соответствующее местоимение для указания на одушевленное существительное в тексте используется дважды. Причем в одном случае *кто* («*А кто бы хотѢль взяти дѢти свои отъ науки...*»), и в одном случае *хто* («*Хто хотель отъ дидаскала сына своего взяти...*»), что свидетельствует об активном распространении процесса диссимляции, получившем дальнейшее и наиболее полное развитие в белорусском языке.

В тексте «Порядка школьного» 1586 года наблюдается заметное отражение тенденции к графической унификации окончаний прилагательных. Эта тенденция выражается в последовательном различении написаний окончаний форм родительного падежа полных прилагательных, восходящих к местоименным формам прилагательных. Всего в тексте 15 таких словоупотреблений. Из них написаний с окончанием *-аго*, восходящих к упрощенным древнерусским местоименным формам, – 7. И это, как правило, лексика религиозно-нравственной сферы: *святаго, святѢйшаго, вселенскаго, новаго Рима, Греческаго и Славенскаго писанія, многоцѢннаго*. Но слова общеупотребительного функционирования и слова религиозной сферы, не получившие стилистическое расширение, записаны уже в новых формах, с окончанием *-ого*, сформировавшимся в устном общении: *посполитого народа, народа Россійского, едиnorodного, единого, дня великого, церковного пѢнннн, утѢшительного духа* и т.п.

Заключение. Подводя некоторые итоги, можно отметить, что приведенные здесь примеры и рассуждения позволяют сделать вывод о том, что выдвигаемые в отдельных работах аргументы об этнической соотнесенности «Порядка школьного» 1586 года, опирающиеся только на место создания памятника письменности, по отношению к документу XVI века являются не убедительными, поскольку не опираются на анализ языковых особенностей текста. С точки

зрения выявляемых в тексте «Порядка школьного» 1586 г. отражений живой, устной речи, конкретизированное отнесение его к какому-либо из восточнославянских языков представляется преждевременным. Документ следует считать памятником восточнославянской письменности, в котором проявляются диалектные особенности, соотносимые с каждым из восточнославянских языков. Но вместе с тем необходимо отметить, что в количественном отношении, на наш взгляд, в нем заметно преобладают признаки, соотносимые с современными белорусскими диалектными и литературными формами.

Литература

1. Камчатнов, А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений / А.М. Камчатнов. – М., 2015. – 624 с.
2. Шустова, Ю.Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства как исторический источник, 1586–1788 гг. / Ю.Э. Шустова. – М., 1998. – URL: <https://www.dissercat.com/content/dokumenty-lvovskogo-uspenskogo-stavropigiiskogo-bratstva-kak-istoricheskii-istochnik-1586-17>.
3. Вестникъ Юго-Западной и Западной Россіи. Т. III. – 1863. – URL: https://knihi.com/none/Viestnik_Juho-Zapadnoj_i_Zapadnoj_Rossii_VIUZZR,1862-1870_pdf.zip.html#Vestnik_Yugo_Zapadnoj_i_Zapadnoj_Rossii_1863_03.pdf_26.
4. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией / [ред. Н. Костомаров]. – СПб., 1865. – Т. 2. – 1599–1637. – 314 с.
5. Медынский, Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI–XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией / Е.Н. Медынский. – Москва: Акад. пед. наук РСФСР, 1954. – 174 с.
6. Шустова, Ю.Э. Школа Львовского Успенского ставропигийского братства в конце XVI – начале XVII в.: взаимодействие греко-славянских культурных традиций. – URL: <https://bractwo.narod.ru/Libraries/JES/JESSzkola.htm>.
7. Шевелева, М.Н. О древнерусском глаголе имѢти, possessивных конструкциях и сложном будущем с *имаь* / *имоу* в ранних восточнославянских текстах / М.Н. Шевелева // Вопросы языкознания. – 2019. – № 6. – С. 32–50.

Поступила в редакцию 14.05.2025

Интертекстуальность в романе М. Миллер «Цирцея»

Крикливец Е.В., Палубец М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Мадлен Миллер – современный американский автор. Её знаменитые произведения, такие как «Песнь Ахилла» и «Цирцея», произвели фурор в литературном пространстве, благодаря необычной интерпретации мифологических сюжетов и их адаптации к реальности современного мира. М. Миллер поднимает вопросы, волнующие общество нашего времени, и транслирует их через призму прецедентных античных сюжетов. Поэтому можно смело заявлять об актуальности интертекстуального анализа романов М. Миллер. Интертекстуальность представляет собой диалогические или полилогические связи между текстами. Вопрос о взаимодействии метатекстов и прототекстов обсуждается уже давно. В литературоведении эта проблема рассматривалась в контексте заимствований, литературных влияний, подражания и пародии, тогда как в стилистике и лингвистике текста акцент делается на цитатах, аллюзиях, реминисценциях, перифразах и ссылках.

Цель публикации – выявить специфику интертекстуальных связей в романе М. Миллер «Цирцея».

Материал и методы. *Материалом исследования послужил роман М. Миллер «Цирцея». Роман представляет собой яркое явление в современной зарубежной литературе, поднимает актуальную проблематику и одновременно с этим эксплицирует культурный код античных мифов. В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведение писателя в социокультурном контексте эпохи и определить особенности литературной рефлексии.*

Результаты и их обсуждение. *Исследование дает возможность утверждать, что интертекстуальные связи в романе М. Миллер «Цирцея» проявляются как на семантическом, так и на морфологическом уровнях жанровой структуры произведения. Несмотря на сюжетообразующее значение мифологической цитации, роман отличается оригинальностью индивидуально-авторских творческих поисков и злободневностью социально-психологической проблематики.*

Заключение. *Современная литература содержит множество социальных и культурных импликаций. Ключевыми способами их создания выступают мифологическая цитация и интертекстуальные связи. Роман американского автора М. Миллер «Цирцея» демонстрирует когнитивные и коммуникативные возможности интертекстуальности произведения новейшей художественной литературы.*

Ключевые слова: *американская литература, современная проза, роман, интертекстуальность, мифологическая цитация.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 142–146)

Intertextuality in M. Miller's novel "Circe"

Kriklivets E.V., Palubets M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Madeline Miller is a contemporary American author. Her renowned works, such as "The Song of Achilles" and "Circe", have created a stir in the literary world due to their unique interpretation of mythological narratives and their adaptation to the realities of the modern world. Miller raises issues that resonate with society today and conveys them through the lens of precedent ancient stories. Therefore, one can confidently assert the relevance of intertextual analysis of Miller's novels. Intertextuality represents the dialogical or polylogical connections between texts. The issue of the interaction between metatexts and prototexts has been discussed for a long time. In literary studies, this problem has been examined in the context of borrowings, literary influences, imitation, and parody, while in stylistics and text linguistics, the focus is on quotations, allusions, reminiscences, paraphrases, and references.

The aim of the study is to identify the specifics of intertextual connections in M. Miller's novel "Circe".

Material and methods. *The research material was M. Miller's novel "Circe". The novel represents a vivid phenomenon in contemporary foreign literature, addressing relevant issues while simultaneously explicating the cultural code of ancient myths. The research utilized cultural-historical and comparative-typological methods, which allowed for an examination of the author's work in the sociocultural context of the era and the identification of features of literary reflection.*

Findings and their discussion. *The study allows us to assert that intertextual connections in M. Miller's novel "Circe" manifest themselves at both the semantic and morphological levels of the genre structure of the work. Despite the plot-forming significance of*

mythological citation, the novel stands out for its originality in the author's individual creative pursuits and the relevance of its social and psychological issues.

Conclusion. Contemporary literature contains numerous social and cultural implications. The key methods for their creation are mythological citation and intertextual connections. The novel "Circe" by American author M. Miller demonstrates the cognitive and communicative potential of intertextuality in modern literary works.

Key words: American literature, contemporary prose, novel, intertextuality, mythological citation.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 142–146)

Термин «интертекстуальность» был введен во второй половине XX века. Теория интертекстуальности начала активно разрабатываться с 1980-х годов. Сам термин и связанное с ним понятие были разработаны и внедрены в литературоведческую практику теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой [1]. Она обобщила распространенные взгляды на мировую литературу (а в более широком смысле – культуру) как на универсальный интертекст, в котором все его элементы находятся в состоянии постоянного взаимодействия [1]. В последние годы межтекстовая связь рассматривается в гуманитаристике и с точки зрения языковедческих анализов, что, по мнению В.Е. Чернявской, привело к «значительной масштабности и глобальности» в исследовании текстового влияния [4].

Обновленную интерпретацию получило известное положение М. Бахтина, которое утверждает, что практически все произведения находятся в диалогических отношениях, взаимодействуя не только с отраженной в них реальностью, но и с автором, читателем, а также литературным процессом как прошлого, так и настоящего. В рамках теории полифоничности Михаил Бахтин утверждает, что высказывание не может существовать в изоляции: «Ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно представляет собой лишь звено в цепи и вне этой цепи не подлежит анализу» [2].

Цель публикации – выявить специфику интертекстуальных связей в романе М. Миллер «Цирцея».

Материал и методы. Материалом исследования послужил роман М. Миллер «Цирцея». Данное произведение представляет собой яркое явление в современной зарубежной литературе, поднимает актуальную проблематику и одновременно с этим эксплицирует культурный код античных мифов. В работе использовались культурно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие рассмотреть произведение писателя в социокультурном контексте эпохи и определить особенности литературной рефлексии.

Результаты и их обсуждение. Основным видом межтекстовых связей, используемых М. Миллер в романе «Цирцея», является реминисценция. Она представляет собой более сложную форму интертекстуальности. Автор не использует «вырезанные» из текстов фрагменты, а творчески интерпретирует мифологический сюжет, создавая на его основе свой собственный [1]. Интертекст в романе «Цирцея» не только внешний атрибут. Изобилие реминисценций на древнегрече-

ские мифы создает впечатление интертекстуального кода романа. Читателю предстоит разгадать значение этого кода. Чтение начинает ассоциироваться с особым ритуалом, сутью которого является дешифровка отношений между прочитанным текстом и претекстом, который подвергся авторской интерпретации.

На протяжении всего повествования перед нами предстают мифические персонажи. Это довольно частотная форма интертекста, когда автор перемещает древнегреческих богов и титанов в современный мир. Однако М. Миллер действует иначе, что отличает ее сюжеты от классического современного фэнтези. Она воссоздает античный мир, но размышляет о социально-психологической мотивации древнегреческих богов. Что заставило их так поступить? Стать такими? Какие именно мотивы у них были?

Сюжетно-композиционная структура романа «Цирцея» реминисцирует с «Одиссеей» Гомера. Культурное произведение представляется нам в совершенно иной интерпретации, благодаря увлечению М. Миллер творчеством Шекспира. Писатель наделяет героев драматичной судьбой. Отметим, что «Одиссея» стала лишь базой романа. В него также были включены элементы других мифологических моделей древнего мира, формирующие сюжет.

Можно выделить несколько ключевых элементов, составивших интертекстуальную основу романа М. Миллер «Цирцея».

1. *Мифологические корни.* Роман «Цирцея» основан на древнегреческой мифологии, отсылающей к первоисточнику – «Одиссее» Гомера. Цирцея – мифологический персонаж, наделенный магией, известный тем, что превращает мужчин в свиней. Миллер переосмысливает этот миф, придавая Цирцее трагическую глубину и человечность. Творческая практика М. Миллер демонстрирует, как традиционные мифы могут быть переосмыслены и адаптированы для современного восприятия. В «Одиссее» Цирцея представлена как злая колдунья, но в романе Миллер она становится жертвой обстоятельств, женщиной, которая борется с одиночеством и стремится найти свое место в мире, что подчеркивает амбивалентность женской природы – силу и уязвимость.

2. *Литературные аллюзии.* М. Миллер активно использует аллюзии на другие литературные произведения, что обогащает текст и создает многослойность. Например, отсылки к произведениям таких авторов, как Овидий и Вергилий, создают контекст для понимания Цирцеи как символа трансформации и изменений.

3. *Темы любви и предательства.* В «Цирцее» исследуются сложные отношения между персонажами, которые также имеют свои мифологические корни и параллели. Так, взаимоотношения Цирцеи и Одиссея можно сопоставить, например, с любовью Психеи и Эроса. Оба сюжета исследуют темы жертвы и страсти, а также сложности взаимодействия между мужчиной и женщиной.

4. *Гендерная интерпретация.* М. Миллер переосмысливает традиционные гендерные роли женщин в мифах, давая голос персонажу, который обычно оставался на заднем плане. В отличие от других женских персонажей древнегреческой мифологии, которые часто изображаются как пассивные жертвы или манипуляторы, Цирцея становится активным вершителем своей судьбы. Это изменение парадигмы позволяет читателю по-новому взглянуть на роль женщины в социуме.

5. *Пантеизм.* Природа играет ключевую роль в романе, и интертекстуальные отсылки к другим произведениям искусства и литературы усиливают этот аспект. Цирцея живет на острове Эйя, который становится символом ее внутреннего мира. Остров можно сравнить с другими изолированными пространствами в литературе, такими как остров Беккета или мир «Гарри Поттера». Эти пространственно-временные континуумы становятся символами как заточения и отшельничества, так и духовной свободы, что подчеркивает внутренние конфликты Цирцеи.

Рассмотрим каждый из названных элементов подробнее. Литературная рецепция традиционного мифа о Цирцее выглядит в романе следующим образом. Цирцея, представленная в «Одиссее» как «богиня ужасная с речью людскою», предстает перед читателями романа М. Миллер беззащитной маленькой няядой, не знавшей родительской любви и гонимой ревностью. В оригинале мифа Цирцея безжалостно превратила команду Одиссея в свиней. В романе поступок героини объясняется ее уязвимостью перед большим количеством мужчин, видевшим в ней не что иное, как плоть, которую они жаждут заполучить [3].

Одним из знаковых персонажей произведения М. Миллер выступает Прометей, который, рискуя, дарует людям огонь, за что должен жестоко поплатиться. В романе раскрываются мотивы его поступка. «Не всем богам быть одинаковыми» [3, с. 28], – утверждает свое право на осознанный выбор и жертвенность Прометей. События, описанные в романе М. Миллер, согласуются с мифологическим каноном, однако короткий диалог между героями углубляет их философское значение и гуманистическую направленность.

Сциллу мы видим в обличии не ужасного морского чудовища, а прекрасной нимфы. И далее автор повествует нам о трагической ситуации, в результате которой Сцилла пострадала от ревности Цирцеи, и последняя, сама того не желая, превратила ее в ужасное морское чудовище. Претекстом в данном случае служит миф о Сцилле и Харибде.

Миф о Пасифае Мадлен Миллер раскрывает нам с совсем иной стороны. В романе Пасифаю не окол-

довали и не наслали на неё чары в отместку за обман Миноса. Автор придает социальное звучание этому событию. М. Миллер экстраполировала гендерное неравенство современного мира на античный сюжет, и мотивом Пасифаи стало желание держать царя Миноса в узде. С ее слов, «Миносу не царица нужна, а приторный кисель, чтобы сидела в кувшине да размножалась до смерти» [3, с. 161]. Минотавр же стал ее козырем в рукаве, чтобы Минос не смел насмехаться над ней. Поэтому сразу после рождения Минотавра Пасифая выкрикивает: «Не навредите ему, он должен жить!» [3, с. 136]. Дедал становится соучастником затей Пасифаи, однако, в отличие от оригинального сюжета, лишь потому, что Пасифая угрожала ему расправой с сыном Икаром. Финал этой истории соответствует мифологическому сюжету.

Образ Одиссея в романе М. Миллер изобилует противоречиями. Если в эпосе Гомера он умный стратег, благодаря которому его команда уцелела и вернулась домой, то в «Цирцее» его подвиги интерпретируются через призму человеческих слабостей, а многие поступки выглядят жестокими и необоснованными. Цирцея, пересказывая подвиги Одиссея Телегону, отмечает: «Я стала вдруг запинаться, умалчивать, переиначивать. Теперь, стоя перед лицом сына, их жестокая суть стала как никогда очевидной» [3, с. 283]. Так же переосмысливается и роль Афины. Она не просто давала Одиссею свое покровительство, но и маниакально опекала его, скупаемая женской ревностью.

Аллюзии подразумевают отсылку к другим прецедентным произведениям культуры и литературы. В романе М. Миллер «Цирцея» можно выявить аллюзии на целый ряд произведений, вошедших в сокровищницу мирового литературного наследия.

«Божественная комедия» Данте Алигьери. В некоторых эпизодах романа прослеживаются отсылки к концепции ада и искупления грехов. Цирцея как персонаж, который сталкивается с последствиями своих действий и ищет прощения и понимания, вызывает ассоциации с путешествием героя Данте по кругам ада. Эта идея внутреннего покаяния, искупления и поиска своего места в мире становится лейтмотивом всего романа. Цирцея признает себя виновной в судьбе Сциллы: «Мне от нее никогда не избавиться. Ее не сделать прежней – ни сейчас, ни после. Какая она есть, такой и останется. И вечно будет угощаться вашим братом. Так что вставайте. Вставайте, беритесь за весла, и чтоб я больше не слышала о вашей нелепой благодарности, или заставлю вас пожалеть об этом» [3, с. 128].

«Фауст» Иоганна Вольфганга фон Гёте. Тема стремления к знаниям и последствия этого стремления также присутствует в «Цирцее». Как Фауст, заключивший сделку с Мефистофелем, Цирцея исследует границы своих возможностей, взаимодействуя с магией и таинствами природы. Ее желание понять мир вокруг себя и свои силы приводит к трансформации, что напоминает путь Фауста. Героиня свидетельствует: «Вот что я поняла: колдовство не боже-

ственная сила, приводимая в действие мгновенно, одной мыслью. Его нужно творить, нужно трудиться – замышлять и искать, выкапывать, сушить, крошить и растирать, готовить, приговаривать и припевать» [3, с. 92]. «А чародейство – тот самый тяжкий труд и есть. Нужно отыскать, где всякое растение гнездится, всякое собрать в свое время, выкопать, перебрать, очистить, помыть, подготовить» [3, с. 93].

«Сказания о древней Греции» Эдит Гамильтон. Эта работа о мифах и легендах Древней Греции также служит контекстом для понимания персонажей романа «Цирцея» и их мотивации. М. Миллер использует элементы греческих мифов, чтобы создать более глубокую историю о Цирцее, показывая ее как часть более широкого мифологического гипертекста.

«Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт. Тема взаимоотношений между сестрами, женской дружбы, вражды, соперничества, понимания и конфликтов также находит отражение в романе М. Миллер. Признавая невозможность сестринской любви и поддержки, Цирцея размышляет: «Я не могла забыть лицо сестры, ее немую оторопь, когда сказала ей, что такой, как она, в жизни не буду. А чего она ждала? Что мы станем посылать друг другу весточки в клювах морских птиц? Делиться друг с другом закланиями, бороться с богами? И сможем наконец стать сестрами, пусть и не совсем обычными? Я попыталась это представить: наши головы склоняются над зельями, она смеется, изобретая какую-нибудь хитрость. И тут размечталась о множестве несбыточных вещей. Будто я раньше поняла, какова она. Будто выросли мы не в блистающих дворцах, а где-нибудь в другом месте. Будто я могла ослабить ее яды, отвадить ее от издевательств и научить собирать лучшие травы» [3, с. 171].

В творчестве М. Миллер также активно прослеживаются шекспировские мотивы, которые писатель использует, чтобы углубить эмоциональную палитру и сложность персонажей, создать многослойный текст.

Тема любви и предательства. В пьесах У. Шекспира «Ромео и Джульетта», «Отелло» любовь часто сопровождается трагедией и предательством. В «Цирцее» героиня также испытывает глубокие чувства, но сталкивается с предательством и непониманием, что создает драматическую напряженность, схожую с шекспировскими трагедиями, ставит героиню в ситуацию нравственного выбора: «Пасифая посоветовала бы привязать Одиссея приворотным зельем. Ээт сказал бы, что нужно украсть его разум. Я вообразила его лицо, свободное от всяких мыслей, кроме вложенных мной. Он будет сидеть у моих ног, глядеть на меня с обожанием, поглупевший, пустой» [3, с. 241]. «Я держалась, пока могла, но Пенелопа была как болячка, которую нельзя не сковырнуть» [3, с. 239].

Конфликт между личным и общественным. У. Шекспир часто исследует конфликт между внутренними желаниями персонажей и общественными ожиданиями. Цирцея, как полубогиня и изолированная фигура, должна балансировать между своим

желанием быть принятой и ее природой, которая противоречит нормам общества. Этот внутренний конфликт создает драму, аналогичную тем, что встречаются в шекспировских пьесах: «Теперь я понимала, почему Ээт был столь дерзок и возвышался над отцом словно горный пик. Творя волшебство, я ощущала тот же размах, тот же вес. Я наблюдала, как движется по небу пылающая колесница отца. Ну? И что ты теперь мне скажешь? Ты выкинул меня воронам, но оказалось, мне с ними лучше, чем с тобой» [3, с. 98].

Сложные женские образы. У. Шекспир создает глубокие и разносторонние женские персонажи, такие как Гермиона из «Зимней сказки» или Клеопатра из пьесы «Антоний и Клеопатра», которые обладают одновременно силой и уязвимостью. Цирцея в романе М. Миллер – это также сложный женский образ, который сочетает в себе силу магии, мощный внутренний стержень и эмоциональную уязвимость. Она борется с обществом, которое ее осуждает, и ее развитие напоминает путь шекспировских героинь, стремящихся к самовыражению: «Но ты всегда был осторожным, отец. Я выстояла против Афины, ты знаешь. Спустилась в беспросветные глубины. Ты не можешь угадать, какие чары я наложила, каких ядов набрала, чтобы защититься от тебя, и как твоя собственная сила, срикошетив, может ударить по тебе же. Кто скажет, что во мне скрыто? Хочешь узнать?» [3, с. 387].

Тема трансформации. В шекспировских пьесах часто встречается тема метаморфоз – как физических, так и психологических. Цирцея проходит через множество изменений: от нелюбимой дочери титана до могущественной волшебницы, которая учится управлять своими силами. Эта трансформация коррелирует с шекспировскими мотивами изменения идентичности и самопознания.

Отметим, что в романе М. Миллера «Цирцея» интертекстуальность служит мощным инструментом для актуализации гендерной проблематики, связанной с женской идентичностью и социальной ролью. Автор переосмысляет классические мифы, превращая Цирцею из пассивного персонажа в активную героиню, которая борется за свою свободу и право выбора. Это позволяет читателю увидеть в героине женщину, стремящуюся к самопознанию и независимости.

М. Миллер демонстрирует, как общественные нормы и ожидания формируют женскую судьбу. Например, Цирцея сталкивается с предвзятостью и стереотипами, которые окружают женщин, что отражает социальные проблемы современности. В отношениях героини с возлюбленными проявляется динамика власти, где она должна постоянно балансировать между желанием быть любимой и необходимостью сохранять личные границы.

Образ Цирцеи как саморазвивающейся личности также перекликается с проблематикой работ современных ученых, которые исследуют темы самоидентификации и личной силы. Например, ее взаимодействие с другими женскими персонажами (богинями,

нимфами, людьми) показывает важность женской солидарности и поддержки в мире, где женщины часто находятся в противостоянии друг с другом. М. Миллер создает пространство, где женская дружба становится источником силы и вдохновения, что является важным аспектом современной литературы. Кроме того, роман затрагивает вопросы познания своего женского начала, показывая, как Цирцея учится понимать и принимать свои чувства. Ее опыт любви и страсти не сводится к романтическим отношениям с мужчинами, он также включает в себя самопринятие и осознание своей силы как женщины. Это отражает представления автора о том, что женщины имеют право на свои желания и должны быть свободны в их выражении.

Символика природных образов в романе Мадлен Миллер «Цирцея» играет важную роль в отражении внутреннего мира главной героини. Окружающее не просто фон для событий, но активный участник повествования, который взаимодействует с персонажами и подчеркивает их эмоциональные состояния. Рассмотрим основные аспекты символизма природы в романе.

Остров Эя – это, с одной стороны, место уединения и самопознания, где Цирцея может развивать свои магические способности и находить гармонию с собой. С другой стороны, остров становится символом ее изоляции и одиночества. Эта неоднозначность пространственно-временного континуума, в котором пребывает героиня, отражает внутренние противоречия Цирцеи, ее стремление к независимости и одновременно страх перед одиночеством. Остров меняется вместе с Цирцеей. В моменты ее счастья и самореализации природа вокруг цветет и благоухает, в то время как в моменты страха или печали она становится мрачной и угнетенной. Это вызывает сильный эмоциональный отклик у читателя и подчеркивает связь между внутренним состоянием героини и окружающей средой.

Растения на острове Эя также играют важную роль в символизме романа. Цирцея использует травы и растения для создания зелий и магии, что указывает на ее связь с природой и ее способности к трансформации. Растения становятся метафорой изменений, которые происходят в жизни Цирцеи, а также ее способности адаптироваться к обстоятельствам. Животные, обитающие на острове, символизируют инстинкты и первобытные желания, что подчеркивает конфликт между цивилизацией и природой. Цирцея, превращая мужчин в животных, ставит под сомнение их человечность и моральные качества.

Образ воды в романе часто символизирует очищение и перерождение. Цирцея использует воду как средство для исцеления. Например, купание в море

может быть интерпретировано как акт освобождения от старых травм и начало новой жизни. Вода также служит местом размышлений и самоанализа для Цирцеи, создавая пространство для внутреннего диалога. Кроме того, образ воды связан с экзистенциальными категориями жизни и смерти. Моменты, когда Цирцея соприкасается с водой, часто свидетельствуют о важных событиях в ее буднях, таких как утраты или новые начинания. Это создает ощущение цикличности событий и неизбежности изменений.

Природные стихии – ветер, земля, огонь – служат метафорами эмоций и внутренних конфликтов Цирцеи. Например, бурный ветер может отражать ее гнев или смятение, тогда как спокойное море символизирует мир внутри нее. Цирцея как полубогиня имеет связь с природой силами, что подчеркивает ее уникальность и место в мире мифов. Эта связь позволяет ей взаимодействовать с природой на более глубоком уровне. Таким образом, описание света и природных явлений становится действенным способом исследования нравственной идентичности и эмоционального состояния героев романа М. Миллер «Цирцея».

Заключение. Можно утверждать, что интертекстуальная основа романа М. Миллер «Цирцея» отражает способы индивидуально-авторской интерпретации античных мифов, художественной рецепции традиций мировой литературы. Импликация культурных кодов античности и классической эпохи создает богатую палитру смыслов и тем, которые продолжают оставаться актуальными в современном обществе. Опираясь на творчество предшественников, современный американский автор поднимает проблемы социальной, гендерной и нравственной идентичности, говорит о необходимости духовной трансформации и ответственности за совершенный нравственный выбор, пытается повлиять на ценностную ориентацию читателя.

Литература

1. Арнольд, И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика / И.В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте. – СПб.: Образование, 1993. – С. 4–12.
2. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – № 4. – С. 5–23.
3. Миллер, М. Цирцея: роман / М. Миллер; пер. с англ. Л. Трониной. – М.: АСТ, 2024. – 432 с.
4. Чернявская, В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Чернявская Валерия Евгеньевна; СПбГУ. – СПб., 2000. – 448 л.

Поступила в редакцию 08.04.2025

Феномен полифункциональности предлогов в курсе русского языка как иностранного

Гречихо Т.А., Яковлев С.М.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются особенности изучения русских предлогов в процессе обучения русскому языку как иностранному китайских граждан.

Цель данной работы – определить основные сложности и возможности их устранения в изучении русских предлогов носителями китайского языка, исследовать валентность и полифункциональность предлогов, значения и смысловые отношения, которые они выражают в сочетании с лексемами в предложно-падежной конструкции.

Материал и методы. *Материалом для работы послужили грамматики русского и китайского языков, а также анализ результатов выполнения заданий на использование предлогов русского языка, предложенных китайским студентам и магистрантам. Были использованы методы: описательный и сравнительно-сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *В статье определена роль предлогов русского языка в построении высказывания, его влияние на выражение смысла сказанного. Проанализированы сложности и типичные ошибки, возникающие у китайских граждан при употреблении предлогов в устной и письменной речи. Акцентировано внимание на валентности и полифункциональности русских предлогов. Проведено исследование употребления предлогов с двумя и тремя падежами. Представлены примеры их многозначного употребления с объяснением значений и различных смысловых отношений, которые они выражают в сочетании с лексемами в предложно-падежных конструкциях. Определены формы работы по усвоению и закреплению учебного материала.*

Заключение. *На занятиях по русскому языку как иностранному необходимо практическое объяснение функциональных значений предлогов, поскольку они в сочетании с лексемами выражают различные смысловые отношения в предложно-падежной конструкции. Употребление в русском языке предлогов с формами двух и трех падежей представлено многообразием семантических отношений. Для успешного усвоения особенностей русских предлогов в китайской аудитории необходимо применение разнообразных форм работы с учебным материалом и расширение их практического употребления.*

Ключевые слова: *предлог, падеж, словосочетание, валентность, полифункциональность, предложно-падежная конструкция, русский язык как иностранный.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 147–151)

The Phenomenon of Polyfunctionality of Prepositions in the Course of Russian as a Foreign Language

Grechikho T.A., Yakovlev S.M.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article considers the features of studying Russian prepositions in the course of teaching Russian as a foreign language to Chinese citizens.

The purpose of the work is to identify the main difficulties and possibilities for eliminating them in the study of Russian prepositions by native Chinese speakers, to study the valency and polyfunctionality of prepositions, the meanings and semantic relations that they express in combination with lexemes in the prepositional-case construction.

Material and methods. *The material for the study was the grammars of the Russian and Chinese languages, as well as the analysis of the results of completing tasks on the use of prepositions of the Russian language, offered to Chinese students and graduate students. The research methods, the descriptive and comparative, were used.*

Findings and their discussion. *The article defines the role of Russian prepositions in constructing a statement, its influence on expressing the meaning of what was said. The difficulties and typical mistakes that Chinese citizens make when using prepositions in oral and written speech are analyzed. Attention is focused on the valency and polyfunctionality of Russian prepositions. A study of the use of prepositions with two and three cases is conducted. Examples of their polysemantic use are presented with an explanation of the meanings and various semantic relations that they express in combination with lexemes in prepositional-case constructions. The forms of work on mastering and consolidating the study material are identified.*

Conclusion. *In Russian as a foreign language, classes a practical explanation of the functional meanings of prepositions is necessary, since they, in combination with lexemes, express various semantic relations in a prepositional-case construction. The use of prepositions with forms of two and three cases in the Russian language is represented by a variety of semantic relations. For successful acquisition of the features of Russian prepositions in the Chinese audience it is necessary to use various forms of work with study material and expand their practical use.*

Key words: *preposition, case, phrase, valency, polyfunctionality, prepositional-case construction, Russian as a foreign language. (Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 147–151)*

Предлог является служебной частью речи, которая связывает слова в словосочетании и предложении по смыслу и выражает различные отношения между ними. Он занимает важное место в морфологической и синтаксической структуре русского языка. Изучение предлогов в китайской аудитории на занятиях по русскому языку как иностранному является одной из самых трудных тем в обучении. Русский и китайский языки относятся к разным семьям и кардинально отличаются друг от друга на грамматическом уровне. Это составляет определённые сложности в изучении носителями китайского языка русских частей речи, в том числе и предлогов. На сегодняшний день русские и китайские предлоги в сравнительно-сопоставительном отношении недостаточно изучены. В лингвистической литературе обращается внимание на необходимость изучения семантики предлога в сочетании с различными лексемами, поскольку они влияют на его функциональное значение, определяют падеж зависимого компонента и смысловое содержание всей предложно-падежной конструкции [1–3].

Актуальность данного исследования обусловлена наличием трудностей усвоения грамматических и семантических особенностей предлогов русского языка китайскими студентами и магистрантами.

Цель данной работы – определить основные сложности в изучении русских предлогов носителями китайского языка и возможности их устранения, исследовать валентность и полифункциональность предлогов, значения и смысловые отношения, которые они выражают в сочетании с лексемами в предложно-падежной конструкции.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили грамматики русского и китайского языков [4–6], а также анализ результатов выполнения заданий на использование предлогов русского языка, предложенных китайским студентам и магистрантам. Методическую базу работы определили, описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. В китайском языке, как и в русском, предлоги являются важной служебной частью речи. В китайском языке отсутствует система падежей, грамматические отношения между лексемами определяет порядок слов в предложении. Предлоги имеют сходство с глаголами и могут использоваться в их качестве. Они выражают различные отношения: указывают на время, место, направление и т.д. Значение предлогов в китайском языке фиксированное, а в русском языке одни и те же предлоги могут

иметь несколько значений и в зависимости от этого использоваться с тем или иным падежом [6]. Разнообразие русских предлогов, сочетаемость с разными падежами, многозначность их семантики в сочетании с лексемами вызывают у иностранцев сложности в их понимании и употреблении. Например, им трудно отличить синонимичные по значению предлоги *из-за* – *от*, имеющие значение причины, поскольку на китайский язык они переводятся с помощью союза *потому что*. Предложения в китайском языке имеют относительно закреплённый порядок слов в отличие от свободного в русском языке, что может изменить смысл сказанного при переводе. Китайцы опускают предлоги в несогласованных определениях (*экзамен по математике, билет на поезд*). В китайском языке глагол играть (*во что? на чём?*) и глаголы движения, указывающие направление, не требуют предлога, поэтому китайские студенты в русской речевой практике ошибочно опускают предлоги (*идти магазин, играть пианино, играть футбол*).

В русском языке предлоги находятся в препозиции по отношению к зависимому компоненту, выраженному обычно существительным или местоимением в косвенном падеже. В качестве главного компонента в предложно-падежной конструкции чаще всего выступает глагол. Предлог вместе с падежным окончанием зависимого слова указывает на грамматическую форму всего словосочетания. Каждый предлог соотносится с одним или несколькими падежами. Функциональное значение предлогов в предложно-падежной конструкции состоит в том, что с их помощью между лексемами устанавливаются разные виды отношений: пространственные, временные, причинные и т.д. В русском языкознании представлены различные классификации предлогов. Так, по происхождению они делятся на непроизводные (*в, до, без, к, на* и др.) и производные, образованные от других частей речи (*около, возле, вокруг, ввиду, в течение, насчёт, благодаря* и др.). По структуре предлоги разделяют на простые (*в, у, под, над*), сложные (*из-за, из-под*), составные (*в отличие от, несмотря на*). По значению предлоги русского языка делятся на предлоги времени, места, причины, цели, уступки, объекта и образа действия. При этом они выражают различные отношения между словами в словосочетании и предложении, например, пространственные (*в, около, среди, на*), временные (*в течение, в продолжение*), причинные (*из-за, ввиду*) и т.д. Также в русском

языке предлоги различаются по валентности, то есть способности употребления с определённым количеством падежей именных частей речи: с одним, с двумя или с тремя падежами. Так, только с родительным падежом употребляются предлоги *для*, *у*, *без*, *до*, *ради*, с дательным – предлог *к*, с винительным – *через*, *сквозь*, *про*, с творительным – *перед*, *над*, с предложным – *при*. С двумя падежами: винительным и предложным употребляются предлоги *в*, *о*, *на*, с родительным и творительным – предлог *между*, с винительным и творительным – предлоги *за*, *под*. Предлог *по* применяется с тремя падежами: дательным, винительным, предложным, предлог *с* употребляется с родительным, винительным, творительным [4; 5].

Множество форм и разрядов русских предлогов, значений и смысловых отношений в предложно-падежных конструкциях, особенности употребления с разными падежами тяжело воспринимаются и усваиваются китайскими обучающимися. Особенно сложным для них является употребление одних и тех же предлогов с разными падежами. Для устранения трудностей в изучении и усвоении полифункциональности предлогов необходимо научить правильно ставить вопросы в словосочетании от главного компонента к зависимому и определять функциональное значение предлога, его отношения с зависимым компонентом.

Рассмотрим на примерах употребление русских предлогов с двумя и тремя падежами. Так, предлог *в* может иметь значение направления (*куда?*) и употребляется с винительным падежом существительного: *Студенты идут в университет*. Этот же предлог при обозначении места, расположения (*где?*) требует от существительного предложного падежа: *Студенты находились в университете*. При выражении временных отношений с указанием на точное время, дни недели, повторяемость действий (*когда? во сколько времени?*) предлог *в* сочетается с винительным падежом: *Занятия начинаются в восемь часов*. *Студенты сдают сессию два раза в год*. Однако при указании на годы, века, месяцы и периоды жизни (*когда?*) этот предлог употребляется с предложным падежом: *Студенты будут проходить учебную практику в июле в следующем году*. *В юности хочется много путешествовать*. Специфическим является употребление предлога *в* с винительным падежом при обозначении вида спорта с глаголом играть: *Студенты любят играть в футбол*. Но при обозначении инструментов в данной ситуации употребляется предлог *на* с предложным падежом: *Студентка красиво играла на скрипке*. При разговоре о транспорте от контекста будет зависеть употребление предлога *в* или *на*. Нахождение внутри транспортного средства требует употребления предлога *в* с предложным падежом: *Студенты пели песни в автобусе*. При указании на вид транспорта, который используют при поездке, применяют предлог *на* с предложным падежом: *Китайские студенты часто ездят на такси*.

Предлог *на*, как и предлог *в*, при указании на направление (*куда?*) употребляется с винительным падежом, а при обозначении места, расположения (*где?*) требует предложного падежа: *Студенты опаздывали на концерт*. *Студенты были на концерте*. *Друзья поехали на площадь*. *Друзья гуляли на площади*. *Родители едут на завод*. *Родители работают на заводе*.

Предлог *на*, как и предлог *в*, может выражать временные отношения (*когда?*) и употребляется с предложным падежом: *На прошлой неделе мы сдали экзамен*. Предлог *на* может использоваться с винительным падежом (*на какое время? на сколько времени?*): *Мы уехали на экскурсию на три дня*. Также нужно обратить внимание на выражения с глаголами *ходить* (*в одежде*) и *говорить* (*на языке*), требующих употребления существительных в предложном падеже: *Он всегда на работу ходит в костюме*. *Она говорит на нескольких иностранных языках*.

У иностранных студентов возникают сложности, связанные с тем, в каких случаях употреблять предлог *в*, а в каких предлог *на*, если они имеют одинаковое значение. Предлог *в* указывает на нахождение лица или предмета внутри чего-либо, а предлог *на* – на его нахождение снаружи: *в столе – на столе*. Также предлог *на* употребляется с существительными, которые обозначают мероприятия, события, направления света, занятия, открытые пространства и с некоторыми другими словами: *на востоке, на уроке, на лекции, на факультете, на спектакле, на собрании, на экскурсии, на улице, на стадионе, на рынке, на вокзале, на работе, на заводе, на острове* и др.

Предлоги *под* и *за* в зависимости от значения в словосочетании или предложении могут употребляться с винительным или творительным падежами именных частей речи. Например, предлог *под* при обозначении направления движения (*куда?*) требует применения винительного падежа: *Ручка упала под стул*. Но при обозначении места расположения (*где?*) предлог *под* употребляется с творительным падежом: *Ручка лежала под стулом*. Предлог *за* в зависимости от контекста может иметь те же значения и падежи, что и предлог *под*. При значении направления (*куда?*) он употребляется в винительном падеже, а при значении места (*где?*) – в творительном: *Солнце зашло за тучу*. – *Солнце было за тучей*. Винительного падежа от предлога *за* требуют объектные отношения: *Подруга вышла замуж за адвоката*. *Благодарим за оказанную нам помощь*. Также он будет использоваться в винительном падеже при выражении временных отношений (*за какое время?*): *Мама приготовила завтрак за двадцать минут*. Однако при значении времени (*когда?*) употребляется творительный падеж: *За обедом обсуждали планы на будущее*. При обозначении цели (*зачем? с какой целью?*) также потребуются применение творительного падежа: *Мы ездим в супермаркеты за разными продуктами и товарами*.

Предлог *о* (*об, обо*) употребляется с винительным и предложным падежами. В винительном падеже

он указывает на объект действия: *Девочка ударилась об угол стола. Мальчик споткнулся о камень.* Чаще всего этот предлог имеет объектное значение (выражает объектные отношения) в предложном падеже с глаголами мышления и говорения (о ком? о чём?): *Мама сказала о себе, об отце, обо всех родственниках.*

Предлог **между** часто употребляется с творительным падежом, редко с родительным. В творительном падеже он выражает пространственные отношения и указывает на нахождение одного объекта между другими объектами или на связь между ними (где?): *Между домами были посажены деревья. Между городами Беларуси ходят поезда.* Может выражать временные отношения и указывать на промежуток времени, в который что-то произошло (когда?): *В период между войнами шло восстановление страны.* В творительном падеже предлог **между** имеет объектное значение: *В настоящее время переговоры ведутся между Россией и США.* Также может выражать сравнительные отношения: *В чём разница между психикой и психологией?* Этот предлог встречается в устойчивых выражениях: *между делом, между жизнью и смертью, между небом и землёй, между двух огней.* С родительным падежом данный предлог употребляется редко: при указании на положение одного объекта среди других и заменим предлогом **среди**: *Между страниц книги лежали закладки.*

Для русских предлогов **с**, **по** характерно употребление с тремя падежами существительных и местоимений. Предлог **с** может иметь разные значения и сочетаться с родительным или творительным падежами, иногда с винительным падежом. Родительный падеж применяется при временных отношениях (с какого времени?): *Занятия начинаются с восьми часов утра.* Может указывать на объект: *Что с тебя взять?* При указании на направление движения (откуда?) в родительном падеже используются синонимичные предлоги **с** – **из**: *Отец пришёл с завода. Сын приехал из Минска.* Чтобы не допускать ошибок в их использовании, нужно помнить, что при обозначении противоположного направления (куда?), требующего винительного падежа, предлог **с** заменяется на предлог **на**, а предлог **из** на предлог **в**: *Я прилетел из Китая. – Я улётел в Китай. Мама пришла с работы. – Мама ушла на работу.* Предлог **с** употребляется с творительным падежом при выражении объектных отношений, совместности действия (с кем? с чем?): *Студенты пошли в кафе с друзьями. Нас поздравили с праздником.* Также предлог **с** используется с творительным падежом в несогласованных определениях: *Дети любят чай с сахаром.* В творительном падеже он может иметь значение образа действия: *Ребёнок с радостью взял конфеты.* Изредка предлог **с** может иметь сравнительное значение и сочетаться с винительным падежом: *Цыплёнок был величиной с воробья.*

Предлог **по** употребляется с дательным, винительным и предложным падежами. В предложном падеже применяется в деловом стиле в значении времени (когда?): *По возвращении из командировки необходимо*

сдать отчёт. Он равнозначен предлогу *после* с родительным падежом существительного: *После возвращения из командировки необходимо сдать отчёт.* С винительным падежом предлог **по** употребляется при числительных, обозначающих количество, цену (по сколько?): *На рынке мёд продавали по десять рублей за банку.* Этот предлог используется с винительным падежом при выражении временных отношений: *У студентов учебный год длится с сентября по июль.* Также при выражении целевых отношений в выражениях: *пойти по грибы, пойти по ягоды.* Наиболее употребим предлог **по** с дательным падежом: при выражении пространственных отношений, указании на место, поверхность чего-либо или движение по поверхности (где?): *Мы прогуливались по парку, потом плыли на лодке по реке. Ветка дерева ударила меня по лицу.* Предлог **по** используется при указании на род занятий, профессию (какой?): *Экзамен по информатике трудно было сдать.* При указании на средства связи и способы передачи информации (как?): *Людям нравится общаться по телефону.* При выражении временных отношений (когда? как часто?): *По воскресеньям мы отдыхаем.* При указании на объект (по кому? по чему?): *В чужой стране студенты скучают по родителям, братьям и сёстрам.*

Для усвоения и закрепления китайскими студентами и магистрантами особенностей русских предлогов и их полифункциональности в предложно-падежных конструкциях формы и виды работы на занятиях русского языка как иностранного могут быть разнообразными: объяснение употребления предлогов и их значений в контексте; преобразование предложений по образцам, составление словосочетаний, предложений, микротекстов с предлогами, нахождение ошибок в представленных предложно-падежных конструкциях, в устных и письменных высказываниях, в текстах, выполнение заданий по введению в контекст нужных предлогов, демонстрация таблиц с систематизацией материала по употреблению русских предлогов, использование тестов для проверки знаний. На занятиях по изучению предлогов можно использовать различные предтекстовые и послетекстовые упражнения, например: в представленных предложениях обратить внимание на употребление предлогов для выражения разных значений (*Туристы приехали в Минск. – Туристы были в Минске*); вставить нужные предлоги в контекст (*Отец вернулся (родительское собрание)*); продолжить предложения (*Мама не работает по ...*); раскрыть скобки в предложениях (*Моя подруга долго разговаривает с друзьями (телефон)*); составить предложения из слов, поставив их в нужную форму (*Студент, часто, опаздывать, занятия, русский язык*); выполнить тестовые задания (*Евфросиния Полоцкая родилась: а) в городе Полоцке, б) в город Полоцк, в) за город Полоцк*). Также успешному обучению будет способствовать применение информационно-коммуникационных технологий: электронных учебных материалов и мультимедиа-презентаций с объяснением

и демонстрацией примеров употребления предлогов в нужной падежной форме [7–9].

Заключение. Таким образом, в русском языке предлоги играют важную роль в построении фразы и влияют на выражение смысла сказанного. Проведенное исследование выявило особенности обучения русским предлогам носителей китайского языка. На занятиях по русскому языку как иностранному необходимо практическое объяснение функциональных значений предлогов, поскольку они в сочетании с лексемами выражают различные смысловые отношения. Употребление в русском языке предлогов с формами двух и трех падежей представлено многообразием семантических отношений с лексемами в предложно-падежной конструкции. Для успешного усвоения особенностей русских предлогов в китайской аудитории необходимо применение разнообразных форм работы с учебным материалом, а также расширение их практического употребления как на занятиях, так и в повседневном общении.

Литература

1. Цзинь, Л. Сравнительный анализ обстоятельств времени с предлогами русского языка и соответствующих им выражений китайского языка / Л. Цзинь // *Litera*. – 2022. – № 5. – С. 221–229.
2. Панфилов, В.С. Конъюнкты и предлоги в китайском языке / В.С. Панфилов // *Вопросы языкознания*. – 2009. – № 5. – С. 76–89.
3. Эвзеев, М.Х. Предлоги: проблемы изучения и обучения / М.Х. Эвзеев // *Русский язык*. – 2004. – № 25/26. – С. 36–42.
4. Кузьмина, Н.В. *Russian Grammar in Tables. Русская грамматика в таблицах: учеб. пособие* / Н.В. Кузьмина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 88 с.
5. Современный русский язык: в 2 ч. – Минск: ООО «Плопресс», 1998. – Ч. 2. Словообразование. Морфология, Морфология / П.П. Шуба, Т.Н. Вольнец, И.К. Германович [и др.]; под ред. П.П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – 544 с.
6. Курдюмов, В.А. *Курс китайского языка. Теоретическая грамматика* / В.А. Курдюмов. – М.: Цитадель-трейд: Вече, 2006. – 576 с.
7. Николаенко, С.В. *Методика преподавания русского языка* / С.В. Николаенко. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/10016> (дата обращения: 17.04.2025). – Электр. копия печ. изд.: Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 275 с.
8. *Русский язык как иностранный: корректировочный курс: метод. рекомендации: в 2 ч.* / Т.А. Гречиго [и др.]; под ред. С.М. Яковлева. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/13715> (дата обращения: 17.04.2025). – Электр. копия печ. изд.: Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Ч. 2. – 55 с.
9. *Практические занятия по русскому языку как иностранному: методические рекомендации: в 6 ч.* / Т.А. Гречиго [и др.]. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/18757> (дата обращения: 17.04.2025). – Электр. копия печ. изд.: Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Ч. 3. – 51 с.

Поступила в редакцию 18.04.2025

Договоры Великого Княжества Литовского и русских земель XV в. в аспекте сравнительно-сопоставительного лингвостилистического исследования

Климкович О.А.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Сравнительно-сопоставительное изучение стилистического своеобразия отдельных жанров дипломатической письменности ВКЛ и русских земель является относительно новым направлением историко-лингвистических исследований.

Цель представленной работы – определение сходств и различий в употреблении средств репрезентации текстовой категории императивности в договорах, составленных на территории ВКЛ и различных русских земель (Московское, Новгородское, Тверское и др. княжества). Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью уточнить историю развития деловой письменности в старобелорусском и старорусском языках.

Материал и методы. *Материалом для статьи стали 70 текстов договоров XV века (10 текстов, составленных на территории ВКЛ, и 60 текстов, составленных от имени князей русских земель). Анализ языкового материала осуществлялся с помощью сравнительного, описательного методов и элементов статистического метода.*

Результаты и их обсуждение. *Определены средства репрезентации таких значений императивности, как обязывание, запрет и разрешение. Установлено, что самым распространенным средством являются формы инфинитива.*

Заключение. *Анализ языкового материала позволил выявить такие общие средства репрезентации категории императивности, как формы инфинитива с отрицанием и без отрицания, формы повелительного наклонения глагола, формы изъявительного наклонения настоящего и будущего времени в значении повелительного, лексемы «добровольно», «вольно». Лексема «годно» отмечена в более ранних договорах ВКЛ, ее отсутствие в XV в., возможно, связано с небольшим числом опубликованных договоров. Только в русских текстах выделены сочетания «без послушанья», «вольным воля».*

Ключевые слова: историческая стилистика, договоры, категория императивности, средство репрезентации.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 152–156)

Agreements between Great Duchy of Lithuania and Russian Lands in the 15th Century in the Aspect of the Comparative Linguistic and Stylistic Research

Klimkovich O.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

A comparative study of the stylistic uniqueness of individual genres of diplomatic writing in the Grand Duchy of Lithuania and Russian lands is a relatively new direction in historical and linguistic research.

The purpose of the presented work is to identify similarities and differences in the use of means of representing the textual category of imperativeness in agreements drawn up on the territory of the Grand Duchy of Lithuania and various Russian lands (Moscow, Novgorod, Tver, etc. Principalities). The relevance of such study is due to the need to clarify the history of the development of business writing in the Old Belarusian and Old Russian languages.

Material and methods. *The material for the article is 70 texts of the 15th century treaties (10 texts compiled on the territory of the Grand Duchy of Lithuania, and 60 texts compiled on behalf of the princes of the Russian lands). The analysis of the linguistic material was carried out using comparative, descriptive methods and elements of the statistical method.*

Findings and their discussion. *The means of presenting such meanings of imperativeness as obligation, prohibition and permission are defined. It is established that the most common means are infinitive forms.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: olga-klimkovich@mail.ru – О.А. Климкович

Conclusion. The analysis of the linguistic material made it possible to identify such common means of presenting the category of imperativeness as the forms of the infinitive with and without negation, the forms of the imperative mood of the verb, the forms of the indicative mood of the present and future tenses in the meaning of imperative, the lexemes of voluntarily, free. The lexeme of “godno” (valid) is marked in earlier treaties of the Grand Duchy of Lithuania; its absence in the 15th century may be due to the small number of published agreements. Only in Russian texts the combinations “without disobedience”, freedom to the free” are singled out.

Key words: historical stylistics, agreements, category of imperativeness, means of representation.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 152–156)

Сравнительно-сопоставительное стилистическое исследование дипломатических жанров Великого Княжества Литовского, Москвы, Новгорода и других русских земель в диахронии позволяет уточнить историю развития деловой письменности в старобелорусском и старорусском языках. Это направление историко-стилистических исследований получает свое обоснование в начале XXI века в работах Т.Г. Трофимович [1], Т.Ю. Белоноговой [2], Н.В. Полещук [3].

XV век – важный этап в истории развития Великого Княжества Литовского, отдельных русских земель и в развитии восточнославянской дипломатической письменности. В канцелярии ВКЛ в это время доминировали две традиции составления дипломатических документов: русская и западноевропейская. На основе русской традиции составлены дипломатические документы, раскрывающие особенности отношений между Великим Княжеством Литовским и Новгородской и Псковской республиками, Тверским княжеством, Московским княжеством, а позже и Московским государством [4]. В Московском княжестве, а позже в Московском государстве в XV веке произошло образование посольской службы, с конца «XV века сформировался слой чиновников, занимавшихся внешними делами (посольские дьяки, подьячие), существовал особый тип внешнеполитической документации (посольские книги), сложились правила посольской службы, посольский церемониал, специальный дипломатический язык» [5, с. 67]. Дипломатическая письменность XV века представлена такими жанрами, как официальные письма, указы послам, инструкции послам, опасные (охранные) и верующие (верительные) грамоты и др. Центральным ее жанром выступает договор.

Сравнительно-сопоставительный лингвостилистический анализ данных текстов может быть осуществлен на основании характеристики употребления в них средств репрезентации таких текстовых категорий, которые отражают важнейшие стилевые черты деловой письменности: стандартизованности, точности, императивности, отвлеченно-обобщенности (абстрагизации).

Цель работы – определение сходств и различий в употреблении средств репрезентации текстовой категории императивности в договорах, составленных на территории ВКЛ и русских земель в XV веке. Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью уточнить историю развития деловой письменности

в старобелорусском и старорусском языках. Хотя анализ языка договоров проводился в работах А.А. Шахматова, С.П. Обнорского и др. ученых, средства репрезентации категории императивности в них с позиций сопоставительного лингвостилистического исследования еще не рассматривались.

Материал и методы. Материалом для статьи стали 70 текстов договоров XV века. Среди них договоры, которые заключались а) между великим князем литовским и великим князем московским [4, с. 131–136, 251–254; 6, с. 329–332], Новгородской [7, с. 105–106, 115–116, 129–132] и Псковской республиками [4, с. 246], между великим князем московским и Новгородской и Псковской республиками [7, с. 39–43, 45–51], между Новгородом и Ливонским орденом [7, с. 98–100, 117–119], Новгородом, Псковом и епископом юрьевским [7, с. 133–136], б) между литовскими, московскими князьями и теми, кто находился в вассальной зависимости от них [4, с. 248–251, 6, с. 322–328, 332–341], в) торговые договоры Полоцка и Риги [8, с. 137–139, 153–155, 356–361]. Договоры сохранились как в экземплярах одной стороны, так и в экземплярах двух сторон. Все исследованные тексты написаны кириллицей. К договорам ВКЛ относятся 10 текстов (на основании адресанта текста, места его написания и языковых особенностей, включающих особенности формуляра), к договорам Новгорода, Москвы и других русских земель – 60 текстов. Анализ языкового материала осуществлялся с помощью сравнительного, описательного методов и элементов статистического метода.

Результаты и их обсуждение. В исследованных текстах употребляются следующие обозначения: *докончание*, *докончальная грамота* ‘договор, соглашение’¹, *крестная грамота* ‘грамота, сцверджаная прысягай’² – в документах, срок действия которых не определен, *перемирная грамота* – в документах ‘о заключении или продолжении перемирия на какой-либо срок’³. Договоры относятся

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1977. Вып. 4. Г–Д. С. 198.

² Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. Мінск: Беларус. навука, 1997. Вып. 16. Коржъ – лесничанка. С. 119.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1988. Вып. 14. Отрава – персоня. С. 265.

к документам с предписывающим характером изложения⁴, соответственно, императивность в них стилистически значима, в то же время императивность договора отличается от императивности, например, законодательных документов, поскольку для него важным является использование таких средств, которые вырабатывают у противоположной стороны желаемое отношение к излагаемому материалу.

Императивность в жанрах деловой письменности, имеющих предписывающий характер, реализуется с помощью средств, выражающих значения обязывания, запрета и разрешения [9; 10]. Эти средства классифицируются как эксплицитные и имплицитные, лексические и грамматические (морфологические и синтаксические).

Отметим, что и в текстах ВКЛ начала XV в., и в договорах русских земель самым распространенным средством репрезентации императивности выступают формы инфинитива: в текстах фиксируется 242 (договоры ВКЛ) случая употребления этой грамматической формы из выявленных 280 случаев употребления различных средств репрезентации императивности и, соответственно, 343 (договоры русских земель) из 379 случаев⁵, с помощью которого выражается и обязывание, и разрешение, и запрет (в случае употребления с отрицательной частицей *не*): *вам нашег(о) полочан стерец(и) как своего брат(а) немчина оу Ризе* [8, с. 139], *а со кн(а)з(е)мъ с Семеном с Романовичем с новосилским и с торискыми кн(а)зи так же вз(а)ти ти любов(ь) по давным грамотамъ, а жити ти с ними без вбиды, занеже тѣ всѣ кн(а)зи со мною вдинъ ч(е)л(о)в(тѣ)къ* [6, с. 53].

Для репрезентации значения обязывания во всех договорах используются а) формы настоящего или будущего времени изъявительного наклонения в значении повелительного: *ино его тамъ свои полочан(е) казнѣт(ь)* [8, с. 139], *а на ког(о) помолвит трети, и виноватой втдасть* [6, с. 53]. В договоре 1477 г., составленном от имени Казимира, и во многих договорах русских земель фиксируются формы повелительного наклонения глагола *целовати*: *а на томъ на всемъ, честны король, крестъ цѣлуи ко всему Великому Новугороду за все свое княжество и за всю раду литовскую, в правду, без всякого извѣта* [7, с. 132], *[а] на сем на всем, брате молодшии, кн(а)зь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ кр(тѣ)стѣ, къ своему брату старѣишому, к великому кн(а)зю Василью Васильевич(ю), и съ своим с(ы)номъ* [6, с. 78]. В текстах, составленных на территории ВКЛ, отмечены также формы условного наклонения: *про то ж бы тое смиренье вѣчно стоало непорушено со вбою сторону межи нами, полочаны и рижяны* [8, с. 154]. Условное в значении повелительного – характерное средство репрезентации императивности в старорусских

деловых текстах, однако в исследованных договорах такие случаи не отмечены.

С 40-х гг. XV в. в текстах ВКЛ фиксируются формы *имати + инф.*, передающие значение обязывания: *мы имаемъ нашому прыятелю, Ильи воеводе, прыяти и его доброго смотрети, а Илья воевода такожь имаетъ намъ прыяти и нашего доброго смотрети...* [4, с. 249–250], где *имати* выступает как ‘дапаможны дзеяслоў у саставе будучага складанага (абавязаны, павінен, вымушаны што-небудзь рабіць)’⁶.

В договорах русских земель лексема *имети* употребляется для выражения значения будущего времени *а ктв имет твою втчину вбидѣти, и мнѣ тебѣ боронити* [6, с. 65] и в значениях ‘брать; получать’⁷. С 40-х гг. XV в. в текстах ВКЛ фиксируется употребление характерной для ст.-бел. текстов формы *мети + инф.*, имеющей наряду со значением составной формы будущего времени значение обязательного действия: *того израдѣцу Илья воевода маеть намъ зъ его земли выдати* [4, с. 250]. Употребление глагола *мети* обусловлено влиянием польского языка, где конструкция *тие́с + инфинитив* известна с XIII в.⁸. Выявляются случаи замены инфинитива сочетанием глагола и существительного, в котором заключено основное лексическое значение: *и мы имаемъ такую помочь его м(и)л(о)сти дати без хитрости* [4, с. 257].

В договорах русских земель, определяющих взаимоотношения Москвы и зависимых княжеств, средствами репрезентации обязывания выступают формы глаголов *велети, возвелети*: *а что закладъ в рядныхъ грамотахъ, а том велѣхомъ имати княземъ великимъ съ владыкою на виноватомъ от сего докончания* [7, с. 41], *а възвелитъ велик(и) княз(ь) Витовтъ, и мнѣ, княз(ю) великом(у) Ивану Волод(и) мерович(ю), по ег(о) повелѣнию, пособляти на всяког(о)* [6, с. 69], в) сочетание *без ослушанья*: *самому тобѣ всѣсти на кон(ь) противи своег(о) недруга, и мнѣ поити с тобою без вслушан(ь)га* [6, с. 70].

Средства репрезентации запрета сходны со средствами репрезентации обязывания: а) чаще всего используются формы инфинитива с частицей *не* (57 случаев в договорах ВКЛ и 135 случаев в договорах русских земель), такие формы могут усиливаться за счет употребления отрицательных местоимений и наречий: *а в вотчину нам, брате, въ твою, во все твои великие княжства, и в Новгород Великий, и во Псков, и во вся Ноугородская и во Псковская места не вѣступати ся ничемъ* [11, с. 72], *и мне великому кн(я)зю на ваше лихо их не отпуцати никуде* [11, с. 74], *а не канчивати мнѣ, великоми кн(а)зю ни с кѣм, ни съсылатисѣ без твоег(о)*

⁶ Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. Мінск: Беларус. навука, 1996. Вып. 14. Ігдзе – катаючый. С. 95.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1979. Вып. 6. Зипунъ – январий. С. 225.

⁸ Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków: Universitas, cop. 2006. С. 64.

⁴ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М. Флинта: Наука, 2006. С. 72.

⁵ Статистические данные приводятся на основании 10 полностью расписанных договоров ВКЛ и 10 договоров русских земель.

вѣдан(ь)та [6, с. 167], б) формы настоящего / будущего времени с частицей *не*: *а ишь земли вон на третей ся не зовут* [6, с. 77], в) с 40-х гг. XV в. в договорах ВКЛ фиксируется сочетание *не надобе* + инф.: *тог(о) не надобѣ искат(и) ни нашим на псковичох, ни псковичом на наших* [12, с. 235], в договорах русских земель такое сочетание фиксируется в новгородских договорах XIV в. и в деловых текстах других жанров⁹.

С запретом связано ограничение суммы пошлин, выплат, для вербализации которого в русских договорах используются безличные конструкции с лексемой *нет*: *и вн возмет свои мыт, а промыты и заповеди нѣтъ* [6, с. 298].

И обязательство, и запрет в договорах касаются двух сторон, именно поэтому здесь используются повторения конструкций с инфинитивами, которые позволяют выражать императивность, сохраняя статус субъектов деловой коммуникации: *што жъ послу изъ нашее земли, из Литовское, и гостю: или ляхъ, или русинъ, или полочанинъ, или витблянин и смолнянинъ – тымъ путь чысть изо всее моее отчыны въ Псковскую землю. А гостю торговати во Пскове без пакости, по старои пошлине со всякимъ гостемъ, такожь и псковичомъ послу и гостю изо всее отъчины Псковское, тымъ всимъ путь чысть во всю мою отъчину, в Литовскую землю. А гостю торговати во всей Литовской земли по старыне, без пакости, по старой пошлине со всякимъ гостемъ. Также и послу псковскому, кого коли пошлетъ ко князю великому московскому на Москву, путь чысть черезъ нашу отчыну на Смоленскъ, тамъ ехати и назад отехати, коли мы, великий князь Казимиръ, будемъ с князем великимъ московскимъ в любви* [4, с. 246].

В отдельных текстах фиксируется значение разрешения. Как и в случае с обязыванием и запретом, средством его выражения может выступать инфинитив. Кроме того, общими для исследованных текстов являются случаи употребления таких средств репрезентации разрешения, как а) наречия *добровольно*: *а торговат(и) немецком(у) купцю с гостем Литовское земли добровольно* [8, с. 139], *а приѣхати имъ на тои съѣздъ и розъѣхатися добровольно, безо всякои пакости, по сему крестному челованью* [7, с. 118] (А. Золтан, анализируя случаи употребления этой лексемы в русских текстах, называет ее западнорусизмом [13, с. 778–780]); б) лексем *вольный*, *вольно*, которые употребляются с глаголом *хотети*: *также могут(ь) полочане мимо Ригу оу землю, а рижаном мимо Полтескъ оу землю, куда хочют(ь), то на вѣтъ сторонѣ межи нас волно водою и землею* [8, с. 153], *а оу ког(о) будут в Бѣжиском Версъ грамоты жаловальные w(t)ца моего, великог(о) кн(а)за, или мои, оу богарь, или на слободы, или оу иного оу ког(о), и в тѣх грамотах волен ты, брат мои, кн(а)зь Юрьи Дмитриевич, кого как хочеш(ь) жалова-*

ти [6, с. 79]. В договорах ВКЛ используется лексема *мочи* ‘мечь права, адважваца’¹⁰ в разных формах: *а любо какъ можемъ межи себе оуровнат(и)* [8, с. 153].

В текстах русских договоров употребляется лексема *годно*, реализующая значения ‘угодно’¹¹: *а быти ти с нами вездѣ завдин, по димѣ, как бидет годно, без хитрости* [6, с. 52–53], которая встречалась в сходном значении в договорах Полоцка XIII в. и Новгорода XIV в.¹², сочетание *вольным воля*: *а богаром и слигамъ межи нас вольным вола* [6, с. 52], указывающее на свободу действия лиц определенного социального статуса.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) средства выражения императивности выступают как стилообразующие в текстах договоров Великого Княжества Литовского и русских земель, так как рассматриваемый жанр дипломатической письменности имеет предписывающий характер; 2) основным средством репрезентации значений обязывания, запрета и разрешения выступает инфинитив, что связано как с процессом формирования грамматической системы восточнославянских языков, так и с процессом формирования перечня средств, выражающих разные оттенки императивности; 3) прослеживается корреляция употребления отдельных средств репрезентации императивности со статусом сторон, заключающих договор, и с местом его создания: сочетание *без ослушания*, лексемы *велети*, *возвелети* используются в договорах, которые заключаются между московскими великими князьями и их вассалами; 4) с 40-х гг. XV в. в договорах ВКЛ фиксируется употребление сочетаний *имети* + инф., *мети* + инф., характерных для деловой письменности ВКЛ; 5) общими для договоров ВКЛ и русских земель являются такие средства репрезентации категории императивности, как формы инфинитива, будущего или настоящего времени без отрицания и с отрицанием, формы повелительного наклонения, лексемы *добровольно*, *вольно*. Лексема *годно* выделена в более ранних договорах ВКЛ, ее отсутствие в XV в., возможно, связано с небольшим числом опубликованных на кириллице текстов. Только в русских текстах отмечены сочетания *без ослушанья*, *вольным воля*.

Литература

1. Трофимович, Т.Г. К осознанию задач и путей развития сравнительно-исторической стилистики восточнославянских языков / Т.Г. Трофимович // Карповские научные

¹⁰ Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. Мінск: Беларус. навука, 1999. Вып. 18. Местце Надзваті. С. 191.

¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 1–31 / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1977. Вып. 4. Г – Д. С. 57.

¹² Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Cn4SYwphE18KFQoDbGV4Eg4KDNC90LDQtNC%2B0LHQQtQoKcGRmb3JtEgIKAAoLcGVncmFtbRICCgAKCQoDc2VtEgIKAAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgsKBWZsYWdzEgIKACoQCgglBxAKGDIgCiAAQAV4ADICCBM6AQE=>.

⁹ Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Cn4SYwphE18KFQoDbGV4Eg4KDNC90LDQtNC%2B0LHQQtQoKcGRmb3JtEgIKAAoLcGVncmFtbRICCgAKCQoDc2VtEgIKAAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgsKBWZsYWdzEgIKACoQCgglBxAKGDIgCiAAQAV4ADICCBM6AQE=>.

- чтения: сб. науч. ст.: в 2 ч. / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.] – Минск, 2013. – Вып. 7, ч. 1. – С. 58–62.
2. Белоногова, Т.Ю. Стилеобразующие параметры синтаксиса англосаксонских и древнерусских грамот / Т.Ю. Белоногова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 3. – С. 102–105. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stileobrazuyuschie-parametry-sintaksisa-anglosaksonskih-i-drevnerusskih-gramot> (дата обращения: 10.03.2025).
 3. Паляшчук, Н.В. Кампазіцыйныя асаблівасці старабеларускіх і старарускіх тастаментаў / Н.В. Паляшчук // Славянские языки: системно-описательный и социокультурные аспекты исследования: сб. науч. тр. – Брест, 2014. – URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/15357> (дата обращения: 10.04.2025).
 4. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 5: (1427–1506). Užrašymų knyga 5 / parengė: Algirdas Baliulis, Artūras Dubonis, Darius Antanavičius. – Vilnius: LII leidykla, 2012. – 583 с.
 5. Кузнецов, А.И. История дипломатии России / А.И. Кузнецов, Ю.А. Райков, В.В. Самойленко. – М.: Изд-во «Аспект-пресс», 2017. – 351 с.
 6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. Л.В. Черепнин, отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 585 с.
 7. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Акад. наук СССР, Ин-т истории; под ред. С.Н. Валка. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 407 с.
 8. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 2 т. – Москва: Русский фонд содействия образованию, 2015. – Т. 1; под общ. ред. А.Л. Хорошкевич. – 864 с.
 9. Орлова, Н.В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией / Н.В. Орлова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 4. – С. 188–193.
 10. Руднев, Д.В. Средства выражения разрешения в деловой речи XVIII века / Д.В. Руднев, Т.Ю. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2023. – № 22(2). – С. 9–20. – URL: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-2-9-20>.
 11. Lietuvos Didžiosios kunigaikštys tėsir Maskvos valstybės sutartys 1449–1556 metai / Vytauto Didžiojo Universitetas. – 2016. – 307 с.
 12. Бычкова, М.Е. Договор 1440 г. между Псковом и Великим княжеством Литовским / М.Е. Бычкова, А.А. Бондаренко, О.И. Хоруженко // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2009. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-1440-g-mezhdupskovom-i-velikim-knyazhestvom-litovskim-vstupitelnaya-statya-m-e-bychkovoy-podgotovka-teksta-a-a-bondarenko-i-o-i-1> (дата обращения: 10.04.2025).
 13. Золтан, А. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. / А. Золтан // Из истории русской культуры: в 2 т. – М., 2002. – Т. 2, кн. 1. / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – С. 766–804.

Поступила в редакцию 22.04.2025

К вопросу о лингвистическом статусе словесных товарных знаков: апеллятив или имя собственное

Денисенко Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

Научно-технический прогресс, развитие экономики стимулировали появление группы слов для обозначения товаров повседневного спроса. С названиями товаров связан ряд нерешённых в настоящее время вопросов, первый из которых – это возможность и правомерность их включения в онимическое пространство.

Цель представленной работы – определение лингвистического статуса словесных товарных знаков (далее – СТЗ) с точки зрения их включения в состав ономастической лексики и положения в структуре онимического поля. Актуальность такого исследования обусловлена необходимостью решения ряда общеонимических проблем, таких как проблема однородности ономастических единиц, сходства и различия между их разрядами, оснований для их классификации, а также границ ономастического пространства.

Материал и методы. *Материалом для статьи стали ономастические исследования конца XX – первой четверти XXI в., посвященные проблеме определения лингвистического статуса наименований товаров. Анализ материала осуществлялся с помощью описательного и аналитического методов.*

Результаты и их обсуждение. *В работе обозначенного периода анализируются вопросы, касающиеся границ между нарицательной лексикой и подобными наименованиями, активизируется изучение периферийных разрядов онимов, среди которых прагматонимы (СТЗ) и др. Изучение прагматонимической лексики велось в различных направлениях, в том числе в контексте изучения функциональной специфики прагматонимов, лингвистических характеристик СТЗ, особенностей их функционирования в рекламных текстах и т.д. Одним из приоритетных вопросов для исследователей по-прежнему остаётся определение лингвистического статуса наименований товаров.*

Заключение. *Анализ материала исследования позволяет сделать следующие выводы:*

- 1) СТЗ можно определить как искусственные слова вторичной номинации, их положение в языке неоднозначно, так как они имеют тенденцию к переходу в общую лексику и получению лингвистического статуса нарицательных имён;*
- 2) на основании анализа работ российских и белорусских лингвистов считаем корректным исследование СТЗ как особых собственных имен.*

Ключевые слова: *ономастика, апеллятив, оним, словесный товарный знак, прагматоним.*

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 157–161)

On the Linguistic Status of Verbal Trademarks: Appellative or Proper Name

Denisenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Scientific and technological progress, along with economic development, has stimulated the emergence of a specific lexical group denoting consumer goods. The names of such goods raise a number of currently unresolved issues, the foremost being the possibility and legitimacy of including them within the onymic domain.

The aim of this study is to identify the linguistic status of verbal trademarks (hereafter VTs) in terms of their inclusion in the corpus of onomastic vocabulary and their position within the structure of the onymic field. The relevance of this research stems from the need to address several general onomastic problems, such as the issue of the homogeneity of onomastic units, similarities and differences among their categories, the criteria for their classification, and the delineation of the boundaries of the onomastic space.

Material and methods. *The research material comprises onomastic research conducted from the late 20th century to the first quarter of the 21st century, specifically addressing the issue of identifying the linguistic status of product names. The analysis was carried out using descriptive and analytical methods.*

Findings and their discussion. Studies from the aforementioned period examine the boundaries between common vocabulary and similar designations, while also intensifying the exploration of peripheral categories of onyms, including pragmatonyms (VTs) and others. The research into pragmatonymic vocabulary has been conducted in various directions, including the study of the functional specificity of pragmatonyms, the linguistic characteristics of VTs, their usage in advertising discourse, etc. Among the priority concerns for researchers remains the question of determining the linguistic status of product names.

Conclusion. The analysis of the research material allows us to draw the following conclusions:

1) verbal trademarks can be defined as artificial words of secondary nomination; their status in the language is ambiguous, as they tend to shift into the general lexicon and acquire the linguistic status of common nouns;

2) based on the analysis of works by Russian and Belarusian linguists, it is deemed appropriate to study VTs as a distinct category of proper names.

Key words: onomastics, appellative, onym, verbal trademark, pragmatonym.

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 157–161)

Одним из традиционных способов классификации лексического состава языка является деление имен на собственные и нарицательные. Это деление остается актуальным и в настоящее время. Однако научно-технический прогресс, развитие экономики, торговли и производства стимулировали появление многочисленной группы специальных слов для именованья различных веществ, механизмов, таксономических единиц, обозначений как произведенной продукции, так и товаров, ставших объектами торговли, и др. Такие «обновленные» группы специальной лексики значительно изменяют состав языка в целом не только количественно, но и качественно, что заставляет нас пересмотреть роль и значение собственных имен в классическом понимании этого слова, а также их соотношение с традиционными и новыми лексическими категориями слов [1, с. 31–32]. В исследованиях второй половины XX века анализируются вопросы, касающиеся границ между нарицательной лексикой и подобными наименованиями, в контексте проблемы разграничения нарицательных имен и онимов.

Материал и методы. Материалом для статьи послужили ономастические исследования конца XX – первой четверти XXI в., посвященные проблеме определения лингвистического статуса наименований товаров и выполненные учёными-ономастами Беларуси и России. Анализ материала осуществлялся с помощью описательного и аналитического методов.

Результаты и их обсуждение. В советской лингвистике наиболее авторитетные положения в этой дискуссии были сформулированы В.Д. Бондалетовым, А.А. Белецким, Л.А. Булаховским, А.М. Мезенко, В.А. Никоновым, И.И. Ковалик. В.Д. Бондалетов рассматривал проблему разграничения нарицательных и собственных имен как «вопрос о специфике онимов, о степени ее выраженности в разных видах собственных имен, об ономастическом центре и периферии, о переходе нарицательных имен в собственные и собственных в нарицательные» [2, с. 28]. Бесспорно то, что ономастическая система языка сложна и многогранна в силу того, что объединяет в своем составе не только взаимосвязанные друг с другом разнообразные группы имен собственных, но и лексические группы, к ним примы-

кающие. При этом, как писал А.А. Белецкий, «лексика любого естественного языка не распадается на два резко очерченных и взаимоисключающих класса несобственных (нарицательных) и собственных имен, а характеризуется двумя полярными функциями – функцией классификации, или обобщения, и функцией индивидуализации, или превращения в личное (индивидуальное) имя» [3, с. 10].

С 80-х гг. XX века активизируется изучение периферийных разрядов онимов, среди которых *эргонимы* (названия предприятий и организаций), *прагматонимы* (наименования товаров) и т.д. Для обозначения последних используется множество терминов: *рекламное имя*, *товарный знак* и др. Изучения прагматонимической лексики велось в различных направлениях. Российские ученые С.О. Горяев, Т.В. Евсюкова, Л.А. Константинова, Т.А. Соболева, А.В. Суперанская, И.В. Крюкова и др. в научных работах данного периода рассматривали структурно-семантические, словообразовательные, номинативные особенности словесных товарных знаков (прагматонимов). Многоаспектные исследования белорусского прагматонимического материала не столь многочисленны. В этом ряду следует выделить работы О.Б. Переход, Л.А. Годуйко, А.Н. Деревяго, И.А. Лисовой, О.А. Коробо, И.К. Жилиной, О.Ю. Лазаревой.

В первой четверти XXI в. исследования были продолжены российскими и белорусскими ономастами в контексте изучения функциональной специфики прагматонимов, лингвистических характеристик словесных товарных знаков, особенностей их функционирования в рекламных текстах и т.д. В ряде работ данный разряд онимов анализируется учеными в лингвокультурологическом аспекте. Одним из приоритетных вопросов для ученых по-прежнему остается определение лингвистического статуса наименований товаров. Так, в монографиях и научных статьях С.М. Толстой, В.Н. Топорова, О.И. Фояковой, Л.А. Феоктистовой, В.И. Супруна указывается на градуальность ономастических свойств, обращается внимание на подвижность границы «под-пространством имени и слова – не имени (или уже или пока не имени)» [4, с. 63], ее некоторую условность, наличие диффузионной связи между именем и не именем, которая не препятствует

появлению новых собственных имен и апеллятивов [4, с. 63–64]. При этом важно существование «градации, количественной меры свойства быть *poen proprium*: имя может быть более или менее “собственным”, а сама степень “собственности” определяется мерой простоты-сложности культурных и языковых мотиваций и экстенсивности-интенсивности данного конкретного имени» [4, с. 64]. Идея об отсутствии оппозиции “апеллятив и оним” и существовании «шкалы “апеллятивности” – “ономастичности” (“проприальности”), в соответствии с которой каждая конкретная лексическая (номинативная) единица может быть помещена в определенной точке этой шкалы, ближе к одному или другому ее полюсу» [5, с. 24] находит все больше подтверждений.

Вслед за учеными, в сфере научных интересов которых решение задачи по определению лексического статуса переходных, или промежуточных, групп слов, мы не считаем границы между собственными и несобственными (нарицательными) именами абсолютными, четкими и непререкаемыми. Нам думается, что промежуточное положение может определяться не только для отдельных слов, но и для групп и целых классов слов. В.Д. Бондалетов пишет, что актуальным для ученых-ономастов является изучение таких обономастических проблем, как проблема однородности ономастических единиц, сходства и различия между их разрядами, оснований их классификации, а также границ ономастического пространства, с точки зрения включения в состав ономастической лексики или исключения из нее этнонимов, номенов и др. [2, с. 8–9].

Так, авторы учебного пособия «Теория имени собственного» отмечают, что «*этнонимы, катойконимы, адъектонимы, товарные знаки и номены*» относятся к лексическим группам, которые занимают промежуточное положение между традиционно противопоставленными в ономастике группами имен собственных и апеллятивной лексики. По мнению ученых, «современная лингвистическая наука не выработала единого подхода к вопросу о характере границы между онимами и апеллятивами» [6, с. 65–66].

Для современного состояния ономастического пространства русского языка характерны качественные его изменения, что определяется тем, что «имена собственные стали получать не просто единичные объекты какого-либо класса действительности (люди, растения, города и т.д.), но и особые реалии, предназначенные для продажи в массовом порядке, то есть товары повседневного спроса и потребления» [7, с. 41]. С названиями товаров связан ряд нерешенных в настоящее время вопросов, первый из которых – это возможность и правомерность их включения в онимическое пространство, хотя бы как периферийную часть его структуры. К.А. Елистратова объясняет особое положение исследуемых единиц несколькими факторами: с одной стороны, их возникновение обусловлено рядом экстралингви-

стических факторов как результат взаимодействия производителей, продавцов и покупателей товаров массового спроса, с другой – подобные онимы подчиняются общим законам языка и ономастической природе номинации [7, с. 41].

По мнению А.В. Суперанской и других авторов коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований», вопрос о правомерности включения товарных знаков в ономастическое пространство является спорным [1, с. 29]. А.В. Суперанская пишет, что положение сортовых и фирменных названий товаров на стыке собственных и нарицательных имен объясняется их двояким восприятием и толкованием. Такого рода названия, с одной стороны, являются названиями образцов и, как представители типов, единственны в своем роде. Это находит отражение в написании их с прописной буквы и использовании кавычек, что указывает на особое употребление этих слов [8, с. 193]. По мере превращения в общее обозначение сорта или вида товара, такие названия утрачивают специфические черты, расширяют сферы и объем применения, что свидетельствует о процессе апеллятивации.

В «Словаре русской ономастической терминологии» приводится следующая дефиниция понятия *словесный товарный знак*: «Товарный знак – словесное обозначение марки товара, в равной степени относящееся к каждому экземпляру в данной серии и ко всей серии в целом» [9, с. 127]. Далее Н.В. Подольская поясняет: «Отношение к товарному знаку в ономастике различно: т.з. – не оним; т.з. – онимоподобное речевое образование; т.з. – ИС однотипного множества предметов, серии, группы предметов, входящих в определенный класс» [9, с. 127].

Таким образом, если в ранних работах А.В. Суперанская и другие ономасты считали неправомерным включение товарных знаков в ономастическое пространство, дальнейшие многоаспектные исследования, расширение объектной сферы, привлечение патентных документов, анализ юридических законодательных актов в области регистрации товарных знаков повлияли на изменение этой точки зрения. Так, участники II Московской ономастической конференции 1981 года продолжили дискутировать на данную тему. По мнению О. Винцлера, товарные знаки не что иное, как номенклатура. Отнесение названия товаров к именам собственным В. Манчаком аргументируется невозможностью их перевода [10, с. 17]. Необходимость регистрации ономастикой товарных знаков и ее влияния на их формирование подчеркнута в работах Л.Н. Щетинина [10, с. 17].

В.И. Супрун говорит о периферийном положении товарных знаков в структуре онимического поля и включает их в состав «апеллятивно-онимического комплекса», под которым автор понимает сочетание апеллятивного термина и собственного имени. При этом товарные знаки, как правило, оформляются кавычками, а написание онима встречается как со строч-

ной, так и с прописной буквы [11, с. 147]. Нужно отметить, что некоторые исследователи принимают этот аргумент (внешнее оформление товарных знаков в соответствии с правилами русской орфографии: написание с большой буквы и использование кавычек для их выделения) как основание для включения наименований товаров в состав онимной лексики: «как правило, орфография английских товарных знаков недвусмысленно указывает на их принадлежность к именам собственным: товарные знаки либо полностью написаны заглавными буквами, либо начинаются с заглавной буквы» [12, с. 89]. Такое предположение представляется нам не совсем объективным и не являющимся основополагающим для определения лингвистического статуса исследуемых единиц.

Н.Н. Фролова также обращает внимание на переходный характер маркировочных наименований (наименований товаров), которые исследователь считает номинациями особого рода на основании их искусственного характера, так как они «сознательно создаются и закрепляются за определенным видом товара и исчезают, если товар получает новое имя или изымается из оборота». При этом с именами собственными они сближаются, так как есть лица, которые данные наименования закрепляют за определенным классом товаров, а с нарицательными сближение происходит на основании их способности соотносить единичный экземпляр с классом товаров. Ученый отмечает неустойчивый характер наименований подобного типа, их склонность к апеллиативации при определенных экстралингвистических и контекстных условиях [13, с. 9].

В более поздних исследованиях А.В. Суперанская указывает на то, что товарный знак занимает особое место среди собственных имен, аргументируя данную точку зрения способностью товарных знаков индивидуализировать такое свойство вещей, как принадлежность к кому-либо. Именно поэтому важнейшее назначение товарных знаков – «отличать товар одного хозяина от товара другого хозяина» [14, с. 61–67]. Ученый отмечает, что данная совершенно особая категория собственных имен сложилась достаточно поздно и не во всех странах в силу экономической необходимости. Словесные товарные знаки находят себе аналоги в некоторых разрядах собственных имен и сближаются с ними по ряду характерных черт.

Развитие точки зрения А.В. Суперанской, ее представления об индивидуализации ономастической номинации происходит в работах П.Т. Поротникова: «Если под товарным знаком понимать ономастическое название вида (сорта, марки, типа, серии) товара, то его следует относить к имени собственному» [1, с. 29], так как «принцип индивидуализации здесь налицо, только он иного порядка – индивидуализация одинаковых или однотипных множеств» [1, с. 29]. Поскольку товарные знаки относятся к именам собственным, ученым по аналогии с другими онимами предлагается термин *товароним* [1, с. 29],

который на данный момент не нашел своего распространения в ономастике.

В работах Н.Н. Волковой, которая придерживается мнения о промежуточном положении товарных знаков между именами собственными и апеллиативами, прослеживается мысль о том, что «понятие “класса объектов” в применении к товарным знакам уже, чем в применении к апеллиативной лексике. Товарный знак закреплен за строго определенной серией (группой) объектов, входящих в класс, и эта серия четко отграничена от других объектов данного класса» [1, с. 29], а его конкретности и определенности способствует регистрация названия в качестве словесного товарного знака. В то же время, «ассоциируясь с определенным понятием («Геркулес» – крупа), СТЗ не выражает нового понятия по сравнению с тем, с которым он соотносится через родовое обозначение. Наименования моющих средств «Лотос», «Эра», «Планета» предназначены не для выражения понятий, а для дифференциации однородных объектов» [1, с. 29].

Критериями, которые позволяют включать товарные знаки в ономастическое пространство, Т.В. Евсюкова называет, во-первых, то, что присвоение товарного знака целой серии однородных товаров происходит не с целью классификации, что характерно для нарицательных имен, а с целью их индивидуализации и дифференциации, при этом «товарные знаки осуществляют индивидуализацию особого рода. В них ономастизируется право собственности и право пользования данным знаком» [15, с. 10]. Вторым критерием является то, что именуемый с помощью товарного знака объект одного производителя четко отграничивается от сходных изделий другого производителя. Третьим критерием выступает отсутствие связи с понятием, так как «вторичность и индивидуальность акта номинации также однозначно соотносят товарные знаки с именами собственными» [15, с. 11].

Заключение. Аналитический обзор исследований конца XX – первой четверти XXI в., посвященных проблеме определения лингвистического статуса наименований товаров (прагматонимов, словесных товарных знаков) и выполненных лингвистами России и Беларуси, позволяет нам сформулировать следующие выводы:

1) товарные знаки можно определить как искусственные слова вторичной номинации, имеющие двойственную природу: с одной стороны это лексические единицы, соотносимые с онимами по ряду характеристик, с другой – специфические особенности исследуемых единиц во многом определены экстралингвистическими факторами их появления и функционирования;

2) положение словесных товарных знаков в языке неоднозначно, так как при расширении сферы употребления и длительном сроке функционирования и использования они имеют тенденцию к переходу в общую лексику и получению лингвистического статуса нарицательных имен, однако юридическая

регистрация и закрепление в правовом поле названий за определенными товарами удерживают СТЗ на позициях имен собственных;

3) на основании работ А.В. Суперанской, Т.В. Евсюковой, О.Б. Переход и др., считаем корректным исследование товарных знаков (прагматонимов) как особых собственных имен.

Литература

1. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.]. – Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
2. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 312 с.
3. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика) / А.А. Белецкий. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 207 с.
4. Топоров, В.Н. Две заметки из области ономатологии / В.Н. Топоров // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: тез. междунар. науч. конф. – М., 2001. – Ч. 1. – С 61–69.
5. Толстая, С.М. К понятиям апеллятивизации и онимизации / С.М. Толстая // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2005. – С. 24–27.
6. Мезенко, А.М. Теория имени собственного: учеб. пособие / А.М. Мезенко, В.М. Генкин, А.Н. Дервяго; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 202 с.
7. Елистратова, К.А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосомиотический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елистратова Ксения Александровна; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Череповец, 2015. – 169 с.
8. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 366 с.
9. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
10. МОК II Вторая московская ономастическая конференция (1981). Итоги дискуссии депонированы в ИНИОН РАН СССР, см.: З.Г. Исаева, Х.Ф. Исхакова, Н.В. Подольская. Теория и методика ономастических исследований. Дискуссия.
11. Супрун, В.И. Апеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке / В.И. Супрун // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф., 8–12 сент. 2012 г. / под ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 146–147.
12. Леонович, О.А. Очерки английской ономастики: учеб. пособие / О.А. Леонович. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1990. – 130 с.
13. Фролова, Н.Н. Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов): лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты: на материале русского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Фролова Наталья Николаевна; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2011. – 23 с.
14. Соболева, Т.А. Товарные знаки / Т.А. Соболева, А.В. Суперанская; отв. ред. В.П. Нерознак. – Москва: ЛЕНАНД, 2023. – 192 с.
15. Евсюкова, Т.В. Лингвистический анализ товарных знаков: на материале номенклатуры английского и американского машиностроения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Евсюкова Татьяна Всеволодовна – Москва, 1982. – 29 с.

Поступила в редакцию 23.04.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРШАНСКАЯ Екатерина Евгеньевна – студентка 2 курса факультета гуманитарного знания и коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна – профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета, доктор философских наук, доцент.

БУБЕНЬКО Татьяна Станиславовна – ведущий научный сотрудник НИС учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

ВАРДОМАЦКИЙ Леонид Михайлович – заместитель декана по учебной работе факультета гуманитарного знания и коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

ГАЛУБОВІЧ Віталій Уладзіміравіч – дацэнт кафедры гуманітарных навук установы адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт”, кандыдат гістарычных навук.

ГЛАДКОВА Анна Александровна – доцент кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

ГОЛУБЕВ Вячеслав Андреевич – преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», магистр исторических наук.

ГРЕБЕНЬ Евгений Александрович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин УО «Белорусский государственный аграрный технический университет», кандидат исторических наук, доцент.

ГРЕЧИХО Татьяна Антоновна – заведующий кафедрой русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

ДАВЛЯТОВА Елена Валентиновна – старший научный сотрудник отдела исследований глобализации регионализации и социокультурного сотрудничества государственного научного учреждения «Институт философии Национальной академии наук Беларуси», кандидат исторических наук, доцент.

ДАЛИМАЕВА Евгения Олеговна – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ДЕМИДОВ Александр Борисович – доцент кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

ДЕНИСЕНКО Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ЖУРАВСКАЯ Ольга Сергеевна – доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук.

КВАШУК Виктория Николаевна – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

КЛИМКОВИЧ Ольга Александровна – доцент кафедры русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

КОЛОМИЙЦЕВА Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна – профессор кафедры белорусской и русской филологии учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», доктор филологических наук, доцент.

КРЮКОВСКИЙ Владимир Дмитриевич – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», кандидат исторических наук, доцент.

ЛИСОВ Александр Геннадьевич – кандидат искусствоведения, доцент.

ПАЛУБЕЦ Мария Александровна – магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ПОДБЕРЁЗКИН Филипп Дмитриевич – старший научный сотрудник Центра исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа НАН Беларуси, кандидат исторических наук.

РАДЧЕНКО Татьяна Александровна – преподаватель-стажер кафедры русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный медицинский университет», магистр литературоведения.

РОЖКОВА Светлана Николаевна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

РОСТОВСКАЯ Ольга Михайловна – заведующий кафедрой философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

РУДКО Елена Антоновна – доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат философских наук, доцент.

РУДКОВСКАЯ Елена Эдвардовна – кандидат педагогических наук, доцент.

РУДКОВСКИЙ Эдвард Иосифович – доцент кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат философских наук, доцент.

РЫБАКОВ Вячеслав Евгеньевич – специалист по обеспечению учебного процесса кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», студент 2 курса факультета гуманитарного знания и коммуникаций.

СУББОТИН Александр Александрович – заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат исторических наук.

ТАБАЧКОВ Александр Сергеевич – кандидат философских наук, доцент.

ТОГУЛЕВА Елена Дмитриевна – декан факультета переподготовки кадров, доцент кафедры истории и культурного наследия учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент.

ТРЕТЬЯК Зоя Ивановна – профессор кафедры мировой литературы и иностранных языков учреждения образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», доктор филологических наук, доцент.

УТКЕВИЧ Владимир Анатольевич – доцент кафедры библеистики Витебской духовной семинарии, кандидат философских наук, доцент.

УТКЕВИЧ Ольга Ивановна – доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» учреждения образования «Витебский государственный технологический университет», кандидат филологических наук, доцент.

ЧЕВЕНКОВ Максим Александрович – студент 4 курса факультета гуманитарного знания и коммуникаций учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ШАРШНЁВА Вольга Мікалаеўна – дактарант кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі ўстанова адукацыі “Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка”, кандыдат філалагічных навук, дацэнт.

ШРАМУК Елизавета Петровна – старший преподаватель кафедры философии и социальных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ШУБИН Александр Владленович – главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук.

ЯКОВЛЕВ Сергей Михайлович – доцент кафедры русского языка как иностранного учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат филологических наук, доцент.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ARSHANSKAYA Ekaterina Evgenyevna – second year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Humanitarian Knowledge and Communications.

BANKOVSKAYA Yulia Leonidovna – Professor of Belarusian State University Department of Culture Studies, Dr.Sc. (Philosophy), Assistant Professor.

BUBENKO Tatyana Stanislavovna – leading researcher at the Research Institute of Vitebsk State University named after P.M. Masherova, candidate of historical sciences, associate professor.

VARDOMATSKY Leonid Mikhailovich – Deputy Dean of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Humanitarian Knowledge and Communications, PhD (Philology), Assistant Professor.

HALUBOVICH Vitali Uladzimiravich – Assistant Professor of Grodno State Agrarian University Department of Humanitarian Sciences, PhD (History).

GLADKOVA Anna Aleksandrovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belorussian and Russian Philology, PhD (Philology), Assistant Professor.

GOLUBEV Viacheslav Andreyevich – teacher of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences, Master of History.

GREBEN Evgeni Aleksandrovich – Head Department of Social and Humanitarian Disciplines of Belarusian State Agrarian Technical University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

GRECHIKHO Tatyana Antonovna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Russian as a Foreign Language, PhD (Philology), Assistant Professor.

DAVLIATOVA Eelena Valentinovna – Senior Researcher of Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus Department of Globalization, Regionalization and Social and Cultural Cooperation Research, PhD (History), Assistant Professor.

DALIMAYEVA Yevgeniya Olegovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences.

DEMIDOV Aleksandr Borisovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

DENISENKO Tatyana Sergeyeвна – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Russian as a Foreign Language.

ZHURAVSKAYA Olga Sergeyeвна – Assistant Professor of Belarusian State University Department of International Relations, PhD (History).

KVASHUK Viktoriya Nikolayevna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences.

KLIMKOVICH Olga Aleksandrovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Russian as a Foreign Language, PhD (Philology), Assistant Professor.

KOLOMIYTSEVA Yulia Aleksandrovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences.

KRIKLIVETS Elena Vladimirovna – Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Belarusian and Russian Philology, Dr.Sc. (Philology), Assistant Professor.

KRUKOVSKI Vladimir Dmitriyevich – Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Belarusian State Agrarian Technical University, PhD (History), Assistant Professor.

LISOV Aleksandr Gennadyevich – PhD (Art History), Assistant Professor.

PALUBETS Maria Aleksandrovna – master student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Humanitarian Knowledge and Communications.

PODBEREZKIN Filipp Dmitriyevich – Senior Researcher of the Center for Research of Old Printed Papers and Manuscripts of the Central Yakub Kolas Scientific Library of the NAS of Belarus, PhD (History).

RADCHENKO Tatyana Aleksandrovna – teacher-intern of Vitebsk State Medical University Department of Russian as a Foreign Language, Master of Literature Studies.

ROZHKOVA Svetlana Nikolayevna – Senior Lecturer of Francisk Skoryna State University of Gomel Department of General History.

ROSTOVSKAYA Olga Mikhailovna – Head of Department of Philosophy and Social Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

RUDKO Elena Antonovna – Assistant Professor of Vitebsk State Technological University Department of Social and Humanitarian Disciplines, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

RUDKOVSKAYA Elena Edvardovna – PhD (Education), Assistant Professor.

RUDKOVSKI Edvard Iosifovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

RYBAKOV Viacheslav Yevgenyevich – academic process provision specialist of Department of Philosophy and Social Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University, second year student of Faculty of Humanitarian Knowledge and Communications.

SUBBOTIN Aleksandr Aleksandrovich – Head of Department of Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk State Technological University, PhD (History).

TABACHKOV Aleksandr Sergeyevich – PhD (Philosophy), Assistant Professor.

TOGULEVA Elena Dmitriyevna – Dean of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Staff Upgrading, Assistant Professor of Department of History and Cultural Heritage, PhD (History), Assistant Professor.

TRETYAK Zoya Ivanovna – Professor of the Department of World Literature and Foreign Languages of Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Dr.Sc. (Philology), Assistant Professor.

UTKEVICH Vladimir Anatolyevich – Assistant Professor of Vitebsk Theological Seminary Department of Biblical Studies, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

UTKEVICH Olga Ivanovna – Assistant Professor of Vitebsk State Technological University Department of Social and Humanitarian Disciplines, PhD (Philology), Assistant Professor.

CHEVENKOV Maksim Aleksandrovich – fourth year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Humanitarian Knowledge and Communications.

SHARSHNIOVA Volha Mikalayevna – Doctoral Student of Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University Department of Language Studies and Linguistic Didactics, PhD (Philology), Associate Professor.

SHRAMUK Elizaveta Petrovna – Senior Lecturer of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Philosophy and Social Sciences.

SHUBIN Aleksandr Vladlenovich – Senior Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of General History, Dr.Sc. (History).

YAKOVLEV Sergei Mikhailovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Russian as a Foreign Language, PhD (Philology), Assistant Professor.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *telephone number; e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ имени П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 41

Компьютерный дизайн Л.В. Рудницкая
Корректор Т.В. Образова

Подписано в печать 27.06.2025. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 19,15. Тираж 50 экз. Заказ 84.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.